

Шерри Зонтаг, Кристофер Дрю История подводного шпионажа против СССР

Пролог

Людам, знавшим капитана второго ранга Чарльза Маквина, было трудно его забыть. На беглый взгляд – ничего особенного: высокий, полноватый, с кипой редящих волос, уже поседевших, хотя моряку не было еще и сорока. А вот его хладнокровие, чувство юмора и человеческие качества были поистине легендарными. Вот он стоит под крышкой только что закрывшегося люка, мокрый с головы до ног, и невозмутимо попыхивает своей трубкой, с которой еще капает вода.

Этот человек командовал атомной подводной лодкой «Сивулф» во время одной из самых опасных операций «холодной войны». Лодка «Сивулф» проникла в советские воды и осуществила перехват телефонных разговоров, то есть сделала то, на что не осмеливались другие.

Как-то Маквин возвратился домой с одним желанием – вдоволь отоспаться. Но в два часа ночи его сон грубо прервал телефонный звонок. Звонили из штаба ВМС в Вашингтоне. Взволнованным голосом офицер штаба сообщил: «Один из ваших матросов пытается сейчас из бара „Лошадь и корова“ дозвониться до президента США, чтобы рассказать ему, какую вы сделали работу и какой вы необыкновенный командир. Не могли бы вы убрать этого матроса из телефонной будки?» Маквин, как все члены его экипажа, разумеется, знал, где находится «Лошадь и корова» – излюбленное место отдыха подводников в калифорнийском Вальехо. Уединенный и уютный бар, украшенный картинами почти всех субмарин, когда-либо совершавших походы в Тихом океане в сторону советских берегов. Подводники собирались в баре перед походами, чтобы по-своему подготовиться к предстоящим испытаниям в море. И там же отмечали благополучное возвращение домой. Маквин разбудил своего старшего помощника, и они вместе поехали к бару. Без труда обнаружили дебошира в телефонной будке на автостоянке. Он все еще пытался дозвониться до Белого дома. Маквин вытащил матроса из телефонной будки и купил ему пива. Таков был командир Маквин. Он знал, что матрос заслужил поощрение – как, впрочем, и остальные члены экипажа.

Это произошло в середине семидесятых, но могло произойти и в любое другое время в период «холодной войны». Маквин и его экипаж были частью разведывательной операции, не имевшей аналогов в американской истории. В течение более сорока лет в обстановке глубочайшей секретности США посылали десятки тысяч человек в тесных стальных цилиндрах на шпионские задания к берегам Советского Союза. Их работа состояла в том, чтобы скрытно собирать информацию о намерениях вероятного противника и его способности к ведению войны на море. Сконструированные для того, чтобы бесшумно и незаметно под водой проводить наблюдение, подводные лодки по своей природе были самым подходящим средством для выполнения шпионской

работы. За короткий срок они превратились в одно из важнейших средств американской разведывательной деятельности.

Никакая другая морская операция не охватывала так много поколений отдельно взятого вида вооруженных сил, и ни в каких других операциях так последовательно не подвергалась постоянному риску жизнь такого большого количества американцев: до 140 человек на каждой подводной лодке, по несколько лодок одновременно. Почти каждый, кто служил на многоцелевых подводных лодках, направлялся для наблюдения за советскими гаванями, доками и испытаниями ракет, а также для преследования советских подводных лодок. Несколько подводных лодок, таких как «Сивулф», были переоборудованы специально для перехвата советской кабельной подводной связи или для поиска и вылавливания фрагментов ракет, падающих на дно моря в ходе испытательных пусков.

Все участники этой операции привлекались на добровольной основе. Эти подводные лодки-шпионы стояли одиночными часовыми на линии фронта войны, пусть и «холодной», но ожесточенно проводимой обеими сторонами. Только в этой войне наиболее важными видами оружия были не торпеды, а фотокамеры, усовершенствованные гидролокаторы и целый спектр оборудования для подслушивания. Управляя самыми технологически устрашающими из всех когда-либо созданных вооружений, эти люди имели подкупающе простые намерения: «Знать своего врага». То есть изучить его настолько, чтобы предупредить о внезапном нападении и любой ценой предотвратить повторение Перл-Харбора в ядерный век.

Бесшумно, скрытно, под прикрытием завесы секретности эти подводные лодки совершили 2000 разведывательных операций по отслеживанию советских субмарин. Наиболее критическим здесь было слежение за так называемыми «Бумерами» – советскими подводными лодками длиной более футбольного поля, имевшими на вооружении до двадцати баллистических ракет с ядерными боеголовками. Причем каждая из этих ракет могла нести до десяти ядерных боеголовок. Таким образом, каждая подлодка могла создать огненную бурю более мощную, чем все бомбы, сброшенные за годы Второй мировой войны. То, что эти плавучие арсеналы были маневренными и укрытыми в глубине моря, делало их значительно менее уязвимыми и значительно более опасными, чем бомбы, доставляемые самолетами или запускаемые со стационарных ракетных установок на суше. Единственным надежным средством противодействия советским подводным ракетносцам были американские подводные лодки. Поэтому не приходится удивляться тому, что изучение этих новых советских подлодок и слежение за ними стало самой приоритетной задачей ВМС США. Этим оправдывался любой риск, и именно поэтому подводников постоянно посылали в море. «Игры в жмурки» продолжались в течение нескольких десятилетий.

Во имя поисков информации о советских достижениях и советских подводных лодках американские подводники покидали свои светлые уютные дома и порой длительное время пребывали на своих кораблях без иллюминаторов, в битком набитых помещениях, бороздя экзотические

просторы океанов, омывающих две трети поверхности Земного шара. Они пересекали Средиземное море, доходили до опасных льдов Арктики, а нередко проникали и в территориальные воды Советского Союза. Подводники почти не видели ни океанов, ни морей, которые пересекали, за исключением отдельных случаев, когда удавалось мельком взглянуть через объектив перископа или создать в своем воображении картину, наблюдая за электронными проблесками на экранах гидролокаторов, либо слушая множество статических помех в наушниках гидроакустиков.

В холоде и темноте подводников подстерегали более серьезные опасности, чем те, с которыми обычно встречаются мореплаватели, поскольку давление океанской воды могло без труда раздавить стальной корпус, если лодка погрузится слишком глубоко. За эти годы подобные катастрофы происходили и с американскими, и с советскими подлодками. Не меньшую угрозу для американских подводников представляли и советские ВМС, полные решимости преграждать путь этим шпионам, и, по возможности, наносили ответные удары, порой применяя глубинные бомбы, а иногда сами вербуя шпионов из среды американских военных и разведчиков. Риск всех этих действий становился все более очевидным, когда при обнаружении американских подлодок в советских территориальных водах начинались безумные погони, приводившие к столкновениям в результате просчетов.

Для советских подводников американские подводники были более чем врагами. Они были вездесущими паразитами. Для американцев же они были просто безмянными служащими подводного флота. Эта книга – их история, о которой не говорили и не объявляли до настоящего времени. Это одна из последних и самых интригующих историй холодной войны.

В глубь веков уходит стремление подводников к охоте с целью не допустить, чтобы противник выпустил из глубины океана волну смерти. Еще в начале XVI века Леонардо да Винчи сделал набросок чертежей прототипа подводной лодки. Но в своем блокноте записал, что никогда не откроет секрета, как она будет двигаться под водой: боялся «дьявольской природы людей, которые будут использовать ее как средство разрушения на дне моря». Тем не менее именно потенциальная возможность внезапного разрушения и вдохновляла последующих изобретателей. Во времена Гражданской войны в Америке они пытались построить шарообразную подводную лодку, а затем изменили ее форму на сигарообразную, с единственной целью – прикреплять мины к днищам кораблей противника.

Эти подводные лодки приводились в движение вручную с помощью различных приспособлений. Но вот парадокс: большинство убитых этим новым оружием были членами их собственных малочисленных экипажей. И все же даже сами попытки использования подводных лодок вызывали ужас. Лишь спустя несколько лет после Гражданской войны в Америке Жюль Верн в своем романе «Двадцать тысяч лье под водой» описал подводную лодку как морское чудовище, таранящее корабли. Этот плод его воображения, перемещавшийся с помощью электричества, оказался пророческим. Первая действующая подводная лодка в американских ВМС «Холланд» двигалась в подводном

положении с помощью электрических батарей, а в надводном – с применением дизельного двигателя. Ее длина была всего 15,2 метра, экипаж состоял из шести человек.

Технология подводных лодок совершенствовалась столь стремительно, что менее чем через тридцать лет, в Первую мировую войну, немецкие дизельные субмарины уже терроризировали корабли союзников. Именно одна из таких подлодок, потопив британский пассажирский лайнер «Лузитания», вышедший из Нью-Йорка в 1915 году, вынудила США отказаться от нейтралитета. К моменту вступления США в Первую мировую войну немецкими подводниками было потоплено уже несколько сотен кораблей.

Во Вторую мировую войну подводные лодки стали настолько мощными, что были способны преследовать вооруженные конвои надводных кораблей. Немцы посылали свои субмарины «волчьими стаями», чтобы наносить удары концентрированно. Эта тактика оказалась весьма эффективной, США воспользовались ею после нападения на Перл-Харбор для восстановления своего господства на Тихом океане. Такое воздействие на японские транспортные и грузовые суда и танкеры было опустошительным, однако и цена этого успеха была очень велика: США потеряли 52 подлодки и 3500 человек личного состава.

Наиболее яркими эпизодами тех времен остаются торпедные атаки подводных лодок, а также страдания подводников, стиснутых в стальных цилиндрах, в то время когда импульсы японских гидролокаторов пронизывали корпуса их лодок, а вокруг взрывались глубинные бомбы. В эти же дни происходили и первые попытки установления более близких отношений между подводниками и разведчиками. Несколько раз подводные лодки поднимали обычные антенны для перехвата японских радиопереговоров, а около дюжины лодок направлялись для проведения рекогносцировки побережья перед высадкой десантов. Эти эксперименты вызвали интерес у разведчиков и показали, что с началом «холодной войны» подводные лодки могли выполнять новые задачи. Сначала попытались использовать дизельные лодки. Затем были созданы подводные лодки с почти беспредельной мощностью и неограниченной скрытностью, движимые атомными реакторами. Они могли находиться в подводном положении непрерывно целыми месяцами. Такие подлодки дали существенное преимущество американцам в «холодной войне» под водой.

Информация о действиях этих подлодок циркулировала только среди высшего командования ВМС США, и лишь иногда о содержании проводимых операций докладывалось президенту США, его старшим военным советникам и нескольким конгрессменам. В конечном счете руководство выполнением любой задачи находилось в руках молодых командиров подводных лодок, обычно в возрасте около 35 лет, причем они имели приказ соблюдать полное радиомолчание при проведении разведывательных операций. Им рекомендовалось рисковать, и некоторые из них проникали даже в советские гавани, а также в районы учений советских ВМС с целью получения и доставки домой ценнейшей информации. При этом оставались в силе основные указания:

избегать своего обнаружения и держать советские ВМС в абсолютном неведении, насколько пристально ведется за ними наблюдение.

Иногда среди высокопоставленных американцев возникало беспокойство, не являлись ли эти операции слишком провокационными и опасными? Не сможет ли провал одной такой акции или ужасный несчастный случай привести две великие державы на грань войны? Пока эти операции оставались секретом, командованию ВМС США редко приходилось сталкиваться с подобными вопросами.

Но время шло, и, как обычно бывает, тайное постепенно становилось явным. В результате многочисленных интервью, которые мы брали в течение нескольких лет, нам удалось воспроизвести так долго скрывавшиеся события. И то лишь благодаря огромным усилиям и настойчивости. Мы контактировали с сотнями подводников. Некоторые сообщали о наших просьбах военно-морским контрразведчикам, а некоторые просто отказывались говорить с нами. Однако многие согласились встретиться и дать интервью. Иногда представители контрразведывательной службы ВМС США наносили визит или звонили этим людям и монотонно напоминали о данной ими клятве молчания и о правовых обязательствах. Тем не менее детали накапливались – по мере того как офицеры-подводники, рядовые матросы, политические деятели и представители разведки принимали решения, что настало время рассказать свои истории. Возможность высказаться предоставляла подводникам особое облегчение. Большинство из них не рассказывало ни своим родителям, ни детям, ни женам или близким и друзьям никаких подробностей о своих многомесячных скитаниях. После месяцев напряженной работы по возвращении домой они, что называется, не могли облегчить душу. Им давно хотелось поговорить с понимающим их человеком, чтобы обрести – пусть и с опозданием – душевное спокойствие.

Итак, мы пишем о них и для них. Люди, их имена и фамилии, а также события в данной книге – реальные. А истории, приведенные в каждой главе, изложены по возможности точно и добросовестно на основе многочисленных пространственных интервью и тех документов, которые теперь уже разрешены к публикации. Истории излагаются в тексте в том виде, в котором нам рассказывали их участники и свидетели. Не все люди, о которых написано в этой книге, имели беседы с нами. Тем не менее они включены в текст, поскольку находились в центре самых критических операций «холодной войны». В большинстве случаев мы вынуждены были давать обещания нашим источникам о том, что они будут защищены, что мы не раскроем не только их, но и даже сам факт наших встреч с ними.

О большинстве историй, изложенных в книге «Игра в жмурки», никогда не говорилось столь открыто и ни об одной столь подробно. Поэтому вместо того, чтобы многократно указывать на то, что мы предлагаем новую информацию, мы решили отмечать либо в тексте, либо в сносках только те подробности, которые были уже известны ранее. Все остальное в книге неизвестно даже профессиональным подводникам. Поскольку в свое время командование информировало их только о том, что было необходимо для выполнения их

прямых обязанностей, конкретных заданий. Эта книга не только о подводных лодках, шпионаже и геополитике. Она и о людях. Таких, например, как страстно увлеченный поэзией ученый-океанолог, которого попросили представить воображаемые способы извлечения со дна океана ракет с ядерной боеголовкой. Или офицер военно-морской разведки, который предложил идею перехвата информации из советских кабелей подводной связи. Лихой командир подводной лодки, что не смог удержаться от соблазна проскользнуть в нескольких десятках сантиметров от советских подводных лодок. Это члены экипажей подводных лодок, страдавшие от удушья, когда советские корабли обрушивали на них глубинные бомбы. Мы также приводим новые сведения, которые помогут разрешить загадку, что же случилось с подводной лодкой «Скорпион», которая затонула вместе со всем экипажем более тридцати лет назад.

В большинстве книг об американских подводниках основное внимание сосредоточивается на одном человеке, возможно, самом влиятельном. Речь идет об офицере ВМС, отце атомной подводной лодки, адмирале Х.Г. Рикovere. Но даже Рикover вынужден был лишь наблюдать со стороны, как другие управляли его детищем и выполняли на них боевые задачи.

Итак, это история не одного человека, а множества людей, которые служили в подводном флоте на протяжении десятилетий. Мы проследили их многолетнюю деятельность по трем этапам: от первых неуклюжих попыток, через этап величайших операций по преследованию и уничтожению кораблей на море и до того этапа, когда достижения технологии и воображение позволили американцам довольно глубоко проникнуть в советские замыслы. Эта эпопея еще не завершилась – американские подлодки по-прежнему направляются для наблюдения за Россией, а также за другими «горячими точками» на Земном шаре. Изложенные в книге истории – не мимолетный взгляд на гигантские усилия правительства США в области разведки. Эти истории являются предостережением. Бог знает, к чему в конце концов могут привести попытки руководителей великих держав выведать секреты друг у друга.

Глава 1

УБИЙСТВЕННОЕ НАЧАЛО

«С ума сойти!» – пробормотал Харрис Остин, наблюдая, как в гавань британской военно-морской базы Лондондерри (Северная Ирландия) входила безобразного вида посудина. Неужели это и есть «Кочино» – подлодка, где ему предстояло работать?

Едва ли кто-то из людей, толпящихся на пирсе, догадывался, что двадцативосьмилетний радист Харрис Остин находился здесь по прямому указанию начальника главного штаба ВМС США. Его подробно инструктировали адмиралы, командующие военно-морскими силами США в Европе, его биографические данные многократно уточнялись и

перепроверялись. И сегодня ему, молодому агенту военно-морской разведки, предстояло войти в экипаж «Кочино» в качестве «спука» – специалиста по перехвату и прослушиванию советских военных сообщений и сигналов радиоэлектронной связи. В его миссию входило попытаться выхватить у Советского Союза один из его строжайших секретов.

Остин спрыгнул на пирс, где несколько человек подтягивали швартовые канаты, и принялся помогать. Тут кто-то сказал, что на подходе – американская субмарина «Кочино» с бортовым номером SS-345. Именно ее Остин и дожидался последние три дня.

«Ну и повезло мне», – подумал он, забрасывая на плечо сумку с секретными материалами и спускаясь с громоханием через люк вниз, чтобы представиться и предъявить документы командиру лодки, капитану второго ранга Рафаэлу Бенитесу.

Остин перевелся с тяжелых крейсеров на подводные лодки в поисках острых ощущений. По той же причине он добровольно согласился на переподготовку из радистов в «спуки»-шпионы. То, что он станет военным моряком, было predetermined с момента его рождения. Он происходил из древнего рода шотландских воинов, если верить родословной Остинов, прослеживаемой до XIV века. Его отец был поваром в американской эскадрилье, базировавшейся в Англии, затем перешел служить на китобойные и океанские грузовые суда. Мать, уроженка Уэльса, работала на британской фирме по производству боеприпасов. Сам Остин стал моряком уже в девятнадцать лет и вскоре получил кличку «рыжий» из-за своих золотисто-каштановых волос.

Тридцатидвухлетний командир Бенитес относился к тем, кому завидная карьера была уготована по праву рождения. Его отец был судьей в Пуэрто-Рико, и сам командир Бенитес недавно закончил учебу на юридическом факультете университета по направлению ВМС. В годы Второй мировой войны он был подводником и пережил несколько атак глубинными бомбами, зарекомендовав себя смелым офицером, не теряющим хладнокровия в боевой обстановке. Теперь, в конце июля 1949 года, он три недели как вернулся в подводный флот, получив в командование подводную лодку.

По правде говоря, первым побуждением Бенитеса было отказаться от этого назначения. Само название лодки вводило его в смущение. Субмарина была названа «Кочино» в честь красивой тропической рыбы, обитающей в Атлантике. Но на испанском, родном языке его семьи и друзей в Пуэрто-Рико, название вверенной ему лодки означало всего лишь «свинья».

Обо всем этом Бенитес написал в письме матери, но еще не получил ответа, а пока он стоял в тесной кают-компании, расправляя плечи и изо всех сил придавая себе внушительный вид. Он слушал рапорт неуклюжего рыжего моряка, который рассказывал о порученном ему шпионском задании. Бенитеса неприятно удивило то, что его подлодку намереваются превратить в экспериментальный шпионский корабль.

Дело в том, что уже поставленные задачи были и так достаточно сложными. Лодке предстояло провести учебный поход с целью внесения

изменений в саму природу ведения боевых действий подводными средствами. Субмарины времен Второй мировой войны могли погружаться под воду лишь на время, достаточное для нападения на надводные корабли противника и избежания контратаки, а затем были вынуждены всплывать. После Второй мировой войны «Кочино» и несколько других подлодок были основательно переоборудованы. На них было смонтировано новое, зачастую не испытанное оборудование, включая шнорхель – трубу, позволяющую, не всплывая, пополнять запасы свежего воздуха, обеспечивать работу дизелей и выброс отработанных газов. Шнорхель давал возможность лодкам длительное время находиться в подводном положении. Это снижало вероятность их обнаружения в ходе преследования других подводных лодок и надводных кораблей.

Бенитес предполагал вывести свою лодку в море, испытать новое оборудование и обучить личный состав действиям в условиях более длительного пребывания под водой. Однако привезенные Остиным инструкции усложняли эту программу: обычные маневры и ходовые испытания превращались в операцию, относящуюся к незнакомой сфере подводной разведки. Более того, все это должно происходить в холодном Баренцевом море, за Полярным кругом, в районе мурманской базы Северного флота Советского Союза. К тому же кабели и антенны для несовершенного подслушивающего устройства Остина должны были проходить сквозь прочный корпус лодки. Это предполагало сверление дыр в стальном корпусе, который сдерживает давление забортной океанской воды. Бенитес взглянул на схему мест сверления отверстий и помрачнел. Он понимал, что прочный корпус является последним прибежищем для подводников.

– Сверлить отверстия в прочном корпусе? – произнес Бенитес так громко, что это услышали прибежавшие помощник командира и старший механик. Сверлить отверстия без прямых указаний управления кораблестроения, которое обязано осуществлять контроль за строительством и модернизацией всех подводных лодок, было делом немислимым. – У вас есть какие-нибудь документы от управления кораблестроения? – спросил командир.

– Нет, сэр, это все, что мне вручили, – ответил Остин. И затем уже примирительным тоном добавил: – Отверстия-то будут маленькие...

Остин долго ждал ответа. Но ответа не последовало. Вместо этого Бенитес покинул каюту. Он решил позвонить в Лондон и сделать донесение своему командованию. Во всяком случае, он не собирался оставаться в каюте и что-либо доказывать Остину.

Опытный подводник хорошо знал, что у членов его экипажа не было права на ошибку в условиях этих непрочных и тесных дизельных подводных лодок, где пары топлива насыщали воздух, а электрогенераторы имели тревожную тенденцию к искрению. Всегда оставалось бесчисленное количество возможностей для катастрофы. Иногда даже простое выживание требовало героических усилий. Так обстояли дела в годы Второй мировой войны. Но в то время и Бенитес, и все остальные, по крайней мере, знали противника и ходили в знакомых водах Тихого океана. Теперь же ему, скорее всего, предстояло встретиться с грозной опасностью практически на краю неизведанного. И

вдобавок ко всему ему предлагают попытаться захватить советские секреты непосредственно из моря, рискуя своей подлодкой и жизнью семидесяти восьми членов экипажа. Какая гарантия, что его подлодка выйдет невредимой из такой передраги?

...Бенитес вскоре вернулся, уже не совсем расстроенный, но все же несколько озадаченный. Сила приказа оказалась выше его гнева. Теперь его основным приоритетом стала шпионская операция Остина.

Именно с этого сомнительного старта подводники и шпионы начали постепенно устанавливать отношения, которые впоследствии определяли характер «холодной войны» под водами океанов и морей. И в конечном счете эти засекреченные корабли стали решающим и определяющим символом эпохи.

Было ясно, что Соединенные Штаты имеют нового опасного противника и что мир уже не тот, который был, когда подлодка Бенитеса в последний раз всплывала на поверхность после окончания Второй мировой войны. В то время американский народ, воодушевленный победой, зачарованно смотрел на матроса, страстно целующего девушку на Таймс-сквере. Теперь же, когда Бенитес готовился вернуться в морские глубины, люди по всей Америке были в ужасе от тех средств и способов, которыми была достигнута эта победа. В напряженной тишине они смотрели кинохронику атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, плакали, увидев сожженные тела женщин и детей.

Люди, которые когда-то приветствовали атомную бомбу, теперь с ужасом осознавали, что она в любой момент может быть сброшена на их собственные дома. Появились сообщения, что Советский Союз из союзника превратился в противника и энергично создает свою атомную бомбу. Газеты писали, что Советы намереваются захватить мировое господство. Китайские коммунисты только что изгнали Чан Кай Ши из Китая. Коммунисты совершили переворот в Чехословакии. СССР установил блокаду Берлина. А Черчилль объявил, что «железный занавес» отделил Восточную Европу от «свободного мира». Казалось, что в любой момент коммунисты возьмут власть и в США. Как еще американцы могли понимать лавину газетных заголовков о деятельности комитета по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса США, сенсационные сообщения вроде того, что бывший сотрудник Государственного департамента А. Хисс оказался советским шпионом?

Эта атмосфера всеобщей паники и подозрительности привела к созданию Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Оно немедленно бросило своих агентов на борьбу с советскими шпионами. Это была эпоха, вдохновившая Запад снова объединить усилия – на этот раз в виде Североатлантического союза (НАТО). Подводникам поручили начать «игру в жмурки» и погружаться в глубину с целью помочь стране парировать возникшую угрозу.

Советский Союз всегда использовал свои подводные лодки (большинство из которых были небольшими и устаревшими) для обороны своего побережья. Но при разделе нацистских военных трофеев США, Великобритания и

Советский Союз получили по несколько экспериментальных немецких субмарин высокого технологического уровня со шнорхелями и новыми сложными гидролокаторами. Эти достижения предвещали, что подводные лодки отныне станут более смертоносными, чем прежде, и породили страхи, что Советский Союз откажется от своей прибрежной стратегии и создаст свои океанские подводные силы. Бенитес и другие командиры подводных лодок, конечно же, хотели иметь время для того, чтобы изучить новую технологию, подготовить своих людей к новой роли – охотников за советскими подводными лодками, которые могли в любое время быть направлены к берегам США.

Созданное по немецкому образцу и установленное на борту «Кочино» устройство для работы дизеля под водой (шнорхель, или в советской терминологии РДП) давало возможность в течение нескольких дней и даже недель скрывать огромный корпус лодки под водой, имея на поверхности лишь трубу, размерами с уличную урну для мусора. Лодка могла оставаться скрытой даже во время работы дизеля для подзарядки аккумуляторов.

Благодаря немецким образцам, на «Кочино» были установлены батареи, емкость которых теперь превышала емкость аккумуляторов, имевшихся на субмаринах времен Второй мировой войны. Подлодка «Кочино» была оборудована новой – пассивной системой гидролокации, то есть имела возможность, только слушая, «видеть» обстановку, не создавая собственного акустического поля. На подлодках времен Второй мировой войны были установлены активные гидролокаторы. Они излучали акустические импульсы и по эхо-сигналу определяли направление и расстояние до обнаруженного объекта. Последствия использования активного гидролокатора можно сравнить с последствиями включения яркого сигнального фонаря – подлодки могли «видеть», что делается вокруг, но в то же время и невольно освещали себя. Пассивная же система гидролокаторов была основана на прослушивании всего звукового спектра, без создания предательского собственного акустического поля. И этот пассивный гидролокатор предвещал большое преимущество в схватках под водой.

ВМС США готовились завоевать подавляющее превосходство под водой с помощью одного человека. Никому не известный инженер Х. Риквер разрабатывал план создания подводной лодки с ядерной энергетической установкой, которая будет в состоянии оставаться под водой беспрестанно долго, даже без шнорхеля, что еще больше повышало ставки в подводной войне. Но к тому времени была разработана лишь концепция атомной подлодки, и поэтому лодки, подобные «Кочино», оставались лучшими в ВМС США. По новой программе, названной «Оперейшн кейо» (операция «нокаут») ВМС США проводили подготовку подлодки «Кочино» и некоторых других лодок времен Второй мировой войны к нанесению нокаутирующего удара противнику в случае возникновения войны.

Еще не было надежных доказательств тому, что Советский Союз строит подводные лодки со шнорхелем. Поэтому и ЦРУ и военно-морская разведка пришли к выводу, что американские подводники имеют более чем достаточно времени для подготовки к подводным схваткам, которые возможны в

отдаленном будущем. По мнению старших офицеров разведки, более значительную угрозу могли представить другие трофейные немецкие технологии: беспилотные самолеты «Фау-1» с бомбами на борту, и «Фау-2», первые ракеты, превысившие скорость звука. Эти немецкие разработки, также захваченные союзниками, были предвестниками крылатых и баллистических ракет. США уже приспособивали экспериментальную ракету «Лун» к запуску с подводной лодки специальной конфигурации – прототипа ракетных подлодок. По некоторым признакам можно было полагать, что Советский Союз также разрабатывал свои собственные прототипы ракет. По сведениям от перебежчиков, Советский Союз проводил экспериментальные запуски ракет с земли и со старых подлодок, базировавшихся в районе Мурманска. Кроме того, ВВС США направляли к границам СССР самолеты, оборудованные специальными фильтрами, предназначенными для сбора радиоактивных частиц поблизости от советской территории с целью определения, не занимается ли Советский Союз испытаниями атомного оружия. Самый большой страх вызывало то, что на беспилотных самолетах могут быть установлены атомные бомбы, что в дальнейшем приведет к созданию ракет с ядерными боеголовками.

Во многом это были лишь предположения. Незначительную информацию о советских ВМС американская разведка получала в основном от ВМС Великобритании, корабли которой тесно сотрудничали с советскими ВМС в годы Второй мировой войны. Переговоры между советскими кораблями и их базами перехватывались также американскими станциями подслушивания в Европе и на Аляске. Все эти шпионские операции против бывшего союзника были настолько засекречены, что курьеры перевозили сообщения о перехваченных советских переговорах в специальных опечатанных портфелях. Любые попытки приблизиться к территории Советского Союза и разузнать побольше должны были держаться в глубокой тайне. Именно необходимость соблюдения осторожности больше, чем что-либо другое, убедила сотрудников военно-морской разведки в том, что использование подводных лодок станет следующим логическим шагом в создании подслушивающей сети, которая будет окружать Советский Союз. Усилия к этому уже прилагались. В 1948 году ВМС США направили две подлодки «Си Дог» (бортовой номер SS-401) и «Блэкфин» (бортовой номер SS-322) в Баренцево море с целью определения возможностей перехвата советских радиокommunikаций, а так же определения скорости вращения винтов на советских эсминцах и торговых судах. Это были первые шаги в изучении возможности идентификации целей, обнаруженных с помощью пассивных гидролокаторов.

Но сотрудники разведки предполагали, что подводные лодки со шнорхелем, подобные «Кочино», могли бы сделать и больше. Например, они могли оставаться незамеченными у советских берегов для наблюдения и радиоперехвата. С их помощью предполагалось узнать, насколько далеко продвинулся Советский Союз в разработке ракетной технологии. Имея шнорхель, подлодка «Кочино» могла приблизиться к побережью настолько, насколько она осмелится. Только ее перископ, антенны и шнорхель могли быть

засечены противником. Короче, «Кочино» была идеальной подводной лодкой для выполнения шпионской миссии.

Разумеется, с самого начала «Кочино» была предназначена для выполнения других задач. Она была последней лодкой, вступившей в строй в годы Второй мировой войны, и вышла в море через две недели после того, как была сброшена первая атомная бомба. Подлодки «Кочино» и «Таск» были оснащены шнорхелями и другим усовершенствованным оборудованием и включены в программу ВМС США по модернизации подводных сил с целью увеличения их подводной скорости. Фактически это была программа по созданию подводных охотников за подводными лодками. В этом качестве подводные лодки оказались новичками. Когда за несколько месяцев до похода ученые провели проверку лодок «Кочино» и «Таск», то обнаружили, что и экипажи, и строители так мало знакомы с пассивной системой гидролокаторов, что самые главные ее элементы-гидрофоны не были даже подключены. Поэтому обе лодки были направлены в Лондондерри, чтобы потренироваться совместно с англичанами, которые значительно больше преуспели в освоении этих систем.

Именно в Лондондерри Остин и догнал «Кочино». На борту лодки теперь находился гражданский специалист по гидролокаторам Роберт Фило. Противолодочные учения считались настолько важными, что в них принял личное участие командир соединения кораблей Р. Бенсон, завершивший свой визит на лодке «Таск», которой командовал Р. Вортингтон.

Как и Бенитес, Вортингтон вступил в командование подлодкой накануне этого похода. Оба скептически воспринимали свою роль в шпионаже. Бенитес полагал, что это была менее важная задача, чем обучение личного состава искусству ведения истинно подводной войны. Остин же считал, что ему известно больше. К тому же шпионское оборудование было его призванием. Остину нравилось думать: «Я должен сделать что-то сказочное. Вот я какой!»

Но если все эти рассуждения были второй натурой Остина, то другие так не рассуждали. Его специальное оборудование должны были установить на судовой верфи в Портсмуте (Англия), где сами рабочие верфи были сбиты с толку доселе неизвестными приспособлениями. «Ну, что же вы, это просто изоляционные трубки, – вспыхнул Остин, прикрепляя коаксиальный кабель, который рабочие, казалось, не могли правильно установить. – Это же обычный полудюймовый коаксиальный кабель. Мне кажется, что вы должны уметь разбираться в схемах. Почему вы не можете просто следовать схеме?»

Остину не терпелось приступить к работе. Для него соорудалась небольшая каюта на той же палубе, где и пост управления рулями, по соседству с радиорубкой. Он готов был присоединить коаксиальный кабель к прибору, который сам называл своим черным ящиком. Фактически же этот прибор был окрашен в обычный серый цвет и сконструирован для того, чтобы перехватывать советские телеметрические радиосигналы, которые неизбежно передаются при испытательных пусках ракет. В стоячем положении ящик имел высоту около 45 см и предназначался для записи сигналов на тонкую магнитную ленту. Этот ящик и был самой чувствительной и секретной

аппаратурой на борту лодки. Кабель от него предстояло провести сквозь прочный корпус лодки для соединения с новыми «ушами», прикрепленными к легкому корпусу. Эти специальные антенны действительно были похожи на уши. Они состояли из небольших пучков коаксиального кабеля, прикрепленных на небольшом расстоянии по обеим сторонам лодки. С этими пучками кабеля, добавленными к великому множеству обычных антенн, «Кочино» выглядела как иноземное чудовище из заурядного боевика.

К середине августа 1949 года секретное оборудование было установлено, и «Кочино» вышла из Портсмута вместе с «Таск» и двумя стандартными подлодками «Торо» (бортовой номер SS-422) и «Корсар» (бортовой номер SS-435). Они совершали плавание с соблюдением полного радиомолчания, имитируя патрулирование в период войны. Никто на берегу не должен был знать, где они находятся. Покинув Англию, лодки должны были исчезнуть. Через несколько часов после отплытия сальники вокруг кабелей Остина не выдержали напора забортной воды, и в результате этого ему пришлось принять в своей маленькой каюте неприятный холодный душ. Провозившись некоторое время, он подтянул сальники, и течь прекратилась. Но если сальники снова не выдержат, то ему придется обрубить свои кабели, и на этом его миссия в этом походе будет закончена.

К этому времени экипаж уже догадывался, что поход будет необычным, поскольку большинству стало ясно, что новый член экипажа не является тем, за кого себя выдает. Остин хоть и носил на своей форменной одежде эмблему радиста, но фактически работал на группу контрразведки ВМС, легендарную дешифровальную службу перехвата и расшифровки радиопереговоров японских ВМС в годы Второй мировой войны. Это держалось в секрете, но каждый член экипажа понимал, что простой радист не будет так близко общаться с командиром лодки.

И все же подводники есть подводники. Самыми популярными среди них являются парни, знающие интересные морские байки. Так было и на «Кочино», где треть экипажа принимала участие во Второй мировой войне. Остин принес свои байки с тех времен, когда служил на крейсерах, и разыгрывал из себя морского волка, завоевывая друзей. Да и как не стать друзьями, когда каждый занимал еще теплую койку другого из следующей смены. Экипаж состоял из трех смен, живущих по времени трех разных часовых поясов. Одна смена жила по стандартному восточному поясному времени, другая – по времени Гонолулу, а третья по времени Индийского океана. Соответственно были три смены операторов гидролокаторов, оружейников, коков, радистов и т. д.

Только командир, его старший помощник капитан-лейтенант Ричард Райт, Остин и его ассистент жили, не сообразуясь с этим распорядком. Остин не возражал работать три смены подряд и принимал пищу, когда выдавалось свободное время. В течение суток на лодке готовилось три завтрака, три ланча и три обеда посменно.

Как–то после завтрака первой или второй смены командир пригласил Остина на вахту в боевую рубку. Боевая рубка – тесное помещение, находящееся выше центрального поста, откуда командир или вахтенный

офицер управляет лодкой. «Остин, займите место у перископа № 2», – распорядился командир. На этом посту Остин будет вроде при деле. Кроме того, как полагал Остин, командир будет внимательно следить за ним. Вскоре две сопровождавшие лодки отстали, а «Кочино» и «Таск» направились к кромке арктических льдов к северо-востоку от Гренландии для проведения в этих холодных водах учений. Затем они продолжили движение в сторону Советского Союза. Первые несколько часов шли по Норвежскому морю, севернее Полярного круга. На обеих лодках в торпедных отсеках находились специальные вентили для забора проб забортной воды, чтобы измерять ее температуру и соленость. Кроме того, обе лодки составляли карту морского дна. К субботе 20 августа 1949 года обе лодки были уже в Баренцевом море. Теперь они тоже разошлись. «Таск» пошла мористее для проведения испытаний гидролокаторов, а «Кочино» направилась в точку в 12 милях от северной оконечности Норвегии, чтобы начать выполнение задач Остина. Именно с этой точки командир должен был менять курс по указаниям Остина, идя зигзагами, чтобы выйти на советские радиосигналы.

Остин старался делать вид, что спокоен, однако волновался. Для того, чтобы поймать сигнал, эту специальную ушастую антенну нужно поднять над поверхностью воды. Это означало, что лодке придется подвсплыть, не только обнажив шнорхель, но и часть рубки. В это время года на Дальнем Севере небо было светлым даже ночью, и нужно было быть очень осторожным, чтобы избежать обнаружения надводными кораблями и рыболовными траулерами, бороздившими эти воды. Длинный световой день также увеличивал опасность, особенно если «Кочино» будет вынуждена всплыть полностью.

«Слишком много дневного света, – беспокоился Остин. – Негде спрятаться». Беспокойство испытывал и командир. Он записал в вахтенном журнале: «Ночь как таковая исчезла. Лучшее, на что мы можем надеяться, это на пару часов сумерек. В военное время здесь нельзя идти на поверхности». Остин вел поиск сигналов по мере того, как «Кочино» шла вдоль северо-восточного побережья Норвегии. Лодка находилась на расстоянии 125–150 миль от Мурманска. Слишком далеко, чтобы видеть землю, но достаточно близко, чтобы, как полагал Остин, перехватить телеметрические сигналы советских ракет. Это было ближайшее место, до которого собирался дойти командир.

На карте Мурманск расположен у основания большого пальца вывернутой перчатки, остальные пальцы которой очерчены границами Норвегии, Швеции и Финляндии. Большой палец – это советский Кольский полуостров, местонахождения операционных баз: Ваенга (позднее переименованная в Североморск) и Полярный. Это были самые важные из советских северных портов, поскольку ими можно пользоваться круглый год: они незамерзающие благодаря ответвлению теплого течения Гольфстрим. В Полярном находились база подводных лодок и подземный штаб Северного флота. Скрытые под кирпично-каменными административными зданиями, глубоко под землей располагались советские шифровальные помещения и центры связи.

Остин ожидал телеметрические сигналы из этих баз или от находившихся

поблизости кораблей. Поскольку сигналы телеметрии обычно передавались на высоких частотах, то в «черном ящике» Остина была аппаратура, способная перехватить эти сигналы, излучаемые во время пусков ракет. Если бы что-нибудь происходило, он должен был услышать. По крайней мере, надеялся на это. Эта шпионская миссия походила на гадание на кофейной гуще. Не было никакой возможности узнать, запланированы ли какие-нибудь запуски советских ракет. Остину оставалось только продолжать крутить ручки настройки, пытаясь услышать хоть какие-нибудь импульсы. Кроме того, он приходил в радиорубку и настраивался на радиопередачи на русском языке. Остин не знал русского языка, так же, как и радисты. Но Остин мог принимать передачи по азбуке Морзе русскими буквами. Этому он научился, чтобы как-то заполнить досуг в период плавания на надводных кораблях. Теперь же, когда он сидел в радиорубке на «Кочино», отбивая русские буквы на пишущей машинке, вообразил, что может понимать, что печатает. В его воображении один советский корабль передает ежедневный доклад, сообщая сколько риса осталось на борту и что фрукты все съедены. Другой докладывал список заболевших на корабле.

Прошло трое суток, а Остин перехватил всего несколько передач голосом. Командир решил задержаться в этом районе еще на сутки, чтобы дать Остину шанс добыть информацию. Остин был готов неделями сидеть за аппаратурой. Он испытывал непреодолимое желание украсть хотя бы песчинку и записать телеметрию советских ракет.

В последний вечер что-то начало появляться. Это не было похоже на запуск ракеты. Но Остину было приказано искать и передачи испытаний аппаратуры. Возможно, это и происходило. Наверное, русские настраивают свою аппаратуру, проводя подготовку к запуску. Он попросил командира изменить курс, чтобы получить более четкий сигнал. Но и после этого Остин не был уверен, что именно он слышит и откуда идет сигнал, с берега или с моря. Он твердо знал лишь, что это не была передача голосом. На какой-то момент частоты оказались в пределах, присущих испытанию оружия. Но не было ничего похожего на звуковой всплеск, который показывает, что телеметрия идет от испытания ракет. Сотрудники в своих офисах, видимо, воображали, что русские непрерывно проводят запуски, готовясь разместить свои ракеты в море. Но если это было так, то русские сделали перерыв как раз в то время, когда приблизилась подводная лодка «Кочино». Шпионская миссия Остина провалилась, по крайней мере к этому моменту. У него была запланирована еще одна попытка, но на более поздний срок. А пока «Кочино» возвращалась для выполнения первоначальной задачи. Ей предстояло играть в «кошки-мышки» с подлодкой «Таск», подобно тому, как учат молодых хищников преследовать и убивать жертву.

Уходя из этого района, командир казался разочарованным. Несмотря на все неудобства, связанные с исполнением указаний Остина о перемене курса, ему все же хотелось по возвращении сказать: «О, мы что-то добыли» и записать в докладе о патрулировании: «Мы перехватили то-то и то-то». И все же, отдавая команду курс норд-ост, он был доволен тем, что приступает к

выполнению, по его мнению, основной задачи. На самом деле он чувствовал себя вполне спокойно. Была среда 24 августа 1949 года, канун 4-й годовщины подлодки «Кочино». И командир распорядился отпраздновать ее заранее.

Коки приготовили огромный торт и праздничный обед, который, по признанию Остина, был лучше, чем колбасный фарш, выдававшийся ежедневно. Были песни, шутки, записанные на магнитофонную ленту поздравления обедавших в предыдущие смены. Позже командир записал в вахтенный журнал: «Это был счастливый корабль, и мы в кают-компании высказали пожелание встретить очередную годовщину вместе на борту „Кочино“». На следующий день рано утром «Кочино» обнаружила «Таск» справа на траверсе. К 10.30 утра «Кочино» начала движение вперед на глубине шнорхеля. Была ее очередь прятаться. «Таск» уже ушла, как бы имитируя принятой в игре в прятки правило «считать до десяти».

День выдался мрачным, туманным и пасмурным, море штормило. В радиорубке приняли предупреждение о серьезном арктическом шторме, ветер свистел уже много часов. Волны раскачивали «Кочино», и рулевые горизонтальными рулями с трудом удерживали заданную глубину. Матросы привязывали себя, держались за столы, за трубопроводы над головой. Другие стремились подхватить падающие со стола чашки и другие предметы. Раздался пронзительный сигнал, и из носового машинного отделения доложили командиру, что вода хлынула в лодку через шнорхель. А ведь он был сконструирован так, чтобы в случае появления воды автоматически закрыться.

Из-за недостатка воздуха заглохли дизеля, и командир отправил своего старшего помощника на корму выяснить обстановку. Пару минут спустя раздался глухой удар, и подлодка вздрогнула. Остин так сильно ударился об окуляры перископа, что остались синяки. Он не сомневался, что лодка ударилась о какой-то притопленный объект.

Но то, что случилось, было гораздо хуже. Электрик заметил искры, сыпавшиеся из двух отсеков, в каждом из которых находились по две огромные аккумуляторные батареи, необходимые для движения лодки под водой. В помещении кормовой батареи аккумуляторного отсека возник пожар, и оно наполнялось дымом. «Покинуть аккумуляторный отсек», – закричал электрик, пытаясь как-то потушить огонь. Матросы начали перебегать в ходовую рубку, донося тревожную весть командиру.

Кто-то прохрипел: «Пожар в кормовой аккумуляторной батарее». Командир отдал команду на всплытие. Затем он включил одно из испытываемых новых устройств – гидрофон и сообщил на «Таск»: «Авария, всплываю».

Продули балласт, и «Кочино» почти моментально выскочила на поверхность, где сразу же начала раскачиваться в штормовом море. Многометровые волны бились об ее корпус. Командир возвратился в боевую рубку, открыл люк и выбрался на ходовой мостик. Теперь он находился довольно высоко над главной палубой, пытаясь увидеть «Таск», однако в бинокль ничего не удалось разглядеть.

Спустившись в боевую рубку, командир послал одного из самых молодых

офицеров лейтенанта Джона Шелтона на корму, приказав ему выяснить ситуацию с пожаром. Несколько матросов побежали, чтобы попытаться помочь в борьбе с пожаром. Но произошла непредвиденная задержка. У матроса, который первым добровольно вызвался помочь тушить пожар, оказался неисправным аппарат для обеспечения дыхания и защиты от дыма и газа. К тому моменту, когда он попросил принести другой аппарат, водонепроницаемую дверь, ведущую в помещение аккумуляторной батареи, заело. Возможно, ее удерживало повысившееся внутри давление либо защелка, расплавившаяся от огня. Казалось, что внутри помещения одна батарея ведет подзарядку другой, при этом выделяется взрывоопасный водород как побочный продукт подзарядки.

Если никто не сможет прорваться в горящий отсек и не удастся выключить тяжелые рубильники, чтобы прервать электрическую цепь между горящими батареями, то водород будет накапливаться до критического уровня и произойдет взрыв. Если он будет достаточно мощным, «Кочино» погибнет. Командир спустился с ходового мостика в центральный пост и проверил показания детекторов, следящих за содержанием водорода в воздухе лодки. Они пока находились на нулевой отметке. На какой-то момент он успокоился. Но это был всего лишь момент. Вскоре он понял, что детекторы не работают. Значит, остается лишь один выбор. Кто-то должен пробраться в аккумуляторный отсек со стороны носового машинного отделения и любой ценой отключить аккумуляторные батареи. Как раз в этот момент позвонил по телефону старший помощник и сообщил, что именно так и собирается поступить. Кратко изложил свой план без упоминания о риске. Оба понимали, что горящие аккумуляторные батареи могут взорваться в любой момент и что любая попытка проникновения в тот отсек может оказаться смертельной.

Взволнованный командир снова поднялся на ходовой мостик, чтобы поискать единственную находящуюся поблизости подлодку «Таск» и попросить у нее помощи. На мостике он почувствовал второй взрыв, который вырвал клапан, изолировавший горевший отсек от остальной системы вентиляции лодки. Теперь дым и токсичные газы стали поступать в носовую часть лодки. Кто-то позвонил на мостик и сообщил, что люди внизу оказались в серьезной беде.

Командир приказал эвакуировать наверх всех, кто не занимается тушением пожара или не стоит на жизненно важном посту. Личный состав начал перебираться в носовую часть, причем невероятные масштабы аварии подавляли инстинкт паники. Один за другим люди добирались до носа корабля и взбирались по трапу, идущему к верхнему люку. По приказанию командира они направлялись к поручням на подветренной стороне горизонтальных рулей и привязывались там.

Был страшный холод, волны неистово обрушивались на качающуюся лодку. Часть личного состава подняли прямо с коек, и они стояли наверху в майках и трусах. Только несколько человек были одеты в штормовую одежду и, следовательно, имели при себе спасательные жилеты. С собой не было ни пищи, ни воды, ни лекарств. В большинстве своем они были беззащитны от

холода и грохочущего моря.

К этому времени 47 человек привязались на палубе. Еще 12 человек сгрудились вокруг командира на мостике, рассчитанном на 7 человек. 18 человек все еще оставались в кормовой части, пытаясь восстановить силовую установку и потушить пожар. Командир взглянул вниз на свой экипаж, затем перевел взгляд на горизонт. Где же «Таск»? Пожар бушевал уже около получаса. Кому-то удалось запустить дизеля «Кочино». У командира затеплилась надежда, что он сможет повести лодку к побережью, но в это время огромная волна накрыла корму. Еще до того, как волна схлынула, раздался крик: «Человек за бортом, человек за бортом!» Это был один из корабельных коков Джозеф Морган. «Сейчас подберем его», – пробормотал командир, стараясь подвести корабль как можно ближе к Моргану, который был едва виден в бурном море. И почти в то же время кто-то заметил «Таск» с правого борта.

Остин к этому моменту выбрался на мостик и стоял около командира. Все сигнальщики на «Кочино» были отравлены газом, и Остин был единственным, кто достаточно хорошо знал код, чтобы передать сообщение. Он не пользовался семафором с момента, когда находился в учебном отряде, но сейчас схватил два флажка, и поднял их двумя руками вверх.

Борясь с ветром, он передал по буквам: «Ч-Е-Л-О-В-Е-К 3-А Б-О-Р-Т-О-М П-О-Ж-А-Р В К-О-Р-М-О-В-О-Й Б-А-Т-А-Р-Е-Е».

Было 11 часов 21 минут утра.

Внутри лодки раздавался грохот, слышный через стальной настил палубы. «Таск» пыталась подойти поближе к «Кочино», а ее командир не спускал глаз с тонущего кока, понимая, что человек долго не сможет продержаться в такой холодной воде. Без подсказки старшина Хьюберт Рауч прыгнул за борт и, борясь с волнами, подплыл к Моргану, стал подтаскивать его к борту лодки. Когда он достиг борта, то настолько ослаб в холодной воде, что не смог помочь Моргану подняться на палубу. Еще один кок отвязался от поручней, подбежал и, наклонившись через борт, вытащил Моргана из рук Рауча. Еще несколько человек помогли Раучу подняться на борт. Моргана перенесли на ходовой мостик и уложили на штурманский стол. Он беспрестанно дрожал, даже когда его укрыли несколькими одеялами. Два матроса сняли с себя одежду и отчаянно пытались согреть, зажав его между своими голыми телами.

Командиру было ясно, что личному составу оставаться на открытом воздухе небезопасно. Волны свирепо накрывали палубу и в любой момент могли оторвать замерзших людей от их креплений, смыть за борт. Он распорядился всем собраться на узком ходовом мостике. Люди сбились в кучу, образовав человеческую пирамиду. Остальным командир предложил спуститься вниз в носовой торпедный отсек, который оставался единственным местом, где еще хоть как-то можно было существовать.

Пока все это происходило, командиру стало известно, что тот взрыв, который привел к распространению дыма по всей лодке, нанес и еще более серьезные потери. Старшему помощнику удалось пробраться к аккумуляторному отсеку, но как только он вошел туда, накопившаяся

водородная смесь взорвалась. Взрывом офицера выбросило обратно. У него обгорели руки, грудь, ноги, то есть вся передняя часть тела, за исключением лица, которое защитила маска противогаза. Он оказался в глубоком шоке. Еще четыре человека были тяжело ранены. Двое раненых, перетащенных в кормовой торпедный отсек, оказались отрезанными от своих товарищей и нуждались в медицинской помощи. А врач Хьюберт Исон находился в носовой части вместе с остальным личным составом. Пробраться внутри лодки через огонь и газ было невозможно. Доктор мог бы выбраться на верхнюю палубу и по верхней палубе перебраться на корму, но люк в кормовой торпедный отсек находился в 15 метрах. Это были 15 метров по скользкой стальной палубе, болтающейся на волнах лодки, причем волнение моря было настолько сильным, что бросало «Таск» как хворостинку, когда она пыталась приблизиться, чтобы оказать помощь. Один молодой офицер предложил протащить леер до кормового люка, чтобы доктор Исон мог держаться за него. Когда леер был закреплен, Исон, держась за него, добрался до кормового люка и спустился вниз к раненым. В это время Остин снова взял семафорные флажки и начал передавать на «Таск»: «П-О-Д-О-Й-Д-И-Т-Е К Б-О-Р-Т-У Н-А-М В-О-З-М-О-Ж-Н-О П-Р-И-Д-Е-Т-С-Я П-О-К-И-Н-У-Т-Ь К-О-Р-А-Б-Л-Ь». Как только командир получил первый доклад от доктора, Остину пришлось снова сигнализировать: «Т-Р-Е-Б-У-Е-Т-С-Я М-Е-Д-И-Ц-И-Н-С-К-А-Я П-О-М-О-Щ-Ь П-Я-Т-Ь Ч-Е-Л-О-В-Е-К Р-А-Н-Е-Н-Ы О-Д-И-Н С-И-Л-Ь-Н-О О-Б-О-Ж-Ж-Е-Н». На мостике получили диагноз доктора Исона. Старший помощник сильно обгорел. Шансов на выживание нет. Доклады врача были настолько ужасны, что командир отобрал мегафон у матроса, который передавал эти сообщения. Новости были слишком плохие, чтобы передавать их через рядовых. Моральный дух решал все, и офицер заменил матроса на линии связи с кормой.

Прошло полтора часа с начала пожара, и люди, собранные в носовой торпедный отсек, стали терять сознание, надыхавшись газом. Было ясно, что они вынуждены будут выйти из этого помещения на опасную палубу и столпятся на ходовом мостике.

Один за другим пробирались моряки через боевую рубку, некоторые были уже полумертвые. Одного вытащили в бессознательном состоянии, не дышащим. Товарищи стали делать ему искусственное дыхание. На корме старший помощник находился в агонии. Доктор Исон сделал ему инъекцию морфия, затем смазал ожоги вазелином из своей аптечки первой помощи. Между тем командир «Таск» пытался найти способ переправить своего врача на «Кочино», возможно, на резиновом плотике. С «Таск» перекачали за борт более 6 тонн дизельного топлива для создания масляного пятна, чтобы успокоить волны. С нее выстрелили бросательный конец на «Кочино» и протянули трос. Матросы на обоих кораблях будут удерживать этот трос как спасательный леер над водой, чтобы можно было перетаскивать плот. При первой попытке матросы на «Таск» не удержали леер. Завели новый. Командир «Таск» Вортингтон, оценив волнение моря, пришел к выводу, что переправлять людей слишком опасно, и принял решение сначала переправить плот без людей, нагруженный медикаментами. Командир «Кочино» также сознавал

опасность и знал, что попытка пересечь бурное море на плоту может привести к гибели людей. Но к 14 часам, подсчитывая продолжающиеся взрывы под ногами, он понял, что выбора нет. Ему нужно было сообщить офицерам на «Таск», насколько опасна ситуация и что экипажу «Кочино» в любом случае придется покинуть корабль. Нужно было послать больше информации, чем Остин мог передать флажным семафором буква за буквой. Прежде всего следовало выяснить, возможно ли воспользоваться плотом для переправки экипажа на борт «Таск».

Командир поинтересовался у лейтенанта Шелтона, не согласится ли он попытаться совершить эту опасную переправу на плоту. Шелтон ответил утвердительно. Кроме него изъявил желание совершить такую попытку Роберт Фило, молодой гражданский эксперт, прикомандированный на время проведения учений. «Фило, вы действительно хотите это?» – спросил командир нарочито медленно. «Да», – прозвучало в ответ. Командир перевел дух: «Прекрасно. Вы и Шелтон действуйте».

Вместе с тем не давала покоя мысль, что если что-нибудь случится, то чертовски трудно будет объяснять, почему гражданский специалист оказался на этом плоту. Но ведь на борту находились раненые, отравленные газом, и замерзающие люди. У него не было времени на дискуссию.

Как только плот с Филом и Шелтоном спустили на воду, он тотчас перевернулся. Они ухватились за стропы, петлями охватывавшие днище плота, который матросы с «Таск» подтягивали к борту своего корабля, яростно борясь с волнами. Командир «Кочино» беспомощно наблюдал, как Шелтона отбросило в сторону и он пытался вернуться к плоту. Не было больше сил продолжать наблюдение за плотом, и он переключил свое внимание на экипаж своей лодки. У экипажа «Таск» было больше возможностей, чтобы попытаться спасти людей на плоту. Кроме того, «Кочино» была неуправляемой. Единственное, что оставалось делать командиру, это спасать оставшихся на лодке. Струдившихся вокруг него на ходовом мостике и в боевой рубке оставалось 57 человек. На нижних палубах и в кормовых отсеках оставалось еще 18 человек, из них 5 обожженных, включая старшего помощника. Находившиеся наверху также были в тяжелом состоянии.

Доступ в жилые помещения, где хранилась штормовая экипировка, был отрезан газом. Все замерзли, особенно кок Морган, который все еще дрожал от холода после падения в воду. Командир снял свою куртку и отдал стоявшему рядом матросу, затем снял ботинки и отдал их другому. Он остался в одной рубашке и носках с единственным желанием переправить часть экипажа на борт лодки «Таск». Если бы удалось сохранить на борту экипаж сокращенной численности, то ему удалось бы доставить «Кочино» домой, даже если ее пришлось бы буксировать. Он все еще был полон решимости не покидать корабль.

А лодка «Таск» опять потерялась из вида. Командир не видел завершающей попытки Шелтона и Филадельфии достичь лодки «Таск». Он не знал, что волна сильно ударила Филадельфию о борт лодки, и он остался безжизненно лежащим на воде вниз лицом. Матрос с лодки «Таск» бросился за борт, схватил и

вытащил окровавленного, бездыханного Филадельфа. Сразу же на палубе офицеры начали делать ему искусственное дыхание методом рот в рот. Через три минуты после Филадельфа вытащили Шелтона.

Он был в сознании, но страдал от переохлаждения. Его перенесли в каюту, где, преодолевая сильную дрожь, не сумел впервые подробно доложить командиру соединения Бенсону и командиру «Таск» Ворсингтону о катастрофе, происшедшей на «Кочино», об искрящихся аккумуляторных батареях, взрывах и смертоносном облаке, которое распространилось по внутренним помещениям лодки.

На верхней палубе «Таск» в тот момент находились 15 человек, из них часть оказывала помощь Филадельфу, у которого пульс не прощупывался, остальные пытались удерживать спасательную партию, чтобы ее не смыло за борт. Неожиданно огромная волна ударила о борт лодки, за ней еще одна, да с такой силой, что четыре металлические стойки, за которые крепился спасательный леер на верхней палубе для предупреждения падения людей за борт, оказались согнутыми. Мгновенно 12 человек было смыто за борт, в том числе и Филадельф.

Командир «Таск» Ворсингтон и его экипаж начали внимательно осматривать поверхность моря. Филадельфа и еще одного человека не обнаружили. Один человек лежал на воде лицом вниз. Командир попытался подвести лодку поближе к тонущим. Но ужасное положение становилось с каждой секундой еще ужаснее. В отличие от экипажа лодки «Кочино» у личного состава «Таск» было время для того, чтобы надеть штормовую экипировку, и теперь эта экипировка предательски тянула их на дно. Дело в том, что моряков облачили в экспериментальный тип цельных комбинезонов, предназначенных для защиты экипажей от арктического холода. В них были вшиты спасательные жилеты, а также прочно прикреплялись ботинки с помощью металлического крепления, которое можно было отстегнуть только специальной отмычкой.

На палубе эти комбинезоны выглядели прекрасно. Но когда они попадали в холодную воду, то некоторые жилеты начинали лопаться. Таким образом, единственной частью комбинезона, способной держать человека на поверхности, оставались ботинки, которые были скреплены так надежно, что в них оставались воздушные мешки.

Один из находившихся в воде людей старшина Джон Гаттермат отчаянно пытался плыть к спасательному лееру, таща за собой потерявшего сознание товарища. Эти двое были уже совсем близко, еще метров двадцать, и их можно было спасти. Но тут произошло нечто непонятное. Ноги Гаттермата стали высовываться на поверхности, увлекая голову в воду. Командир «Таск» с ужасом наблюдал, как Гаттермат боролся с ботинками, стараясь спастись, и видел, что Гаттермат отпустил своего товарища, который моментально утонул. Затем ботинки Гаттермата вновь вытащили его ноги на поверхность. Впоследствии Ворсингтон записал в вахтенном журнале лодки: «Он стремился выровнять положение тела, пытаясь плыть, но не смог это сделать и захлебнулся, причем его ноги все еще оставались на поверхности. В воде оставались еще люди. Спасение утопающих продолжалось. Дополнительно несколько человек прыгнули за борт, чтобы оказать им помощь. Другие, уже

находившиеся в воде, старались схватить и поддерживать товарищей, оказавшихся в более тяжелом состоянии. Лейтенант Филипп Пеннингтон пробыл в воде один час двадцать минут, прежде чем его вытащили на борт лодки. Раймонда Рирдона заметили на спасательном плотике, но его смыло волной, другой прыгнул в воду и схватил Рирдона».

К этому времени прошло два часа с того момента, когда людей смыло за борт лодки. Командир лодки Вортингтон встретился с почти невыносимой реальностью. В воде все еще находились семь человек, и почти наверняка без признаков жизни. Один из членов экипажа лодки «Таск» впоследствии рассказывал, что несколько человек погибли как Гаттермат, т. е. их ботинки торчали на поверхности моря.

Никто на «Кочино» еще не знал, что катастрофа уже занесла в свой вахтенный журнал смерть лодки. Но смерть тем не менее была у всех на уме. Остин думал о своей жене и двух детях, о том, что никогда больше не увидит их.

Командир «Кочино» продолжал оценивать и переоценивать ситуацию. Он сделал три попытки провентилировать корабль, но газ продолжал просачиваться. Он пытался послать несколько человек по верхней палубе над поврежденным аккумуляторным отсеком на корму, где находились врач и старший помощник, и куда газ еще не доходил. Но первые два человека, попытавшиеся добраться туда, чуть было не были смыты волной за борт.

Были сделаны две попытки приоткрыть люк боевой рубки, но каждый раз газ устремлялся наружу, навлекая несчастье. Картина пораженных газом людей была еще свежа в памяти командира. Он не мог рисковать подвергнуть той же участи людей, сгрудившихся на рубочном руле. Теперь оставалось только ждать и молиться. Прошло шесть часов с момента первого взрыва. Пожар все еще бушевал, когда сквозь туман появилась «Таск». Пройдет еще много часов, прежде чем командир «Кочино» узнает, что экипаж «Таск» уже сократился на 7 человек. Сейчас же в его уме была лишь одна мечта – доставить «Кочино» домой.

Рулевое управление на «Кочино» не работало. Все же командир надеялся довести лодку до более спокойного района, где он смог бы безопасно передать раненых на «Таск» и затем – полный вперед, чтобы доставить людей в Хаммерфест (Швеция) и в госпиталь.

Почти целый час он пытался следовать за «Таск», но безуспешно, потому что на «Кочино» вышло из строя рулевое управление. Один из раненых, находившихся на самой корме, умудрился восстановить рулевое управление. Несмотря на ранение, он весом своего тела нажал на трубчатый ключ и протиснулся в румпельное отделение. Моряк управлял рулевой машиной, слепо следуя командам, передаваемым по переговорной трубе. В результате «Кочино» смогла наконец следовать за «Таск». Часы показывали 19.10, прошло около 9 часов с момента первого взрыва.

По внутренней трансляции командир уверял раненых, что лодка приближается к Норвегии. Сегодня он уже однажды говорил, что осталось три часа ходу. А через четыре часа повторил свое обращение – осталось всего три

часа. Хотя знал, что потребуется, по крайней мере, вдвое больше времени, чтобы достичь ближайшего берега. «Мы вынуждены сбавить ход, чтобы не страдали люди, поскольку волны перекачиваются через ходовой мостик, – информировал командир, стараясь солгать как можно убедительнее. – Я верю, что вы поймете меня правильно».

Люди на корме знали, что он лгал, но отвечали: «Конечно, мы понимаем. Спасибо».

Командир с трудом подавлял волнение, пораженный тем, что группа обожженных и раненых все еще могла проявлять сочувствие к другим, замерзающим на верхней палубе. У него было единственное желание – доставить всех их домой.

Казалось, что раненых удастся доставить. За исключением старшего помощника, у них появились признаки улучшения состояния. Море стало понемногу успокаиваться. Командир продолжал общаться с личным составом, подбадривая и умоляя продержаться. Командир все еще верил, что победит в единоборстве с лодкой и морем. Но вскоре после полуночи 26 августа 1949 года прогремел еще один взрыв. Лодку сильно потрянуло, и пожар распространился на второе машинное отделение, продвигаясь к кормовому торпедному отсеку, где находились старший помощник и другие раненые. Выбора не оставалось. Эти люди, пятнадцать человек, выбрались через кормовой люк на верхнюю палубу. Старшего помощника и еще одного раненого нельзя было перемещать, и доктор не собирался оставлять их. Он сказал командиру, что вместе они смогут выдержать. Между тем командир понимал, что должен попытаться переправить остальную часть экипажа на «Таск». Остин опасался, что в ночной мгле сигнальщики на «Таск» не увидят семафорные флажки. Поэтому он взял боевой сигнальный фонарь и передал знаками азбуки Морзе: «Е-Щ-Е В-З-Р-Ы-В П-О-Д-О-Й-Д-И-Т-Е Б-Л-И-Ж-Е К-О М-Н-Е». Послав эту просьбу, командир возобновил попытки перевести оставшихся на корме трех человек на верхнюю палубу. Телефонная связь вышла из строя. Связь с кормой оборвалась. Доброволец вызвался добежать до кормового люка. Волны все еще перекачивались через палубу, но сейчас они стали меньше, и появились шансы, что ему удастся добраться до кормы. Командир хорошо знал о состоянии старшего помощника, но у него теплилась надежда эвакуировать его с лодки. Он принял для себя решение: если старший помощник не выберется, то я останусь в кормовом торпедном отсеке и утону вместе с ним. И наступило долгожданное спокойствие. Это было то самое чувство, которое охватывало его в годы войны, когда он находился на лодке «Дейс», осыпаемой глубинными бомбами с японских миноносцев, и полагал, что настал конец. В тот раз он оказался счастливым. Теперь он думал: «Ну, и умру. И быть посему». На миг он засомневался: а что, если его смоет с палубы по пути на корму или, еще хуже, его смытого спасут, а старший помощник умрет в одиночестве. Но он отогнал прочь эти мысли.

Между тем «Таск» готовилась подойти ближе. Прежде всего, экипаж выстрелил торпеды из носовых аппаратов, во избежание взрыва в случае столкновения лодок или если на «Кочино» произойдет очередной взрыв, когда

«Таск» будет близко от нее. Затем «Таск» подошла лагом. На «Кочино» люди готовились перебраться на корму, чтобы перенести оттуда старшего помощника. Неожиданно все увидели его и следующего за ним другого раненого, выбирающегося из кормового торпедного отсека. Он как-то выкарабкался из койки, добрался до трапа, ведущего к люку, заставил себя, преодолевая боль, дотянуться до первой ступеньки. Боль была невероятная. Он теряя силы остановился. К счастью, сзади находился доктор Исон. А лодка тем временем уже заполнялась водой.

Позже старший помощник клялся, что не помнил, как сжав зубы, начал взбираться по трапу. Он только почувствовал, как невидимая рука (возможно, это был доктор Исон) схватила его за брюки, подтолкнула на трап и затем на палубу. Когда командир взглянул на своего старшего помощника, то заметил, что руки у него были забинтованы. Весь экипаж с волнением наблюдал за старшим помощником, который начал медленно пробираться к носовой части. Несколько человек бросились, чтобы помочь, но на нем почти не было места, за которое можно было бы ухватиться, не причинив человеку страшной боли. И люди молча наблюдали, как старпом мучительно делает шаг за шагом.

Матросы тем временем уже крепили узкую сходню между обеими лодками. Теперь весь экипаж «Кочино» собрался на верхней палубе. Большинство находилось поблизости от сходни, которую можно было сравнить с шестиметровой деревянной качелью, закрепленной между бортами двух кораблей, причем концы сходни заходили на палубы кораблей всего на несколько сантиметров. Матросы на обоих кораблях с помощью тросов пытались удерживать сходню на месте. Но корабли качало на сильной волне, и сходня то и дело срывалась и падала вниз, ее приходилось подтягивать и снова устанавливать на борту. Если сходня сорвется в тот момент, когда по ней будет идти человек, то совершенно очевидно, он будет раздавлен стальными корпусами, которые ударялись друг о друга в самых широких местах корпусов ниже ватерлинии. Это был один из самых непривлекательных путей спасания, придуманных на море.

Старпом Райт был первым, кто пошел по направлению к сходне. В напряженной тишине матросы расступились перед ним. Делая по одному осторожному, болезненному шагу, он подошел к сходне и продолжил движение на борт «Таск». И вскоре оказался там. Дело сделано. Настроение у людей поднялось. Если уж старпом в его тяжелом состоянии сумел дойти, то они тоже смогут. Один за другим моряки быстро прошли по сходне, причем первыми проходили раненые. Они выбирали момент, когда волны на короткое время поднимали лодки на один уровень, и в это время проходили на борт «Таск». Никто не подсказывал им. Теперь они не нуждались в руководстве с ходового мостика. Каждый выбирал момент для пробега по сходне. Не более двух-трех человек успевали пробежать до того, как сходня падала, и ее приходилось устанавливать на место. Удивительно, что никто не свалился в море.

Когда примерно треть экипажа перешла на «Таск», волны столь далеко растащили лодки, что часть швартовых лопнула. «Таск» снова приблизилась, но было очевидно, что уцелевшие швартовы долго не удержат. Казалось,

остальной экипаж пробежал по узкой сходне в считанные секунды. Все, за исключением командира «Кочино» Бенитеса, который оставался на палубе своей лодки. Командир соединения Бенсон прокричал ему: «Вы собираетесь покинуть корабль?» – «Черта с два» – прокричал в ответ Бенитес. – «Я не покидаю корабль». Он попросил быть в готовности взять его на буксир. Командир надеялся, что удастся все же спасти лодку. То было в 01.45 пятницы. «Кочино» накренилась на правый борт. Люк в кормовой торпедный отсек был под водой. Лодка продолжала крениться, оседая кормой в море. Бенитес наблюдал, как крен становится все более заметным, но он напряженно ожидал, что лодка перестанет крениться и снова займет стабильное положение. Если крен увеличится еще на несколько градусов, то лодка погибнет. С палубы «Таск» кричали: «Скорей же!» Люди поняли раньше его, что выбора нет.

Бенитес стоял на палубе и видел, что корма все глубже уходит под воду. Мелькнула мысль: это конец. Затем он прокричал Бенсону самые неприятные для любого командира слова: «Покидаю корабль». Он прошел по сходне на борт «Таск», и в следующее мгновение деревянную сходню разбило вдребезги. Командир «Таск» уже отдавал команду отойти от тонущей лодки «Кочино», а ее командир начал убеждать свой экипаж спуститься в нижние помещения. Затем он поднялся на ходовой мостик, чтобы наблюдать последнее погружение своей лодки. Его подлодка имела крен 15 градусов на правый борт. Вода уже покрыла рубочный люк и нос ее торчал из воды почти вертикально, будто пытаясь в последний раз взглянуть на небо, прежде чем лодка, откинувшись назад, медленно уйдет под воду.

«Кочино» затонула на глубине 270 метров, в ста милях от побережья Норвегии. С момента возникновения пожара прошло 15 часов. Бенитес наблюдал до тех пор, пока его лодка не скрылась под водой. Он не проронил ни одного слова ни в тот момент, ни час спустя. Он начал говорить только тогда, когда Бенсон и Вортингтон сообщили, что Фило и 6 человек из экипажа «Таск» погибли в море. Через шесть часов «Таск» вошла в порт Хаммерфест. Несколько человек были отправлены в госпиталь. Другим был предоставлен выбор. Они могут полететь домой в Нью-Лондон (шт. Коннектикут) или пойдут на «Таск» вместе, спасенные и спасатели. Все, кто был в состоянии находиться на корабле, вернулись на подлодке «Таск».

О гибели подводной лодки «Кочино» было сообщено в средствах массовой информации как в США, так и в Советском Союзе. Советская газета «Красный флот» опубликовала статью, обвиняющую США в проведении «подозрительных учений» поблизости от советских территориальных вод, а также направлении подлодки «Кочино» в район Мурманска со шпионскими целями. Со своей стороны ВМС США опубликовали сообщение о катастрофе, фактически признав, что ни личный состав, ни недостаточно прочные подводные лодки не в состоянии успешно плавать в коварных северных морях. Попытка Остина оказалась неудачной, но у ВМС США не было намерения раскрывать тот факт, что шпион находился на борту лодки. Когда офицеров просили прокомментировать советские утверждения о том, что «Кочино» находилась поблизости от Мурманска, то они давали тот самый ответ, который

в течение десятилетий командование ВМС рекомендовало давать на подобные вопросы: «Без комментариев».

Несмотря на эту трагедию и первоначальную неуверенность, у командиров и адмиралов не было сомнения в том, что ВМС США будут посылать подводные лодки к советским берегам. Через девять дней после гибели «Кочино» разведывательный самолет ВВС США получил доказательство того, что Советский Союз взорвал ядерное устройство. Предполагавшаяся угроза, из-за которой в шпионский поход была послана подводная лодка, обрела вполне реальные черты.

Глава 2

ВИСКИ ДАВАЙ, ДАВАЙ!

Подводная лодка «Гаджен» (бортовой номер SS-567) вошла в порт Йокосука в воскресенье, 21 июля 1957 года. Это была последняя остановка, где экипажи подводных лодок, идущие из Перл-Харбора и Сан-Диего, могли подготовиться к тайному проникновению к советским берегам. Сюда же они и возвращались после выполнения заданий, чтобы отпраздновать успех, расслабиться и подготовиться к новым выходам. Порт Йокосука стал шпионским центром.

Эта база на оконечности Токийской бухты отличалась смесью шпионажа, пьянства, напряженности и расслабления. В свое время эта японская военно-морская база была захвачена союзниками. Здесь рядовые матросы могли упиваться до чертиков, а офицеры создали в доме без лифта свое «подводное убежище» с баром и несколькими комнатами, где было много бархата и картин с голыми женщинами.

Прошло восемь лет со дня гибели «Кочино», и подводные силы уже стали неотъемлемой частью в деятельности разведки в годы «холодной войны». Они окончательно подтвердили свою значимость во время корейской войны, когда дизельные подлодки со шнорхелем направлялись в Японское море для наблюдения за попытками Советского Союза вмешаться в эту войну. С тех пор даже самые консервативные представители подводных сил признали большое значение непосредственного нахождения подлодок у побережья противника для наблюдения за движением его кораблей. До тех пор, пока не разразится война, разведка будет являться главной задачей для подводников, поскольку они являются основной силой для сбора подробной информации о строительстве советских ВМС, которое разворачивалось полным ходом.

Шпионские подводные лодки уже доставили информацию о том, что на советских судовых верфях ускоренными темпами шло строительство подводных лодок большого радиуса действия, в том числе более 20 лодок типа «Виски» и «Зулу», оборудованных шнорхелями. Советское высшее командование дало понять, что готовится бросить вызов американским ВМС в Мировом океане, используя для этого подводные лодки. Пока же советские подводники только учились управлять своими лодками. К примеру, в одном из первых

испытательных походов продолжительностью 30 суток на подлодке типа «Виски» у личного состава под разрушительным воздействием вредных газов неимоверно распухали руки и ноги. Несмотря на возникающие проблемы, советские подводные силы продолжали развиваться. Были получены сведения, хотя и не подтвержденные, что советские ВМС переоборудуют некоторые свои лодки типа «Зулу» под вооружение их ракетами, возможно, с атомными боеголовками.

Этого было достаточно, чтобы убедить самых приверженных традициям адмиралов, что идея шпионской деятельности подводных лодок – есть нечто большее, чем кормушка для группы эрудированных аналитиков, спрятавшихся в недрах военно-морской разведки, до сих пор загадочной для ЦРУ. Осознав, что они могут использовать подлодки для сбора ценной информации, адмиралы, возглавлявшие Атлантический и Тихоокеанский флоты, взяли на себя руководство всей шпионской деятельностью подводных сил. По их приказам подлодки скрывались в воде, ходили на перископной глубине, наблюдая круглый год, за исключением самых холодных месяцев, как вводятся в строй новейшие советские подлодки. Это давало подводникам дополнительную возможность поддерживать свою боевую готовность не только путем участия в учениях с дружественными флотами, но и путем захода в советские воды и встречи лицом к лицу с вероятным противником.

Главным приоритетом для любого командира шпионской подлодки было то, что на флоте называлось: «признаки и предупредительный сигнал». Им предлагалось забыть об осторожности, о радиомолчании и направлять сигнал домой, если обнаружат любые признаки мобилизации советских ВМС или о возможной подготовке к нападению на американские шпионские подводные лодки, которые теперь также использовали более усовершенствованные варианты «ушей Остина» для контроля за испытаниями советских ракет. Эти подводные лодки, имея антенны в состоянии постоянной готовности, непрерывно слушали различные переговоры в эфире, из которых ВМС США могли получать информацию о количестве советских кораблей и подлодок, готовых к выходу в море, и какова может быть их тактика в военное время.

Все больше и больше флотские адмиралы консультировались с военно-морской разведкой, становясь партнерами в шпионаже. Офицеры разведки приглашали подводников проходить подготовку вместе с ними, указав в одном из приглашений, что они занимаются «второй из наиболее древних профессий в мире», той, в которой «морали еще меньше, чем в первой».

Большинству высших правительственных чиновников почти ничего не сообщалось о том риске, которому подвергаются подводные силы, или о том, что ведутся какие-то странные игры «настоящих мужчин». В то время, когда президент Эйзенхауэр с большим сомнением разрешил полеты самолетов У-2 над Россией, опасаясь возможности вызвать раздражение советского премьера Н. С. Хрущева, многие командиры американских подлодок, полагая, что это их работа, забывали требования международного права и запросто заходили в советские территориальные воды. Командующие флотами оценивали своих командиров подлодок по критерию – как долго они держали свои «глаза и уши»

над водой. Чем более дерзкая попытка, тем более высокая оценка. Это стало своего рода состязанием на браваду среди командиров и экипажей лодок. Для большинства командиров лодок эти дни неограниченного риска будут характеризовать верхнюю точку в их карьере. Несомненно было напряжение, и большое. Некоторые ветераны-командиры лодок за продолжительный поход в западной части Тихого океана теряли до 9 килограммов собственного веса. Никто заранее не знал, попадет или нет в стрессовую ситуацию.

Подлодка «Гаджен» вышла из Йокосуки в свой очередной поход к советским берегам под командованием капитан-лейтенанта Нормана Бессака. В свое время он уже проводил «Гаджен» незамеченной под группой советских кораблей, плававших в ледовых северных водах. Теперь же он вел лодку прямо в советские территориальные воды. Впервые ему придется командовать в таких опасных условиях. Этого тридцатичетырехлетнего капитан-лейтенанта всегда отличало стремление к приключениям. За полтора года командования «Гаджен» он убедил экипаж лодки в том, что является одним из самых бесшабашных командиров.

В этом у него было много общего со «спуками», прикомандированными к его лодке. Они сами выбрали свое назначение, они были основными военно-морскими шпионами и перехватчиками радиотелефонных переговоров. Они могли летать на шпионских самолетах ВМС и каждый вечер успевать домой к ужину, могли спать с женами, вместо того чтобы дремать бок о бок с полудюжиной матросов или в обнимку с парой торпед. Но для «спуков» почти все, сказанное о подводных лодках, казалось признаком значимости и драмы. Они буднично прибывали на лодку в форменной одежде, подобной той, которую носил Остин на «Кочино», т. е. заменив свои прежние эмблемы на эмблемы радистов. В их письменных предписаниях было написано: «прибыть на засекреченный корабль».

Задача «спуков» заключалась в том, чтобы наблюдать за вероятным противником, давать предупреждения, если подлодка будет замечена советскими кораблями или береговыми установками, которые начинали вести наблюдение в океанах с помощью радио – и гидролокаторов. Советские патрульные корабли уже преследовали несколько американских подлодок. Это были годы, ведущие к кубинскому ракетному кризису. То был период, когда советская пропагандистская машина находила себе пищу даже в сказке «Ганс и Грета», печатая большими тиражами ее переделанный вариант, в котором дети трудолюбивых колхозников были поработаны толстым капиталистом в богатой резиденции на зловещем Западе. А советские «друзья по переписке» предлагали американцам обмениваться фотографиями прекрасных соборов на фоне береговой черты побережья Северной Америки, по возможности включая виды портов и гаваней. Когда личный состав вступал на борт «Гаджен», мало кто из моряков сомневался в том, что они являются участниками необъявленной войны. Несколько американских самолетов-разведчиков были сбиты, и экипаж подлодки мог только гадать, что сделают советские корабли, если они загонят американскую подлодку в безвыходную ситуацию.

«Гаджен» была одной из новейших в ВМС США и одной из первых

специально сконструированных дизельных лодок со шнорхелем и электронным оборудованием для подслушивания. На легендарной старой судоверфи фирмы «Электрик Боат компани» в Гротоне (шт. Коннектикут) были уже построены первые две атомные подводные лодки «Наутилус» (бортовой номер SSN-571) и «Сивулф» (бортовой номер SSN-575). Но Риквер, к тому времени уже адмирал, не имел особого желания посылать свои подлодки непосредственно в районы плавания советских ВМС. Он обладал достаточной властью, чтобы держать эти лодки в США.

Риквер родился в еврейском местечке Маков (Польша), в 80 километрах к северу от Варшавы. Его семья, используя свои связи в конгрессе США, устроила его в военно-морскую академию. Когда Риквер впервые начал проводить эксперименты с атомной энергией, он предложил ВМС приступить к строительству атомных подводных лодок. И даже добился, чтобы его назначили на руководящую работу в комиссии по атомной энергии. Он был настолько нахальным и дерзким, что командование ВМС дважды отказывалось присвоить ему звание контр-адмирала. Но Риквер обратился к своему другу в конгрессе США и получил это звание.

Теперь он использовал свои атомные подлодки для усиления своих связей с общественностью: каждый раз, когда очередной конгрессмен совершал выход в море на атомной лодке, ВМС получали дополнительное финансирование. На самом деле «Наутилус» готовилась к эффектному зрелищу: ВМС пытались выделить ее как первую в истории лодку, достигшую подо льдами Северного полюса.

А пока именно дизельные подлодки выполняли всю шпионскую работу. В их числе была и «Гаджен», идущая на север в сторону Владивостока, крупнейшей советской военно-морской базе на Тихом океане. Лодка приближалась к месту проведения специальной операции в начале августа 1957 года, имея на борту трех или четырех «спуков», которые всю работу выполняли, выявляя малейшие признаки того, что лодку засекали.

Дополнительная подслушивающая аппаратура была напичкана повсюду. Один из радиооператоров, освоивший русский язык, следил за переговорами между кораблями и берегом. Его задача была не пропустить фразы: «Обнаружена подводная лодка». Другой принимал меры противорадиолокационной защиты, следил за движением на экране радарных импульсов, которые могли обнаружить «Гаджен», и сигнализировал о необходимости погружения. По возможности он записывал развертку импульсов этого радара для того, чтобы американские разведчики смогли найти способы глушения импульсов советских радаров в будущем. Еще один специалист по гидролокаторам находился в готовности оказать помощь в записи так называемых шумовых автографов (характерных звуков) всех проходящих советских надводных кораблей и подводных лодок. Эти своего рода «отпечатки пальцев», уникальные шумы винтов и механизмов могли в будущем помогать американцам распознавать в море советские корабли и подлодки.

Как всегда, «спуки» собирали секретную информацию благодаря как своей

удаче, так и приобретенным навыкам. Не было никакой возможности предсказать, каким образом будет разворачиваться операция.

Не тратя времени зря, командир Бессак направил свою лодку в двенадцатимильную зону территориальных вод, объявленную Советским Союзом. Имевшиеся приказы командования позволяли ему это и, более того, разрешали входить даже в пределы трехмильной зоны, признанной США. Это было реальное начало операции, которая по плану должна была продолжаться один месяц. Спрятав свой корпус длиной 67,6 м и шириной 8,1 м под воду, лодка днем подходила как можно ближе к берегу, имея на поверхности только перископы и антенны для наблюдения за горизонтом.

Каждую ночь «Гаджен» уходила из зоны на 20–30 миль, запускала свои шумные дизеля и заряжала аккумуляторные батареи, а шнорхель осуществлял забор воздуха для обеспечения работы дизелей и выбрасывал отработанные газы через специальную трубу. Этот маневр обеспечивал экипажи достаточным количеством воздуха и электроэнергии для проведения всего следующего дня в советских водах бесшумно, на перископной глубине.

Если бы плавание продолжалось как запланировано, то никогда «Гаджен» не запустила бы дизеля поблизости от советских берегов и не всплыла бы выше глубины шнорхеля до тех пор, пока она не оказалась бы уже на обратном пути в Японию. А до этого момента экипаж будет жить в своей тесной скорлупе, работая в испарениях от работавшего дизеля, которые даже вентилирование через шнорхель не могло устранить.

Экипаж лодки почти перестал замечать эти запахи. Одежда, кожа, волосы – все было пропитано «дизельным одеколоном», отличительным запахом подводника, скрывавшим другие запахи. Душевые кабины для экипажа были обычно заполнены продуктами питания, и на каждого человека в лучшем случае выделялась в день половина миски пресной воды для умывания. Благодаря новым испарителям, на «Гаджен» вода была значительно чище, чем ржавая вода из баков на старых дизельных лодках, но все равно в ограниченном количестве. Экипаж придумывал различные хитрости, чтобы с наибольшей пользой употреблять ее. Умывание начинали с лица, а далее вниз тело протирали губкой. Устраивали временные души соленой водой из трюмов машинного отделения и добывали несколько дополнительных чашек пресной воды, устанавливая ведра для сбора конденсата, от которого все на лодке было сырым и капающим. Обычно набирали конденсата достаточное количество для проведения одной стирки белья за все время похода. Такая прибавка воды была достаточна, чтобы не проклинать испарения, идущие из трюмов и превращающие койки в металлические болота. Для защиты от влаги матрацы стали помещать в водонепроницаемые пластиковые мешки на застежке-молнии. Каждый подводник научился быстро раскрывать такой мешок, залезать в него и сразу же закрываться.

Комфорт – это, конечно, хорошо, но главной целью для каждого было остаться в живых. А для этого правила были совсем простые – соблюдать тишину, оставаться в подводном положении и, прежде всего, избегать обнаружения. Это было самое главное правило, которое «Гаджен» тем не менее

собиралась нарушить. Это случилось в понедельник, 19 августа 1957 года, где-то около 17.00 по часовому поясу советского Тихоокеанского побережья. «Гаджен» находилась в подводном положении уже почти 12 часов. Потребуется два-три часа, чтобы достичь той удаленной точки, где она может подвсплыть на глубину шнорхеля, и затем еще несколько часов, чтобы пополнить запас воздуха и подзарядить аккумуляторные батареи для обеспечения плавания на следующий день. Воздух в лодке уже был скверный, насыщенный испарениями дизельного топлива больше обычного, запах стоял отвратительный. Несколько человек в старшинской кают-компании смотрели кинокартину. Под жужжание 16-миллиметрового кинопроектора популярные американские кинозвезды Спенсер Трейси и Ли Марвин изображали жизнь в первые послевоенные дни. Фильм был новый. Недостаток воды и пространства на подводной лодке командование ВМС стремилось восполнить хорошими кинокартинами и хорошей пищей.

На мгновение «Гаджен» накренилась. Началась небольшая качка, какая обычно происходит, когда на поверхности штормит. Но в спокойных водах на подходах к Владивостоку такая качка может случиться только тогда, когда рубочные рули выйдут из-под воды и коснутся волны. Затем лодка начала погружаться. Вроде бы ничего особенного, не срочное погружение, а плавное, которое можно почувствовать, только когда находишься в вертикальном положении.

Неожиданно прозвучал сигнал тревоги. Ничего необычного не было и в команде, прозвучавшей из динамика: «По боевым постам!» В считанные секунды люди выбирались из коек, выскакивали из кают-компании и других мест и бежали по узким коридорам. Моряки хватались за горизонтальные перекладки, приваренные к водонепроницаемым дверям, стремительно перебрасывая ноги в соседний отсек. Затем, протаскивая плечи и голову, соскальзывали вниз по трапам. Кто-то кричал всем, кто мог его слышать: «Нас таранили!» «Проклятые русские наверху, и старик уходит поглубже». Другие думали, что антенну противорадиолокационной защиты слишком долго держали над водой, эта антенна была около 30 см шириной и 46 см высотой. Вахтенный офицер был обязан опускать ее, как только обнаружит сигнал радара, что должно означать, что русские облучают «Гаджен». Обычно эта антенна поднималась и опускалась совместно с перископом, примерно на 30 секунд. Но в походах к советскому побережью мачту поднимали на более длительный срок, поскольку на нее были добавлены еще и другие разведывательные антенны. А возможно приказ убрать антенну поступил слишком поздно. Не исключалось, что на лодке недостаточно четко удерживали заданную глубину и поэтому как мачта, так и рубочные рули могли оказаться на поверхности.

В любом случае все, что выступало на поверхности, приводило к тому, что «Гаджен» могла быть легко обнаружена. Так и случилось. Советские корабли уже шли в направлении лодки, когда командир отдавал распоряжения, чтобы избежать столкновения. Уводя лодку в глубину, он искал температурный слой, массу холодной воды, которая могла бы укрыть лодку, отражая обратно на

поверхность импульсы гидролокаторов, посылаемые в глубину советскими кораблями. Несомненно, советские корабли будут использовать активные гидролокаторы, посылая исключительно точные звуковые лучи и получая полную картину того, что происходит в глубине. У них не было причин использовать пассивные гидролокаторы, не издающие звуков. Ведь не за ними же охотились.

Глубина 30 метров, 60 метров, командир никак не мог найти этот температурный слой, чтобы спрятаться под ним. Глубина 90 метров. В это время экипаж слышал короткие, резкие звуки, пронизывающие весь корпус лодки. Внимание всех было сосредоточено на этих звуках. Командир повел лодку глубже и к выходу из двенадцатимильной зоны. Многим показалось, что удалось убежать, но советские корабли продолжили преследование. Идя на аккумуляторах в подводном положении, «Гаджен» не могла убежать, ее скорость не превышала нескольких узлов.

К этому моменту весь экипаж думал только о том, как вырваться из этой ситуации. Рулевые горизонтальными рулями строго удерживали заданную глубину погружения. Другие же внимательно следили за показаниями глубиномеров. Командир стоял в тесном центральном посту, отдавая приказы. Рядом с ним старший помощник лейтенант Джон Коппедж, уроженец юга, которого матросы за глаза называли Бо.

На боевых постах вокруг командира находились офицеры поста управления оружием, рулевые, а также склонившиеся над картами штурманы, прокладывающие курсы движения лодки, резко меняющиеся, чтобы ускользнуть от преследователей. За водонепроницаемой переборкой рядом с центральным постом сидели гидроакустики в своих маленьких затемненных помещениях, наблюдая за экранами и пытаясь определить количество звуков гребных винтов.

Наверху находились два корабля. К ним вскоре присоединились и другие, и все с одной целью – поймать «Гаджен». А тем временем емкость аккумуляторных батарей на лодке была на нижнем уровне, воздух сделался спертый, как обычно в конце дня. Запустить дизеля, забрать свежего воздуха и подзарядить аккумуляторы можно будет только тогда, когда лодка сможет подвсплыть к поверхности, поднять трубу шнорхеля и держать ее на поверхности до тех пор, пока не провентилируются помещения. Уровень углекислого газа в воздухе лодки сделался уже достаточно высоким, и часть людей чувствовала тошноту; другие страдали от головной боли, как будто голова раскалывалась. Это был самый ужасный момент для любой дизельной подлодки и особенно для той, которую обнаружили.

Вспомогательное оборудование было отключено, чтобы сэкономить электроэнергию и снизить шумы. Электроосвещение доведено до минимального уровня, скорее мерцание, чем освещение. Вентиляторы и воздуходувы выключены. Командир отдал распоряжение оставить на боевых постах только одну смену личного состава, остальным лежать на койках, чтобы экономить кислород. С поверхности корабль осыпал «Гаджен» зондирующими импульсами, «отгоняя» ее в сторону другого корабля, который в свою очередь

начинал гидроакустический штурм. Каждый зондирующий импульс напоминал экипажу, что кто-то совершил большую ошибку.

Из помещения гидроакустиков доносилась информация о том, что наверху уже четыре корабля. Люди посылали проклятия «Чарли Брауну», так они называли советские корабли, когда не употребляли более яркие выражения.

Вместе с серией зондирующих акустических импульсов вокруг «Гаджен» раздалась серия небольших взрывов. Лодка вновь попыталась изменить курс, чтобы ускользнуть от преследователей. И преследователи ответили: советские корабли стали сбрасывать небольшие глубинные заряды, взрывы которых звучали как разрывы ручных гранат. Громкие звуки взрывов проникали сквозь корпус. Но с лодкой было все в порядке. «Гаджен» могла выдержать эти небольшие взрывы. А что, если советские корабли применят настоящие, полномасштабные глубинные бомбы? Командир начал отдавать приказания о новой серии маневрирования с целью ускользнуть. В центральном посту люди работали, напрягая слух, стараясь определить, что делается снаружи. Другие лежали тихо на своих койках, тоже внимательно прислушиваясь и ожидая грохота более сильных взрывов, которые могут означать, что «Гаджен», возможно, никогда не всплывет на поверхность. Молодые моряки заметно нервничали. Несколько ветеранов, что прошли Вторую мировую войну, внешне не проявляли страха, но они и лучше других понимали, что обстановка значительно хуже, чем кажется. Они помнили, что их тезка, подлодка Второй мировой войны «Гаджен», погибшая в 1944 году в Тихом океане, как полагают, была уничтожена глубинными бомбами противника. Они теряли своих товарищей на подлодках в годы войны, а некоторые из них бывали на лодках, которые чудом уцелели после взрывов глубинных бомб. Они пережили ужасные потрясения, когда промокали до нитки под струями морской воды, бившей из перебитых трубопроводов лодки, размышляя, как долго они смогут продержаться внутри этого непрочного стального цилиндра.

Советские корабли сделали еще заход, затем другой, облучая зондирующими импульсами и сбрасывая глубинные заряды, наподобие ручных гранат. «Успокойся, мы выберемся из этого», – тихо сказал командир молодому девятнадцатилетнему матросу.

Юноша уже выставил напоказ талисманы от катастрофы, татуировки курицы и свиньи, наколотые по одной на каждой ноге. Это была своего рода традиция, пришедшая из старой гавайской легенды. В ней говорилось, что курицы и свиньи всегда найдут что-нибудь, на чем можно выплыть, и они никогда не тонут. Несколько человек имели такие же татуировки.

К этому времени осада продолжалась уже почти три часа. Командир продолжал поиск температурного слоя, погружая лодку на допустимую глубину около 200 метров, а вскоре погрузился еще глубже. Искомое температурное слоя не оказалось. Может быть, этот слой где-нибудь на глубине около 250 метров? Корпус лодки должен был выдержать давление даже на 30 метров больше допустимой, и командир, по-видимому, рискнул бы. Но возникла проблема, которая не давала ему возможности воспользоваться этой крайней мерой. Утром что-то оказалось зажатым во внешнем клапане

мусорного эжектора. Все, что закладывалось в эжектор, должно было быть упаковано в мешок и перевязано. Весь экипаж знал это правило. Обычно столб воды поступает через входное отверстие, и затем эта вода и мусор выталкиваются в море. Но кто-то просто бросил какой-то предмет в эжектор, предварительно не положив в мешок и не перевязав, чем и заклинил внешний клапан.

В результате теперь только внутренний клапан, т. е. всего одна пластина стала сдерживать давление огромной толщи океанской воды. Даже глубины 160 метров достаточно, чтобы давление воды через отверстие диаметром 25 мм превысило возможности откачивающей системы и утопило бы лодку. Если внутренний клапан, закрывающий мусорный эжектор, не выдержит, даже на той глубине, на которой лодка находится сейчас, она погибнет.

У одного из старшин целый день было дурное предчувствие в отношении этого эжектора еще задолго до встречи с советскими кораблями. Он даже предлагал послать кого-либо из водолазов, чтобы освободить внешний клапан эжектора. Но командир решил, что проводить эту операцию было слишком рискованно. Несомненно, если бы «Гаджен» не находилась теперь в таком положении, то более глубокое погружение могло бы спасти ее. Следовательно, глубже погружаться нельзя. Командир стал предпринимать другие варианты и приказал выпустить из кормового отсека специальные устройства, создающие шумы. Эти устройства были в жестяных банках длиной около метра каждое. Выпущенные за борт, они начинали выделять в воду поток пузырьков воздуха, вводящих в заблуждение гидроакустиков.

Но советские корабли не поддались на эту уловку. На запуск с «Гаджен» шумовых помех они ответили сбросом новой серии взрывных устройств, подобных ручным гранатам. Было ли это наказанием за смелую попытку ускользнуть? Или это была насмешка, чтобы показать, как глупо провалилась эта уловка? Это уже не имело никакого значения. «Гаджен» продолжали атаковать.

Тогда командир взглянул на рулевых и со словами: «Давайте попытаемся», – приказал направить лодку прямо на противника, надеясь, что советские корабли такого маневра не ожидали. Ничего не получилось. Не получилось и тогда, когда он направил лодку сначала влево, затем направо и затем снова прямо. На каждый маневр следовала серия взрывов.

Теперь на поверхности находилось уже 8 кораблей. Они по очереди проходили над лодкой. Гидроакустики внимательно следили за курсами советских кораблей, а торпедисты держали торпеды в готовности к залпу. Но для шпионских подлодок общей установкой было «не стрелять», т. е. не стреляй до тех пор, пока сам не будешь обстрелян. До сих пор малые взрывные устройства не были заменены на мощные глубинные бомбы.

Осада продолжалась двадцать часов, двадцать четыре часа. Никто не помнит, чтобы командир или его старший помощник покидали центральный пост. Если они и спали, то на короткое время, как говорится, клевали носом в кресле. Большинство экипажа также воздерживалось от сна, и даже те, кто находился в койках, просто лежали, прислушиваясь к звукам осады.

Мучительно больно было идти куда-то и даже просто дышать. Даже короткий переход от боевого поста до центрального поста приводил к тому, что у человека появлялась одышка, его глаза слезились, а сердце стучало, как будто он пробежал 5–6 километров. Конечно, горячую пищу не готовили. Вместо этого в кают-компании подавали холодные бутерброды. Курение было запрещено. Так или иначе, все равно невозможно было зажечь сигарету из-за недостатка кислорода в воздухе.

Все же некоторые находили места относительно богатые кислородом, где можно было зажечь сигарету и тайком сделать пару затяжек.

Дополнительный кислород во внутренние помещения брали из больших баллонов, прикрепленных с внешней стороны борта лодки, причем два баллона находились в кормовой части и два в носовой. Но пополнение кислородом не могло сократить уровень углекислоты и угарного газа, содержание которых в воздухе поднималось до опасного уровня. Почти всех мучила головная боль. Некоторые были близки к обмороку.

Устройства с кристаллами гидрата окиси лития были расставлены во всех помещениях лодки для абсорбирования излишков углекислого газа. Эти кристаллы разбрасывались даже на матрацы, чтобы способствовать процессу поглощения. Но уровень углекислого газа оставался слишком высоким. Кристаллы гидрата окиси лития не в состоянии были поглощать угарный газ без цвета и без запаха, который мог в конечном счете усыпить всех навсегда. Советские корабли ставили «Гаджен» в тупик, проходя над ней то спереди, то сзади, то по диагонали, заставляя ее идти по намеченному ими курсу. Проход каждого корабля сопровождался потоком зондирующих импульсов и затем взрывами гранат.

...Среда, 21 августа, раннее утро, никаких изменений. Среда, после полудня – никаких изменений. Среда, к вечеру «Гаджен» была в осаде уже 48 часов в подводном положении и не поднимала шнорхель почти 64 часа. Командир записал в вахтенном журнале, что за двое суток лодка прошла расстояние, равное нулю. Необходимо сделать что-то решительное.

Старший помощник начал обходить помещения и информировать личный состав о том, что они собираются попытаться поднять шнорхель, как он выразился, попытаться «высунуть нос». Большую часть осады личный состав работал в повседневном режиме, по одной смене на каждом боевом посту. А сейчас он призывал всех занять места на боевых постах, как по сигналу «боевая тревога». Лодке был необходим свежий воздух. Ей надо было срочно послать сигнал о помощи. Короче говоря, изменить статус-кво или погибнуть. «Мы собираемся подвсплывать, – объявил командир в центральном посту. – Как только выдвинем шнорхель, немедленно начнем вентилировать помещения».

Как только «Гаджен» подвсплыла, моряки попытались включить гидравлический привод для подъема антенны. Но антенна не сдвинулась с места. Должно быть, ее повредило одним из взрывов. Все, что они смогли услышать, так это один глухой удар и за ним другой. Как только шнорхель достиг поверхности, механики запустили дизеля. «Гаджен» сделала пару глотков воздуха. Затем один из советских кораблей развернулся в сторону

лодки и с ревом пошел на нее, намереваясь таранить или, по крайней мере, заставить погрузиться. Советские корабли не прекратили преследование, у них не было намерения позволить экипажу лодки глотнуть свежего воздуха и, разумеется, они не собирались позволить лодке послать сигнал о помощи. Кто-то дал сигнал опасности столкновения, и командир дал команду на погружение. Дизеля были остановлены, и «Гаджен» снова пошла на аккумуляторных батареях. Экипажу не удалось послать сигнал SOS. Воздух в лодке остался таким же до крайности спертым. Командир приказал погрузиться на глубину 120 метров и стал обдумывать свой следующий ход. Он посоветовался со старшим помощником, который переговорил до этого с механиком лодки – о состоянии аккумуляторных батарей и с санитаром лодки – о качестве воздуха в помещениях и состоянии здоровья экипажа. Выбора почти не оставалось. Было очевидно, что люди долго не протянут, аккумуляторных батарей хватит часов на восемь, и то, если лодка не будет много двигаться. Но это ничего не решит. Старый морской волк хорошо понимал, что у него нет возможности убежать от своих мучителей.

Через несколько мгновений решение созрело. «Гаджен» будет пытаться поднять шнорхель и, возможно, всплывет на поверхность. Но одно не должно произойти. Лодка не должна быть взята на абордаж и не должна быть захвачена, командир и экипаж должны до этого умереть. Никто из экипажа не высказал возражений. Командир приказал открыть крышки торпедных аппаратов. Он знал, что на советских кораблях это заметят, и хотел показать, что американцы настроены решительно. Затем некоторым офицерам выдали пистолеты, исключая врача Хантли, который ходил по отсекам, размахивая собственным пистолетом, приговаривая, что его обязанность застрелить «спуков», если советские моряки попытаются взять «Гаджен» на абордаж. Одному «спуку» он заявил: «Ты можешь проглотить эту зеленую пилюлю, либо я тебя застрелю». Хантли всегда был немного со странностями.

Наверное, ему никто не давал полномочий расхаживать, рекламируя свою маску с эмблемой смерти. Да и по службе ему никогда не выдавали пистолет. Но у него в руках в решающую минуту все-таки оказался пистолет, и в тот момент «спуки» боялись его больше, чем советских кораблей.

Между тем «спуки» и другие моряки в радиорубке рядом с центральным постом, а также все те, кто имел дело с кодами и другими секретными документами, собирали их в кожаные мешки с дырками, нагруженные свинцовыми грузилами. Некоторые документы были уничтожены на месте. Если советские моряки попытаются взять лодку на абордаж, эти мешки будут выброшены через верхний люк в море.

Это был момент, который ни один подводник не хотел бы пережить. Тяжелее, как говорится, трудно придумать. Может быть, «Гаджен» удалось бы убежать, если бы она могла погрузиться глубже и если бы крышка люка мусорного эжектора не оказалась заклиненной. Каковы бы ни были причины, командир проиграл.

Удрученный, он дал команду на всплытие.

Он еще пытался послать донесение на американскую базу в Японии. Но

при всплытии радиомачту опять заклинило. Как только шнорхель появился на поверхности, командир дал приказ, и все три дизеля заработали, выпуская отработанные газы как в атмосферу, так и частично внутрь лодки, еще больше загрязняя воздух в ней. Никто не обращал внимания на выхлопные газы, поскольку шнорхель поставлял в лодку свежий воздух и выбрасывал в атмосферу удушливый, которым люди дышали прежде.

«Гаджен» была на перископной глубине, и было ясно, что советские корабли отстают. Но надолго ли? Прошла минута, две, затем пять минут, но «Гаджен» все еще не могла послать донесение. Но лодка пополняла запасы свежего воздуха и удаляла выхлопные газы. Экипаж интересовал вопрос, пойдет ли командир напролом, всплывет ли лодка?

До последней минуты командир производил расчеты и перебирал возможные варианты. «Гаджен» потребуется, по крайней мере, двадцать минут работы шнорхеля, чтобы минимально проветрить помещения, а подзарядка батарей еще даже и не начиналась. Если снова придется погрузиться, то в лучшем случае лодка будет медленно идти на аккумуляторных батареях. Если лодка останется на глубине шнорхеля, то можно будет переключить один дизель на подзарядку аккумуляторов и двигаться немного быстрее. Однако только на поверхности лодка могла помчаться к Японии на предельной скорости 20 узлов. Кто знает, будут ли советские корабли нападать снова, но при этой скорости, и учитывая преимущество на старте, может быть, удастся оторваться.

Он принял единственное возможное в тот момент решение – всплывать.

Никто не был ранен, ни одна шпага не сломана и никакая территория не отдана. Но США проиграли важную битву. Впервые в этой «холодной войне» под водой подлодку вынудили отказаться от выполнения задачи, выйти из укрытия и оказаться уязвимой на гребнях волн.

Затем командир дал указание послать уже и так запоздалый сигнал о помощи. «Посылай этот проклятый сигнал на английском языке», – прокричал командир в ответ на вопрос радиста, каким текстом передавать сигнал. Сигнал был передан открытым текстом.

Больше уже не было смысла скрывать свою принадлежность. Между тем командир начал подниматься вверх по длинному трапу, ведущему из центрального поста на рубочные рули и далее на ходовой мостик. За ним поднимался один из офицеров, сигнальщик и матрос с мегафоном, через который будут передаваться команды командира, если советские корабли будут приближаться с целью атаковать. И если среди этих кораблей будет эсминец, то у «Гаджен» не будет никаких шансов на благоприятный исход.

На поверхности было все еще светло как днем. С мостика можно было видеть советские корабли. Два или три корабля находились слева. Это были малые охотники за подводными лодками. Остальные располагались позади. Похоже, они не собирались в стаю, чтобы загнать подлодку, у которой аккумуляторные батареи почти полностью разряжены.

С советских кораблей поступил сигнал «А», означающий по международному коду: «Кто вы? Покажите ваши позывные». В ответ «Гаджен»

передала сигнал «А». С советских кораблей последовал ответ: «СССР». «Гаджен» ответила по международному коду: «ВМС США. Мы идем в Японию». В ответ пришло указание: «Продолжайте движение и уходите из советских территориальных вод». Сигнальщик с облегчением интерпретировал экипажу ответ следующим образом: «Они сказали: спасибо за помощь в проведении учений по противолодочной обороне». Он безуспешно пытался подавить усмешку. Остальной экипаж тоже усмехался. У людей поднялось настроение. Они пережили муки ада. Празднование уже шло вовсю, когда над головой появились американские самолеты, чтобы убедиться, что с «Гаджен» все в порядке и она полным ходом в надводном положении уходит подальше от советских берегов.

Впервые за много дней коки разогревали свои печи. На обед был приготовлен бифштекс, и каждый получил по две банки пива. Экипажу и в голову не приходило, что на борту лодки могло быть пиво, да еще целые ящики банок с пивом. Оказалось, что так. И моряки предпочитали пить пиво молча, чем указывать старому морскому волку на нарушение правил. Они могли двигаться, могли свободно дышать, и шла подзарядка аккумуляторных батарей. Они были в чертовском смущении. Но в тот момент всем было все равно. Они благополучно убежали и в первый раз признавались друг другу, что не были уверены в благополучном исходе. Советские корабли, вероятно, могли утопить лодку. Они просто не хотели этого делать. Возможно, рассуждали на «Гаджен», они и хотели, но им не разрешили.

Не было официального празднования, когда «Гаджен» прибыла в Йокосуку в понедельник 26 августа 1957 года. Настроение на базе было отвратительное: Советский Союз объявил об успешных испытаниях межконтинентальной баллистической ракеты. В этой обстановке командование ВМС хотело, чтобы инцидент с «Гаджен» был забыт и как можно скорее.

Радист, который открытым текстом передавал сигнал о помощи, был повышен в звании и немедленно переведен на другой корабль. Были разговоры, что ему после этого разрешалось работать на ключе только левой рукой, чтобы по его почерку работы перехватчики не могли догадаться, что сообщение идет с американской подлодки.

Командир лодки Бессак также ушел с лодки. Он еще раньше был включен в списки кандидатов на перевод с дизельных подводных лодок на атомные подлодки адмирала РикOVERA. И это осталось без изменений. Что действительно изменилось, так это планы оперативного использования подлодки «Гаджен». Вскоре командование ВМС объявило, что она готовится первой из всех подводных лодок в мире совершить кругосветное плавание. Это был самый лучший способ убрать ее с Тихого океана, где она стала хорошо знакома советским кораблям, а также лучший способ пресечь распространение среди подводников сведений об инциденте с ней.

Конечно, командование ВМС предложило другое официальное объяснение этому плаванью, считая его предназначенным для претворения в жизнь программы «Народ – народу», а президент Эйзенхауэр назначил каждого члена экипажа «послом доброй воли во всем мире». Каждый из этих «послов» имел

приказ никогда не говорить ни слова об инциденте с «Гаджен».

Между тем, воодушевленные победой, советские ВМС стали без особого пиетета относиться и к другим американским подлодкам. Среди них была и подлодка «Ваху» (бортовой номер SS-565), застигнутая у советских берегов, но сумевшая ускользнуть, хотя и с поврежденным двигателем. Поскольку подлодки действовали спокойно, Советский Союз вел себя по отношению к ним сдержаннее, чем по отношению к шпионским самолетам, которые преднамеренно облучали радиолокаторы советской системы ПВО, чтобы замерить их характеристики.

Сколь ни опасными стали эти подводные стычки, но не было потоплено ни одной подлодки, а глубинные бомбы сбрасывались обычно в виде маломощных зарядов, подобно случаю с «Гаджен». Подводные стычки в советских водах твердо закрепились как составная часть «холодной войны», и их напряженность лишь усиливалась по мере того, как обе стороны готовились к разворачиванию своих первых атомных подводных лодок. После того как Советский Союз запустил первый спутник осенью 1957 года, президент Эйзенхауэр сразу же распорядился ускорить строительство атомных подводных лодок, которые могли запускать ракеты «Поларис» из подводного положения. Между тем ВМС США переоборудовали несколько дизельных подводных лодок под вооружение управляемыми ракетами «Регулус», прототипами которых были немецкие самолеты-снаряды с дальностью стрельбы 300–400 морских миль. Для запуска ракеты «Регулус» лодка была вынуждена всплывать, а полетом ракеты от старта до места падения следовало управлять как с этой лодки, так и с другой, находившейся ближе к побережью Советского Союза. Опасения, что в ответ Советский Союз пошлет свои шпионские и ракетные подлодки к берегам США, побудили Вашингтон взять в свои руки руководство подводным шпионажем. Неожиданно операции, которыми обычно руководили командующие флотами, стали проверяться администрацией Белого дома и Пентагоном. А Центральное разведывательное управление и Агентство национальной безопасности, которое занималось дешифрованием кодов и было настолько сверхсекретным, что даже работавшие там сотрудники шутили, что его сокращенное название АНБ якобы означает «Нет Такого Агентства», стали в значительной мере определять, какую разведывательную информацию следует добывать в первую очередь.

Едва ли хоть одна советская дизельная подлодка совершила длительный переход к берегам США, однако это не остановило вспышку «красной истерии». Один из членов палаты представителей конгресса США заявил, что около Атлантического побережья США было замечено почти 200 советских подводных лодок. Простые граждане стали устанавливать «сторожевые вышки» для наблюдения за подлодками, и в последующие несколько лет случаи «обнаружения» подлодок стали более частыми. Так, одна женщина, указанная в документах ВМС только как Гилкинсон, сообщала о том, что видела три подлодки у берегов Флориды, включая одну, которая прошла в трех метрах от нее, когда она ныряла с аквалангом. Один мужчина из Техаса сообщал о том, что видел перископ на том месте, где, как оказалось, глубина была всего полтора метра.

ВМС тоже вели наблюдение за советскими подлодками. Но они вели его главным образом в довольно узком районе, образуемом Гренландией, Исландией и Великобританией. Советские корабли и подводные лодки вынуждены проходить через этот «контрольный пункт», чтобы выйти на атлантические маршруты к США. Довольно часто группа американских дизельных подлодок находилась на так называемом «оперативном барьере» с внешней стороны этой узкости, а британские ВМС также вели наблюдение за советскими подлодками. В дополнение к этому ВМС США начали устанавливать вдоль Тихоокеанского и Атлантического побережья подводные шумопеленгаторы, создавая подслушивающую систему под названием SOSUS – систему наблюдения за шумами с целью обнаружения кораблей и подводных лодок. Однако аналитики, пытавшиеся расшифровывать записи данной системы, нуждались в дополнительных данных, чтобы отличать шумы советских боевых кораблей от шумов, создаваемых рыболовными траулерами и торговыми судами. Им нужна была библиотека образцов шумов, которую лучше всего могли собрать шпионские подлодки, слушая и записывая шумы советских кораблей и подводных лодок.

ВМС США кроме того искали удобного случая, чтобы добиться возмездия. Они хотели расквитаться с советскими кораблями за страдания «Гаджен» и за другие подобные атаки на американские лодки.

Командующий Атлантическим флотом адмирал Дж. Райт у входа в свой кабинет вывесил официальное объявление с обещанием преподнести в качестве дара ящик очень престижного виски «Jack Daniels Old № 7» первому командиру на месте действия в Атлантическом океане, кто представит доказательство того, что не американская или известная дружественная подлодка была измотана и вынуждена всплыть.

В мае 1959 года адмирал Райт объявил победителя. Подлодка «Гренадиер» (бортовой номер SS-525) преследовала советскую подводную лодку около берегов Исландии в течение 9 часов, принудив ее всплыть полностью «измотанной». Командир «Гренадиер» капитан-лейтенант Т. Дэвис получил обещанный ящик виски. А ВМС США принудили к всплытию первую советскую подлодку. Более важно было то, что впервые удалось тщательно рассмотреть эту советскую лодку-ракетоносец типа «Зулу», которая была переоборудована под ракетное вооружение. Дэвис также привез домой фотоснимки и пленки с записью шумов этой лодки. ВМС США спокойно распространили сообщение об успехе по всему Вашингтону. В конце 1959 года специальный помощник президента Эйзенхауэра по вопросам науки и технологии Дж. Кистяковски записал в своем дневнике, что «послушал очень интересный отчет о способах, с помощью которых наши ВМС получают весьма закрытую информацию о военно-морской деятельности Советского Союза». Совецание было настолько секретным, что содержание его он не мог изложить на бумаге. «Когда-нибудь, – рассуждал он, – это будет очень увлекательная новость».

Из стычек подводников были сделаны и другие выводы. Обе стороны все больше осознавали, что хотя шнорхель и произвел революционные изменения в

подводной войне, тем не менее возможности подводных лодок оставались весьма ограниченными. При длительном нахождении в подводном положении экипажи задыхались, и лодки вынуждены были всплывать, становясь очень уязвимыми. Для американских подводных сил было ясно, что атомные подлодки РикOVERA не должны оставаться антикварными редкостями. Настало время этим лодкам выходить на оперативный простор.

Атомные лодки РикOVERA, казалось, имели бесконечный источник энергии. Реакторы расщепляли атомы, превращали воду в пар достаточной мощности, чтобы вращать гребной винт, и лодка имела возможность плавать дальше и быстрее, чем дизельные лодки. Они могли производить собственный кислород и устранять излишки углекислого газа из воздуха лодки. Они способны были находиться под водой в течение всего похода.

Многоцелевые атомные подлодки начали выполнять задачи, в точности повторявшие те, которые впервые выполняли дизельные лодки, безнаказанно вторгаясь в советские воды. Приказы оставались прежние: подходить близко к советским кораблям и еще ближе к советскому побережью. Разрешается любой риск. Но не попадаться.

Так, в конце 1960 года капитан первого ранга У. Беренс провел атомную подводную лодку «Скипджек» (бортовой номер SSN-585) в устье длинного канала для морских судов, который ведет к Мурманску. Он приблизился к советскому порту так близко, что офицеры через перископ могли увидеть пирс, находившийся в 30–40 метрах. Пожалуй, они подошли ближе, чем хотелось бы командованию ВМС, по крайней мере, ближе, чем командование хотело бы это признать. Действительно, перед тем как лодка проникла в канал, моряки видели, как один из офицеров отключил автопрокладчик, регистрировавший движение лодки, чтобы не осталось письменного подтверждения вторжения. Позднее, во время того же похода лодка наблюдала за ходовыми испытаниями первой советской дизельной подлодки типа «Гольф», которая была специально построена для вооружения баллистическими ракетами. Командир «Скипджек», который поначалу удивлял часть экипажа своей медлительностью и старомодностью, доказал, что он может действовать так же рискованно, как и другие командиры, что он может быть одним человеком на берегу и совершенно другим в море, особенно в советских водах.

В этом смысле он был не одинок. То была эра бесшабашных командиров атомных подлодок, которые, казалось, унаследовали от своей службы на дизельных лодках один принцип: никаких ограничений в методах выполнения задач. На Тихом океане пара командиров выключали атомный реактор для уменьшения шумового фона, чтобы записать шумовые автографы советских кораблей, и оказалось, что их лодки дрейфовали на слишком большой глубине. Другая подлодка, идя под перископом, столкнулась с советской лодкой, которая всплывала из глубины. Однако наиболее срочной задачей являлось выяснение, на какой стадии находится Советский Союз в деле создания атомных подводных лодок. Хотя некоторые высокопоставленные деятели в США и сомневались, но постепенно стало ясно, что Советский Союз начинает производство трех типов атомных лодок: типа «Хотель», вооруженная тремя

баллистическими ракетами; типа «Эхо», вооруженная крылатыми ракетами корабль-корабль, и «Ноябрь» – многоцелевая. Первые разведанные показывали, что эти лодки были такими несовершенными и шумными, что в ВМС США их прозвали «клушами». Ни лодки типа «Гольф», ни «Хотель» не были готовы к выходу на патрулирование.

Было ясно, что США выиграли гонку по расстановке ракетных лодок у побережья противника в зоне дальности стрельбы. 4 дизельных подлодки с примитивными ракетами «Регулус» выходили в Тихий океан в 1959 и 1960 годах, а первую атомную подлодку «Джордж Вашингтон» (бортовой номер SSBN-598) с ракетами «Поларис» решились отправить в Атлантику только в ноябре 1960 года. Подлодки с ракетами «Регулус» проводили так много времени в ужасную погоду у берегов Советского Союза, что их экипажи стали называть себя членами «яхт-клуба на севере Тихого океана». Подлодка «Гроулер» (бортовой номер SSG-577) получила тяжелые повреждения, налетев на плавучую льдину у берегов Камчатки, недалеко от советской базы Петропавловск. Между тем программе «Поларис» оказывалась беспрецедентная поддержка. Президент Эйзенхауэр предоставил словоохотливому контр-адмиралу В. Рейборну, ответственному за программу «Поларис», полномочия принимать на службу самостоятельно, в обход обычной бюрократии, любого, кто, по его мнению, может выполнять хорошо и быстро работу по конструированию и строительству подлодок с ракетами «Поларис». Были и ожидавшиеся затруднения с новой технологией (помощники Рейборна проявили чувство юмора, создав секретный фильм о неудачах программы «Поларис», показывая ракету, которая высунула только носовую часть из-под воды, а также ракеты, взлетевшие и кувыркаящиеся в воздухе). Однако программа была завершена успешно, в установленные сроки. И в основном потому, что ей был дан высочайший приоритет. Каждый работал, не считаясь со временем, поэтому подводники на новых лодках шутили, что буквы на их бортовых номерах SSBN якобы не потому, что «SS» означают подводный корабль, а «B» означает баллистическую ракету и «N» атомную лодку, а потому, что «SS» – это субботы и воскресенье, а «BN» – множество ночей. Пока Рейборн и его команда занимались строительством лодок, Риквер руководил установкой ядерных реакторов и комплектованием их обслуживающим персоналом. Он делал ставку на людей, которые не поддавались бы панике в критических ситуациях, обращали внимание на любую деталь и были такими же дотошными, каким он сам. Риквер был уверен, что только таким образом можно обеспечить безопасность работы реактора, а это – единственный способ заручиться поддержкой общественности, получить от нее карт-бланш на создание атомных подводных лодок. И он получил его. Теперь люди Риквера были готовы управлять самыми смертоносными подводными лодками, когда-либо построенными в мире, что должно привести Америку к победе в «холодной войне».

Первые лодки «Поларис» были длиной около 106 метров, на 18 метров длиннее, чем предыдущие атомные лодки. Они имели 16 ракет с ядерными зарядами, которые могли быть нацелены на расстояние более 1000 морских

миль (морская миля – 1852 м). На них было также по два экипажа, «голубой» и «золотой», которые поочередно выходили в 60-суточные походы, удерживая лодки в море как можно дольше. Служба была тяжелой. Дальность стрельбы 1000 миль вынуждала лодки плавать в штормовых водах северного побережья Европы, оставаясь на этом расстоянии от Москвы. Их работа была «прятаться с гордостью» и быть межконтинентальной ракетной силой, блуждающей и готовой нанести ответный удар, если США подвергнутся нападению и наземные ракеты будут уничтожены. (Даже президент США не знал, где фактически лодки «Поларис» патрулируют в данное время. Им были выделены оперативные районы патрулирования, квадраты со сторонами в сотни миль, в которых эти ракетноносцы находились на дальности стрельбы около 1000 морских миль от целей.)

Были предприняты кардинальные меры безопасности, чтобы полностью исключить возможность какому-нибудь безумцу по своей воле развязать ядерную войну. Во-первых, любой приказ о запуске ракет должен точно соответствовать кодам подлинности, которые менялись по определенным датам и хранились на борту лодок за двумя спаренными дверьми, закрытые на замок в сейфе, приваренном к переборке поста управления. Только у двух человек хранились комбинации ключей, чтобы открыть сейф и сверить подлинность кода, который они показывают командиру и его помощнику. Как только код подлинности проверен, три человека используют три отдельных, хранящихся в сейфах ключа для фактического запуска ракеты. Ключ командира лодки позволяет ему включить корабельную систему огня. Ключ старшего помощника взводит спусковые механизмы. Затем офицер, управляющий огнем, может использовать свой ключ для запуска ракеты. Предполагалось, что весь этот процесс займет не более 15 минут.

Со своей стороны Советский Союз имел лишь несколько атомных подлодок, причем сконструированных настолько плохо, что люди в них нередко погибали. На одной подлодке произошел такой ужасный инцидент с ядерным реактором, что оставшиеся в живых члены экипажа переименовали ее в «Хиросиму». К тому времени, когда в 1962 году Советский Союз попытался установить на Кубе ракетные установки, Соединенные Штаты настолько вырвались вперед, что могли быстро собрать несколько подлодок типа «Поларис», в конечном счете всего 9 штук, и выставить их на позиции в пределах дальности стрельбы по Советскому Союзу. (Общественность США так и не узнала, насколько правительство было напугано тем, что Советы будут усиливать военно-морскую конфронтацию. За несколько месяцев до кубинского кризиса перебежчик из Советского Союза предоставил материалы, которые стали именоваться «Эвкалиптовые документы» – детали советского плана использования тактического ядерного вооружения против американских судов и подводных лодок в случае развязывания войны на море. Советников президента Джона Ф. Кеннеди преследовала мысль о том, что Советский Союз мог уже предпринять первоначальные меры по этому плану. Действительно, Кеннеди опасался, что любая морская битва может усугубить кризис, с применением или без применения ядерного оружия. Когда он установил

военно-морскую блокаду Кубы, была замечена советская подлодка рядом с двумя советскими транспортными судами. Когда Кеннеди узнал об этом, он спросил своих помощников: «Есть ли хоть какая-нибудь возможность избежать нашей первой стычки с русской подлодкой? Хоть что-нибудь, только не это!»)

Были такие стычки, но худшие опасения Кеннеди не подтвердились. Американские самолеты и корабли обнаружили несколько советских дизельных подводных лодок и легко заставили всплыть три из них.

США, таким образом, получили явное превосходство, но надолго ли? Карибский кризис, возможно, научил советских лидеров, что будет невозможно построить сухопутные ядерные силы вблизи от американских берегов. Но собирая подлодки типа «Поларис» на позиции дальности стрельбы, США также показали, что есть и более лучший способ достичь тех же целей.

Глава 3

ПОВОРОТ В ОКЕАНСКИЕ ГЛУБИНЫ

Окрыленный успехом программы «Поларис», адмирал Рейборн начал заглядывать в будущее, подумывая о новых путях усиления ядерного сдерживания. Он вскоре обратился к молодому гражданскому специалисту, которого несколько лет тому назад вытащил из неизвестности и назначил главным ученым консультантом программы «Поларис».

Джону Крейвену, когда его нашел Рейборн, было немногим больше 30 лет. Его обязанности заключались в том, чтобы присматривать за всеми, работавшими над созданием ракетных подводных лодок, обнаруживать проблемы и находить их решения. Он, по его словам, был «главным занудой».

Эта кличка соответствовала действительности. Молодой человек был очень говорлив, его захлестывали идеи. Он мог анализировать самый сложный рабочий план и в то же время с чувством декламировать стихи или целую серию собственных афоризмов о море. Крейвен проповедовал фантазию в военном деле. Эта роль была предначертана ему с самого рождения. Он был из семьи, родословная которой по материнской линии уходила к мавританским пиратам, а по отцовской линии раздваивалась между пресвитерианскими священниками и военно-морскими офицерами, сгучавшими в церкви на семейной скамье во время молебна.

Большинство Крейвенов гордились военно-морской родословной, которая шла от Туниса Аугустаса Макдонафа Крейвена, командовавшего во время Гражданской войны в США кораблем сторонников федерации «Текамзе». Корабль был таранен самоходной миной конфедератов, и именно тогда адмирал Д. Фаррагут произнес свои незабываемые слова: «Наплевать на торпеды! Полный вперед!»

В соответствии с благородной традицией Тунис Аугустас Макдонаф тонул на ходовом мостике корабля. Джон Крейвен нередко с чувством гордости вспоминал этот эпизод из родословной своих предков. И не забывал добавить, что в его жилах течет пиратская кровь, унаследованная по материнской линии.

Джон Крейвен, по крайней мере частично, оправдал ожидания своей семьи. Его, не окончивавшего военно-морской академии, зачислили в резерв ВМС; он стал инженером-океанологом. Джона влекли океанские глубины, подводные маневры, на которые большинство в ВМС не обращало внимания, считая это дело невозможным или, по крайней мере, весьма неправдоподобным. Но Крейвен беззаветно верил в то, что окажется прав. Дайте только срок!

Рейборн предоставил Крейвену карт-бланш, поручив ему то, что тот делал лучше всего: выдавать идеи и как можно больше. К 1963 году Крейвен усиленно работал над задуманной Рейборном программой морских средств сдерживания. В качестве первого шага Крейвен выделил из своего бюджета миллион долларов, полагая, что этого будет достаточно для создания небольшой политической программы по проведению анализа стратегического сдерживания. В ходе выполнения программы он обнаружил, что привлек к ее разработке почти всех политологов, занимающихся вопросами оборонной стратегии.

А Крейвен тем временем выдвигал все новые и новые идеи: ракеты, размещенные на дне океана на глубине нескольких тысяч метров; подводные лодки, способные погружаться и наблюдать мрачные глубины, используя специальные камеры в этих неизведанных и чуждых человеку сферах...

В военно-морских кругах идеи Крейвена не вызвали особого интереса. Проводившиеся ранее небольшие исследования океанских глубин уже давно были переданы малочисленной группе океанографов. Адмиралы считали, что операции на больших глубинах еще сложнее, чем запуск человека в космос, который в тот момент приковывал к себе всеобщее внимание. Самая глубоководная американская подводная лодка могла достичь глубины в пределах 300–450 метров. Погружение глубже привело бы к гибели из-за взрыва, направленного внутрь, в результате огромного давления воды, достаточного, чтобы моментально раздавить даже такую мощную подлодку как «Поларис».

Все в океанах, что находилось глубже слоя, в котором действуют подлодки, военно-морские силы США рассматривали лишь как хранилище для сбрасываемых отходов. В управлении кораблестроения ВМС США проблема разработки и строительства глубоководных аппаратов находилась в перечне приоритетов лишь на десятом месте и то потому, что весь перечень состоял из 10 пунктов. Даже адмирал Риквер, который в глазах общественности считался новатором, не проявлял интереса к проникновению в глубины океана.

Группа Крейвена по проблемам глубоководного погружения финансировалась весьма скудно, но работала энергично. Нескольким ученым было поручено помочь в проведении испытаний атомной подводной лодки «Трешер» (бортовой номер SSN-593), первой многоцелевой мощной лодки, сконструированной для плавания глубже, чем любая другая. 10 апреля 1963 года «Трешер» потерпела катастрофу во время испытательного погружения на глубину 390 метров. Говорят, случилась авария в трубопроводах и последующая потеря хода, за которой последовала целая серия сбоев,

повлекших гибель лодки с экипажем 129 человек, включая четырех человек из группы Крейвена. Крейвен получил эту печальную новость в тот момент, когда беседовал с инженером Гарри Джексоном. Инженер помогал проводить испытания лодки «Трешер» незадолго до ее последнего погружения и присутствовал при всех других глубинных погружениях. Узнав о несчастье, Джексон в отчаянии несколько раз повторил: «Я должен был быть там». Крейвена утешало то, что в эту первую для США аварию атомной подлодки не попал Джексон и еще три человека из его команды, которых исключили из испытаний лишь из-за недостатка места в лодке.

Спустя некоторое время Крейвен осознал, что случившаяся катастрофа предопределила ему место среди самых важных действующих лиц в новой и драматичной главе в этой саге о подводном шпионаже. Военно-морские силы США твердо заверили американскую общественность, что подобные трагедии не повторятся. Было обещано приложить огромные усилия для изучения ничего не прощающих океанских глубин. Были разработаны программы «Безопасность подводных лодок» и «Глубоководные спасательные аппараты».

Общественное мнение удалось успокоить. Однако многие полагали, что предложения военных скорее из области научной фантастики, чем науки, особенно перспективы создания глубоководных аппаратов для спасения затонувших подводных лодок. Тем, кого предстояло спасти, должно было крупно повезти, чтобы они пошли на дно на континентальном шельфе или над вершиной подводной горы, то есть в тех районах, где глубины значительно меньше двух-четырех миль, характерных для большинства районов Мирового океана. Почти все подводники знали, что если их настигнет катастрофа в океанских глубинах, то шансы на спасение практически равны нулю.

Все же конгресс США одобрил предложения ВМС, которые были одобрены управлением военно-морской разведки. Хотя они и были выдержаны, на первый взгляд, в духе Жюль Верна.

Офицеры разведки втайне уже составляли свои собственные планы, когда Крейвен приступил к проведению широчайших исследований после гибели лодки «Трешер». Он также возглавил проект систем глубокого погружения, программы создания обещанных ВМС глубоководных спасательных аппаратов и, кроме того, создания подводной лаборатории, специального подводного дома, известного под названием «Силаб». Там ВМС могли изучать влияние погружения на большие глубины на психику человека.

Крейвен видел благоприятные возможности, особенно в программе создания глубоководных спасательных средств. Как почти все океанографы, он знал, что глубоководные спасательные аппараты скорее всего фантастика. Однако он полагал, что энергичные попытки сконструировать такие аппараты помогут ему осуществить еще одну свою мечту: создать флотилию миниатюрных подлодок из стекла. Химически стекло – это жидкость, и поэтому Крейвен полагал, что стеклянные подводные лодки смогут выдерживать давление на самой большой глубине.

Он был не единственным, кто попытался продать ВМС идею создания мини-подлодок. Фирма «Рейнолдс Алюминум» создавала свою собственную

лодку, надеясь получить выгодный контракт. Вудскхоллский океанографический институт совместно с управлением военно-морских исследований проектировал аппарат «Алвин», который мог погружаться на глубину 2000 метров, имея экипаж из 3 человек. К этому времени единственным глубоководным аппаратом в ВМС был «Триест II». Ему придали форму мини-дирижабля, который необходимо было перевозить или буксировать к месту погружения. Маневренность такого дирижабля была ограниченной, но зато он мог погружаться на глубину более 6000 метров и имел экипаж из трех человек. «Триест II» в 1960 году погружался на глубину почти семи миль в самой глубокой точке Мирового океана – Марианской впадине. И «Триест I» и «Триест II» исследовали обломки крушения подлодки «Трешер».

Когда Крейвен начал разрабатывать механизмы самодвижущихся, независимых глубоководных мини-подлодок, к нему обратился офицер военно-морской разведки, который помогал координировать шпионские операции подводных лодок у советского побережья. К тому времени эти операции уже велись круглогодично. В ходе этих операций под кодовым названием «Биннакл», позднее переименованных в «Холистоун», растущая флотилия атомных и дизельных подлодок вела постоянное наблюдение за советскими приготовлениями и запусками ракет из подземных шахт и с кораблей в океан. Подлодки США вели также наблюдение за расширяющейся флотилией советских атомных подводных лодок по мере того, как они начали предпринимать попытки выхода в Атлантику и Тихий океан. Советские ВМС начали претворять в жизнь свою давнюю мечту стать океанской державой.

На этом фоне ВМС США всегда имели, по крайней мере, одну шпионскую подлодку в Баренцевом море и две – в районе советских портов на Тихом океане, где они все еще были вынуждены в отдельных случаях уклоняться от атак небольшими глубинными бомбами. Даже ранние атомные подводные лодки, такие как, например, «Скамп» (бортовой № SSN-588), подвергались атакам небольшими глубинными бомбами, а дизельные лодки, такие как «Рокуэлл» (бортовой № SS-396) и «Трамповфиш» (бортовой № SS-425), удерживались под водой, как и в случае с подлодкой «Гаджен» в 1960-е годы. В дополнение к этим операциям у побережья Советского Союза некоторые дизельные подводные лодки нелегально перебрасывали русских эмигрантов в Советский Союз для шпионажа в пользу США, а другие дизельные лодки высаживали отряды командос в Борнео, Индонезии и на Среднем Востоке, чтобы следить за расширением советского влияния в этих районах. (Вскоре после неудачной высадки в заливе Свиной (Куба) в 1961 году американские командос использовали дизельные подлодки для организации побегов известных кубинских деятелей в США. В течение нескольких недель командос высаживались из подлодок и переправлялись на берег на надувных плотках. Кубинцам, которых с проводниками отправляли на подводную лодку, приходилось нырять на глубину 4,5-10 м. И сквозь толщу воды входило в находящуюся в подводном положении подлодку через специальный отсек, имеющий избыточное давление. По словам американских моряков,

участвовавших в этих операциях, многие из спасенных таким образом рисковали попасть в тюрьму или даже быть казненными за участие в заговорах по свержению Кастро.)

Подводный шпионаж приобрел такой размах, что начальник военно-морских операций в Вашингтоне взял на себя руководство координацией всех подобных акций, а в управлении военно-морской разведки был создан специальный отдел подводной войны с задачей планирования операций по подводному шпионажу.

Сотрудники разведки так горели желанием получить последние данные о советских подводных лодках и ракетах, что «спуки» получили приказ передавать по радио наиболее важные данные уже по пути домой. Специалисты по русскому языку среди «спуков» начинали транскрипцию записей перехваченных переговоров сразу же по выходу за пределы советских вод. Курьеры встречали возвращающиеся подводные лодки в порту, готовые без промедления отвезти разведданные непосредственно в штаб-квартиру АНБ, в форт Мид (шт. Мериленд). Сами «спуки» стали настолько ценными персонами, что им было приказано переезжать из порта в порт только поездом, а не транспортным самолетом. ВМС не хотели рисковать даже минимальной вероятностью угона самолета на Кубу. Однажды офицер военно-морской разведки пришел к Крейвену с просьбой оказать самую большую услугу из всех, какую он может. Офицер вручил совершенно секретный документ. Это был очень длинный перечень задуманных операций, который военно-морская разведка составляла в течение нескольких лет. До Крейвена этот документ видели всего несколько человек.

На первой странице по диагонали был поставлен штамп «Operation Sand Dollar» (операция «Песчаный доллар»). В перечне были указаны точки падения советских баллистических ракет, тщательно отслеженные и зафиксированные надводными кораблями, радиолокаторами ВВС и подводными гидрофонами, а также местонахождения самолетов и другой советской военной техники, промелькнувших или услышанных при их падении в воду. Оказалось, что совсем рядом – от силы не более трех миль – лежат самые сокровенные советские военные секреты: самое лучшее из советских систем управления ракетами, из достижений металлургии и электроники. И весь этот дразнящий ассортимент находится вне досягаемости разведчиков. Неудивительно, что Советский Союз даже и не охранял эти склады. Никто не мог и вообразить подводный рейд сквозь звезды люминесцентного планктона в абсолютную темноту океанского дна.

Офицер разведки рассуждал так – а почему бы не воспользоваться для маскировки благородными идеями о глубоководных спасательных аппаратах, а под шумок добраться до предметов, перечисленных в перечне операции «Песчаный доллар». Почему бы не использовать средства из бюджета, выделенные на спасательные аппараты, для создания приспособлений, которые могли бы дать США ощутимые преимущества.

Трагедия подлодки «Трешер» будет служить оправданием для новых программ по безопасности и материалов для полноценной легенды прикрытия.

И все это зависело от ответа Крейвена на один вопрос: может ли он организовать глубоководный поиск сокровищ?

Крейвену дали понять, что это дело высшей государственной важности. Военно-морская разведка прилагала в тот момент отчаянные усилия, чтобы догнать разведку ВВС, которая только что запустила новое поколение спутников-шпионов. Все больше охватывая территорию Советского Союза, эти новые «глаза в небе» присылали изображения строительных площадок, где сооружались шахты для мощных ракет наземного базирования, а также доков, где велась подготовка к строительству нового поколения советских подводных лодок. Программа «Поларис» не дала возможности бомбардировщикам и ракетам ВВС США удержать монополию в области ядерного сдерживания. Зато военно-морские шпионы смогут конкурировать со спутниками, добывая не только снимки, но и образцы советского вооружения и боевой техники.

Для Крейвена это была долгожданная возможность получить средства для осуществления своих самых фантастических планов. Но как выполнить то, о чем просил офицер разведки? Даже «Триест II» едва ли сможет много сделать в этом секретном подводном рейде. Он слишком мал. Кроме того, необходимость его перевозки к середине океана может непроизвольно раскрыть секрет.

– В основном мы разрабатываем технологию, а не «имущество», – уклончиво пробормотал Крейвен. Ответом ему было молчание. Не имеет значения, что он сказал это неофициально, он все равно признавался, что нет возможности выполнить то, о чем его просят.

Затем Крейвена озарило: «Эй, послушайте, мы не имеем того, что могло бы участвовать в вашей тайной операции. Другое дело, если вы будете ее проводить с помощью подводной лодки».

В отчаянии он выпалил идею того, что станет самым рискованным предприятием ВМС США. Полномасштабная подлодка, способная плавать в открытом море, будет приспособлена, чтобы зависать в верхних слоях океана и опускать камеры на многокилометровую глубину, достаточную, чтобы обеспечить возможность поиска советских «сокровищ» на дне. Это же ценнейшая идея: действовать под водой скрытно и никогда не позволять Советскому Союзу узнать, что американцы где-то поблизости.

Крейвен успел убедиться, что работа на поверхности океана – адская работа. Он включил эту мысль в текст своих «Десяти заповедей глубоководной механики». Одна из этих заповедей гласила: «Помни, что свободная поверхность – это не океан и не воздух. Человек не может ходить по ней, и оборудование не может там оставаться в стабильном положении. Поэтому конструируй свое оборудование так, чтобы оно пребывало под водой недолго и не требовало ни обслуживания, ни ремонта в этом неподходящем месте».

И вот неожиданно у него появилась возможность провести проверку этой заповеди.

К тому времени в строю находилось уже 20 многоцелевых атомных подводных лодок, и они продолжали строиться. Но адмиралы не были готовы передать первоклассную лодку для того, чтобы она находилась в середине океана. Если Крейвену нужна подлодка, то ему придется взять одну из двух

«посудин», которые не выдержали испытаний и конструкция которых так и не воспроизводилась. Была бестолковая лодка «Сивулф» с трапециевидной кормой, как у эсминца. Ее верхняя часть была построена так, чтобы в ней помещался опасный реактор, работавший на жидком натрии, который был заменен в период создания лодки. Затем была лодка «Халибат» с великолепным, но краткосрочным прошлым. «Халибат» (бортовой № SSGN-587) – единственная атомная подлодка, вооруженная ракетами «Регулус», совершила 7 походов к советским берегам. Но эта программа закончилась в середине 1964 года, когда в Тихом океане стали базироваться подводные лодки «Поларис».

С завершением эры ракет «Регулус» никто не знал, что делать с лодкой «Халибат». Она была очень странной, с самой плохой гидродинамикой из всех атомных подводных лодок, с самым нелепым внешним видом. В отличие от плоской рыбы, именем которой она была названа, на ней был огромный горб, большая пасть, которые, возможно, подходили бы диковинным животным. Возможно, в другое время ее спокойно превратили бы в металлолом. Ведь она к тому же еще обладала почти смертельным заболеванием для подлодки: гидромеханически «Халибат» была очень шумной. Подводники содрогались, рассматривая ее громоздкие балластные цистерны, изумлялись пустотам, первоначально предусмотренным для того, чтобы обеспечить быстрое всплытие, пуск ракеты и еще более быстрое погружение.

Крейвен мельком взглянул на лодку, которая никому не могла понравиться, и застыл в оцепенении. Все, что он увидел, это были возможности использования этих странных и чудесных излишков помещений. А одного взгляда на этот широко раскрытый рот лодки было достаточно для того, чтобы заставить его, как и любого, целиком отдавшегося науке человека, закричать от радости. Ни одна подводная лодка не могла похвастаться люком диаметром более 66 см, а у «Халибат» люк был диаметром 6,7 метра.

Было решено, что «Халибат» будет лодкой Крейвена, его лабораторией, его министерством, его пиратским кораблем. Ему выделяют 70 млн. долларов на оборудование лодки электронной, гидроакустической, фото – и видеоаппаратурой. ВМС пустили слух, что в феврале 1965 года «Халибат» пошла в Перл-Харбор для переоборудования в гидрографическое исследовательское судно.

Этот слух был лишь одной из легенд, которыми прикрывались работы Крейвена. Программа создания глубоководных систем и его другие глубоководные проекты будут иметь еще несколько слоев прикрытия, укрывающих то, что Крейвен назвал «Презренные мастерские» – термин, позаимствованный у корпорации Локхид, производившей самолеты-шпионы. Вскоре Крейвен приступил к работе над проектом глубоководных систем, занимаясь разработкой глубоководного исследовательского аппарата. По этому проекту глубоководный исследовательский аппарат должен опускаться на дно океана до глубины 6 тыс. метров и механической рукой собирать объекты. Смонтированная на верхней палубе механическая рука вместе с лодкой будет передвигаться в район сбора объектов.

Перестройка и испытания лодки «Халибат» велись два года. Почти с самого начала переоборудования лодки масса легенд, прикрывавших работу Крейвена, вызвала к нему интерес за пределами закрытой сферы военно-морской разведки.

РикOVER, который когда-то делал все, что мог, чтобы ограничить интерес Крейвена к глубоководным мини-подлодкам, теперь сам попросил его построить первую атомную мини-подлодку. Правда, с корпусом из стали, а не из стекла. Адмирал по-прежнему отзывался о стекле язвительно. Но Крейвен теперь работал с РикOVERом, и это сотрудничество стало для ученого весьма полезным. Крейвен научился, как нужно добывать средства из бюджета ВМС, как вести дела с конгрессом, как обращаться с адмиралами, которые возглавляют программы подводных сил.

Это была сделка Фауста с Мефистофелем. РикOVERу было 64 года. В этом возрасте даже не такие склочные люди уже давно находились в отставке и разводили тюльпаны. Крейвен же, как почти все остальные в ВМС, долго не мог научиться тому, как вести себя с РикOVERом. РикOVER любил начинать разговор, сразу показывая, кто является старшим: «Крейвен, мои люди более компетентные, чем ваши, но ваша мастерская больше, поэтому я собираюсь работать с вами». РикOVER любил выводить людей из равновесия лишь для того, чтобы посмотреть, как они поддаются управлению.

РикOVER лично дал имя мини-подлодке «NR-1». Ее могли назвать и «РикOVER», потому что буквы NR означали «Отдел военно-морских реакторов», то есть отдел РикOVERа. Если президент США имеет личный самолет под кодовым именем ВВС-1, то почему же РикOVERу не иметь свою лодку – под именем NR-1.

В отличие от созданной в 1965 году в Вудсхолле лодки «Алвин» длиной 6,7 метра, NR-1 имела длину 31,6 метра, почти в половину длины обычной многоцелевой подводной лодки. Она могла погружаться на глубину до 1000 метров и была оборудована подводными фарами, камерами и механической рукой с крюком для вытаскивания небольших объектов. Кроме того, она была способна заниматься шпионажем.

Одной из главных проблем при проектировании была проблема экранирования реактора на «NR-1». Реакторы на стандартных лодках защищались с обеих сторон свинцовыми экранами толщиной 30 см. Но такой экран был слишком тяжелым для «NR-1». РикOVER, Крейвен и другие конструкторы решили поставить свинцовый экран только спереди для защиты жилого отсека. Вся остальная часть лодки длиной 3,9 метра за задней стенкой реактора будет заполнена водой и постоянно закрыта. Идея заключалась в том, чтобы эта стена воды поглощала выделяющуюся радиацию и служила экраном вместо свинцового. У Крейвена не было сомнения в том, что у защитников окружающей среды этот план вызовет страх. Но и он, и РикOVER считали план вполне осуществимым, так как 0,36 м³ воды имеют такой же молекулярный вес, как и 0,02 м³ свинца. Но когда лодка будет под водой, то вода совсем не добавит веса.

Прежде чем «NR-1» могла быть построена, необходима была немедленная

оплата. Но для мини-подлодок в рамках программы создания глубоководных систем морской лаборатории выделялось слишком мало бюджетных средств. Эта проблема не беспокоила РикOVER. Он решил ее на совещании, на котором присутствовал Крейвен, контр-адмирал Л. Смит, первый заместитель Рейборна по программе «Поларис», и Р. Морзе, помощник министра ВМС по вопросам исследований и развития. «Есть ли у вас какие либо деньги, чтобы мы начали строительство прямо сейчас?» – спросил РикOVER. Крейвен ответил, что его глубоководная группа может выделить 10 млн. долларов из своих средств на исследования и развитие. Смит отметил, что у программы «Поларис» есть 10 млн. долларов, не использованных из фондов на строительство. «Сколько будет стоить эта подлодка?» – поинтересовался Морзе.

Без колебаний РикOVER ответил: «20 миллионов долларов». Морзе продолжил вкратце описывать довольно сложную процедуру обычного оформления постройки кораблей: определение контракта, торги за подряд, одобрение в конгрессе. РикOVER прервал его: «Оставьте все это мне, и я сделаю». Затем он повернулся к Крейвену и дал указание: «Позвоните завтра в компанию „Электрик Боатс“ и скажите, чтобы начинали работы».

Крейвен, Смит и Морзе обменялись скептическими взглядами. Никто не верил, что это можно сделать за 20 млн. долларов (вскоре цена проекта выросла до 30 млн. долларов). Они не могли представить, каким образом конгресс США поддержит этот проект. Менее чем через неделю РикOVER позвонил Крейвену и сказал: Президент США намерен объявить сегодня о начале строительства «NR-1».

Услышав эту новость, Морзе сначала был в шоке, затем впал в панику. До этого момента «NR-1» была не более чем фантазия адмирала. Действительно, РикOVER лишь вкратце изложил свой план Нитце – министру ВМС и Макнамаре – министру обороны. Хотя оба и одобрили его, Морзе знал, что конгрессу США не понравится эта затея. Как только президент объявил о строительстве «NR-1», бюджетная комиссия палаты представителей конгресса в спешке собралась на слушания.

Крейвену, по распоряжению РикOVERа, дали несколько дней, чтобы подготовить официальное представление проекта, полный и глубокий анализ стоимости и пользы, а также подробное исследование причин потребности ВМС в мини-подлодках. «Но вы не знаете, адмирал, что исследования фактически не существует», – ответил Крейвен. «Оно будет существовать ко времени слушания в конгрессе», – огрызнулся РикOVER.

Теперь существование «NR-1» и, возможно, его собственная карьера зависели от способности Крейвена сострять нечто на пустом месте. Ему необходимо было доказать, что «NR-1» – очень важное вложение капитала и оно стоит тридцати миллионов долларов.

Бюджетная комиссия палаты представителей конгресса США не дала себя одурачить, но в конце концов у нее не было выбора, и она согласилась. Теперь строительство «NR-1» пошло в соответствии с директивой президента США. Ни на одну другую подлодку или корабль не получали разрешения на постройку так быстро. Позднее главное аудиторское управление, основной

контрольный орган конгресса, подверг тщательному рассмотрению этот проект и пришел к выводу, что это была одна из самых плохих программ, с которой когда-либо аудиторам приходилось встречаться.

РикOVER ответил в своем духе, направив такое письмо своим критикам, что Крейвен запомнил его наизусть. «Я прочитал доклад главного аудиторского управления, и он напомнил мне рецензию на книгу „Любовник леди Чаттерлей“, опубликованную в журнале „Охота и рыбная ловля“. Рецензент этой книги знал столько же о ее замысле, сколько главное аудиторское управление знает о конструкции и развитии подводных лодок».

РикOVER не намного мягче относился и к Крейвену. Адмирала приводило в бешенство, что ему приходилось делиться средствами с Крейвеном на переоборудование «Халибат», на программу создания глубоководных аппаратов и другие глубоководные океанские проекты. По мнению РикOVERа, ни один из этих проектов не был таким важным, как его мини-подлодка «NR-1».

В еще большую ярость приводил адмирала тот факт, что его не допускали к ознакомлению с деталями переоборудования «Халибат». Он знал почти все, что происходило в подводных силах, но разведывательные программы входили в те немногие сферы, в которые он не имел официального допуска и не мог сказать там своего слова. Он переносил свое недовольство на Крейвена, который начал подумывать, что адмирал специально дожидался ночи, чтобы позвонить ему, когда он глубоко уснет или задумает заняться любовью с женой. Ученый был почти уверен, что адмирал следил за временем начала подводных испытаний «Халибат» и приурочивал свои телефонные звонки к тем моментам, когда Крейвен не имел возможности подойти к телефону, чтобы ответить. Невозможность своевременно ответить адмиралу по телефону дорого обходилась Крейвену.

Однажды в пятницу РикOVER выступал с докладом в Нью-Йорке и послал распоряжение на «Халибат», которая находилась на Гавайских островах, с требованием, чтобы Крейвен прибыл к нему на встречу в Нью-Йорк утром в понедельник.

Крейвен бросился на самолет, даже пережил некоторую панику, когда самолет задержался в Лос-Анджелесе из-за тумана, и, наконец, приземлился в Нью-Йорке. Он прибежал запыхавшись в номер гостиницы, где его ждал адмирал. «Вы играли в гольф со своими друзьями?» – проговорил он с издевкой, повторяя легенду, придуманную Крейвеном для своей поездки на Гавайские острова. Затем он позвонил по внутреннему телефону и попросил: «Принесите в номер самый большой ланч, который готовят в гостинице». Крейвен ждал ударной фразы: он знал, что адмирала вряд ли интересуют, голоден он или нет после длительного перелета. Ожидания Крейвена оправдались: «В течение ближайшего часа вы будете сидеть и есть ланч, – объявил РикOVER, – а я буду вас сильно ругать».

Крейвен нравился РикOVERу, и вместе с тем ему доставляло удовольствие унижать его. РикOVERа поражало умение Крейвена выдерживать его самые грубые вспышки. Адмирал любил Крейвена также и за то, что тот не учился в

военно-морской академии. РикOVER был единственным, выпущенным из академии в звании мичмана, и теперь для него было большой забавой добавлять немного путаницы в головах, когда он беседовал с выпускниками академии перед принятием их на службу в свою программу атомных подводных лодок. Собеседования с поступающими были больше похожи на обряды посвящения в какое-либо тайное общество. Во время собеседования адмирал доводил молодых людей до грани психического срыва в своем стремлении выяснить все досконально. Пытаясь смутить своих кандидатов, РикOVER осыпал их бранью, сажал на стул с одной укороченной ножкой или провожал в «Сибирь», то есть в чулан, где они оставались часами.

Возможно, самый знаменитый случай произошел, когда РикOVER с угрожающим видом подошел к кандидату и сказал: «Напугайте меня, если можете». Молодой человек не заставил себя ждать. Не говоря ни слова, он одним движением смахнул со стола адмирала книги, бумаги, ручки – все, что там лежало. Этот кандидат был принят.

Для РикOVERа причинение неприятностей Крейвену было побочным явлением.

Между тем к Крейвену стали часто обращаться как к служащему в ВМС эксперту по глубоководным работам. Но было одно обращение из ряда вон выходящее. Телефонный звонок последовал утром в субботу в январе 1966 года. «Говорит Джек Ховард», – сказал помощник министра обороны по вопросам атомного оружия. – «Я потерял водородную бомбу». «Почему вы звоните ко мне?» – спросил Крейвен. «Эту бомбу я потерял в воде, и я хочу, чтобы вы ее нашли». Крейвен был назначен работать с бригадой, наскоро собранной офицером из Пентагона. Другая группа поехала на место падения бомбы.

Бомбардировщик Б-52 столкнулся в воздухе с самолетом-танкером во время дозаправки в воздухе на высоте 10 000 метров, недалеко от побережья Паломарес (Испания), потеряв все водородные бомбы. Три из четырех бомб были найдены почти сразу. А четвертую не могли найти – возможно, она упала на дно Средиземного моря. Президенту Джонсону было известно, что советские корабли ищут эту бомбу. Он отказывался верить заверениям ВМС, что злополучную бомбу не смогут достать ни советская, ни американская сторона. В это верило большинство людей, которым было поручено найти бомбу. Большинство, но не все. Крейвен в это не верил.

Крейвен собрал группу математиков и усадил их за работу по составлению карты морского дна в районе Паломареса. Эта задача казалась достаточно разумной, но Крейвен намеревался использовать эту карту для проведения анализа, который скорее напоминал пари на скачках, чем военно-морское исследование или руководство по спасению кораблей.

Как только карта была составлена, Крейвен попросил группу экспертов-подводников и спасателей смастерить что-то наподобие игры в рулетку, сделать ставки на вероятность каждого из различных сценариев утери бомбы, составленных поисковыми группами в Испании. В каждом сценарии указывались различные местонахождения бомбы.

Затем каждое вероятное местонахождение подставлялось в формулу, основанную на шансах, полученных в результате сделанных ставок. Полученные местонахождения вновь наносились на карту на определенное количество метров или миль в сторону от тех мест, которые были определены на основе логических рассуждений и акустических данных.

Для непосвященных все это звучало как старая шутка об одном чудачке, который потерял свой бумажник в темной аллее. Вместо того, чтобы искать на аллее, он предпочитает искать свой бумажник за много метров в стороне от нее, у фонарного столба, потому что там светлее. Что касается Крейвена, то за его кажущимся безрассудством были глубокие знания. Он опирался на теорему Баеса о субъективной вероятности. Эта алгебраическая формула была выведена Томасом Баесом, математиком, родившимся в 1760 году. Его теорема должна была определять в количественном отношении значение интуитивного чувства, фактора, который существует за пределами сознания людей.

Крейвен применил эту доктрину к процессу поисков. Бомба была прикрепена к двум парашютам. Он принимал ставки на вероятность того, что оба парашюта открылись, или открылся один, или оба не открылись. Он провел такие же операции по всем возможным деталям аварии. Его группа математиков выписала возможные результаты аварии. Затем от них приняли ставки, в какой вариант окончания они верят больше всего. После ряда ставок математики использовали полученные данные для определения вероятных частных отклонений нескольких возможных местонахождений. Затем они нанесли на карту эти варианты, указав наиболее вероятное место и несколько возможных мест.

Даже не выходя в море, эта группа верила в то, что знает, где находится бомба. В соответствии с их расчетами, наиболее вероятное место падения находилось далеко от того места, где были найдены три другие бомбы. Далеко и от того места, где упали обломки самолета в воду. Хуже того, если расчеты Крейвена безошибочны, то бомба находится в глубоком ущелье под водой, и едва ли до нее можно добраться.

Представители ВМС случайно повстречались с испанцем по имени Франциско Симо-Ортс, который слыл самым лучшим рыбаком в Паломаресе. Он уверял, что видел, как падала бомба, и указал точное место над тем же ущельем. Не имея других ориентиров, поисковая группа на Средиземном море приступила к тщательному исследованию ущелья. Начались переговоры с фирмами, которые предлагали ВМС свои подводные аппараты.

Управление кораблестроения ВМС США согласилось оплатить отправку самолетом в Паломарес подводного аппарата «Алюминот» фирмы Рейнолдс и «Алвин» лаборатории Вудсхолл. Несколько недель прошло в безуспешных поисках, и президент Джонсон пришел в ярость. Он потребовал доложить, где находится бомба и когда ее поднимут. В ответ президенту направили расчеты Крейвена о вероятных местах падения бомбы с учетом двухнедельных неудач.

Джонсон еще больше рассвирепел, увидев кривые и диаграммы Крейвена. Если поисковые группы не могут дать незамедлительный ответ, то президент будет искать других ученых, которые смогут это сделать. Он настоял на том,

чтобы наняли другую группу ученых из Корнельского университета или из Массачусетского технологического института. Эти ученые встретились и в течение целого дня обсуждали проблему. В заключение обсуждения они пришли к выводу, что план Крейвена является самым лучшим из того, что может быть предложено.

У Джонсона не осталось времени, чтобы отреагировать, поскольку в тот же самый день экипаж глубоководного аппарата «Алвин» во время своего десятого погружения обнаружил парашют, обволакивающий какой-то объект цилиндрической формы. Он находился на глубине около 700 метров, вклинившись в склон ущелья, крутизной в 70 градусов. «Алвин» нашел утерянную водородную бомбу точно в том месте, которое было указано в расчетах Крейвена. Потребовалось еще несколько недель, прежде чем удалось ее поднять. Сначала «Алвин» попытался зацепить бомбу крюком, но она сорвалась и утонула вновь. Было потрачено еще три недели. Затем на тросе опустили робот для подъема предметов, управляемый с надводного корабля. Спасательная команда с 7 апреля 1966 года чуть не потеряла и робот и бомбу, когда роботу не удалось зацепить крюком бомбу и вместо этого он запутался в парашюте, закрепленном на бомбе. В отчаянии спасательная команда решила поднимать и робот и бомбу вместе, надеясь, что они запутались достаточно прочно, чтобы вытащить их вместе на поверхность. Это был неуклюжий подъем, но он завершился успешно. Для Крейвена более важным было то, что его теоретические расчеты подтвердились. Теперь он был уверен, что он сможет творить чудеса, когда у него будет подлодка «Халибат».

Ему не пришлось долго ждать. Переоборудование «Халибат» должно было завершиться через три недели после подъема потерянной водородной бомбы.

С внешней стороны лодка не претерпела больших изменений. Ее уже и так возвышавшиеся рубочные рули были подняты еще выше, чтобы получить побольше места для установки дополнительных мачт. К ним крепились перископы и антенны для перехвата переговоров с советских кораблей, которые могут устраивать погоню за лодкой. Сверху носовой части находился небольшой выступ, который можно было принять за установленный в необычном месте колпак, укрывающий антенны гидролокатора. На самом деле этот выступ был приспособлением, которое Крейвен называл «управление напором и направлением». Оно позволяло воде втекать в носовую часть «Халибат», а вытекать по бортам, давая лодке возможность как бы парить в глубине в режиме застопоренных двигателей, почти бесшумно.

«Халибат» могла не только осматривать дно океана, но и зависать над объектами, давая возможность специалистам изучать их, а водолазам – выходить из лодки и собирать объекты. Внутренние помещения «Халибат» были полностью переоборудованы и совсем не похожи на помещения на других стандартных подлодках. Выступ в виде горба верблюда с его огромным люком был преобразован в технологическую камеру, которая стала называться «пещерой летучих мышей». Стены этой «пещеры» из нержавеющей стали были покрыты серыми, коричневыми и светло-голубыми полосами. Ширина ее составляла 8,5 м, длина 15,2 м, высота 9,1 м. Она была разделена на три этажа.

В «пещере» оборудовали фотолабораторию, каюту для проведения анализа данных и компьютерный отсек, в котором разместился один массивный компьютер «Унивак 1124». Это была огромная машина с большими бобинами магнитной ленты и мигающими лампочками, что придавало помещению научно-фантастический вид. В других местах были тесно размещены койки для экипажа и «спуков».

Вершиной достижений Крейвена были так называемые «рыбы», которые, как он надеялся, будут плавать на самых предельных глубинах. Весом по две тонны каждая, 4 м в длину, эти алюминиевые создания имели камеры со стробоскопическими источниками света вместо глаз, работающие на аккумуляторах, усы из буксируемых гидролокаторных антенн, а также рули и носовые плоскости для плавников. Предназначенные для буксировки со дна «пещеры летучих мышей» на тросе длиной в несколько километров, «рыбы» производились фирмой «Вестингауз электрик» по цене 5 млн. долларов каждая.

Когда Крейвен и его команда готовились к заключительному этапу испытаний на подлодке «Халибат», он ежедневно встречался с представителями разведки в специальной комнате со звукоизоляцией. Крейвен вел игру, не забывая и многих других своих проектов, все это время держа представителей ВМС, не имеющих специального допуска к его секретам, в полном неведении. Были легенды прикрытия внутри других легенд, когда его приглашали решать различные глубоководные проблемы. Шли непрерывные запросы от Риквера, а также из соответствующих комитетов конгресса, почему на его глубоководные проекты расходуется средств на десятки миллионов долларов больше, чем ожидалось. Конечно, перерасходы приходились на «Халибат». Но этот проект был одним из самых засекреченных в ВМС, и Крейвен мог раскрывать расходы на него не больше, чем собственное нахождение на этой лодке.

Другие программы страдали, когда он финансировал расходы на «Халибат» за счет фальшивых бюджетов по другим статьям бюджета ВМС. Одному командиру было приказано припрятать расходы на «Халибат» в бухгалтерские отчеты программы боевых зарядов ракет, и бедолаге приходилось на еженедельных заседаниях пытаться находить объяснения, почему его команда допускала такие большие перерасходы бюджетных средств.

Еще одним тайным местом, где Крейвен прятал расходы, была программа создания глубоководного спасательного аппарата. В этом была некоторая поэзия, поскольку Крейвен работал над созданием фальшивого спасательного аппарата, который в один прекрасный день будет приварен к днищу «Халибат» и превратится в декомпрессионную камеру для водолазов. К тому времени, когда Крейвен закончил работу, на программу создания глубоководного спасательного аппарата было перерасходовано на 2000 (!) процентов больше средств, чем предусматривалось бюджетом.

Эти суммы так потрясли сенатора демократа от штата Висконсин У. Проксмайера, что он дал проекту шуточную награду «За золотой настриг с одной овцы». Проксмайер заявил, что проект создания глубоководного

подводного аппарата стал одним из самых печальных рекордов в истории США. Руководство ВМС было в ужасе от этой публичной головомойки. Крейвен же был в восторге. Многим ли вручались легенды прикрытия, написанные сенатором?

Конечно, РикOVER догадывался, что делала «Халибат». Он прилагал огромные усилия, пока не узнал большинство подробностей. Когда ему отказывали представители разведки, он шел прямо к адмиралам, возглавлявшим операции подводных лодок. Он не мог примириться с тем, что проводились операции с использованием его лодок без его участия. Адмиралы не осмеливались отказать ему. Но офицеры разведки в штыки встречали его вмешательство. Для этого была одна простая причина – РикOVER отказывался подписывать стандартную клятву о неразглашении тайны, полагая, что его лояльность должна приниматься на веру.

Офицеры «Халибат» также не слишком потворствовали адмиралу. Когда один из инспекторов РикOVERа попытался задержать «Халибат» в доке, высказав сомнение в том, что экипаж может правильно эксплуатировать реактор лодки, ее командир, капитан первого ранга Х. Клей, отказался выполнить рекомендацию инспектора. Подлодка «Халибат» занимала высшее место в перечне военных приоритетов и, как потом рассказывали, командир рывкнул на представителя РикOVERа: «Вы хотите подвести меня? Доложите президенту США, что я по вашей милости не могу выйти в море».

У Клея было достаточно проблем и без вмешательства РикOVERа. Ни одно из шпионских оборудования не делалось в соответствии с обычными военными спецификациями. Фактически военные и не разрабатывали спецификаций для оборудования, которое будет использоваться на глубине 6000 метров. И таким образом, путем проб и ошибок, по большей части ошибок, экипаж «Халибат» делал все возможное, чтобы это оборудование космической эпохи функционировало.

Довольно скоро экипаж начал убеждаться, что таинственная враждебная сила поселилась в «пещере летучих мышей». Были бесконечные проблемы с компьютером. Компьютерная операционная система «Интерлиф» требовала для работы 32 килобайта памяти. Когда компьютерные элементы в «рыбе» вышли из строя, новые элементы были секретно доставлены в Перл-Харбор в багаже стюардесс самолета компании «Американ Эйрлайнс». Затем проводились испытания глубоководного оборудования. Экипаж обнаружил, что некоторые системы прекрасно функционировали на глубине нескольких сотен метров, но переставали работать на глубине 5000 метров. Там давление оказывалось такое, что малейшей трещины в металле или в недостаточно прочных креплениях было достаточно, чтобы привести к полной аварии. Крошечные позолоченные резиновые разъемы, используемые в электросети «рыб», выходили из строя на глубине 3000 м, когда провода и золото начинали сжиматься в разной степени. В результате золото трескалось, и электрическая цепь размыкалась.

Стробоскопные фары, тщательно сконструированные для работы на «рыбе», функционировали очень хорошо. Но они оказались слишком яркими и слепили камеры. В конце концов были изготовлены менее яркие фары. К

сожалению, видеоканал, который должен был суммироваться поочередно от каждой «рыбы», не поднимался по коаксиальному кабелю. Поэтому в первых походах экипаж «Халибат» получал зернистые изображения теней и ярких пятен. Экипажу удавалось получить качественные части фотографий только один раз в шесть дней, когда массивную «рыбу», в которой находилась пленка, поднимали на борт лодки.

«Если что-то стоит делать, то это стоит делать плохо», – постоянно повторял Крейвен, пытаясь шуткой как-то сгладить неприятности от неудач. Между тем он еженедельно встречался с конструкторами «рыбы» на заводе фирмы «Вестингауз» в г. Мериленд, надеясь в обмен на свои повествования о крушениях получить решение проблем. «Ну, хорошо, ребята, мы собираемся почистить кабель, но я хочу, чтобы вы все улыбались», – такими словами он начинал каждое совещание, вызывая иногда усмешки, а иногда и гримасы.

Однажды инженеры решили ответить на его приветствие по-своему. Они вручили ему прозрачную пластиковую коробку. В коробке находилась проволочная щетка. На тыльной стороне щетки была сделана надпись по трафарету «Крейвен», а рядом лежала небольшая пластинка, на которой было выгравировано всего одно слово: «Улыбайтесь!»

В один из последних выходов на испытания надводный корабль должен был сбросить объект в океан. Идея заключалась в том, чтобы использовать «рыбу» для поиска и подъема выброшенных за борт предметов. Экипаж «Халибат» должен был опознать предмет, который будет во время сбрасывания скрыт огромной коробкой от обзора через перископ. Затем дно коробки откроется, и предмет опустится на дно.

Погода стояла хорошая. «Халибат» и надводный корабль вышли в море. Подъемный кран на надводном корабле поднял коробку и опустил ее до поверхности воды. Как только коробка коснулась воды, ее дно открылось. Через мгновение с корабля на «Халибат» сообщили по радио, что предмет, который так усиленно хотели спрятать, не утонул, а плавает на поверхности воды. Моряки вытащили предмет обратно на борт и начали заворачивать его в брезент, заложив внутрь тяжелую якорную цепь. И снова выбросили предмет за борт. Вскоре после этого на борт корабля прибыло несколько офицеров из контрразведки ВМС. Они заставили всех находившихся на борту надводного корабля и уже точно узнавших, что за секретный груз был в коробке, дать обещание сохранять в тайне эти сведения. Судя по размерам коробки и реакции контрразведчиков, предмет должен был иметь сходство с головной частью ракеты.

В течение нескольких последующих дней «Халибат» вела поиски. В каком-то месте рычажный механизм управления застрял на дне реакторной камеры «Халибат», выключив ее. Это вынудило перейти на движение под дизелями. Затем была утеряна одна из суммирующих камер «рыбы», присоединившись на дне океана к тому мусору высоких технологий, который она была предназначена искать. Крейвен предвидел аварии с «рыбами». Он заказал шесть этих штук, хотя согласно проекту на «Халибат» одновременно использовались только две «рыбы». Он считал, что они потеряли

всего-навсего запасную «рыбу», хотя и очень дорогую.

Наконец, другая «Рыба» была опущена в глубину и получила изображение искомого предмета. Позднее команда специального проекта с удовольствием и гордостью демонстрировала на борту лодки фотографию предмета поиска. Крейвен сделал запись в судовом журнале о большом успехе, первом показателе того, что «Халибат» реально может выполнять задачи, для которых и была переоборудована. Но экипаж «Халибат» не мог видеть этого. Большинство фотографий было вымарано во имя сохранения тайны. Что же касается экипажа подлодки, то он был уверен, что несмотря на трудности успешно завершены тяжелые поиски всего-навсего груды запутанной якорной цепи.

Глава 4

БАРХАТНЫЙ КУЛАК

Успехи «Халибат» убедили Крейвена в том, что лодка готова начать выполнять задачи по программе «Песчаный доллар». А в военно-морской разведке никто так страстно не желал верить ему, как капитан первого ранга Дж. Бредли. 46-летний Бредли только что возглавил военно-морской шпионаж и теперь регулярно встречался с Крейвеном в своем звуконепропускаемом кабинете, без таблички, на четвертом этаже Пентагона. Вход в кабинет закрывали три ряда дверей на замках. Охраняла вход секретарша, которая не допускала незваных посетителей. Она всегда говорила, что ничего не знает о Бредли и его сотрудниках. В его официальной биографии было обозначено просто управление военно-морских операций ВМС США и ничего более. Из официальных документов нельзя было догадаться, что он прикладывает руку к разработке разведывательных задач для каждой многоцелевой подлодки ВМС США. И ничего не говорило о том, что он был ответственным за планирование первых реальных походов «Халибат».

Бредли и Крейвен знали, что им не удастся бесконечно брать деньги из других управлений для содержания «Халибат» без высокопоставленной поддержки. Риквер уже охотился за ними, частично из-за того, что их подлодка, числившаяся как лодка «специального проекта», была одной из немногих атомных подлодок, которые он с трудом мог контролировать. Нужны были результаты, и как можно скорее, для того, чтобы их идея глубоководных поисков смогла выжить.

Как рассуждал Бредли, все советские ракеты, за запусками и падениями или авариями которых наблюдали другие подлодки, оставались пока всего лишь словами в перечне, если только «Халибат» не докажет свою способность превратить их в нечто большее. В противном случае 70 миллионов долларов и тысячи рабочих часов, потраченных на переоборудование подводного корабля, могут оказаться выброшенными в море.

Советский Союз создавал ракеты сказочными темпами после того, как был вынужден отступить во время ракетного кубинского кризиса. Испытываемые

ракеты с пусковых установок в глубине Советского Союза и с подводных лодок падали в Тихий океан. Подлодки США наблюдали за пусками, пытаясь заснять на пленку эти испытания и записать отсчеты измерительных приборов, которые могли бы помочь определить телеметрию нового советского оружия. Эти подлодки рисковали, проникая повсюду, кроме районов, охраняемых советскими кораблями, осуществлявших запуски ракет и контролировавших падения запущенных с земли ракет, остатки которых – кусочки черного металла, – рассеивались по морскому дну. Кусочки черного металла, разбросанные силой приведения, взрывами, направленными внутрь, и океанскими течениями. Больше всего Бредли был заинтересован в носовых конусах ракет, в которых размещались системы наведения и макеты боеголовок. Они могли бы предоставить хорошие возможности для расчетов размеров оружия, его двигателей и мощности ядерного боеприпаса. Но обнаружение таких кусочков – нелегкая задача.

Во время испытаний «Халибат» доказала способность находить предмет, осторожно опущенный в воду. Но как пойдут у лодки дела в условиях, когда местонахождение искомым объектов весьма приблизительное – где-то в северной части Тихого океана, обычно патрулируемой советскими кораблями? Обнаружение американской лодки в советских водах летом 1967 года могло обернуться катастрофой. Ведь именно в июне этого года США и Советский Союз, казалось, были близки к обмену ударами, когда обе стороны послали в Средиземное море армады кораблей и подводных лодок во время арабо-израильской войны.

Тем не менее Бредли жаждал чуда, и не одного. Он рассчитывал, что «Халибат» отыщет на дне морском много советских сокровищ, выведает столько разведывательных сведений, что у Пентагона не останется иного выбора, как построить флотилию подводных лодок специального проекта. Крейвен желал того же самого, и это объединяло их в единую команду.

Бредли, как и Крейвен, был из «морской» семьи. Оба испытывали благоговейный страх перед неисследованными и опасными океанскими глубинами, так же, как и чувство изумления от уже доказанных и потенциальных способностей «Халибат». Но бруклинская бравада Крейвена была прямой противоположностью среднезападному прагматизму Бредли.

Бредли поступил на службу в ВМФ вовсе не для того, чтобы продолжить многолетние семейные традиции. Накануне Второй мировой войны ему предстояло выбрать между прозябанием в грязных армейских траншеях и доблестными битвами на залитых солнцем морях, а при случае – и обществом хороших девчонок из нашумевшего фильма 1940 года «Моряки и красавицы». Бредли оказался на войне меньше чем через год после окончания военно-морской академии. Несмотря на то, что плаванья на дизельных подлодках были очень интересными, он отказался от предложения Риквера перейти на службу на атомные подлодки.

Это был поступок, равносильный отказу от очень выгодного предложения надежных акций таких фирм, как «Ай Би Эм» или «Эй Ти энд Ти». Становилось очевидно, что служба на привилегированных атомных подлодках

вскоре станет прямым путем для получения адмиральских звезд для большинства его одноклассников.

Мускулистый, симпатичный и упрямый, он шел в разведку окольными путями. Бредли не водил ни одну из своих дизельных подлодок в шпионские походы. Зато получил практику разведывательной деятельности на дипломатических приемах, заводя знакомства среди военно-морских атташе и дипломатов из других стран в конце 1950-х годов, когда был помощником военно-морского атташе в Бонне. Он оказался на этой работе потому, что в Джорджтаунском университете изучал немецкий язык. В Бонне Бредли изрядно обогатил свой словарный запас, приобретенный еще в 12-летнем возрасте, когда он играл в младшей лиге в футбол за церковную команду в немецком районе городка Сант Луис.

Когда была введена должность начальника отдела подводной войны в управлении военно-морской разведки в 1966 году, оказалось, что у Бредли был друг, помощник начальника управления военно-морской разведки, который и оказал ему содействие. Это был период, когда Риквер не отдавал ни одного подводника с атомных лодок на штабную службу. Эти должности отдавали подводникам с дизельных лодок. Одним из них и оказался Бредли.

Бредли был доволен такой иронией судьбы, так как теперь именно он руководил шпионскими походами атомных подлодок Риквера. И получал от этого определенное удовольствие.

Со своей стороны Риквер не мог простить Бредли его неуважительного отказа стать членом адмиральского общества. Он считал Бредли «пиратом» и очень жалел, что не имеет возможности контролировать его. Но в конце лета 1967 года Бредли был озабочен тем, чтобы доказать, что его шпионская программа может принести хорошие плоды. Его любимые дизельные подлодки занимали второстепенное положение, поскольку Атлантический флот больше не посылал их к советским берегам. У Тихоокеанского флота было меньше подлодок. Он меньше получал и атомных лодок, поэтому довольно энергично использовал дизельные лодки, посылая их как к берегам Советского Союза, так и к побережью Китая: наблюдать там за созданием атомных ракетных лодок. Тихоокеанский флот посылал дизельные подлодки даже для наблюдения за французскими испытаниями ядерного оружия в южной части Тихого океана. Перед самым прибытием Бредли в Вашингтон две американские дизельные подлодки столкнулись с сухогрузами во время разведывательного похода у берегов Вьетнама. (Так же, как и в корейской войне, во вьетнамской было мало морских сражений. Подлодки посылали на несколько разведывательных операций, кроме того, дизельные подлодки использовались для высадки диверсионных партий. В период с 1965 по 1972 гг. подлодка «Перч» и еще две – «Танни» и «Грейбэк» (бывшие лодки с ракетами «Регулус») обеспечивали секретные рейды боевых пловцов на побережье.)

Но хотя подобные случаи и укорачивали век господства дизельных лодок, командование рекомендовало командирам атомных лодок рисковать. По мере того как атомные лодки заменяли дизельные, большинство командующих по-прежнему было готово смотреть сквозь пальцы на их вторжения в советские

воды и возможность обнаружения, чреватую серьезным конфликтом.

Командующие флотами и Бредли знали, что риск оправдан, если удавалось засечь советские ракетные лодки на выходе из портов. Когда они уже выходили в открытое море, было труднее проследить за ними. Даже установленная сеть подводных гидролокаторов охватывала лишь небольшую часть океанов. Эта проблема становилась все более актуальной, поскольку после нескольких лет тревожных ожиданий Вашингтона Советский Союз начал посылать ракетные лодки, в большинстве своем дизельные, типа «Гольф», на регулярное патрулирование у побережья США. Военно-воздушные силы США нуждались в срочной помощи в деле изучения возможностей советских новейших ракет наземного базирования, испытательные запуски которых проводились в сторону океанов.

Началась операция «Зимний ветер», в ходе которой Бредли было поручено выйти с экипажем подлодки на поиски носового конуса советской межконтинентальной баллистической ракеты. Он рассчитывал, что «Халибат» найдет на дне кусочки ракеты и поставит на том месте импульсный передатчик, а ВМС позже изыщут способ поднять их. Эти импульсные передатчики могли функционировать в течение 7-летнего периода, достаточного для того, чтобы команда Крейвена построила один из своих глубоководных аппаратов и с его помощью вытаскила обнаруженные предметы.

К этому времени «Халибато» командовал капитан первого ранга Эдуард Мур, недавний выпускник школы повышения квалификации – подготовительных курсов для перспективных офицеров, где они проходили суровую подготовку к работе с ядерными реакторами. Руководимые любимцами РикOVERа, эти реакторные курсы состояли из упражнений по приведению человека в состояние отчаяния и безысходности, и кандидатов безжалостно заставляли штудировать учебники. Сам РикOVER любил предупреждать кандидатов, что, по крайней мере, треть из них провалится на экзаменах. Он сам и подчиненные ему экзаменаторы дотошно выпытывали у кандидатов подробности из теории электропрерывателей, физики и всего остального, что содержалось в кипах толстых руководств по реакторам, пытаясь отсеять именно треть.

Теперь Мур унаследовал подлодку, а заодно и начальника – с непредсказуемым характером и тайной ненавистью. Мур, человек крепкого телосложения, похожий на борца, воспринял поставленную задачу со спокойной решимостью. Его начавшие седеть волосы поседеют еще больше за время командования лодкой, но он редко жаловался вслух и почти никогда не выражал недовольства в отношении самого РикOVERа, хотя периодически посылал проклятия в адрес еще более садистских мер подчиненных адмирала. Когда «Халибат» уже прошла более 400 миль на север от острова Мидуэй, только Мур и еще несколько офицеров знали, куда и зачем она идет. Даже специально отобранным и получившим специальный допуск к секретным документам обитателям «пещеры» ничего не было сказано. А их руководителю капитан-лейтенанту Дж. Куку, 36-летнему инженеру-электрику, по совместительству занимавшему должность оперативного офицера и офицера

проекта, сказали, что они идут сканировать дно океана на глубине 5500 метров с целью обнаружения объекта размерами не больше, чем мусорная урна.

Все началось не плохо. Экипаж через торпедные трубы лодки выбросил в океан комплект импульсных повторителей, десятков сигнальных устройств. Каждое из этих устройств давало свой уникальный звуковой сигнал, который мог быть приведен в действие дистанционно с подлодки. По мере того как каждый импульсный повторитель достигал дна, штурманы определяли его точное местонахождение по спутниковой навигационной системе.

Когда все это происходило, Крейвена не было на борту лодки. Но там незримо витал его дух. Большинство экипажа «Халибат» верило в его легенду прикрытия о том, что импульсные повторители длиной 2,4 м были на самом деле донными минами. Они были маркированы военными кодами и доставлены на «Халибат» из военно-морских складов боепитания. Крейвен сурово предупредил членов экипажа: о том, что на борту лодки находятся мины, не должен знать никто.

Потребовалось 36 часов, чтобы установить всю сеть импульсных повторителей. После этого опустили одну из «рыб». Большинству моряков сказали, что это новый тип буксируемого гидролокатора. Остальная часть экипажа «специального проекта», сгрудившаяся на маленьком посту управления в «пещере летучих мышей», знала о «рыбе» немного больше.

Видеосигналы не проходили, поэтому делались попытки осмотреть дно с помощью гидролокаторов, работавших на «рыбе». Специалисты сидели, вглядываясь в серые тени, посылаемые на экраны, пытались отделить один слой теней от другого, чтобы выделить искомый объект от проплывавших стаек рыб или от камней. Были также экраны, показывавшие цифровые отсчеты расстояния механической «рыбы» от дна. Когда она проплывала над освещенным ею же путем, то делала фотоснимки, которые не мог увидеть никто до тех пор, пока «рыба» не будет поднята на борт лодки.

Положение еще больше осложнилось, когда вышел из строя компьютер «Унивак 1124». Команда «пещеры» была готова к этому. Вооружившись ручными калькуляторами, доставленными на борт инженером фирмы «Вестингауз», бригада специалистов проделала работу вместо компьютера. Еще одна проблема возникла из-за того, что при расчетах Крейвен оставил без внимания так называемый преднамеренный риск. Дело в том, что гидравлический намоточный барабан для троса был меньшего диаметра, чем обычно, чтобы поместиться в промежутке между прочным корпусом и верхней палубой, составлявшем 2,1 метра. Поэтому диаметр барабана мог быть не более 1,8 метра. В результате стальной трос с оплеткой длиной в 7 миль должен был наматываться очень туго, сжатым до предела.

Крейвен рассчитывал, что трос тем не менее должен выдержать нагрузку. Но он кое-что упустил. В целом трос, конечно, отличался прочностью, но он был сделан из отдельных отрезков из свитых пучков проволоки. Отрезки были сварены друг с другом до общей длины 7 миль. Каждая сварка была слабым местом. Именно одно из мест сварки зацепилось за что-то, и в результате часть троса без натяжения заклинила механизм подъема. «Рыба» осталась бесцельно

болтаться на конце троса. Отчаянно пытаюсь предотвратить потерю второй «рыбы», стоимостью 5 млн. долларов, группа моряков начала совместными усилиями поднимать две тонны алюминия. Им удалось доставить «рыбу» на борт по трубе, через которую ее опускали в глубину. Затем «Халибат» всплыла. В течение трех последующих суток экипаж вытаскивал трос и вытянул все 10 800 метров троса с барабана, уложив его в бесконечную цифру 8 в «пещере летучих мышей». И затем весь трос был перемотан в обратном порядке. Идея заключалась в том, что поврежденная секция останется не размотанной на барабанах, когда «рыбу» опустят вниз. Идея сработала, но пока так и не удалось найти ни кусочка ракеты.

Когда «Халибат» в конце октября 1967 года незаметно вошла в порт, Крейвен уже ждал ее в доке. По его расчетам, «Халибат» не должна снова выходить в море с тросом, секции которого сварены. Об этом он упомянул в разговоре с помощником министра ВМС по вопросам исследований и развития. Министерство ВМС стало подыскивать производителей тросов, объясняя им, что нужен бесшовный трос, без сварки, длиной 7 миль для спецпроекта. В Пентагон поступали самые разные предложения: от создателей нефтяного бурового оборудования до производителей лифтов. Один из подрядчиков не выдержал и спросил: «Вы должны сказать мне, что же это за здание такое?»

Ни единой фирмы не нашлось, чтобы ее продукция бесшовного, бессварного троса длиной 11 380 метров соответствовала бы спецификации ВМС. Наконец, компания «US Steel» согласилась модифицировать процесс производства тросов. На это потребовалось три месяца, до января 1968 года. Когда семимильный стальной трос был готов, Бредли решил, что пришло время снова попытаться добыть фрагменты ракеты.

Выход «Халибат» в море совпал со временем, когда северокорейцы задержали и взяли на абордаж американский разведывательный корабль «Пуэбло», который шпионил на поверхности. Он находился в международных водах, перехватывая сигналы радиолокаторов, когда его атаковали корейцы. С точки зрения американцев, это была наглая выходка. Корейцы обстреляли «Пуэбло» из орудий, и экипаж корабля, имевший только легкое оружие, не рискнул открыть ответный огонь. Пытаясь воспрепятствовать экипажу уничтожить шпионское оборудование и документы, корейцы убили одного и ранили троих американцев. В результате корейцы захватили сверхсекретную шифровальную машину, и американские разведывательные службы были убеждены, что эта шифровальная машина будет передана Советскому Союзу.

Но у «Халибат» все началось хорошо. Лодка дошла до местонахождения сети импульсных повторителей без происшествий. На этот раз «рыба» поплыла без заминки. Зернистые изображения от гидролокаторов постоянно мелькали на экранах в «пещере» как смутная репродукция картины далекой планеты, находящейся на глубине более 5 километров.

Подводная лодка и ее экипаж занимались поиском почти два месяца, однако советской ракеты обнаружить не удалось. Затем кабельная система снова вышла из строя, а в электронной системе, которая осуществляла связь с «рыбой», произошло короткое замыкание. В этом не было ничего нового.

Экипаж уже давно научился с помощью подручных средств производить ремонт в море. На это уходило не более часа. Проблема заключалась лишь в том, что работать надо было на поверхности. Занимались ремонтом в темноте на палубе, в 3 часа ночи.

До сих пор день для этих людей был сумеречной ночью на глубине 100 метров. Спокойно дрейфуя в подводном мире, они почти не чувствовали, как океан волнуется наверху. Но у капитана первого ранга Мура не было выбора. Экипажу придется встретиться с бурными волнами на поверхности.

Когда он отдавал приказ продуть балластные цистерны, три человека из ремонтной бригады уже надевали неудобные водонепроницаемые костюмы. Среди них был помощник старшего механика Чарли Хаммондс. Он ждал распоряжения командира. Командир наблюдал за движением волн, ожидая момента, когда на палубе не будет воды. Через некоторое время командир кивнул.

«Включи фонарь», – посоветовал старший механик Скитон Нортон, когда Хаммондс готовился выбраться через люк на палубу. Поверх водонепроницаемых костюмов ремонтная бригада имела на себе спасательные жилеты, украшенные стробоскопическим аккумуляторным фонарем в форме противогазной коробки. Эти фонари были созданы для ВВС и входили составной частью в аварийный комплект летчиков-истребителей.

«Я включу его своевременно», – ответил Хаммондс со свойственным ему упрямством. Механик был грубоватым, среднего роста, лысеющим и мускулистым. Он был нелюдимым, но его на лодке ласково называли «дядя Чарли».

«Ты включишь фонарь до того, как выйдешь из люка», – Нортон произнес это самым строгим голосом. Хаммондс знал, что приказ есть приказ, и щелкнул выключателем фонаря.

В ночной темноте и тумане маленький фонарь летчика-истребителя едва освещал лицо Хаммондса, когда он вышел на палубу и закрепил страховочный линь за поручни безопасности, растянутые по всей длине лодки. Он спустился по мокрой темной палубе, затем поднялся на носовую часть рубочных рулей и ухватился за леер. Моряк находился в самом лучшем положении, в каком мог находиться любой подводник, принимая во внимание, что он стоит ночью на верхней палубе подлодки посередине бурного океана.

Затем океан набросился, как бы пытаясь утащить всю лодку обратно в глубины, из которых она только что выплыла. Огромная волна поднялась более чем на 20 метров, накрывая ходовую рубку и заливая потоки воды в центральный пост через открытый люк, переливаясь через палубу и утаскивая за собой Хаммондса. Его потащило к носу лодки, и страховочный линь проскользнул по всей длине поручня. Линь мог бы удержать его на борту, если бы волна не была такая мощная и не утащила человека так далеко. Его понесло к люку в торпедный отсек к очередному зубцу на поручнях, предусмотренному для того, чтобы на нем закреплять как страховочного линия. Но Хаммондса протащило мимо этого зубца, и он оказался не пристегнутым. Совершенно неожиданно его смыло за борт.

Внутри ходовой рубки та же волна захватила молодого лейтенанта, который повредил обе руки, отчаянно пытаясь удержаться. Когда ему удалось высунуть голову из воды, он увидел, что Хаммондса на палубе нет. Моряки, стоявшие на палубе, стали истошно кричать: «Человек за бортом!» Начался поиск. Он проводился в точном соответствии с профессиональной подготовкой экипажа. Но это была атомная подлодка, на которой экипаж львиную долю времени должен проводить под верхней палубой и под водой. Во времена дизельных подлодок, таких как «Таск» и «Кочино», опасность моряку оказаться за бортом была постоянной угрозой. Теперь она, на первый взгляд, миновала и почти никто из служащих на атомных подлодках не имел опыта в такого рода происшествиях. Очень редко проводили и учения на тему: «Человек за бортом!»

«Кто пропал?» «Что случилось?» «Это Чарли. Мы потеряли Чарли!» Крики продолжались, люди разбежались по своим боевым постам. Один из офицеров подскочил к перископу. Лодку «Халибат» продолжало трясти, и это затрудняло наблюдение.

«Я вижу свет вон там!» – прокричал один из офицеров. «Следи за ним», – приказал командир.

Хаммондс находился приблизительно в 70 метрах, справа по носу. «Халибат» медленно двигалась вперед, немного в сторону от него. «Полный назад! Полный назад!» – крикнул командир, будучи в полной уверенности, что если они потеряют из виду свет фонаря Хаммондса, его уже не удастся найти.

Двигатели заработали на полную мощность, лодка сильно завибрировала, затем дернулась, ее винты взметнули воду, гася инерцию переднего хода. Чей-то голос по громкой связи из машинного отделения прокричал, что двигатели перегреваются.

«Продолжайте выполнять команду!» – ответил на это командир. Он знал, что движение задним ходом на больших оборотах в течение длительного времени может привести к перегреву турбин, но был убежден, что «Халибат» выдержит. Она была сконструирована для чрезвычайных маневров. Кроме того, был только один выбор – рисковать. Нужно было во что бы то ни стало спасти Хаммондса.

К этому моменту наблюдение велось уже через два перископа – старшим помощником командира и старшиной-рулевым. Они всматривались в темноту, отчаянно пытаясь удержать в поле зрения отдаленный свет маленького фонаря Хаммондса, пока другие устанавливали более мощный прожектор.

Четыре водолаза надели водонепроницаемые костюмы и побежали в ходовую рубку. Двое вышли на палубу и прыгнули в воду. Еще один стоял под люком ходового мостика в своем водонепроницаемом костюме, готовый прыгнуть в океан, если кто-нибудь из других водолазов попадет в беду.

Кок пробирался к «пещере летучих мышей», крича, что он собирается подтащить «рыбу». «К черту „рыбу“», – огрызнулся командир. Кок все-таки продолжал двигаться.

Командир вышел на рубочный руль с биноклем и сам стал следить за фонарем Хаммондса.

Вода заливала глаза и уши Хаммондса, и он не мог видеть, что «Халибат» надвигается на него. И тут он услышал голос вдали: «Держись, старшина, мы тебя спасем». Хаммондс расслабился. Это было самое нужное в тот момент. В водонепроницаемом костюме переохлаждение не грозило, а вот стоит человеку поддаться панике, это может кончиться плохо. Он поплыл в сторону голоса, как ему казалось, голоса командира, и даже после того, как его маленький фонарь погас, продолжал двигаться в том же направлении. Через несколько мгновений «Халибат» оказалась рядом с ним. Водолазы спрыгнули в воду и обвязали его тросом под руки. Затем моряка вытащили на борт. Он находился в ледяной воде 15 минут, и командир понимал, что только счастливый случай спас Хаммондса. Как только Чарли спустили через люк вниз, доктор Вит начал «лечить» его коньяком, самым эффективным средством на борту лодки.

Хаммондс продолжал беспрестанно повторять: «Я ничего не мог видеть. Я ничего не мог видеть». Он ужасно дрожал, доктор Вит дал ему еще коньяку. Затем Хаммондса перенесли в горячий душ, чтобы согреть, потом уложили в койку. Прошло несколько часов, пока прошел шок. За это время кто-то прикрепил плакаты у его койки и по всей лодке с надписями: «С возвращением, Чарли!» «Как прошло увольнение на берег?»

Но Хаммондс утратил чувство юмора. Его товарищи по экипажу из года в год будут на своих традиционных встречах рассказывать и пересказывать легенду о его ужасном купании, но Хаммондс никогда не показывался там, чтобы его послушали. Пока они были в море, Хаммондс удивлял всех тем, что выходил на палубу, как будто бросая вызов океану. Этого от него никто не ожидал. Как и любой другой человек, он мог бы оставаться внизу, в безопасности от крутых волн. Но пока Хаммондс был на лодке, а это продолжалось еще месяц, он отказывался поддаваться страху.

В начале апреля капитан первого ранга Мур повернул лодку домой. Он возвращался с пустыми руками. Не удалось отыскать ни одной ракеты, или хотя бы ее фрагмента. Но зато командир возвращался, не потеряв ни одного человека. Это достижение он не променял бы ни на что. Кроме того, ему вот-вот должен был представиться случай компенсировать свою неудачу и неудачу лодки.

«Халибат» вошла в Перл-Харбор 11 апреля 1968 года, в 68-ю годовщину со дня покупки ВМС первой подводной лодки. Рядовые моряки находились на балу в честь «Дня рождения подводных лодок», а офицеры собрались в королевском гавайском отеле, который местные жители называли «Розовая леди», на пляже Вайкаки. Там они выпили три или четыре ящика шампанского, которые кто-то припрятал под их столом, и ящик ликера, прихваченный из адмиральского люкса.

Пока они шумно праздновали, начала разыгрываться удивительная история. Около дюжины советских кораблей вышли в Тихий океан и медленно продвигались, прощупывая океан активными гидролокаторами. Было очевидно, что они что-то искали. Вскоре стало ясно, что они искали что-то свое. У них пропала подводная лодка.

Американская подлодка «Барб» (бортовой номер SSN-596) паслась у

советского порта Владивосток, когда начались эти неистовые поиски. Командир «Барб» Бернард Каудерер раньше не видел ничего подобного. Четыре или пять советских подлодок срочно вышли в море и начали активный поиск гидролокаторами. Эти подлодки погружались, всплывали на перископную глубину и снова погружались.

Советские корабли словно забыли о бдительности, о скрытности поиска. Эфир заполнили крики: «Красная звезда», выходи на связь! «Красная звезда», отвечай! «Красная звезда», отвечай, отвечай!

На берегу американские агенты собрались вокруг мониторов электронного перехвата и прослушивали эти передачи. «Барб» вела наблюдение, сохраняя радиомолчание. С берегового командного пункта поступило краткое указание: «Оставаться на позиции». Каудерер почувствовал разочарование. У него по плану было возвращение домой, и он собирался присутствовать в синагоге на митцвахе своего единственного сына. Но теперь его сын станет мужчиной без него. Каудереру было запрещено объяснять сыну, почему он не смог прибыть домой.

По мере того как «Барб» и другие разведывательные корабли прослушивали эфир, стало очевидно, что у советских кораблей не было ни малейшего понятия, где искать свою подлодку. А в Вашингтоне Бредли полагал, что он знает, где ее искать.

Долгое время возглавляемый Бредли отдел подводной войны проводил безуспешные наблюдения за непонятными шифрами связи советских подводных лодок, которую военно-морская разведка никак не могла раскодировать. Советские подлодки имели сложные радиопередатчики, которые спрессовывали их сообщения в радиоимпульс длительностью меньше секунды. Бредли полагал, что ключ к поиску пропавшей советской субмарины может находиться в этих нерасшифрованных микроимпульсах.

Офицеры разведки рассчитали, что такого рода радиосигналы посылались с советских ракетных подлодок по приближении и убытии из районов патрулирования, находящихся вдоль побережья США, в пределах дальности стрельбы ракет. Соединенные Штаты следили за этими сигналами и записывали их на пленку, задействовав целую сеть радиоприемных станций, созданных по германской технологии. Десятки антенн были размещены на тихоокеанском побережье США и на Аляске.

Впоследствии уже не имело значения, что эти микроимпульсы не могли быть декодированы. Массу информации можно было получить даже из записанного свиста и треска. Незначительные отклонения в частоте отличали одну советскую подлодку от другой. Советские ВМС были так строго организованы, что их подлодки никуда не уклонялись от заданного маршрута. Разведка США следила за тем, как они шли по всему 4000-мильному пути от Камчатки до одного из главных квадратов патрулирования – в 750-1000 милях к северо-западу от Гавайских островов. Микроимпульс обычно посылался, когда лодка доходила до подводного маркерного радиомаяка на выходе из прибрежных вод Камчатки. Другой импульс посылался при пересечении международной линии смены дат, около 2000 миль от Советского Союза, на

долготе 180?. Третий микроимпульс обозначал прибытие в квадрат патрулирования.

Это было похоже на то, если бы они говорили: «Мы уходим...» «Мы достигли долготы 180?...», «Мы находимся в квадрате...». Промежуточные доклады продолжались и по пути возвращения на Камчатку, и сотрудники Бредли полагали, что они почти слышали в сигналах просьбы подготовить свежие овощи, радостную встречу в порту и хороший стол с родными и близкими.

Теперь команда Бредли искала записи этих сигналов и почти сразу же нашла то, что искала. Подводная лодка типа «Гольф II», одна из дизельных подлодок, переоборудованных, чтобы нести на борту ракеты и выпускавшаяся до первых атомных лодок с баллистическими ракетами типа «Зулу», вышла из порта 24 февраля 1968 года. Подлодка давала радиосигналы как обычно, до тех пор, пока не достигла середины маршрута. Затем передача сигналов прекратилась. Не было сигнала, когда она достигла долготы 180?. Ничего не говорило о том, что она всплыла. Ничего не доносилось такого, что можно было бы принять за просьбу о достойной встрече, о благополучном возвращении домой.

Бредли срочно сообщил эту новость высшему командованию ВМС: Советский Союз потерял подлодку, одну из тех, которые имеют на вооружении по три баллистические ракеты. Он полагал, что лодка погибла между тем местом, откуда она послала свой последний микросигнал, и тем, где ожидался следующий сигнал, но его не оказалось. А советские корабли и близко не вели поисков от того района, который указал Бредли.

А что, если США первыми смогут найти эту лодку? Там, в одном месте, будут находиться советские ракеты, шифры и множество технологической информации, и Бредли полагал, что у него есть все средства, чтобы найти эту лодку. «Халибат» не смогла отыскать сравнительно небольшой фрагмент ракеты, но лодка-то представляет собою куда более крупную цель.

Командир «Халибата» Мур и старший группы специалистов из «пещеры летучих мышей» Кук были срочно вызваны в Вашингтон. Их ожидали контр-адмирал Ф. Бешани, заместитель начальника морских операций по вопросам подводной войны, Крейвен и Альберт Бютлер, который руководил работами на «Халибат». «Мы получили сведения, что Советский Союз, возможно, потерял подлодку в Тихом океане», – заявил Бешани, как только Мур и Кук вошли. Затем он добавил несколько подробностей и дал указание экипажу «Халибат» идти на поиски советской подводной лодки типа «Гольф».

Из своего кабинета Бешани быстро повел всех к министру ВМС Полю Нитце. На этот раз их с пристрастием расспросили о неисправностях на «Халибат», которые не позволили в предыдущем походе найти фрагменты советской ракеты. Крейвен, затаив дыхание, слушал, как красноречиво Кук заговаривал зубы министру, и даже подумал, что он сам не смог бы рассказать лучше. Кук заверил министра, что экипаж «Халибат» найдет эту лодку, если ему предоставят возможность сделать это. Правда, не было особой необходимости усиленно рекламировать «Халибат», так как у ВМС все равно

не было другого корабля, который мог бы предпринять подобную попытку поисков, пока советские корабли еще не подошли к району предполагаемой катастрофы. Оптимизм Кука передался министру ВМС, и тот сразу же поехал в Белый дом, чтобы получить разрешение на проведение операции.

Крейвену, Муру и Куку оставалось только молиться, чтобы получить окончательное «добро». Через несколько часов министр ВМС позвонил Бешани. Тот вызвал Мура, Кука и Крейвена в свой кабинет и объявил: «Вам поставлена новая задача». (Когда Крейвен и его команда начали подыскивать фотоматериалы о советских подлодках и возможности изучить советскую технологию по подводным снимкам крупным планом и по другим фотографиям, имевшимся у подводных сил адмирала РикOVERа, то убедились, что американской национальной безопасности был нанесен ущерб. С точки зрения секретного делопроизводства эти снимки казались совершенно безобидными. Группа подводников с подлодки «Барб», которая перехватывала сообщения о поисках советской подлодки типа «Гольф», создала книгу в память о многих месяцах, проведенных в море в предыдущем походе в 1967 году. На некоторых фотоснимках несколько моряков с «Барб» сфотографировались на фоне двигателей и некоторых частей ядерного реактора. Когда РикOVER услышал об этом, он взъярился и настоял на том, чтобы все фотографии его реакторов и любых их частей оставались под высшим грифом секретности. Когда РикOVER уже успокоился, взволновалась остальная часть руководства ВМС. Адмиралы начали отчаянно пытаться вернуть сто двенадцать уже разосланных книг. Телефонные звонки, меморандумы пошли по всему тихоокеанскому флоту от командира «Барб» до командующего подводными силами на Тихом океане, от офицеров-подводников в Вашингтоне и снова к РикOVERу. Была задействована криминалистическая лаборатория, ее попросили определить, нельзя ли вымарать фотографии таким образом, чтобы скрыть недозволенные детали реактора. ФБР пришло к выводу, что с помощью определенных химических процессов можно смыть вымарки, и эти детали снова проявятся. Почти через девять месяцев после начала этой паники командование ВМС установило, что секретный фон на фотографиях можно механически убрать и после этого книги можно вернуть экипажу подлодки «Барб».)

Крейвену предстояло собрать данные, которые могли бы уточнить местонахождение советской подлодки. Он был убежден, что обязательно должны быть и другие акустические свидетельства тонущей подлодки. Связался с Дж. Келли, руководителем сети подводных шумопеленгаторов, которые ВМС устанавливали по всем океанам.

Подчиненные Келли прослушали множество записей подводных шумопеленгаторов в поисках свидетельств трагедии: мощный грохот направленного внутрь взрыва с последующими менее мощными взрывами вкуче указывают на то, что подлодка падает на дно океана. Но в процессе поисков люди Келли не нашли каких-либо серьезных отклонений, указывавших на мощный взрыв, направленный внутрь. Однако был небольшой всплеск на их бумажных лентах, небольшой подъем, указывающий на один громкий хлопок.

Это произошло именно в том районе, где, по мнению Бредли, советская лодка пошла на дно.

А что, если, рассуждал Крейвен, подлодка заполнилась водой до того, как она достигла предельной глубины? Она в этом случае продолжала бы тонуть без резкого, оглушающего, ослепляющего и разрушающего треска стали. Ее смерть должна быть более спокойной. Крейвену нужно было узнать, какие звуки издает тонущая подлодка с открытыми люками, когда океанская вода заполняет ее и выравнивает внешнее и внутреннее давление еще до того момента, когда она достигнет предельной глубины. Был лишь один способ узнать это.

Крейвен и Бредли уговорили командование ВМС утопить подводную лодку, смерть которой можно было бы зафиксировать. Им дали старую дизельную подлодку, которая счастливо избежала поражения бесчисленными японскими торпедами во время Второй мировой войны. Теперь она погибнет бесславно.

И до этого подлодки времен Второй мировой войны топились в качестве мишени в ходе практических торпедных стрельб. Но те лодки были в движении, с работающими двигателями и заклиненными рулями. Было что-то благородное в такой смерти – быть утопленной единственным выстрелом, умереть как доблестный старый боевой конь.

Но эта старая подлодка была отдана воде для того, чтобы инженеры с помощью сети подводных гидрофонов записали звуки ее погружения. Она умирала тихо, как и ожидали Крейвен и Бредли. Теперь они рассуждали так: если подлодка со всеми открытыми люками и открытыми водонепроницаемыми переборками пошла на дно беззвучно, то другая подлодка могла тонуть и с небольшим хлопком, потому что одна из водонепроницаемых переборок могла быть задраена. Итак, собрав данные от подводных гидрофонов, которые зафиксировали в свое время хлопок, Келли и Крейвен путем триангуляции пришли к выводу, что наиболее вероятная точка гибели советской подлодки имеет координаты 40° северной широты и 180° долготы. Это как раз в 1700 милях к северо-западу от Гавайских островов, где глубина океана более трех миль.

Бешани все еще не был убежден до конца. Он полагал, что обязательно должен был произойти взрыв, направленный внутрь. Его сомнения подтверждались и тем, что в указанном районе или поблизости от него не было советских кораблей. Других сомнений у него не было. И поэтому он дал «добро» на направление «Халибат» в точку, указанную Крейвеном. (По иронии судьбы, именно «Халибат» направлялась на поиски советской подлодки. Советский Союз был убежден, что его подлодка погибла в результате столкновения с американской подлодкой «Суордфиш» (бортовой номер SSN-579), единственной лодкой, которая была переоборудована по образу и подобию «Халибат» в 1960-е гг. В Советском Союзе обратили внимание, что вскоре после того, как был потерян контакт с советской лодкой, «Суордфиш» вошла в порт Йокосуки с поврежденным рубочным рулем и перископом. Много лет спустя, когда командир «Суордфиш» Джон Ригсби услышал об этом, он

был удивлен. Ему и в голову не приходило, что в Советском Союзе обратили внимание на то, что «Суордфиш» имела повреждения. Он утверждал, что «Суордфиш» столкнулась с дрейфующей льдиной в Японском море, очень далеко от того места, где погибла советская лодка. Он был удивлен еще и тем, что кто-то мог заметить погнутый перископ на «Суордфиш», потому что в то время глаза всех были устремлены на вершину горы Фудзияма, которая выглядела особенно великолепно в день прихода «Суордфиш» в порт. Но, по-видимому, советская разведка следила в тот день не за красотами природы.)

Выход был назначен на 15 июля 1968 года. Приказы о целях похода держались в секрете даже от тех, кто был на борту лодки. Даже обитателям «пещеры летучих мышей» сообщили очень мало. Большинство полагало, что возвращаются обратно для продолжения поисков советской ракеты, которую не нашли в прошлый раз.

Когда опустили «рыбу», гидролокационная муть снова заменила изображения от видеокамеры, которая все еще не работала. Наблюдение за монотонными милями, наматываемыми на непрерывную склеенную ленту, вызывало головокружение. Люди ощущали резь в глазах от многочасового высматривания неясных очертаний чего-либо инородного океанскому дну. Рабочие смены длились не более 90 минут. После смены на светло-голубых стенах «пещеры» морякам чудились кривляющиеся привидения.

Днем и ночью «Халибат» ходила взад-вперед в квадрате, который указали Бредли и Келли. Оставалось исследовать еще 5 миль. Советская подлодка могла дрейфовать довольно далеко, пока прошла свои три мили до дна.

Каждые шесть дней «рыбу» поднимали в лодку, чтобы вынуть фотопленку и проявить ее. Проходили недели, а результатов не было. Но в данный момент все изменилось...

«Командир Мур, командир Мур!» – это неожиданно закричал корабельный фотограф из маленькой фотолаборатории в полной уверенности, что они искали ракету. Он был ошеломлен и уверен, что нашел свою цель. Это был прекрасный снимок рубочного руля подводной лодки. Фотограф так сильно дрожал, что у Мура возникло подозрение, что тот может потерять сознание. Вот он первый успех «Халибата» – картина стального гроба почти сотни советских моряков.

По приказу Мура «рыбу» снова опустили в той же точке, где был сделан снимок рубочного руля. Советская подлодка выглядела так, как будто кто-то осторожно привел ее сюда, на более чем пятикилометровую глубину океанского дна, и припарковал.

Гидролокатор и камера быстро просматривали все в этом районе, и с каждым погружением «рыбы» собирались новые детали. На одной из фотографий, позади рубки советской подлодки, была видна пробоина от взрыва, диаметром около 3 метров. Похоже, что когда лодка была еще на поверхности, произошел взрыв, который и был записан сетью подводных гидрофонов в виде хлопка. Взрыв, по-видимому, произошел от скопления водорода, в то время, когда шла подзарядка серноокислотных аккумуляторных батарей весом 450 тонн. Несмотря на серьезные повреждения, лодка выглядела в основном в сохранности.

На снимке были хорошо видны небольшие крышки сорванных с люков двух ракетных шахт. Внутри первой шахты маячила изогнутая труба, где когда-то покоилась боеголовка. Во второй шахте боеголовка полностью отсутствовала. Третья шахта была не тронута.

Затем камера «рыбы» обнаружила еще кое-что, и это «кое-что» потрясло даже Мура. Это были останки моряка, по-видимому, рядового, молодого парня, лежащего вдоль своей подлодки в одиночестве. Его товарищи, очевидно, были захоронены внутри. Одна нога погибшего была сломана и согнута почти под прямым углом, скорее всего в результате взрыва, уничтожившего лодку. Может быть, это и убило моряка, или, возможно, он захлебнулся, когда опускался на трехмильную глубину. Парень, должно быть, находился на верхней палубе, когда подлодка погибла. Он был одет в штормовую одежду, коричневую меховую куртку, застегнутую по горло, ватные брюки и черные тяжелые военные ботинки. Теперь эта одежда согревала его окоченевшие белые кости.

Кости, голый скелет – все это казалось неправдоподобным, поскольку, по словам специалистов, почти ничто не живет так глубоко в океане. Но было что-то еще на этих фотографиях. Крошечные, плотоядные червяки извивались вокруг тела, уже съеденного по кусочкам.

Никто из тех, кто видел советского молодого подводника и кто рассматривал 22 тысячи фотографий, привезенных «Халибат» домой 9 сентября 1968 года, не мог забыть его.

Бредли дал кодовое наименование этим снимкам «Бархатный кулак» – в честь мягкого способа, каким они были выхвачены из океана. Многие миллионы долларов, которые были вложены в «Халибат», наконец-то окупились. Он бросился с добычей прямо к начальнику военно-морской разведки Ф. Харлфингеру, который занял эту должность, пока «Халибат» еще находилась в море.

До этого Харлфингер был заместителем начальника разведуправления министерства обороны по сбору информации («сбором» в разведывательных кругах называлась и обыденная кража). Работал несколько лет с сирийцами и израильтянами. Им удалось тогда украсть советский реактивный истребитель Ми Г. Во время вьетнамской войны команда Харлфингера передала министерству обороны советскую ракету класса «земля-воздух». Его люди умудрились также своровать советскую ракету в Индонезии и двигатель от советского самолета, упавшего недалеко от Берлина.

Но фотографии советской подлодки были беспрецедентными. Что касается Харлфингера, то для него представление этих фотографий президенту США было идеальным первым шагом в новой должности. По указанию Харлфингера Бредли создал монтаж из 40 фотографий, чтобы показать высшим чинам ВМС и в Белом доме. Первому монтаж показали командующему подводными силами Бешани.

«Американская технология потрясающая», – подумал Бешани, испытав первое прикосновение к результатам проекта «Бархатный кулак». Он всегда будет сравнивать подлодку «Халибат» с вертолетом, зависшим на высоте 5000 метров с небольшой камерой на конце троса, делающей снимки в густом

тумане.

Вскоре после этого Харлфингер представил фотографии президенту США Джонсону, который был поражен так, что офицеры военно-морской разведки еще многие месяцы поздравляли друг друга.

В январе 1969 года Ричард Никсон был приведен к присяге как новый президент США. Вскоре после этого в кабинете Бредли раздался телефонный звонок. Это был Харлфингер. «Немедленно в Белый дом! И захвати „Бархатный кулак“ с собой», – прозвучало в трубке.

Александр Хейг, в то время заместитель советника президента по национальной безопасности Генри Киссинджера, хотел сам посмотреть фотографии. Хейг был так потрясен, что потребовал, чтобы он лично стал хранителем «Бархатного кулака». Бредли обратился за помощью к Харлфингеру, вытащив того с совещания: «Хейг хочет хранить у себя материалы». «Пошли его к черту», – ответил начальник разведки.

Но проигнорировать Хейга было непросто. Это, как говорится, легче сказать, чем сделать. «Он хочет показать материалы своему боссу и боссу того босса», – уточнил Бредли. Харлфингеру не нужно было объяснять, что босс босса Хейга это новый президент США. Харлфингер достаточно долго был связан с политикой, чтобы понять: на этот раз придется уступить.

«Ну, хорошо, – смягчился он и добавил: – Фотографии можно оставить у Хейга, но только на 24 часа». Этого времени было достаточно, чтобы Хейг принес материалы Киссинджеру. Затем уже Киссинджер представил их Никсону. Никсон пришел в восхищение. И слух об этом восхищении дошел до ЦРУ.

Аналитики из ЦРУ уже давно интересовались, как обычные шпионские подлодки умудрялись добывать важнейшую информацию. Однако руководство подводными шпионскими операциями оставалось за ВМС. Но теперь ЦРУ и его директор Ричард Хелмс вдруг энергично заинтересовались океанскими глубинами. Хелмс, в стиле ЦРУ, начал готовить взятие этого дела под свой контроль. Сначала он создал новый уровень бюрократии, так называемое «Агентство по связи», которое по замыслу должно было объединить ресурсы военно-морской разведки и ЦРУ. Агентство будет называться «Национальный отдел подводной разведки». Уже не впервые ЦРУ проводило подобные мероприятия. В 1961 году ЦРУ решило совместно с ВМС руководить операциями спутниковой разведки путем создания совместного предприятия, названного «Национальный разведывательный отдел».

Предполагалось, что национальный отдел подводной разведки будет состоять на равной основе из сотрудников ВМС и ЦРУ. Что касается высших чинов, то это так и было. Директором отдела назначили Джона Уорнера, нового министра ВМС в администрации Никсона. Бредли предполагалось назначить начальником штаба. Руководителем аппарата ЦРУ в новом агентстве стал Карл Дакетт, заместитель директора ЦРУ по науке и технологии. Но уже с момента создания отдела ЦРУ фактически взяло все руководство в свои руки. Бредли удалось ввести в отдел всего несколько человек. Весь его штат в подводной военно-морской разведке насчитывал около дюжины специалистов. У ЦРУ не

было таких ограничений. Агентство назначило в штат нового отдела 8 человек своих сотрудников на постоянной основе и еще несколько консультантов.

Но вот незадача. Уже очень скоро Бредли и Крейвен стали понимать, что прикомандированные сотрудники ЦРУ не могут отличить подводную лодку от подводной горы. К этому времени у Бредли и Крейвена уже созрел план, каким образом достать все ценное, что находилось на борту советской подлодки. Идея заключалась в том, чтобы послать мини-подлодку – с целью захватить ядерную боеголовку, сейф, содержащий шифры и коды, а также приемопередатчики, работающие микроимпульсами, чтобы ВМС смогли, наконец, декодировать все сообщения, которые перехватывались и просто накапливались. Они уже доказали, что корпус советской лодки можно открыть, не разрушив ничего внутри его.

Пригласили армейских саперов, чтобы проверить свои предположения. Различные хрупкие и легковоспламеняющиеся предметы прикрыли стальной плитой и поместили в бассейн с водой. Пластическая взрывчатка была прикреплена на небольшом участке закрывающей плиты и взорвана. Взрыв проделал небольшой вход в стальной пластине, оставив почти не тронутыми предметы, находившиеся за плитой.

Это все, что требовалось сделать, чтобы открыть небольшой ход и войти внутрь. Все остальное можно оставить в лодке, похороненной в море. Военная разведка следила за строительством советских подводных лодок подобных утонувшей, в течение десяти лет делая фотоснимки из космоса. Военно-морская разведка знала советскую подлодку этого типа вплоть до последнего болта и гайки. Ракеты, которыми эта подлодка запускала свои ядерные боеголовки, были примитивными, с дальностью полета только 750 миль. И Советский Союз и США уже производили ракеты с дальностью полета 1500 миль. Вряд ли имело смысл пытаться совершать невыполнимую работу по подъему тысяч тонн уже устаревшего оборудования со дна океана. Потребовались бы годы, чтобы создать соответствующее оборудование для подъема подобной массы.

Карл Дакетт и его сотрудники вежливо выслушали краткое изложение этого плана. Но когда они вернулись со своим ответом, Крейвен и Бредли чуть не лишились дара речи. ЦРУ предлагало поднять лодку целиком и намеревалось построить для этого самоходный кран.

Крейвен и Бредли не могли в подобный бред поверить. Дело в том, что подлодка, по-видимому, ударилась о дно на скорости 200 узлов, то есть с ускорением погружения равным 21,3 м/сек. Она может только казаться неповрежденной, но на деле такая же хрупкая, как замок из песка. Ткни его достаточно сильно, и он рассыплется.

Возможно, Бредли со своими расчетами был прав, но у ЦРУ была солидная опора в Вашингтоне. И обычно это агентство имело все, что хотело. Даже когда то, что оно хотело, по мнению Харлфингера, было безумной фантазией. (Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс впоследствии говорил, что он никогда не слышал об альтернативном плане, предложенном Крейвеном и Бредли.)

Однако ЦРУ не было одиноко в своем энтузиазме. Начальник военно-

морских операций Томас Мур любил огромные, захватывающие воображение высокотехнологичные проекты, и он был очарован планом ЦРУ. По его мнению, это удобный случай украсть целую подлодку и расквитаться с Советским Союзом за захват северокорейцами «Пуэбло». Кроме того, Мур не был уверен, что по методу Бредли и Крейвена можно достать все основное оборудование с лодки.

Через некоторое время министр обороны М. Лэйрд окончательно одобрил план ЦРУ, признавая при этом, что «некоторые считают это безумной идеей». Лэйрд попытался объяснить, на основании чего он принял это решение. Создание приспособления для подъема советской подводной лодки со дна Тихого океана может дать США возможность поднимать и собственные подлодки в случае их гибели. Лэйрд проконсультировался с Ховардом Хьюзом, затворником, миллиардером, судостроительная компания которого получила контракт от ЦРУ на постройку корабля, который будет пытаться поднять утонувшую субмарину со дна океана. Этот корабль будет называться «Гломар Эксплорер», а попытка подъема лодки получила кодовое наименование «Проект Дженнифер».

Крейвен наблюдал за этими ожесточенными спорами, удивляясь больше всего тому, что национальной разведывательной программой руководят политики. Возможно, он был циничным, заявляя о своей уверенности в том, что ЦРУ ищет проект с целью направить сотни миллионов долларов Хьюзу, чтобы расплатиться с политическими долгами Никсона.

Как бы там ни было, Никсон охотно утвердил план ЦРУ, а Крейвену и Бредли оставалось только перешептываться о своей несогласии. Их никто не желал слушать. Единственное, что Крейвен получил за свой протест, – это отстранение от участия в операции. Крупнейшему глубоководному предприятию суждено было осуществляться без деловых рекомендаций человека, который сделал это предприятие возможным. А также без командира подлодки «Халибат» Мура. РикOVERу представился удобный случай для того, чтобы расквитаться с теми людьми, которые не допускали его в свою вотчину. Адмирал не предпринимал никаких действий (хотя и был готов к этому), когда предшественник Мура заявлял, что имеет больше власти над подлодкой «Халибат», чем отдел военно-морских реакторов РикOVERа. РикOVER спокойно наблюдал со стороны, как десятки миллионов долларов расходовались на «Халибат». Его мало волновали нападки конгрессменов, обеспокоенных тем, что бюджет в тридцать миллионов долларов на постройку мини-лодки NR-1 разросся до 60 миллионов. Он спокойно воспринял, как Никсон наградил «Халибат» почетной грамотой Президента, высшей наградой для подлодки, как Мур был награжден медалью «За выдающуюся службу» за обнаружение утонувшей советской подлодки.

Между тем все это время специалисты РикOVERа по реакторам на судоверфи очень внимательно следили за «Халибат». Экипаж лодки так волновало это пристальное внимание, что Мур подозревал: моряки делают ошибки специально для того, чтобы люди РикOVERа могли что-то записать и с чувством исполненного долга покинуть лодку. Экипаж не очень делился с ним

своими переживаниями, но Мур знал, что напряжение передается и им. Он также знал, что вопрос лишь времени, когда РикOVER получит искомую информацию. РикOVER готовился послать строгое предупреждение всем атомным подлодкам, независимо от того, какие задачи они выполняют. Пусть знают: независимо от их достижений и успехов, они не могут изолироваться от него и от его офицеров по безопасности.

Первая возможность адмиралу представилась, когда в один из дней 1969 года, ранним утром «Халибат» переместили на судовой верфь Маре Айленд около Сан-Франциско. В ее реакторе заменяли топливные элементы, а внимание офицеров было отвлечено на дополнительное переоборудование с целью расширить возможности лодки в проведении глубоководных операций. Именно на этот день и был запланирован визит РикOVERа на «Халибат», только никто из экипажа не знал, в котором часу адмирал прибудет. Командир лодки Мур находился на берегу в своей квартире, в шести кварталах от дока, когда адмирал прибыл на судовой верфь Маре Айленд, одетый как обычно по-граждански.

Первая стычка РикOVERа произошла с двумя морскими пехотинцами, которые отказались пропустить его через ворота верфи. Никакой проблемы не возникло бы, знай часовые РикOVERа в лицо. Но они знали только его фамилию. Все, что он в этом случае должен был сделать, – предъявить свое удостоверение личности. РикOVER пришел в ярость от того, что кто-то на базе подводных лодок мог не узнать его. Он толкнул ворота и вошел. Как позже рассказывали Муру, адмирал быстро пошел по пешеходной дорожке. Часовые последовали за ним. Его догнали и снова попросили показать удостоверение личности. На этот раз адмирал предъявил удостоверение, и его пропустили. Он сразу же бросился в кабинет Роберта Метцгера, своего старшего инспектора по безопасности реакторов на верфи Маре Айленд. Будучи все еще раздраженным, РикOVER решил, что ему самому не стоит идти на «Халибат». Вместо себя он послал своего представителя, который приехал с ним из Вашингтона. Поступая таким образом, РикOVER инспирировал повторение того, что случилось с ним самим.

Конечно, любой на «Халибат» сразу узнал бы РикOVERа, и никто не стал бы спрашивать у него удостоверение личности. Но никто здесь не знал его представителя. Поэтому молодой вахтенный на верхней палубе сделал то, что ему и положено по инструкции. Он подошел к представителю РикOVERа и попросил предъявить удостоверение личности. Затем вызвал дежурного офицера, который в конечном счете не разрешил представителю адмирала находиться на лодке.

Когда Мур услышал обо всем этом, он немедленно разыскал РикOVERа. Адмирал не дал ему возможности смягчить обстановку. Вместо этого он рявкнул: «Мур, вам следует беспокоиться о своей карьере! – Затем он грозно спросил: – А что вы собираетесь сделать с дежурным офицером, который не пускал нас?»

РикOVER не давал себе труда лично инспектировать «Халибат». Но на подлодке чувствовался его гнев. Постоянные инспекции хода обслуживания реактора «Халибат» продолжались. Экипаж «Халибата» знал, что всегда можно

что-то найти, если обращать пристальное внимание на малейшие действия, например, не на месте лежал гаечный ключ или недостаточно четко соблюдалась какая-то инструкция и т. п.

Через три месяца после стычки с РикOVERом Мура отстранили от командования «Халибат». Хотя это отстранение было оформлено как обычный перевод на другую должность, мало кто сомневался в том, что за этим переводом стоял РикOVER. «По моему мнению, это был один из многочисленных неразумных поступков в отношении персонала, на которые этот джентльмен был способен, – сказал контр-адмирал Уолтер Смол, в то время командующий подводными силами на Тихом океане. – РикOVER был готов уволить любого по своему собственному желанию, независимо от того, были или нет у него на то полномочия».

Многие из офицеров, служивших под началом Мура, предпочли уволиться из ВМС. Некоторые – в знак молчаливого протеста против такого отношения к их командиру. Другие – просто чтобы избежать бесконечных придинок. Даже врач Вит, который с помощью коньяка приводил в чувство Чарли Хаммондса, попал под огонь инспекторов РикOVERа. Те посчитали, что документация о радиационном облучении экипажа оформлялась не так, как положено.

Мур был переведен в Пентагон в глубоководную группу и по иронии судьбы в конце службы был в составе команды, которая подбирала задачи для любимой мини-лодки РикOVERа NR-1.

РикOVER подстроил увольнение Мура, но не отделался от него. И несмотря на то, что в ВМС была «эра РикOVERа», Мур все же получил звание капитана первого ранга, наряду с остальными офицерами его выпуска. У него было слишком много положительных аттестаций, слишком много достижений, чтобы кто-нибудь, в том числе и РикOVER, мог отказать ему в присвоении этого звания.

Но главное было в другом. Мур потерял свою подлодку. Это было странное «вознаграждение». За проведение самой смелой в ВМС подводной разведывательной программы Мур больше никогда не будет снова командовать на море.

Глава 5

СМЕРТЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

27 мая 1968 года. После длинного рабочего дня Джон Крейвен ехал вдоль реки Потомак на автомашине, возвращаясь домой, когда по радио сообщили, что подлодка «Скорпион» (бортовой номер SSN-589) пропала вместе с 99 членами экипажа. К тому времени прошло всего два месяца с того момента, когда американская разведка убедилась, что Советский Союз потерял свою подлодку типа «Гольф». Крейвен все еще помогал Бредли вычислить, где она затонула, как пришла эта новость. Никаких подробностей в радиопередачах не сообщалось.

Никто не знал, где находилась подлодка «Скорпион», что с ней случилось. Известно было только, что эта многоцелевая атомная лодка водоизмещением

3500 тонн должна была вернуться домой в Норфолк (шт. Вирджиния), но не прибыла. Она не плавала украдкой вдоль советского побережья и не измеряла глубину океана, как «Трешер», которая погибла за пять лет до этого. «Скорпион» шла по Атлантическому океану прямо домой. Подобно одноименной лодке Второй мировой войны, «Скорпион» исчезла бесследно и без видимых причин.

Крейвен притормозил у следующего съезда с шоссе и повернул в Пентагон. Когда он вошел в охраняемое «обиталище демонов» – усиленно охраняемый Военный кабинет, то знал только то, что как главный ученый специалист ВМС по глубоководным проблемам будет нужен. Ведь пропала подлодка и вместе с ней 99 человек.

Рассматривая толпу уже собравшихся в спешном порядке капитанов первого ранга и адмиралов, Крейвен ощутил нечто такое, чего никогда не встречал в этом кабинете, заполненном высокопоставленными военными, – малодушный страх.

Страх отчетливо читался на напряженных лицах тех, кто внимательно разглядывал огромную карту на стене, показывающую предписанный лодке «Скорпион» маршрут. Его источали дрожащие голоса других, внимательно изучавших навигационные карты, разбросанные по всему кабинету. Высказывались гипотезы и схемы поисков. Прикидывался маршрут «Скорпион», наносились на карту маршруты самолетов для поиска на поверхности и поиска редких подводных гор. Всего несколько месяцев назад американская подлодка «Скамп» (бортовой номер SSN-558) чуть не погибла, врезавшись в подводную гору в Тихом океане, когда она спешила, чтобы успеть проследить испытания советских ракет. Если это подобный несчастный случай, то «Скорпион» могла быть потеряна навсегда. Подводные горы – то место на ее пути, где она и ее экипаж могли затонуть, не дойдя до предельной глубины, за которой ее ожидала немедленная смерть в результате разрушения корпуса.

Другие офицеры изучали ближайшие места нахождения советских кораблей и подводных лодок, рассуждая, не пересекались ли их маршруты с маршрутом «Скорпион». Все находившиеся в кабинете пытались оценить возможности, желая верить, что «Скорпион» все еще невредима, а экипаж хоть и находится в затруднительном положении, но жив.

«Чем может помочь моя организация?» – спросил Крейвен, перекрывая волнуемые голоса, гул спорящих и шелест карт. Никто не взглянул или даже не заметил его, стоявшего в дверях. Большинство из этих офицеров ничего не знали о «Халибат», о роли Крейвена в подготовке ее к глубоководным поискам и даже о его успехах в определении местонахождения водородной бомбы, которую ВВС потеряли в глубинах Атлантики, около Паломареса (Испания). Для большинства офицеров Крейвен был просто рядовым инженером. Те же, кто знал его лучше, считали его человеком, полным странных идей и необычных методов поиска, в которых не было ничего похожего на изложенное в военно-морских наставлениях. Мало кто из офицеров, находившихся в тот день в Военном кабинете, верил, что Крейвен мог оказаться их лучшим, а возможно, единственным шансом на успех в поисках подлодки «Скорпион».

Крейвен повторил свой вопрос. На этот раз кто-то ответил: «Нам не удалось найти „Скорпион“ по акустическим сетям. Мы не знаем, где она. Если вы можете сделать что-нибудь по этому вопросу, делайте!» И Крейвен остался наедине со своими мыслями, пытаясь рассчитать, почему и где исчезла подлодка. Ставки были один против миллиона, что кто-нибудь найдет лодку. Она могла быть в Атлантике где-то на маршруте протяженностью в 3000 миль.

Семьи членов экипажа «Скорпион» начали беспокоиться еще с 15 февраля 1968 года, за три месяца до того, как Крейвен услышал эту новость по радио, за три месяца до того, как среди подводников стали циркулировать слухи о том, что советские корабли могли утопить ее.

При последнем отходе «Скорпиона» на пирсе стоял Дан Роджерс, помощник электрика, который, рискуя своей карьерой, попросил списать его с лодки, написав командиру капитан-лейтенанту Ф. Слаттери, что все на борту лодки «в опасности». И вот теперь он сбросил с пирса последний швартовый, который удерживал лодку. В ВМС эта лодка длиной 136 метров считалась блестящим выставочным экспонатом. А Роджерс в своем рапорте писал, что «Скорпион» так долго просрочивала капитальный ремонт, что экипаж называл ее «железным утильсырьем». В гидравлических системах были протечки, морская вода проникала через сальники вала гребного винта. Ее аварийные балластные системы не работали, и ВМС ограничились глубиной ее погружения до ста метров, гораздо меньше рабочей глубины для других лодок этого типа.

За три месяца до последнего выхода «Скорпиона» в море случилось одно пугающее происшествие, когда «Скорпион» так сильно вибрировала во время маневрирования на больших скоростях, что казалось, она проходила сквозь воду как пробочный штопор, заставляя крупные части оборудования раскачиваться на своих резиновых амортизаторах. Причину таких вибраций так и не установили. Роджерс и другие члены экипажа опасались, что эта вибрация может повториться в любое время.

Большинство подводных лодок прошло тщательную проверку на безопасность после гибели «Трешер». Однако основная часть этих работ на «Скорпионе» была отложена из-за напряженности бюджета и неослабевающих темпов разведывательных операций в «холодной войне». Когда «Скорпион» выходила в море, она была одной из четырех подлодок, все еще ожидавших переоборудования дополнительными средствами безопасности, которые устанавливались после гибели «Трешера».

Роджерс и его товарищи жаловались командиру, что к их озабоченности по поводу неполадок в лодке никто не относится всерьез. Роджерс не был списан с корабля до тех пор, пока не согласился вычеркнуть слово «опасность» из своего рапорта о переводе.

Спустя месяц «Скорпион» была направлена на Средиземное море для участия в учениях НАТО. Ее направили туда только потому, что потребовалось срочно заменить подлодку «Сивулф», ту самую, которой Крейвен предпочел «Халибат», когда настало время выбрать лодку для специального проекта. «Сивулф» выбилась из графика замен, врезавшись в подводную гору в заливе Мэйн, и сильно повредила при этом корму.

Средиземноморье стало последней ареной «холодной войны». Со времени арабо-израильской войны 1967 года Советский Союз посылал все больше многоцелевых подводных лодок, вооруженных крылатыми ядерными ракетами, чтобы выслеживать американские авианосцы и пытаться следить за американскими ракетными лодками, выходящими в море из базы Рота (Испания). Американские разведывательные подлодки также наблюдали за портами Египта, где останавливались советские суда. Движение в Средиземном море было настолько интенсивным, что в декабре 1967 года произошло подводное столкновение американской подлодки «Джордж Маршалл» (бортовой номер SSBN-654) с советской многоцелевой подлодкой.

Значительную часть времени занимало выявление советских подводных лодок. Американские сети подводных гидрофонов к тому времени еще не были установлены в Средиземном море, а так же в районе западного побережья Европы, где проходил один из основных маршрутов советских подводных лодок. В самом Средиземноморье были ужасные условия для гидролокаторов, где соленая вода встречается с пресной, теплые слои – с холодными и все это посылает эхо-импульс в непредсказуемых направлениях. Одним словом, никто в США реально не представлял, как советские ВМС оперируют в Средиземном море и сколько подводных лодок они туда посылают. Аналитики-подводники в Лондоне и такие же аналитики в Норфолке (шт. Вирджиния) вели долгие дискуссии о советских операциях, но дискуссий чаще всего бесплодных, потому что слишком мало имелось фактов для каких-либо определенных выводов.

Полагая, что путем увеличения количества наблюдателей можно помочь экспертам, США начали обучать подводные силы своих союзников в Южной Европе и на Среднем Востоке искусству преследования подводных лодок. Фактически «Скорпион» была послана на Средиземное море, чтобы в учениях играть роль «зайца», которого преследуют иностранные силы в ходе их обучения. Для экипажа «Скорпион» это был привлекательный поход с заходами в солнечные порты Испании и Италии. Но многие, судя по письмам домой, предпочли бы, вроде Роджерса, остаться на берегу.

«Мы провели ремонт, заменили полностью или подлатали временно все оборудование», – писал помощник машиниста второго класса Д. Стоун в своем письме родителям от 12 апреля. Стоун отправил это письмо, находясь уже два месяца в походе, как раз накануне того, как «Скорпион» попала в опасный «петушиный бой» с советским эсминцем. Этот инцидент был типичным для операций в Средиземном море: обе стороны начинали беспокоить друг друга. Когда «Скорпион» всплыла на поверхность, чтобы обменяться сообщениями с американским кораблем «Катласс» (бортовой номер SS-478), советский эсминец бросился к «Скорпион», как бы намереваясь таранить ее. И когда казалось, что столкновения не избежать, советский корабль резко затормозил. Столкновения не произошло.

«Он проделал это три или четыре раза, – писал Х. Тиббетс, командир „Катласс“, который наблюдал за происходившим с ходового мостика своего корабля. – Я покрылся потом и каждый раз думал, успеют ли эти парни

своевременно остановиться?...»

Сообщение об инциденте, слухи о подобных инцидентах в других походах оставили у многих семей убеждение в том, что советские корабли могли стать причиной гибели «Скорпион». В соответствии с самой страшной версией, «Скорпион» была поражена советской торпедой во время завершающей стадии похода, когда она пыталась отогнать советскую многоцелевую подлодку от американской подлодки «Поларис» в Атлантическом океане.

Начинался заключительный этап похода, когда обычно не ставятся задачи, связанные с преследованием советской многоцелевой лодки. На календаре был конец апреля. «Скорпион» сделала завершающий заход в порт Неаполь (Италия). Оттуда, как ожидал экипаж, она должна была возвращаться домой. Вместо этого ее внезапно послали следить за необычайной деятельностью советских кораблей. Американские спутники сфотографировали группу советских надводных кораблей за пределами Средиземного моря, в Атлантике, запускающих воздушные шары, по размерам напоминающие метеозонды. Советские корабли занимались этой загадочной деятельностью почти целый месяц. Было известно, что в Тихом океане, поблизости от районов американских ядерных испытаний, также запускались советские воздушные шары, оборудованные чувствительными элементами. Возможно, это был какой-то новый вариант из арсенала разведывательных приемов.

Рассуждая, что в любом случае на пути домой «Скорпион» будет проходить поблизости от того района, Джеймс Бредли, все еще возглавлявший отдел подводной военно-морской разведки, приказал экипажу лодки посмотреть, что там происходит. Командир лодки капитан-лейтенант Слаттери и остальные офицеры были огорчены. После более чем двухмесячного пребывания в море они мечтали поскорее вернуться домой. Об этом экипаж прямо заявил Бредли на прощальной вечеринке в Неаполе. Он посочувствовал офицерам, но приказ остался в силе.

«Скорпион» отправилась в сторону советских кораблей 28 апреля. Но по пути лодка подошла к волнолому базы Рота (Испания) и высадила на берег одного члена экипажа и «спука», которые заболели. Затем продолжила свой путь. «Скорпион» тайно подглядывала за советскими кораблями два или три дня, а затем повернула домой. Когда лодка отошла на достаточное расстояние от советских кораблей, командир сообщил по радио, что удалось сделать несколько фотоснимков, но по поводу загадочных маневров советских кораблей информации собрали немного.

Не было ясно, где эти корабли действовали, хотя в документах ВМС США упоминался один возможный район. Разведывательные самолеты обнаружили два советских исследовательских гидрографических судна, корабль-спасатель подводных лодок и многоцелевую атомную подводную лодку типа «Эхо II» к юго-западу от Канарских островов, в 300 милях от северо-западного побережья Африки. Эти корабли проводили какую-то неустановленную «гидроакустическую операцию». Воздушная разведка была прекращена 19 мая и возобновлена 21 мая, как раз в то время, когда «Скорпион» покинула этот район.

«Не было замечено никаких изменений в характере проведения операции советскими кораблями ни до, ни после потери лодки „Скорпион“, которые указывали бы на какую-либо причастность или заинтересованность советских кораблей в нападении на лодку», – позже сообщили ВМС в документе, подготовленном в 1969 году для следственной комиссии по катастрофе подводной лодки «Скорпион». Документ оставался секретным в течение многих лет.

Вечером 21 мая экипаж «Скорпион» сообщил по радио о своем местонахождении и что находится на предусмотренном маршруте домой, по так называемой «дуге большого круга», через Северную Атлантику. Получив приказание двигаться со скоростью 18 узлов, моряки рассчитывали прибыть в Норфолк в 13.00 по восточному поясному времени 27 мая.

Адмирал Томас Мурер, командующий флотом на северной Атлантике, и вице-адмирал Арнольд Шейд, командующий подводными силами в Атлантике, начали беспокоиться, когда «Скорпион» не ответила на сообщение 23 мая и на повторные запросы – в последующие два дня. Они попросили несколько кораблей ВМС и самолетов поискать признаки подводной лодки. Общая тревога еще не поднималась. В конце концов Слаттери и его экипаж шли домой в подводном положении, вне пределов радиоконтакта.

Озабоченность переросла в страх 27 мая, в 12.20. За двадцать минут до того времени, когда «Скорпион» следовало прибыть в Норфолк. К этому времени она должна была быть уже на поверхности, а ее экипаж – вести переговоры с базой. Командующий подводными силами вице-адмирал Шейд распорядился начать интенсивную проверку связи. Корабли и самолеты переполнили эфир позывными подлодки «Скорпион»: «Брендиуайн...» «Брендиуайн...» «Брендиуайн!..»

Ответа не последовало.

В 15.15 было официально объявлено о пропаже лодки «Скорпион».

А на пирсе семьи экипажа подлодки ждали своих мужей, сыновей и отцов, возвращающихся из похода. Они ждали под весенним дождем, который чисто промыл пирс. Вскоре командование ВМС предложило встречающим расходиться по домам, так как возвращение «Скорпион» задерживается. Это было сделано только тогда, как вездесущие репортеры стали передавать первые сообщения о пропаже лодки.

К этому времени Крейвен повернул свою автомашину к Пентагону, офицеры разведки лихорадочно пытались получить акустические доказательства и другие признаки несчастного случая, столкновения или боя. Пилоты разведывательных самолетов определили местонахождение всех известных советских или принадлежащих восточному блоку надводных кораблей и подводных лодок, по крайней мере в 50 милях от любой точки, где ожидалось прохождение «Скорпиона». Позже военно-морские силы сообщили, что нет никаких доказательств какой-либо подготовки Советского Союза к боевым действиям или кризисной ситуации, которые можно было ожидать в случае преднамеренного нападения на «Скорпион». Действительно, к тому моменту, когда Крейвен вошел в военный кабинет, ВМС в основном отвергли

версию советского участия в гибели «Скорпиона».

Вице–адмирал Шейд сам отправился на поиски на подводной лодке «Парго» (бортовой номер SSN-650). Роджерс, бывший член экипажа, тоже вышел на поиски на борту своей новой подлодки «Лэйкон» (бортовой номер SSN-661). Был момент, когда все на борту «Лэйкон» поверили, что «Скорпион» найдена. Радист на «Лэйкон» принял сигнал о помощи (SOS) от позывного «Брендиуайн». Но вскоре стало очевидно, что сигнал был фальшивый: садистская шутка с одного из торговых судов или прогулочных яхт.

Между тем Крейвен начал свое исследование, которое вступит в такое противоречие с остальными исследованиями ВМС, что начнут подумывать, не сошел ли он с ума. Для начала Крейвен обдумал ряд способов акустического проникновения в океанские глубины. Было очевидно, что сети подводных гидрофонов тут бесполезны, хотя их система в Тихом океане и засекала в свое время один хлопок, единственный признак гибели советской подлодки типа «Гольф». Разбросанная гидрофонная система в Атлантике не могла сделать то же самое. Атлантическая система предназначалась для фильтрации входящих звуков, позволяя гидролокационным сетям записывать работу механизмов, быстрые обороты винтов подводных лодок и все другие «мелодии», издаваемые подлодками во время их движения под водой, при этом игнорируя взрывы, проводимые при разведке нефти, подводные землетрясения и крики китов. Эта фильтрующая система непременно выявила бы звуки направленных внутрь взрывов, с легкостью отличила бы их от обычного океанского или другого вида шума.

«Как, черт возьми, мы собираемся найти этих бедолаг?» – бормотал про себя Крейвен. Через несколько дней его назначили председателем группы технических советников для оказания помощи в поисках подлодки «Скорпион». Крейвен и другие члены группы должны были докладывать свои соображения и результаты поисков непосредственно начальнику военно-морских операций и командующему Атлантическим флотом.

Для начала он стал обзванивать небольшие океанографические исследовательские станции, разбросанные по Атлантике. Начинался список с его друга, Гордона Гамильтона, возглавлявшего океанографическую лабораторию на Бермудах, которая финансировалась отделом военно-морских исследований. «Эй, Гордон, у тебя есть гидрофоны в воде, которые могли бы слышать „Скорпион“?» – спросил Крейвен, даже не поздоровавшись. «У меня нет, но часть моей лаборатории на Канарских островах постоянно держит гидрофон в воде», – ответил Гамильтон.

Гидрофоны порождают ворохи исписанной закорючками бумаги. Это пики и небольшие отклонения, которые накапливаются по мере того, как лента продвигается по вращающемуся барабану. Тем не менее была проблема. Прошло шесть дней с того момента, как «Скорпион» послала последнее сообщение на берег, а работники лаборатории обязаны очищать и выбрасывать записи после двух или трех дней. Любые закорючки, которые могли бы зарегистрировать заключительную фазу трагедии на борту «Скорпион», скорее всего ушли в макулатуру.

Но Крейвен знал, что люди редко делают в мелочах то, что им положено. Он подумал, что прежде всего нужно обратиться в административно-хозяйственное подразделение. Через пару часов раздался ответный звонок Гамильтона. Крейвен оказался прав. По всей лаборатории валялись кипы бумаги, и среди них – двухнедельные акустические записи, зафиксировавшие восемь отдельных взрывов в океане или сильных волнений за те шесть дней, когда не было контакта со «Скорпион». Но сильные волнения могли быть вызваны практически чем угодно, включая взрывы во время нелегальных разведок нефти. Это довольно обычные взрывы, звучащие по всей Атлантике. Они могли прийти откуда угодно, с любого направления.

Имея только один набор записей, нельзя было установить географические координаты любого из этих взрывов. Для определения координат Крейвену необходимо было провести триангуляцию трех отдельных записей от трех гидрофонных групп, расположенных в разных точках. Поскольку у него не было данных о приходе звуков из определенных мест, Крейвен стал работать в обратном порядке, нанося места нахождения «Скорпион», исходя из известного маршрута и скорости хода в соответствии со временем взрывов. У него получилось 8 мест в середине океана, где, как он полагал, подлодка могла находиться в момент каждого взрыва. Батиметрические карты показывали, что все 8 точек находились там, где глубина была более 600 метров, то есть больше, чем предельная глубина для лодок данного типа.

Получив данные Крейвена, ВМС послали самолеты ко всем 8 точкам. Самолеты искали плавающие обломки или масляные пятна. Ничего не нашли. Отсутствие обломков не могло служить убедительным доказательством отсутствия лодки, если принять во внимание, что глубина в тех местах была очень большой. Крейвену нужно было получить дополнительные данные для продолжения исследований. Продолжились поиски новых акустических свидетельств.

Независимо от усилий Крейвена, Уилтон Харди, главный ученый элитной акустической команды в лаборатории акустических исследований, основной военно-морской испытательной площадки в Вашингтоне, пришел к новой разгадке. Он знал, что ВВС держат два гидрофона неподалеку от Ньюфаундленда для отслеживания подводных возмущений, вызванных советскими ядерными испытаниями. Один был установлен в районе полуострова Ардженсия, другой – в 200 милях от него.

На всякий случай Харди послал туда запрос на записи, зная, что едва ли там есть необходимые данные. Оба гидрофона ВВС находились столь же далеко от Азорских островов и последнего известного места нахождения «Скорпиона», как и другие слушающие устройства в Северной Атлантике. Кроме того, между этими гидрофонами и маршрутом «Скорпиона» пролегал крупнейшая в мире горная цепь – подводный Срединно-Атлантический хребет. Высота хребта была такова, что большинство звуковых сигналов, поступающих со стороны Азорских островов, блокировалось.

Действительно, на первый взгляд, записи гидрофонов ВВС показались бесполезными. Там не было ни одного пика, похожего на зарегистрированные

лабораторией на Канарских островах. Но Харди показалось, что если повнимательнее присмотреться и даже немного прищуриться, то он, возможно, что-то и увидит. Он наложил записи лаборатории на Канарских островах поверх записей гидрофонов в Ардженсии.

Они почти полностью совпадали с местным шумом и небольшими выбросами, что, по всей вероятности, соответствовало более ярко выраженным пикам, записанным лабораторией Гамильтона. Харди позвонил Крейвену, который теперь координировал все акустические поиски. Крейвен решил убедиться, что записи гидрофона в Ардженсии не были случайным совпадением или плодом воображения.

Если выбросы, записанные в Ардженсии, были ничего не значащими, то нанесенные на карту они будут, по-видимому, находиться в сотнях или тысячах миль от относительно тонкой линии океана, которая могла бы быть маршрутом «Скорпион». Но если новые данные точно совпадут хотя бы с одной из полученных на Канарских островах точек на маршруте лодки, то акустические совпадения будут иметь совсем иное значение.

Харди первый обнаружил такое совпадение. Прямо на маршруте подлодки «Скорпион» произошел взрыв, достаточно сильный и притом не один, чтобы разрушить стальной корпус и отправить залитую водой субмарину на дно океана. Можно было безошибочно определить причину взрывов. Крейвен и Харди считали, что это должны быть взрывы, направленные внутрь, крики агонии сплюсцивающейся подлодки, когда отсек за отсеком разрушаются силой, эквивалентной взрыву более 200 кг тротила.

Люди в подводной лодке разве что чудом могли пережить первый взрыв. Они могли быть живы и до того момента, когда водонепроницаемые переборки начали с вибрацией прогибаться внутрь. Но на этом для них все заканчивалось. Да и навряд ли кто-то смог бы остаться в живых после первого взрыва. Этот взрыв послал носовую и кормовую секции к центру лодки, подобно тому, как складывается модель из папье-маше, если по ней достаточно сильно ударить одновременно спереди и сзади. Огонь и удар убили всех в течение долей секунды. Все были уже мертвы как раз к тому моменту, когда давление океана продолжало продавливать «Скорпион». Второй взрыв, направленный внутрь, последовал через 4 секунды после первого, затем еще через 5 секунд, затем через две секунды, затем через три, затем еще, еще и еще. Через 3 минуты и 10 секунд все было кончено. Прошли три минуты и десять секунд разрушения, и океан неожиданно успокоился.

Записанный через 18 часов после того, как «Скорпион» послала сообщение о том, что направляется домой, взрыв означал, что лодке удалось пройти менее 400 миль в направлении Норфолка.

Прошло четыре дня после того, когда объявили о пропаже подлодки «Скорпион». Крейвен позвонил начальнику военно-морских операций и сказал ему, что «Скорпион», очевидно, потеряна навсегда. Адмирал Мурер не был готов услышать это. Он не собирался объявлять семьям экипажа лодки и стране о том, что нет надежды на спасение людей лишь на основании группы мелких, почти неразличимых всплесков на бумаге. Тот факт, что эти всплески

произошли в точке на маршруте лодки «Скорпион» и в тот момент, когда она по расчетам должна была там находиться, был достаточным только для того, чтобы объявить это место «зоной особого внимания». Стали ждать, пока самолеты, корабли и подлодки добудут новую информацию.

Контр-адмирал Бешани, командующий подводными силами, стал направлять все запросы прессы Крейвену. Но у ученого был строгий приказ – в ответах избегать слова «погибла» или даже намеков на тяжелый исход. Прошло еще шесть дней, прежде чем Бешани и Мурер вынуждены были признать, что Крейвен и Харди оказались правы. Пятого июня Мурер объявил, что подлодка «Скорпион» «предполагается погибшей». Через несколько часов министр военно-морских сил официально объявил о смерти командира подводной лодки «Скорпион» капитан-лейтенанта Слаттери и 98 членов экипажа.

Но «Скорпион» так и не была найдена. Не изучив останки подлодки, ВМС никогда не узнали бы, что же на самом деле случилось. Без этого понимания все остальные атомные лодки будут плавать под постоянной угрозой того, что какой-то фатальный дефект остается незамеченным и может привести к очередной катастрофе. Без подтверждения того, что члены экипажа погибли, их семьи будут не в состоянии, вопреки логике и всей имеющейся информации, отделаться от мыслей, что их родные, возможно, попали в плен и находятся где-нибудь в советской тюрьме.

Итак, началась вторая фаза поисков. Теперь Крейвену и его команде было поручено найти «Скорпион» и узнать причину ее гибели. Крейвен снова направил все внимание на акустические эхо-сигналы.

Место первого взрыва, получившее название – точка «Оскар», указывало, откуда начинать операцию. Термальные слои в воде могли исказить звуки взрывов, повлекшие гибель «Скорпиона», пока они доходили до гидрофонов на Канарских островах и Ардженсии. Крейвен рассчитал, что предполагаемая ошибка – 10 миль для любой точки, нанесенной на карту методом триангуляции.

Кроме того, глубина в этой точке равнялась двум милям. Взрывы могли прекратиться, когда лодке предстояло еще более 2000 метров опускаться до дна. В зависимости от того, с какой скоростью лодка шла перед взрывом и в каком направлении, а также в зависимости от силы взрывов, направленных внутрь, и положения ее кормовых рулей, когда она опускалась на дно, ее могло отбросить на несколько миль в сторону. Все вместе взятое означало, что подлодка могла находиться в окружности диаметром двадцать миль, оставляя огромное неизведанное пространство для поисков. А искусство глубоководного поиска все еще находилось в начальной стадии развития.

Начиная поиски «Скорпиона», Крейвен имел значительно меньше данных, чем у него было, когда он вел поиск затонувшей советской подлодки в Тихом океане. ВМС решили послать надводный корабль, чтобы прочесать район вокруг точки «Оскар». Даже и мысли не было, чтобы послать на эти поиски «Халибат». Она была предназначена для ведения секретных операций, а скрывать ведущиеся поиски не имело смысла, поскольку о потере подлодки стали появляться публикации в американской прессе, которую русские могли

прочитать.

Вместо «Халибат» ВМС использовали океанографическое исследовательское судно «Мизар». Это было судно длиной около 80 метров, бывший транспорт для снабжения полярников. Его переоборудовали для проведения глубоководных исследовательских работ, начатых ВМС после гибели лодки «Трешер». Для выполнения этой задачи судно передали команде Харди из военно-морской лаборатории, куда оно было приписано.

На «Мизар» имелись буксируемые камеры, менее совершенные, чем камеры на «рыбе» подлодки «Халибат», и с ними предстояло начать медленный и тщательный осмотр океанского дна. Эта работа должна была проводиться под руководством Ч. Баканана, гражданского океанографа, старшего научного сотрудника военно-морской исследовательской лаборатории. Едва Баканан приступил к работе, он понял, что это будет длительный рейс. На скорости в два узла «Мизар» потребуются много месяцев, чтобы покрыть заданный район. Капитан Баканан был охотником по натуре. Маленького роста, плотный и незлобиво сварливый, он начал отращивать бороду в тот день, когда «Мизар» вышел из порта Вандайк, и заявил, что побреется только тогда, когда найдет искомый предмет.

Держа постоянную связь с Харди и Крейвеном, пока они разбирали акустические крошки, Баканан начал водить «Мизар» кругами вокруг точки «Оскар», находя осколки богатых железом метеоритов. По указанию ВМС «Мизар» начал тщательно просматривать район к западу от точки «Оскар». По мнению ВМС, поскольку «Скорпион» следовала на запад к Норфолку, то именно в этом направлении и следует ее искать.

Между тем Крейвен начал выкапывать дополнительные свидетельства, которые могли бы помочь направить «Мизар» в нужном направлении. Он нанес на карту место каждого взрыва, направленного внутрь, надеясь, что это поможет рассчитать, насколько продвинулась лодка до того момента, когда затих последний звук ее гибели.

Он обнаружил нечто большее.

По расчетам Крейвена теперь получалось, что «Скорпион» двигалась вовсе не на запад, к Норфолку, в момент своей кончины. Вместо этого полученные Крейвеном новые данные показывали, что лодка двигалась в обратном направлении, на восток, в сторону Средиземного моря. Возможно, подлодка повернула, чтобы убежать от другой лодки, но сотрудники разведки уже говорили Крейвену, что они абсолютно уверены в том, что советские военно-морские силы здесь ни при чем, это должно быть что-то другое.

Ученый пошел к командующему подводными силами. У него был один вопрос: «Что могло заставить лодку двигаться в обратном направлении?» Крейвен задавал этот вопрос нескольким капитанам первого ранга и адмиралам. Каждый раз он получал один и тот же ответ.

Подлодка разворачивается на 180° когда находящаяся на ее борту торпеда начинает вести себя, что называется, «нештатно». Этот случай подводники называют «случайный запуск». Поворот лодки в обратную сторону включает предохранительное устройство на торпедо, которое прекращает ее работу. Те

же самые предохранительные устройства удерживают торпеду от поворота в сторону выпустившей ее лодки, предохраняя лодку от поражения собственной торпедой.

На «Скорпионе» находился комплект боевых торпед, готовых к применению, как это было и на всех остальных многоцелевых подводных лодках в годы «холодной войны». В комплект входили четырнадцать торпед марки 37, семь торпед марки 14 и две торпеды «Астор» с ядерным зарядом марки 45. Случайные запуски были особенно распространены среди торпед марки 37, и если возникла опасность случайного запуска, то командир «Скорпиона» должен был скомандовать: «Право на борт, развернуться на 180?» в тот момент, когда получил доклад из торпедного отсека о проблеме с торпедой. Любой командир обязан совершить этот маневр, который путем тренировок доводится у подводников до автоматизма. Фактически 27 декабря, за шесть месяцев до гибели, «Скорпион» избавилась от самоактивации торпеды в результате именно того, что Слаттери строго следовал этой стандартной процедуре.

Так, видимо, и случилось, пришел к логическому выводу Крейвен. «Скорпион» шла курсом восток, и это должно означать, что что-то произошло с одной из торпед на лодке. Под воздействием каких-то причин она активизировалась и взорвалась.

Крейвен начал изучать этот вопрос глубже. Он установил, что какой-то дефект в имевшейся на борту испытательной аппаратуре мог вызвать случайный пуск торпеды. Но Крейвен знал, что торпеды, наряду почти со всеми видами другого оборудования, обычно проходят проверку, когда подлодка находится на пути домой.

Одним из самых любимых афоризмов Крейвена был следующий: «Если что-нибудь может быть установлено задом наперед – так и случится». В данном случае, видимо, так все и произошло. Несколько подлодок уже докладывали о самопроизвольных запусках в результате того, что электропроводка в испытательном оборудовании была установлена в обратном порядке. Эта проблема стала настолько распространенной, что командующий Атлантическим флотом издал соответствующее предупреждение.

Получив сведения об этом дефекте испытательной аппаратуры и имея акустические данные, Крейвен пришел к выводу, что судьба «Скорпиона» была предопределена. «Скорпион» боролась с самопроизвольным запуском торпеды, происшедшим в результате того, что кто-то перепутал электропровода испытательного прибора во время проверки торпеды. Разворот на курс ост был сделан слишком поздно. Логические рассуждения и доказательства совпадали. Крейвен убедился в правоте своего вывода.

Оставалась лишь одна проблема: почти никто не был согласен с ним. Эксперты-акустики, торпедисты, командиры подводных лодок – все слушали, как он страстно излагал свою теорию, свои доказательства и свою логику, повышая и понижая голос, как будто произносил один из шекспировских монологов, усиленный его собственными афоризмами об океанских глубинах. Но никто, начиная от начальника военно-морских операций и людей рангами

ниже, не считал, что Крейвен прав.

Харди, акустик, эксперт военно-морской научно-исследовательской лаборатории, был убежден, что Крейвен пытается «слишком много получить от акустических данных и гоняется за привидениями». По мнению Харди, единственное, что могло повернуть лодку на восток в сторону Средиземного моря – так это преследование «призрака» Крейвена. Его аргументы постепенно зародили и у самого Крейвена некоторые сомнения. Ведь именно лаборатория Харди руководила работой судна «Мизар», и Крейвену нужна была его поддержка для того, чтобы судно развернулось и начало поиски в восточном направлении. Личные отношения Крейвена с этой лабораторией были неустойчивыми. Как директор проекта глубоководных систем он, по сути дела, присвоил весьма ценную собственность лаборатории – батискаф «Триест II» для оказания помощи в разработке характеристик для мини-лодки РикOVERA «NR-1».

Офицеры из командования систем вооружения, ответственные за безопасность торпед, вскоре тоже присоединились к группе экспертов, отрицающих выводы Крейвена. Они настаивали, что после самопроизвольного запуска торпеда никак не могла сдетонировать внутри лодки. Чтобы произошла детонация, боеголовка должна врезаться в объект на полной скорости и остановиться от удара. И только тогда она взорвется. Офицеров командования систем вооружения поддержало управление кораблестроения. Уолтер Дитцен, ответственный за строительство подводных лодок, тоже выразил глубокие сомнения. В ходе острых дебатов никто не забывал, что речь идет о поисках погибших людей.

Чтобы как-то разрядить обстановку, Дитцен предложил Крейвену пари – на бутылку «Чивас Ригал», самого дорогого шотландского виски, если он окажется не прав. Офицеры, участвующие в операции, тоже заключали пари с Дитценом. «Мизар» уже добыла некоторые соблазнительные данные – в направлении в сторону Норфолка от точки «Оскар». Были обнаружены предметы, которые могли упасть с лодки «Скорпион»: патрубков, предмет, похожий на дамский зонтик, веревка, завязанная специальным узлом, который делают на бросательном конце, чтобы было удобнее схватить его при подаче на пирс.

Среди моряков возникли споры, завязан ли узел по-американски или способом, принятым на итальянском флоте. А вот зонтик, по мнению офицеров, мог принадлежать кому-либо из членов экипажа лодки «Скорпион». Они ведь заходили в порты, не так ли? Это мог быть сувенир или подарок для женщины по возвращении домой. Пройдут месяцы, прежде чем военно-морской биолог заявит, что предмет, похожий на зонтик, на самом деле никакой не зонтик, а останки одной из биологических разновидностей, обитающих на дне океана.

Полученные судном «Мизар» свидетельства и настойчивое отрицание другими его выводов посеяли сомнения даже у Крейвена. А вдруг он не прав. Выход был только в одном: продолжать поиск дополнительной информации. Был организован сброс с корабля небольших взрывных устройств в точке

«Оскар». Сравнивая отличительные черты акустических сигналов, произведенных в районе поиска, с сигналами, которые достигнут Норфолка, он сможет рассчитать раз и навсегда, создает ли взрыв в данном районе эхо-акустическое «привидение», как утверждали некоторые. По этому случаю Гордон Гамильтон прилетел в Норфолк с Канарских островов. Вместе с Крейвеном они устроились в шлакобетонной комнате без удобств, на станции связи в Норфолке. И приготовились ждать весь день и всю ночь, а также весь следующий день до тех пор, пока калибровочные взрывы будут доходить до берега.

При первой и второй попытках взрывы оказались слишком слабые и ни один из них до Норфолка не дошел. К тому времени Крейвену и Гамильтону уже надоело питаться только холодными бутербродами, они устали от вида пустых стен и пустой комнаты, устали спать на полу блокпоста, еще больше устали друг от друга. Они исчерпали репертуар профессиональных разговоров. У Крейвена даже закончились его афоризмы о море.

Крейвен начал делать упражнения на выжимание в упоре – по программе физподготовки канадских ВВС. И преуспел в этом. Уже несколько раз он проделал по восемьдесят выжиманий, прежде чем сигналы взрывов дошли до Норфолка. Они дошли без всякого эха. И когда Крейвен и Гамильтон произвели перекалибровку сигналов лодки «Скорпион» с новыми данными, то они поняли, что «Скорпион» двигалась на восток и двигалась быстрее, чем полагал Крейвен.

Крейвен вернулся к своей теории происшествия с торпедой. Но ему нужны были дополнительные доказательства. Он решил воспроизвести ход трагедии. Ему нужен был тренажер подводной лодки и капитан-лейтенант Р. Фаунтин, бывший старший помощник командира лодки «Скорпион», который был переведен с лодки до того, как она отправилась в свое последнее плавание.

Фаунтин занял место в ходовой рубке тренажера лодки, а компьютер был запрограммирован в качестве передатчика распоряжений, которые он отдавал по ходу того, как на тренажере воспроизводились различные возможные причины гибели «Скорпиона». Были проверены десять вариантов. И все они не соответствовали акустическим доказательствам. Затем команда Крейвена попросила Фаунтина попытаться провести последнюю проверку. Они ничего не сказали ему о возможном взрыве торпеды, а просто сообщили, что лодка идет домой со скоростью 18 узлов, и предложили выбрать глубину по своему усмотрению. Затем Крейвен подождал 10 или 15 минут, чтобы Фаунтин успокоился. И тогда передали сигнал тревоги «Самопроизвольный пуск торпеды в торпедном отсеке». Без всякой паузы, не задавая никаких вопросов, Фаунтин скомандовал: «Право на борт».

Вот оно! Это и пытался доказать Крейвен. Именно этот поворот был выполнен на «Скорпион».

Когда примерно через полминуты смоделированный Фаунтином маневр был почти завершен, в тренажер передали сообщение: «Взрыв в носовом торпедном отсеке». Такая же информация была подана в компьютер, который начал регистрировать интенсивное поступление воды в лодку.

Фаунтин среагировал потоком распоряжений: продуть балласт, задраить водонепроницаемые переборки, полный вперед. Он делал все, что командир любой лодки и должен был делать в этой ситуации. Тем не менее вымышленная субмарина продолжала заполняться водой и идти ко дну. Точно через 90 секунд после того, как Крейвен объявил о взрыве, лодка опустилась на шестисотметровую глубину, прошла свою предельную глубину. И компьютер зарегистрировал направленный внутрь взрыв. Кто-то из присутствующих невесело пробурчал: «Приехали!»

Смоделированный, направленный внутрь взрыв произошел на секунду раньше, чем зарегистрированный на 91-й секунде между взрывом на лодке «Скорпион» в точке «Оскар» и первым направленным внутрь взрывом в результате разрушающего давления океана.

Мороз побежал по коже, когда Крейвен увидел эти результаты. Теперь он и остальные участники этого эксперимента были почти уверены, что им удалось скопировать гибель подлодки «Скорпион». Никто не сказал Фаунтину, что он, возможно, воспроизвел обстоятельства, которые привели к гибели людей, помощником командира которых этот морской офицер в свое время являлся. По-видимому, никто и не должен был говорить ему об этом. Он вышел из тренажера, не задав ни одного вопроса, не произнес ни слова.

Сочувствие Крейвена Фаунтину и экипажу лодки «Скорпион» не могло подавить избытка его чувств. Как настоящий детектив, он нашел две новые важные частицы доказательства. И с ними поспешил к адмиралу Шейду и Б. Клэри, заместителю начальника военно-морских операций. Теперь и они заинтересовались детективной работой Крейвена, но остались при своем мнении. Так же, как и командование систем вооружения, которое продолжало настаивать, что никоим образом торпеда не может взорваться на борту лодки.

Никто не был готов мужественно поддержать версию о том, что сами военно-морские силы были ответственны за смерть 99 человек. Крейвен понимал их нерешительность, понимал, как для этих адмиралов трудно предположить, что они в какой-то степени ответственны за ошибку, которая привела к гибели такого большого количества людей. А ведь оба прошли через испытания, когда смерть на борту подлодки была обычным явлением. Оба были ветеранами Второй мировой войны на дизельных подлодках. Но в то время смерть обычно приходила от противника, а не от собственных ошибок. Шейд был, вероятно, более бескомпромиссным из них, и неудивительно. В качестве молодого старшего помощника командира на лодке «Граулер» (бортовой номер SS-215) Шейд получил свою первую практику командования, когда командир лодки лежал, раненный, на палубе. Командир лодки Роберт Гилмор прокричал последнее распоряжение молодому Шейду, приказав произвести срочное погружение, чтобы избежать атаки японских торпедных катеров, а сам остался лежать на палубе. Шейд поступил так, как ему приказал командир.

Несмотря на нерешительность адмиралов, Крейвен не собирался отступать. Особенно сейчас, когда он убедился, что имеет достаточно информации для того, чтобы найти «Скорпион» и доказать, что именно погубило лодку. Он начал математически конструировать карту дна океана с

помощью теоремы Баеса о субъективной вероятности, с использованием той же самой формулы, что и во время поиска водородной бомбы.

Мало кто из офицеров, занимающихся поисками «Скорпиона», помнил о происшествии в районе Паломарес. И когда Крейвен начал объяснять, что он собирается воспользоваться системой ставок подобно той, которую используют в игорных домах Лас-Вегаса, то есть включить значение «предчувствия» в свои данные, у некоторых слушателей возникло убеждение, что у ученого «поехала крыша». Им казалось, что тот ведет речь о пресловутых экстрасенсах.

Тем не менее Крейвен продолжал настаивать и попросил группу экспертов-подводников и спасателей сделать ставки на вероятность каждого из сценариев, объясняющих гибель «Скорпиона». Чтобы процесс стал интереснее, и в соответствии с предыдущими пари, ставки исчислялись в бутылках виски «Чивас Ригал».

«Скорпион» могла планировать вниз ко дну океана со скоростью от 30 до 60 узлов. Эксперты подводники сделали ставки на то, что лодка снижалась со скоростью от 40 до 45 узлов. Затем экспертов попросили сделать ставки, насколько они верят в то, что «Скорпион» пыталась прекратить работу самопроизвольно запустившейся торпеды и поэтому двигалась на восток. Около 60 процентов ставок были за этот сценарий. Похоже, Крейвен приобретал сторонников своей теории.

В третьем раунде ставок эксперты выбирали траекторию снижения лодки. Самое большее, «Скорпион» могла двигаться вперед на 2,1 метра за каждые 0,3 метра погружения; по крайней мере, она могла пикировать носом вниз. Большинство ставок было за траекторию 0,9–1,2 метра вперед на 0,3 метра погружения. Это означало, что «Скорпион» могла продвинуться вперед от 6 до 8 миль после первого взрыва.

После того как все ставки были сделаны, Крейвен принялся составлять карту вероятностей. Расчеты оказались настолько сложными, что он был вынужден снова пригласить группу математиков, которые помогли ему в поисках водородной бомбы. Математики после долгих вычислений пришли к заключению, что «Скорпион» находилась к востоку от точки «Оскар», в 400 милях от Азорских островов, на краю Саргассова моря.

Много лет спустя эти математики напишут книгу, основанную на опыте их работы с Крейвеном, под названием «Теория оптимальных поисков». Береговая охрана США примет на вооружение этот метод для поисков и спасения, а ВМС будут использовать интерпретацию Крейвеном теоремы Баеса, чтобы помочь Египту очистить Суэцкий канал от затонувшего вооружения. Но во время поисков «Скорпиона» военно-морские офицеры только покачивали головами, выражая сомнение в его акустических доказательствах и его карте вероятности. Ученый мог быть уверенным в том, что «Скорпион» лежит к востоку, но судно «Мизар» обнаружило три мелких фрагмента каких-то предметов к западу от точки «Оскар», и именно там ВМС и намеревались продолжать поиски.

Прошло несколько недель. Крейвен ждал, обмениваясь посланиями с океанографом Бакананом почти каждый вечер. К концу августа ничего нового обнаружено не было. К сентябрю все возможные точки между «Оскар» и

Норфолком были почти исключены. К октябрю погода стала портиться, и ВМС решили закончить поиски в конце месяца.

Но «Мизар» фактически ничего и не искал к востоку от точки «Оскар», в том месте, которое указал Крейвен. К тому времени Баканан отрастил уже бородку клинышком в стиле Ван Дейка и был готов в последний раз направить «Мизар» к востоку.

Как только «Мизар» пошел к востоку от точки «Оскар», его мощный гидролокатор зафиксировал на дне массу железа. «Мизар» пошел на полной скорости, прошел над указанной Крейвеном точкой наибольшей вероятности, затем опустил свои камеры еще раз. Все, что камеры обнаружили, оказалось скалой железной руды.

Адмирал Шейд и Клэри, заместитель начальника военно-морских операций, были разочарованы и решили отказаться от поисков и отозвать «Мизар» домой.

Неуживчивый и как всегда упрямый Баканан отказался выполнять их решение. Он послал срочное сообщение Крейвену. «Разве вы не можете уговорить ВМС оставить нас еще на месяц, хотя бы на неделю или две недели? Скажите им, что мне нужно „откалибровать“ район для будущих операций».

Крейвен знал, что не оставалось ничего такого, чтобы нуждалось в «калибровке». Но он также знал, что если Баканан пожелал остаться в океане, то это могло означать только одну вещь: Баканан хотел направить «Мизар» в точку, которую указали Крейвен и его команда. Крейвен пошел к адмиралам и начал терпеливо излагать свои логические доводы вперемежку с просьбами. Когда его страстный монолог был закончен, адмиралы согласились продлить операцию еще на две недели.

Ровно через неделю Крейвен получил официальное послание всего в одну строчку: «Баканан сбрил свою бороду». Крейвену не нужно было ничего расшифровывать. Подводная лодка «Скорпион» найдена! Это случилось 29 октября, почти через пять месяцев после того, как она была объявлена погибшей.

«Мизар» нашел «Скорпион» на расстоянии 183,4 метра, то есть всего в 1/8 мили от той точки, на которую сделали ставки его математики и группы экспертов, рискуя бутылками шотландского виски. Подлодка была обнаружена на глубине 3000 метров.

Буксируемые камеры «Мизар» сделали фотоснимки подлодки «Скорпион», наполовину зарытой в ил и песок, разломанной на две части, которые едва скреплялись небольшой полоской металла. Носовая половина машинного отделения вошла внутрь, а часть другой половины сложилась как телескоп, внутрь отделения вспомогательных механизмов. Гребной винт и вал были отделены от корпуса. Отдельно находился и рубочный руль. Около подлодки лежал секстан подлодки «Скорпион», древний символ навигации. Никого из членов экипажа разглядеть не удалось. Было невозможно заглянуть внутрь лодки и даже рассмотреть ее поподробнее снаружи. Хотя камеры «Мизар» находились всего в нескольких метрах над корпусом подлодки, снимки выглядели так, будто их делали сквозь густой туман.

Следственная комиссия, изучавшая катастрофу, состояла из семи военно-морских офицеров под председательством отставного вице-адмирала Б. Остина, который вел в свое время расследование по поводу гибели подлодки «Трешер». В январе 1969 года в пресс-релизе ВМС сообщалось, что следственная комиссия после шести месяцев расследования пришла к выводу, что причина катастрофы подлодки «Скорпион» остается тайной, она не может быть установлена на основании собранных на сегодняшний день данных.

ВМС упорно отказывались признать какую-либо возможность катастрофы, связанную с торпедой, заявив, что «процедуры обращения с оружием на борту соответствовали установленным мерам безопасности», что это «подтверждает долголетнюю историю безопасности торпед на подводных лодках».

Технически ВМС сказали правду, но в такой ограниченной форме, что в результате она оказалась отговоркой, граничащей с полной ложью. Когда подробные сведения, полученные следственной комиссией, были опубликованы в 1993 году, они уже свидетельствовали о том, что три основных причины гибели подлодки «Скорпион» связаны с аварией торпеды.

Главная причина подтверждала вывод Крейвена о том, что на борту имел место самопроизвольный запуск торпеды. Скорее всего, он произошел во время проверки торпеды, проводившейся экипажем перед приходом домой. Комиссия убрала из объяснения Крейвена утверждение о том, что торпеда взорвалась на борту. Вместо этого возникла версия, что, «поддавшись внезапному порыву, а, возможно, и под влиянием удачного учебного пуска торпеды марки 37, которая самопроизвольно запустилась в трубе в декабре 1967 года, экипаж также выстрелил торпеду, которая встала на боевой взвод и нашла ближайшую цель – „Скорпион“».

Комиссия признала, что не было доказательств удара торпеды снаружи, но утверждала, что не обнаружено и видимых обломков торпедного отсека около подлодки «Скорпион», которые подтверждали бы, что взрыв произошел внутри подлодки.

Бывший подводник-торпедист высказал по этому поводу мнение, что не может представить, как экипаж подлодки «поддался панике» и выпустил боевую торпеду. Происшествие в 1967 году произошло с учебной торпедой, в которой был лишь макет боевой головки, а не настоящий боевой заряд.

Похоже, что следственная комиссия составила компромиссный вариант для своих секретных заключений. Цитируя Крейвена и его акустические доказательства, комиссия пришла к заключению, что именно торпеда была причиной катастрофы. А вот версия внешнего взрыва, похоже, была сформулирована на основе утверждения командования систем вооружения, что самопроизвольный запуск торпеды не может привести к взрыву на борту лодки.

В том же докладе приводился перечень возможных происшествий на подводных лодках, составленный управлением кораблестроения. Он включал утечки газа, разрыв гидравлических магистралей, пожары и многое другое. И лишь один пункт указывал на катастрофические последствия неосторожного обращения с вооружением. По заключению управления кораблестроения, такие несчастные случаи нередко приводят к «гибели корабля».

В середине 1969 года ВМС предприняли совершенно секретные попытки более тщательно осмотреть обломки крушения подлодки и разгадать тайну. Основное внимание было направлено на осмотр торпедного отсека и люков торпедных аппаратов. Для этого был послан батискаф «Триест II». Первое погружение он совершил 16 июля, за несколько дней до высадки на Луну астронавтов космического корабля «Аполлон 11».

В том году «Триест II» совершил девять погружений. Первыми наблюдателями монитора на борту плавучего дока были Крейвен и Гарри Джексон, инженер, который помогал в свое время испытывать подводную лодку «Трешер». Его постоянно преследовали мрачные мысли о том, что он лишь случайно избежал гибели на ней. Исследователи убедились, что не было никаких доказательств нападения или того, что лодку поразила торпеда снаружи. Но не было до конца ясно, почему же все-таки произошла катастрофа?

Крейвен не отказался от попыток окончательного решения загадки. Он был почти уверен, что торпеда взорвалась внутри лодки. Но каким образом? Казалось, с разрешением именно этого вопроса все будет закончено. Если этот вопрос останется без ответа, то семьи экипажа лодки будут посещать кошмарные сны о взрывах, воображаемых битвах, ведь хуже всего неопределенность, недосказанность... «Все, чего мы хотели, – это объяснений, – говорила в свое время Барбара Баар, у которой погиб 21-летний брат Джозеф. – После катастрофы все было спрятано».

Трагедия «Скорпиона» вскоре исчезла из массового общественного сознания, которое уже находилось под воздействием ночных видений свистящих пуль, окровавленных солдат и, казалось, бесконечного количества мешков с трупами из Вьетнама. Семьи экипажа «Скорпиона» могли бы навсегда остаться в одиночестве, борясь за проведение своего собственного расследования, если бы ВМС не решили ознаменовать 25-летнюю годовщину гибели подлодки «Скорпион» опубликованием заключений комиссии по расследованию и видеопленки с изображением ее затонувшего корпуса.

К тому времени Крейвену исполнилось 69 лет. Он давно ушел с военно-морской службы, занимался созданием новых форм сельского хозяйства на Гавайских островах. Газета «Чикаго Трибюн» напечатала заключение комиссии по расследованию и рассказ о той роли, которую сыграла теория Крейвена в происшествии с торпедой в обнаружении подлодки «Скорпион». В результате этой публикации Крейвен получил то, что он считал последним ключом к разгадке тайны.

Все разворачивалось, как в заключительной главе детективного романа. Газета «Чикаго Трибюн» оказалась на столе Чарльза Торна, технического директора инженерного центра качества вооружений на военно-морской торпедной станции в Ки-порт (шт. Вашингтон). Увидев в статье фамилию Крейвена, он позвонил ему по телефону.

Эти два человека никогда ранее не встречались. И тем не менее у них было много общего. Торн тоже считал, что причиной гибели лодки явилась торпеда. Летом 1968 года он работал главным инженером в лаборатории в Ки-порте, был

ответственным за испытания торпед и их компонентов. Он проработал там 25 лет, а когда позвонил Крейвену, уже 12 лет находился в отставке. Все это время он хранил информацию о подлодке «Скорпион», которую, как он считал, правила секретного делопроизводства запрещают разглашать. И вот теперь инженер дозволился до ученого.

Торн спросил Крейвена, видел ли тот секретное предупреждение, которое было отправлено в середине мая 1968 года в департамент, позднее переименованный в командование военно-морских вооружений. В том предупреждении описывался дефект аккумуляторной батареи МК-46, предназначавшейся для обеспечения питания торпеды марки 37, самого скоростного оружия против советских подводных лодок. Инженер ссылаясь на предупреждение испытательной лаборатории, направленное контр-адмиралу Артуру Гралла, возглавлявшему это командование. Торн изложил содержание предупреждения. Он знал его хорошо, поскольку сам же его и писал, хотя оно было подписано капитаном первого ранга Дж. Ханникатом, начальником станции.

В своем предупреждении лаборатория сообщала, что торпедная аккумуляторная батарея вспыхнула пламенем во время испытания на вибрацию. Дефектной оказалась маленькая диафрагма из фольги, стоимостью всего в несколько центов. Почти одновременно с этим сообщением поступила информация, что дефект в дешевом резиновом обтюраторном кольце привел к взрыву космического корабля многоразового использования «Челленджер». Аккумуляторная батарея, упомянутая Торном, имела длину около 1 метра и ширину 43 см. Она крепилась на расстоянии менее 3 см от боеголовки торпеды, причем каждая боеголовка имела более 150 кг взрывчатого вещества типа НВХ.

В предупреждении лаборатории рекомендовалось, чтобы все батареи из числа этой производственной партии «были изъяты из использования при первой же возможности». Далее говорилось, что во время испытания пробного экземпляра выделялся жар, достаточный, чтобы боеголовка перегрелась и возник риск гибели лодки.

Это было самое страшное предупреждение, когда-либо исходившее из недр испытательной лаборатории. За двенадцать лет своего существования лаборатория впервые предупреждала о возможности аварии, которая могла угрожать жизни многих людей.

На подводной лодке «Скорпион» находилось 14 торпед марки 37, и она погибла через несколько дней после того, как были разосланы письма с предупреждением. Ужаснувшись сообщению о гибели подлодки «Скорпион», инженеры лаборатории специально запросили военно-морское командование вооружением о том, какие торпеды находились на борту подлодки «Скорпион». В ВМС ведется учет серийных номеров всех комплектов торпед и мест их производства. Один из инженеров лаборатории припомнил: ему устно сообщили, что одна из аккумуляторных батарей, обеспечивающих энергией торпеды на подлодке «Скорпион», действительно была из той производственной партии, что и батарея, взорвавшаяся при испытаниях в Ки-порте. (Другие инженеры лаборатории заявили, что не слышали этого.)

За прошедшие несколько лет после гибели подлодки «Скорпион» один из инженеров запросил учетные данные об этих батареях, используя свое право по закону «О свободе информации». Он надеялся, что ответ окончательно развеет все сомнения. Но дважды приходил ответ, что учетных данных найти не удалось.

Тем не менее Торн полагал, что именно перегрев боеголовки, вызванный возгоранием аккумуляторной батареи, мог привести к гибели лодки. Его выводы еще более подкрепились, когда он прочитал, что, по мнению Крейвена, гибель лодки была результатом взрыва торпеды на ее борту. Он был очень удивлен, что Крейвен никогда не видел предупреждения лаборатории. Ведь Торн полагал, что секретное письмо показано всем, кому поручено выяснить истинную картину катастрофы на подлодке «Скорпион». А выяснилось, что эта информация первостепенной важности не была предоставлена ни Крейвену, ни комиссии по расследованию.

Торн попросил Крейвена прислать ему копию видеокассеты с видами обломков подлодки «Скорпион» и копию доклада комиссии по расследованию. После изучения этих материалов Торн прислал Крейвену свой анализ. В нем говорилось: «В течение многих лет я мучительно раздумывал над тем, что могли мы сделать, чтобы избежать этой трагедии. И инженеры, и рабочие интересовались этим, задавали вопросы».

Торн заметил Крейвену, что его самые сильные страхи были порождены видом обломков затонувшей лодки. Видео пленка ясно показывает, что верхняя крышка, закрывающая торпедо-погрузочный люк, и передняя крышка торпедного аппарата отсутствуют. Оба люка ведут в торпедный отсек. Обе крышки могли быть снесены в результате страшного взрыва внутри торпедного отсека. Вероятно, это привело к интенсивному неконтролируемому заполнению лодки водой.

Происшествие с аккумуляторной батареей, которое заставило Торна написать предупреждение, было самое серьезное из тех, что ранее случались в лаборатории. Авария во время испытаний произошла днем, в субботу, когда три инженера подвергли одну из 120-килограммовых батарей сильной вибрации. Едва они вышли из помещения, где проводились испытания, как раздался страшный взрыв, от которого задрожала деревянная дверь толщиной более 5 см. Инженер Холман распахнул ее и вбежал в помещение. Механизм, предназначенный для качания и вибрации батареи, был объят зеленовато-голубым пламенем, поднимавшимся на 3 метра к потолку.

«Пожар!» – кричал инженер и схватил огнетушитель. Помещение стало быстро наполняться черным дымом и огнем. Пропали два механика. Холман стал их искать. В это время к лаборатории, заскрипев тормозами, подъехали пожарные машины.

Химические огнетушители не смогли сбить пламя. Набросив на лица мокрые тряпки, люди стали отвинчивать болты, чтобы снять с вибратора все еще горевшую батарею. Батарея взорвалась во второй раз, обдав их потоками гидроокиси калия, которая использовалась в батареях в качестве электролита. Шрапнель врезалась в потолок и стены.

Инженеры с трудом вытащили горящую батарею из здания. Ее корпус из толстой стали был разодран как фольга, а серебряное покрытие на вибраторе частично расплавлено. Со всех ног они бросились в душевую пункта первой медицинской помощи, чтобы ополоснуться водой. Затем трое служащих лаборатории и трое пожарных были доставлены в госпиталь из-за отравления дымом и химических ожогов. Через два или три дня после происшествия лаборатория направила письмо об изъятии всех батарей этой производственной партии.

Подобного дефекта батареи на подлодке «Скорпион» было вполне достаточно, чтобы вызвать взрыв боеголовки. Но предупреждение оказалось послано слишком поздно, чтобы спасти лодку и ее экипаж. Фраза «подлежит изъятию из эксплуатации при первой же возможности» обычно истолковывалась так, что изъятие должно было произойти при первом же заходе лодки в порт. Когда эта рекомендация была получена командованием вооружений, подводная лодка «Скорпион» либо уже погибла, либо находилась на пути в Норфолк, где и предполагалось изъятие батарей.

Если бы это предупреждение оказалось в распоряжении Крейвена сразу после происшествия в лаборатории, то время поисков утонувшей подлодки сократилось бы на несколько месяцев. Однако вместо того, чтобы поделиться информацией, командование вооружений продолжало настаивать, что подобный взрыв невозможен. Если бы и комиссии была предъявлена эта информация, ей, возможно, удалось бы сделать больше в разгадке тайны гибели лодки. Но следственная комиссия в своем докладе совершенно очевидно опиралась на заявление военно-морского командования вооружений о невозможности детонации торпеды на борту лодки.

То, что предупреждение лаборатории доставили командованию вооружений, являлось несомненным фактом. Таким же фактом было и то, что вскоре после обнаружения обломков утонувшей лодки представитель командования вооружений появился в лаборатории Ки-порт, вызвал Торна и в отдельном кабинете, куда вход посторонним был воспрещен, строго отчитал его за включение в текст предупреждения слов об опасности перегрева боеголовки и возможности гибели от этого подводной лодки.

Командование имело достаточное основание для беспокойства от того, что написал Торн. Именно оно создало предпосылки для катастрофы, обойдя свои же собственные процедуры безопасности. В стремлении удовлетворить требования подводных сил в торпедах оно запустило это вооружение в производство в спешном порядке. Подводные силы остро нуждались в торпедах, которые могли бы развивать скорость, достаточную для того, чтобы догнать советские подлодки типа «Гольф» и других новых типов. Но производителям требовалось очень много времени для создания компонентов, которые могли бы пройти испытания на безопасность. Скопился такой большой объем невыполненных заказов из-за неоднократных аварий батарей, что лаборатория в Ки-порте запаздывала с выдачей гарантий качества, по крайней мере, на два месяца. Вместо того, чтобы сократить темпы производства, командование вооружений поставляло торпеды с компонентами из

производственных партий, совершенно не проходивших испытаний на безопасность. Это было явное нарушение правил, которые предписывали, чтобы три образца из каждой производственной партии в 100 батарей проходили проверку на безопасность, прежде чем поставлялись на флот. Образцы полагалось подвергнуть двух – или трехнедельной проверке на способность переносить тряску, жару, вибрацию и любые другие изменения условий, которые могут происходить на подлодке. Только после того, как эти образцы пройдут такую инспекцию, командование вооружений имело право разрешить поставлять любой из этих компонентов на лодки.

Две фирмы первоначально получили контракты на производство батарей, но они столкнулись с большими трудностями и опаздывали с поставками. Поэтому ВМС привлекли третью фирму, чтобы разрешить проблемы производства батарей. Ни одна из произведенных этой фирмой батарей не проходила испытаний на предмет получения гарантий качества. Но из-за нехватки батарей ей разрешили поставить на флот 250 батарей. Именно одна из батарей этой фирмы и взорвалась во время испытаний в лаборатории.

У всех трех фирм имелись проблемы, поскольку в первоначальном проекте были допущены опасные упущения. Инженеры предупреждали об этом после первых же аварий еще в 1966 году, более чем за год до того катастрофического взрыва, из-за которого и появилось последнее и самое строгое предупреждение. В течение всего этого времени инженеры разъясняли, что у батареи нет запаса надежности, и рекомендовали перепроектировать ее. Но у командования вооружений не было желания заняться этим.

Проблема существовала и в процессе активации батарей. Серебряная мембрана, через разрыв которой регулируется поток электролита в элементы батарей, была толщиной 1,7 мм. Такая малая толщина была предусмотрена для того, чтобы фольга прорывалась под давлением и давала возможность батарее питать электродвигатель торпеды в момент ее применения.

В типичном самопроизвольном запуске торпеды, как, по мнению Крейвена, и произошло, торпеда получает случайный первоначальный заряд, полностью активизируется и запускает мотор торпеды. Это состояние легко определяется, поскольку вращающийся гребной винт торпеды предупреждает экипаж об опасности и необходимости немедленно развернуться на 180 градусов.

Авария, происшедшая в лаборатории, была куда более коварной, поскольку в батарее не было мощности, достаточной, чтобы заставить вращаться мотор и винт. То, что случилось с батареей во время испытаний в лаборатории и вызвало взрыв, было труднее заметить. В лаборатории обнаружили, что во время вибрации батареи электролит ударялся об эту тонкую диафрагму с силой, достаточной лишь для того, чтобы слегка прорвать фольгу. После этого электролит медленно проникал в элементы батареи и вызывал искрение и перегрев. Диафрагма легко прорывалась, а перегрев оставался невидимым до тех пор, пока не возникало пламя или не раздавался взрыв. В лаборатории были убеждены, что в конструкции почти не было резерва безопасности.

Во время испытания вибрацией, как писал Торн в своем письме, не было и намека на возникшую проблему до тех пор, пока батарея не взорвалась. Если то же самое произошло на подлодке, то вполне возможно, что никто не заметил ничего необычного до тех пор, пока не распространился запах горячей изоляции или кто-то не коснулся торпеды, ощутив высокую температуру. К тому моменту батарею отделяли от взрыва считанные минуты. «Если высокую температуру корпуса батареи не обнаружили, – писал Торн Крейвену, – то, возможно, уже не оставалось времени для того, чтобы перетащить торпеду со складочного стеллажа, вставить ее в торпедный аппарат и выстрелить до того, как перегреется боеголовка».

Такой несчастный случай мог произойти с любой из 14 торпед марки 37 на борту подлодки «Скорпион» или на любой другой лодке, имеющей эти торпеды. Наличие батареи из дефектной партии повышало риск, но риск существовал уже в самой конструкции. Диафрагма на одной или нескольких батареях могла порваться, когда торпеда находилась в торпедном аппарате или лежала на стеллаже, и совершенно необязательно было испытывать или передвигать ее. Достаточно было вибрации корпуса подлодки.

Возможно, «Скорпион» рисковала больше, чем другие лодки. Тесты на вибрацию в лаборатории, которые приводили к взрыву, должны были имитировать обычную вибрацию, которую можно ожидать на борту лодки или при транспортировке торпеды. Вибрацию значительно слабее той, которую «Скорпион» перенесла во время происшествия в 1967 году, когда она по спирали пробивалась сквозь толщу воды. Если бы подобное происшествие повторилось, с любой из батарей этой партии могла произойти авария. Оружейные инженеры вспоминали, что, судя по рассказам экипажа о происшествии 1967 года, вибрация тогда далеко превзошла пределы, указанные в военной спецификации по безопасности батареи. Выходит, «Скорпион» подвели дважды. Вероятность повторения происшествия с вибрацией продолжала существовать, поскольку лодка не прошла положенного капитального ремонта. Кроме того, ее послали в море с оружием на борту, которое имело опасный дефект.

Тем не менее военно-морское управление вооружения так и не признало, что подлодке «Скорпион» угрожала опасность детонации торпеды, и даже тот факт, что торпеды ее питались от батарей, имевших неудачную конструкцию. После гибели лодки военно-морской центр подводных систем в Ньюпорте (шт. Род Айленд) энергично оспаривал заключение лабораторных испытаний.

Военно-морское управление вооружения изымало информацию о неудачной конструкции батареи даже после того, как еще одна батарея на торпедной лодке начала перегреваться на борту подлодки в западной части Тихого океана, через несколько месяцев после гибели подлодки «Скорпион». Экипаж этой подлодки сообщил, что температура батареи стала настолько высокой, что ее пришлось постоянно поливать водой, чтобы охладить. Вода превращалась в пар. Торпеду продолжали поливать водой до тех пор, пока удалось заложить ее в торпедный аппарат и выстрелить.

Только через год после того, как «Скорпион» ушла на дно, военно-морское

управление вооружений выдало заказ на новый проект батареи. В новом проекте тонкая диафрагма из фольги была заменена двумя более прочными диафрагмами. По новому проекту обе диафрагмы могли быть разрушены только когда их механически проткнут специальным приспособлением наподобие резца для открывания консервных банок. Теперь исключалась опасность того, что вибрация на борту лодки могла вызвать возгорание батареи с последующим взрывом.

Какие либо письменные заметки о предупреждении лаборатории Ки-порт и сам текст предупреждения, похоже, исчезли. Должны были сохраниться копии предупреждения инженеров в главном административном офисе в военно-морском инженерном центре подводной войны, в бывшей военно-морской торпедной станции в Ки-порте и в командовании вооружений. Но еще один запрос, сделанный на основе закона о свободе информации, с просьбой прислать копию предупреждения был возвращен обоими адресатами с ответом, что не обнаружено никаких записей о предупреждении и даже пометок о его уничтожении, что должно быть зафиксировано в журнале, если предупреждение изъято из подшивки.

Услышав историю Торна, Крейвен и некоторые командиры подлодок, а также специалисты по вооружению вновь обратили свое внимание на катастрофу подлодки «Скорпион». Крейвен был возмущен тем, что командование вооружений само не раскрыло сведений о пожарах. Он заявил: «Общественность и пресса считают, что какая-то организация занимается укрывательством, когда она упорно отрицает существование этих фактов».

Принимая во внимание новые свидетельства, Крейвен предположил, что тревожное сообщение, которое заставило командира подлодки «Скорпион» сделать последний поворот, могло быть истолковано как «Горячая торпеда!», а не «Самопроизвольный запуск торпеды!»

Честер Мак, который командовал «Лейпон», когда она вела поиски затонувшей лодки «Скорпион», настаивал, что ни один командир не станет тратить время на уточнение сообщения до немедленного разворота лодки на 180 градусов. «Горячая торпеда», по его мнению, могла означать только одно: «Эта проклятая штука работает в торпедном отсеке».

После многих лет, когда ему так часто заявляли, что он заблуждается и что торпеда не могла взорваться на борту, Крейвен теперь был убежден: у него появился самый последний факт для разгадки тайны, которую он начал раскрывать четверть века тому назад.

Да, эта загадка продолжает постепенно разгадываться. ВМС опубликовали доклад еще одной группы технических экспертов, которая была создана вскоре после отставки Крейвена из ВМС. Этой группе поручалось проанализировать фотоснимки и другие материалы, собранные батискафом «Триест» за девять погружений к затонувшей подлодке «Скорпион». Доклад, составленный через год после завершения работы комиссии по расследованию, долго скрывали от общественности. (В докладе группы технических экспертов действительно выражается согласие с выводами комиссии по расследованию о том, что нет доказательств нападения на «Скорпиона». Все же давнишние слухи и

периодически появляющиеся в газетах статьи продолжают возлагать вину за гибель «Скорпиона» на Советский Союз.)

В 1986 году была сделана еще одна попытка изучения обломков подлодки «Скорпион». На этот раз глубоководный аппарат Вудсхоллской лаборатории «Алвин» был направлен для проведения погружений с использованием камеры с дистанционным управлением конструкции Джесона. Доклад этой экспедиции до сих пор засекречен, но те, кто имел доступ к его выводам, говорят, что самоходной камере Джесона не удалось проникнуть в торпедный отсек. Команда, анализировавшая работу экспедиции, заявила то же самое, что и в письме от 14 января 1987 году, которое было рассекречено в 1998 году, одновременно с докладом группы технических советников.

Эта группа советников отвергает заключение комиссии по расследованию, что «Скорпион», возможно, была поражена внешним взрывом выпущенной торпеды, которая развернулась на нее. Но группа исключает и вероятность взрыва торпеды на борту лодки. Однако ясно, что у авторов доклада не было информации об авариях торпедных батарей в лаборатории Ки-порт. Крейвен, Торн и некоторые командиры подлодок полагают, что большинство доказательств, используемых для опровержения теории о торпедной атаке, фактически подтверждают ее.

В докладе группы советников не делается никакой попытки объяснить, почему «Скорпион» была найдена именно там, где, по расчетам Крейвена, она и должна находиться, если командир повернул лодку, чтобы бороться с последствиями самопроизвольного запуска торпеды. Вместо этого ВМС снова принялись оспаривать значение акустического маршрута, по которому Крейвен и его команда установили место гибели подлодки. Снова главные выводы базируются на заверениях военно-морского командования вооружений о том, что на подводной лодке «Скорпион» не могло быть несчастного случая с торпедой. Короче говоря, группа основывает свои заключения на заявлениях того же самого департамента ВМС, который изымал весьма существенную информацию. И утаил ее от комиссии по расследованию поисковых групп.

Ко времени написания второго доклада аргументы военно-морского командования вооружений изменились. Вместо утверждения, что торпеда не могла взорваться на борту подлодки, военно-морское командование вооружений основное внимание сосредоточило на визуальных доказательствах, собранных «Триестом» снаружи лодки. Корпус торпедного отсека не имел повреждений, в то время как кормовая аккумуляторная батарея была сильно разрушена. Фотоснимки, сделанные «Триестом», показывали, что крышки всех трех люков на торпедном отсеке были сорваны («Триесту» не удалось ввести камеры в торпедный отсек для проверки повреждений внутри).

В докладе говорится: наиболее логичным местом внутреннего взрыва, который привел к гибели подводной лодки, был торпедный отсек. Однако факты указывают на то, что торпедный отсек не пострадал. Возможно, взрыв одной торпеды разрушил прочный корпус в районе киля и мог привести к гибели лодки. Такую возможность следует учитывать. Однако эксперты из военно-морского командования вооружений заявили, что взрыв одной торпеды

мог вызвать детонацию других. При взрыве нескольких торпед были бы нанесены огромные разрушения носовой части лодки, которые были бы видны снаружи. На видимой части корпуса не обнаружено разрушений такого рода, а также нет деформаций, указывающих на то, что взрыв произошел в торпедном аппарате. Внутренний взрыв в носовом отсеке считается невероятным.

Из-за этого аргумента группа технических советников не приняла во внимание смоделированный Крейвенем и Фаунтином процесс гибели утонувшей лодки...

Крейвен и эксперты по боеприпасам заявляют, что аргумент командования вооружений имеет большой изъян. Если бы командование предупредило комиссию по расследованию об авариях батарей на торпедной марке 37, ее анализ изменился бы значительно.

Те повреждения корпуса от взрыва торпеды, на которые ссылается командование вооружений, по словам экспертов, могли и не последовать от взрыва торпеды, вызванного пламенем. Скорее всего, повреждения, которые описывает командование, могли быть вызваны полномасштабным взрывом торпеды, то есть взрывом, для которого и сконструирована торпедная головка, поставленная на боевой взвод, когда все двести с лишним килограммов взрывчатого вещества типа НВХ будут одновременно детонированы и произойдет мощный взрыв. Эксперты согласны, что такого рода взрыв детонирует другие торпеды. А множественная детонация, как правильно указывает командование вооружений, вероятно, разрушила бы или, по крайней мере, прогнула корпус лодки настолько, что это было бы видно снаружи.

Но тот факт, что существовала вероятность детонации в торпедном отсеке, коренным образом меняет ситуацию. Взрыв торпеды, вызванный пламенем, не будет таким же мощным или предсказуемым по форме, как произведенный с помощью взрывателя. Такие взрывы обычно не подчиняются обычным правилам. Эксперты по вооружениям утверждают, что торпедная боеголовка, взорванная пламенем, может произвести взрыв, известный как детонация малой мощности.

Детонация малой мощности может оказаться достаточно сильной, чтобы убить кого-нибудь поблизости или сорвать крышки люков в торпедном отсеке. Но она не способна взорвать другие торпеды, особенно те, которые не находятся непосредственно напротив взорвавшейся торпеды. Подводные лодки часто выходят в море с незаполненными стеллажами (вот почему подводники часто спят в торпедных отсеках. Любой стеллаж, не заполненный торпедами, – вполне приемлемое место для матраца). Один взрыв малой мощности, без последующей детонации соседних торпед, может и не вызвать тех внешних повреждений корпуса, которые было поручено искать экипажу, опускавшемуся на «Триесте». Это было признано ВМС в докладе комиссии по расследованию гибели подлодки «Скорпион» в 1969 году. В докладе упоминается происшествие 1960 года на борту подлодки «Сарго» (бортовой номер SSN-582), во время которого возгорание кислорода в машинном отделении распространилось и вызвало взрыв малой мощности двух боеголовок торпед марки 37. В докладе говорится, что прочный корпус лодки не был пробит.

«Сарго» в то время стоял у пирса в надводном положении.

Командиры подводных лодок и Крейвен утверждают тот факт, что если торпедный отсек подлодки «Скорпион» оказался неповрежденным, то это повышает вероятность того, что лодка погибла в результате торпеды. В торпедном отсеке подлодки «Скорпион» не было взрыва, направленного внутрь, что делает вполне вероятным затопление ее водой еще до того, как она достигла предельной глубины. Поскольку затопленный отсек подвергается равному давлению океанской воды с внутренней и внешней стороны, он не разрушился на предельной глубине и не проломился внутрь, а остался без видимых повреждений.

Группа технических советников признает, что крышки люков, по-видимому, открылись, когда давление внутри торпедного отсека увеличилось или когда переборка с соседним отсеком не выдержала давления. Крышки люков, возможно, были сорваны мощными, направленными внутрь взрывами, происходившими совсем рядом с торпедным отсеком. Группа технических советников не высказывает никакой гипотезы относительно причины срыва только крышек люков, в то время как эксперты этой же группы говорят, что отсеки, находящиеся снаружи от торпедного, полностью разрушены. Фотоснимки, сделанные батискафом «Триест», показывают, что соседний с торпедным отсек сплюснен полностью, а следующий за ним, на корме подлодки, врезался целиком в помещение вспомогательных механизмов. Эти же фотографии показывают, что массивная аккумуляторная батарея, питавшая двигатель лодки, разорвана на части. Группа советников выдвигает предположение, что это результат действия той силы, которая погубила подлодку «Скорпион», как в свое время и советскую подлодку типа «Гольф». Аккумуляторные батареи на лодке могли взорваться во время подзарядки, если вентиляция вышла из строя и создалась высокая концентрация легковоспламеняющегося водорода, превысившая допустимые нормы. Однако аккумуляторные батареи могли быть разбиты теми же силами, которые уничтожили и остальные компоненты лодки.

Адмирал Шейд, Фаунтин и другие высказали предположение о возможной аварии агрегата по удалению мусора из лодки, в результате чего забортная вода хлынула в лодку и залила батарею. Морская вода может вызвать выделение из аккумуляторов некоторых газов, включая водород. Однако предположение об аварии агрегата по удалению мусора основывается, как на отсутствии какой-либо другой очевидной причины, так и на том факте, что с агрегатом по удалению мусора произошла авария на подлодке «Шарк» (бортовой номер SSN-591) – однотипной подлодке «Скорпион» («Шарк» не погибла). Многие из высказывающихся не учитывают, что первоначальное затопление водой могло произойти в результате взрыва торпеды, поскольку им сказали, что ни в коем случае торпеда не могла взорваться на борту «Скорпион». «Я думаю, что мы занимаемся гаданием на кофейной гуще», – заявил Росс Саксон, который погружался на «Триесте» и сделал несколько снимков, изученных группой технических советников. (Саксон и другие два человека, побывавшие на борту «Триеста», полагают, что они видели предмет, похожий на тело человека,

одетого в оранжевый спасательный жилет, около обломков «Скорпион». Они видели это в движении, но не могли сразу же вернуться, так как «Триест» не очень маневренный. Позже никто не мог обнаружить никаких следов этого предмета. Крейвен говорит, что, возможно, кто-то пытался выбраться в последнюю минуту через аварийно-спасательный люк. Если произошел взрыв торпеды, то он должен был произойти сравнительно недалеко от поверхности океана, иначе акустические колебания потерялись бы. Однако объекты, обнаруживаемые на дне океана, зачастую оказываются не теми, за которые их принимают. Есть основания полагать, что «Скорпион» была недалеко от поверхности, когда произошло смертельное происшествие – ее мачты находились в вертикальном положении, как будто ее командир пытался послать последнее сообщение. Но, возможно, мачты были подброшены в вертикальное положение механическим ударом или силой взрыва, разорвавшего на части подлодку.)

Получив новую информацию о дефектной торпедной батарее, специалисты согласились, что взрыв торпеды должен быть снова поставлен в перечень возможных причин гибели подводной лодки «Скорпион».

«Если в отсеке происходит взрыв, а там была ручная граната, но затем я звоню и говорю, что я эту гранату унес из отсека, вы не будете принимать во внимание гранату, – заявил находящийся на действительной службе офицер ВМС, знакомый с расследованием судьбы подлодки „Скорпион“. – Если я вам не сказал, что там были две гранаты, даже несмотря на то, что кто-то не совсем правдивый и не представляет всю полную информацию, тем не менее есть основания вернуться и посмотреть еще раз. На основании имеющейся теперь информации есть две наиболее вероятные причины гибели лодки: взрыв аккумуляторной батареи и перегрев оружия. По нашей информации, я бы назвал взрыв аккумуляторной батареи. От него могло перегреться и оружие. Любая информация о специфических технических проблемах в конструкции оружия должна быть представлена и должна обсуждаться».

Этот офицер, а также Крейвен и многие другие согласны с тем, что нужно продолжить расследование и, возможно, сделать попытку заглянуть внутрь торпедного отсека «Скорпион». До настоящего времени Крейвен остается убежденным в том, что наиболее вероятной причиной гибели «Скорпиона» была торпеда. И он не одинок. В июне 1998 года Крейвен стал первым человеком, награжденным Лигой подводников ВМС США за выдающуюся гражданскую службу, за свою работу в поисках подводной лодки «Скорпион», за участие в проекте «Поларис» и других проектах. Когда церемония награждения закончилась, к нему подошел один из офицеров. Он сказал, что многие годы был уверен: лодка «Скорпион» погибла из-за несчастного случая с торпедой.

Не зная ничего о предупреждении, посланном из Ки-порта, не зная, что там были известны проблемы с батареями, питающими двигатель торпеды марки 37, этот офицер признался Крейвену: «Я знаю, это была торпеда, потому что у меня была торпедная батарея, которая перегрелась подо мной».

Глава 6

БАЛЛАДА О БЕЛЕСОМ МАКЕ

Капитан второго ранга Честер Мак – гигант, ростом 196 см, прозванный «белесым» за его абсолютно белую голову, смотрел в перископ на просторы Баренцева моря. Он находился там в поисках новой и смертоносной советской подлодки с баллистическими ракетами, которую в НАТО, не смеха ради, наименовали «Янки».

В марте 1969 года Советский Союз сделал технологический скачок, и у него наконец появилась атомная ракетная подводная лодка, по конструкции очень похожая на «Поларис», способная нанести удар по Белому дому или Пентагону с расстояния в 1000 миль. Задача Мака заключалась в том, чтобы получить побольше информации о ней.

Мак вел свою лодку через Баренцево море, усердно охраняемый учебный полигон для самого передового и мощного Северного флота Советского Союза. Он шел с самонадеянностью человека, который знал, что он кормчий одной из новейших многоцелевых подводных лодок типа «Стерджен», оборудованной новейшими гидролокационными и подслушивающими устройствами. В этом походе ему значительно больше сопутствовала удача, чем большинству остальных подводников, поскольку в сложной игре в прятки он обнаружил то, что искал.

Внезапно перед его перископом оказалась подлодка с баллистическими ракетами типа «Янки» – длиной около 130 метров, шириной около 12 метров и водоизмещением 9600 тонн. Мак подвел свою лодку «Лэпон» на расстояние до 300 метров и начал внимательно рассматривать.

«Боже мой, этот сукин сын похож на наше изделие как две капли воды», – выпалил он нервно. Действительно, советская подводная лодка была похожа на «Поларис» по формам корпуса и даже по рубочным рулям. Изображение из перископа передавалось в кают-компанию через телевизионную камеру, установленную на перископе, которую подводники называли «перивизор».

Мак прикрепил к перископу фотокамеру и щелкнул затвором. Фотокамера парезаряжалась автоматически. «Лэпон» двигалась медленно. Мак поднимал перископ только на 7 секунд, чтобы избежать обнаружения. С каждым подъемом перископа он делал несколько снимков, каждый раз фотографируя небольшую часть огромной лодки. Чтобы получить полную панораму «Янки», пришлось склеивать 7 снимков вместе.

В течение ряда лет, пока велось строительство «Янки», разведка США получала со своих спутников-шпионов разве что нерезкие изображения, показывающие, что Советский Союз готовится к производству нового оружия. Но в последний год, когда «Янки» вышла в море на ходовые испытания, американские разведывательные подлодки старались поближе подойти к этим атомным гигантам, украшенным шестнадцатью крышками люков, в которых прятались пусковые ракетные установки. «Янки» казалась огромным достижением по сравнению с другими советскими дизельными подлодками с

баллистическими ракетами типа «Зулу» и «Гольф», и даже с атомными подлодками типа «Хотель». Ни одна из этих лодок не вызывала страха, который вызвала «Янки». Предыдущие лодки были шумными, и их легко засекали сети подводных гидрофонов и гидролокаторы. Теперь перед подводными силами США стоял очень важный вопрос: не являлись ли «Янки» чем-то более серьезным, чем простая имитация внешнего вида «Полариса»? Было ли возможно, что всего через 6 лет после кубинского ракетного кризиса Советский Союз получил возможность наносить первый удар почти внезапно? Если эти новые подлодки были такими же бесшумными и такими же смертоносными, как казалось, то в этом случае Советский Союз, по крайней мере, добился паритета с США в нанесении ответного удара. То есть у него появилась возможность нанести ответный удар, если все его наземные ракетные пусковые установки и бомбардировщики будут уничтожены.

Капитан первого ранга Бредли знал, что его шпионская программа уже дала очень важную информацию о создании в Советском Союзе подлодок и ракет. Фотографирование затонувшей советской подлодки типа «Гольф» было большим технологическим успехом. Но лодки того типа представляли меньшую угрозу по сравнению с «Янки», и теперь не было более важной задачи, чем изучение этих новых лодок и способов их уничтожения.

Фотоснимки подлодки «Янки», конечно, хорошее дело. Но ВМС США и их натовским союзникам нужно посмотреть эти лодки в действии, убедиться, где они ходят со своими ракетами, собрать их «шумовые автографы», чтобы быть уверенными в том, что они не проскочат над сетями подводных гидрофонов незамеченными, что разведывательные лодки и гидролокационные буи, сброшенные с противолодочных самолетов «Орион», распознают эту угрозу.

Кому– то придется подойти поближе к «Янки» на ходу и оставаться около нее достаточно долго, чтобы дать Соединенным Штатам информацию, необходимую для парирования этой новой угрозы. Во имя выполнения этой задачи любой риск, казалось, был оправдан.

Несмотря на то, что Мак был очень доволен своим достижением в фотографировании, он знал, что настоящим героем станет тот, кто сумеет пройти по следу этой лодки. Командиры других подлодок тоже знали это, и даже гибель подлодки «Скорпион» их не отрезвила, не смогла хотя бы приуменьшить петушиную браваду. Но Мак уже чувствовал себя в какой-то степени «собственником» «Янки» и был уверен, что именно ему удастся подойти к ней ближе других и все разузнать. Он не сомневался в том, что кроме него никому не удастся это сделать. В этом заключалась вся суть его характера.

Действительно, все в этом 37-летнем командире было впечатляющим. Его высокая 109-килограммовая фигура с трудом протискивалась через люки подлодки «Лэпон» и ее узкие проходы. Он почти всегда вынужден был пригибаться в центральном посту, загромажденном трубопроводами и кабелями. Подлодки были слишком малы для «белесого Мака». Он казался крупнее сказочных героев, поедавших пищу целыми корзинами.

Мак вступил в командование «Лэпон» в конце 1967 года и сразу приступил

к комплектованию экипажа путем обмена личного состава с командирами других лодок, поставив себе задачу составить экипаж только из лучших специалистов, по принципу сборных спортивных команд. Затем устанавливал на лодке экспериментальное и нередко нештатное оборудование. Он вдохновлял и в то же время заваливал работой экипаж. Его тяготили многомесячные тренировки в базе, он одолевал адмиралов просьбами разрешить ему поскорее отправиться в поход.

В большой степени Мак символизировал свою эпоху. В подводных силах командиров, которые избегали риска, клеймили различными прозвищами вроде «мокрая курица» или «хитрый лис». До сих пор у его старших начальников, не говоря уже о других командирах лодок, которые не меньше гордились пренебрежением опасностью, оставались сомнения, не переходит ли он границу между доблестью и бесшабашностью.

Фотоснимки, сделанные крупным планом, несомненно были такими же ценными, как и любая другая разведывательная информация, какую кто-либо получал в последнее время, но Мак пошел на более крупный риск во имя получения суперинформации.

Подлодка «Лэпон» однажды уже была обнаружена в Баренцевом море. Возможно, это был отблеск солнечного луча от перископа, никто не уверен, но неожиданно в радиорубке «Лэпон» услышали голос советского пилота: «Я вижу подводную лодку»!

Когда вахтенный офицер навел перископ на небо, он увидел вертолет, пилот которого, казалось, смотрел прямо на него. «У него самые огромные усы, какие я когда-либо видел!» – воскликнул офицер. «Это довольно близко», – сказал Мак, переводя дыхание после пробежки из своей каюты в трусах и майке. «Нам, черт возьми, лучше поскорее убираться отсюда», – решил командир и увел свою лодку до того, как у советских ВМС появилась возможность наладить полномасштабный поиск.

Мак так близко подходил к двум советским подлодкам, проводившим сближение перед атакой, что «Лэпон» попала в след одной из их торпед. Мак знал, что во время подобных учений советские лодки стреляют учебными торпедами. Но у него не было намерения убедиться в этом, подставив себя под удар торпеды. Он скомандовал в машинное отделение дать самый полный ход, и лодка ушла от торпеды. (Это случилось уже после того, как «Лэпон» выходила на поиски подлодки «Скорпион», задолго до того, когда все поняли, что собственная торпеда скорее всего явилась причиной гибели этой лодки.)

Два «спука» на борту «Лэпон» Джю Кокс и Джю Джеймс были настолько потрясены инцидентом с торпедой, что когда попытались закурить в радиорубке, то из-за дрожи в руках долго не могли чиркнуть зажигалкой.

Из этой встречи с торпедой «Лэпон» привезла описания и фотографии начального этапа испытаний советской подлодки, а также бобины кинофильма с кадрами, показывающими деятельность советских ВМС. Все кадры интересные, но ни одного настолько ценного, чтобы сделать «Белесого» звездой всего Атлантического флота.

Вместо него звездой оказался другой человек, Киннерд Макки, не только

сфотографировавший в 1967 году советский атомный ледокол, который вели на буксире, но и взявший пробы воздуха на радиацию, подтвердивший, что на ледоколе было происшествие с атомным реактором. На следующий год Макки сделал фотоснимки крупным планом и записал шумовые автографы не одной, а двух советских атомных подводных лодок второго поколения: многоцелевой и ракетной с крылатыми ракетами, которые в НАТО наименовали «Виктор» и «Чарли». Он обнаружил одну из этих лодок около острова Новая Земля на границе между Баренцевым и Карским морями, где находился основной советский полигон для испытаний ядерного оружия.

Как и «белесый» Мак, Макки был обнаружен. Он сделал снимок советских моряков, стоявших на палубе одной из лодок, указывающих кому-то на перископ, после чего советские надводные корабли сразу же начали погоню. Макки пришлось отрываться от них, увеличив скорость. Наконец, подлодке «Дейс» (бортовой номер SSN-607), которой он командовал, удалось уйти под опасные льды Арктики. Отойдя на безопасное расстояние, он всплыл и продолжил поход, обнаружив через неделю еще одну новую советскую подводную лодку.

«Джентльмены, ставки игры в покер повысились в Баренцевом море», – объявил Макки по возвращении на заседании объединенного комитета начальников штабов и министерства обороны. Ему удалось овладеть вниманием присутствующих сообщением, которое не было менее драматичным из-за того, что он не упомянул в нем, что был обнаружен, и не продемонстрировал снимок советских моряков, указывающих на его подлодку «Дейс». Демонстрация слайдов и фотоснимков, сделанных через перископ, прошла так успешно, что его непосредственный начальник даже и не подумал покритиковать его за то, что Макки был обнаружен.

Судьбы Мака и Макки складывались по-своему. Если Мак продвигался вверх постепенно, то Макки был одним из тех, кому с самого начала была уготована быстрая дорога наверх. На подлодке «Дейс» он добился повышения бдительности своих младших офицеров, пообещав несколько ящиков лучших сортов виски тому, кто поможет обнаружить новую советскую подводную лодку. Он завоевывал уважение адмиралов такими удивительными рассказами о своих подвигах, что эти люди, руководившие подводными силами США, никогда не помышляли ставить под сомнение степень его риска.

У Мака также был и другой соперник на Атлантическом флоте. Командир подлодки «Рей» (бортовой номер SSN-653) Альфред Келли первым сфотографировал подлодку типа «Янки». Был еще капитан второго ранга Гай Шаффер, командир подлодки «Гринлинг» (бортовой номер SSN-614), который проскочил как под подлодкой «Чарли», так и под «Янки» за несколько месяцев до того, как Мак обнаружил ее. Это дало возможность экипажу «Гринлинга» записать характеристики шумов, которые советская подлодка создавала в воде, а также с помощью новой, приспособленной к работе в условиях слабой освещенности телевизионной камеры через перископ заснять на видеопленку ее корпус и гребной винт. Действительно, «Гринлинг» подошла так близко к днищу «Янки», что если бы советские подводники в тот момент взглянули на

свой глубомер, то океан показался бы им очень мелким, возможно, не глубже 4 метров.

Маневр, известный как «проход под корпусом», был исключительно опасным. В любой момент одна из советских лодок могла пойти на погружение и придавила бы «Гринлинг», но и результаты этого маневра были огромными. ВМС США получили первый акустический «автограф» подлодки типа «Янки», и этот «автограф» был быстро введен в компьютер сетей подводных гидрофонов.

Но оставался еще один вопрос: будут ли данные, собранные подлодкой «Гринлинг», достаточными, чтобы выделить шумы подлодок типа «Янки», выходящих в открытый океан, от шумов рыболовных судов, морских животных и течений? Никто не мог быть уверенным в этом до тех пор, пока кто-нибудь не совершит длительное преследование во время реального развертывания подлодок «Янки».

...Гонка началась. Мак и другие командиры лодок по очереди устремлялись в район севернее 50-й параллели, без связи с береговым командованием, в сторону Баренцева моря и портов, где базировались советские подлодки типа «Янки». (Тесно координируя свои усилия с американскими подлодками, британские лодки иногда помогали проводить непрерывное наблюдение за советскими портами в Баренцевом море. Были только две британские лодки, способные выполнять эту задачу. Они подходили к советским берегам весной и осенью. Но эти британские лодки были предназначены для выполнения шпионских задач, на чем и специализировались их командиры и экипажи. Они хорошо выполняли эти задачи и были агрессивны. Британский королевский ВМФ имел склонность к конфронтации с советскими кораблями. Однажды советский надводный корабль установил линию спаренных цилиндрических буев в Сицилийском проливе, около Италии. Разведке США казалось, что это была попытка создать акустический барьер, своего рода плавучую сеть гидрофонов. Между Государственным департаментом США и Военно-морским министерством началась интенсивная переписка. Обсуждался вопрос, стоит ли ВМС США пойти в тот район и захватить буи, но неожиданно кто-то заметил, что они исчезли. Оказалось, что у британцев была на Мальте эскадра эсминцев, которая вошла в Сицилийский пролив и из орудий расстреляла буи все до одного.)

Удобный случай подвернулся Маку в сентябре 1969 года. Когда «Лэпон» выходила из Норфолка, на ее борту имелись огромные запасы яиц, мяса и различных фруктовых сиропов – типичный набор продуктов на длительный поход. В кают-компании находился еще и трехмесячный запас мороженой черники. У Мака был волчий аппетит на чернику и черничные сдобы, и он поделился своим страстным увлечением с экипажем. На борту лодки имелось достаточно компонентов, чтобы еженедельно устраивать вечеринки с пиццей. Для того, чтобы развеять скуку, на лодке поместили даже игровой автомат – «однорукий бандит».

На борту «Гаджен» или других дизельных лодках, разумеется, не находилось места, чтобы устанавливать игральные автоматы, когда они

выходили на первые специальные операции. «Лэпон» выгодно отличалась от них. По крайней мере, здесь каждый член экипажа имел свое спальное место, а не спал по очереди. Правда, койки были двухъярусные, на каждого приходилось около 5 квадратных метров пространства, которое могло быть отделено занавесом. Парни небольшого роста даже могли разместить в ногах книжную полку. Почти каждый имел выдвижной ящик, единственное место, где моряки хранили запасы на три месяца ночного белья, форменной одежды и всего того, без чего, по их понятию, они не могли обходиться.

На атомных лодках не ощущалось дизельного смрада и мучительного конденсата, как на дизельных лодках. На «Лэпоне» было сравнительно комфортно, насколько можно говорить о комфорте при длительном нахождении в «закрытой канализационной трубе». Для большинства подводников контакт с внешним миром ограничивался просмотром отдельных кадров, которые из перископа передавались на телевизионный экран в кают-кампаний, да еще короткими строчками посланий, что разрешалось пересылать женам и родителям несколько раз за поход. В остальном жизнь была строго регламентирована: шесть часов – вахта, двенадцать часов – ремонт оборудования, бесконечная канцелярская работа и сдача экзаменов по специальности. Официальная эмблема подводников – «Дельфин» вручалась только после сдачи квалификационных экзаменов почти по всем системам подлодки.

Но находились и другие способы поддержания здоровой психики, и сам Мак содействовал этому. Он устраивал вечера песни «пойте вместе с нами», умудрившись собрать около дюжины любителей-гитаристов из им же самим подобранного экипажа. Томми Кокс был одним из них, снова прибывший на лодку, принеся с собой гитару и месячный запас струн и медиаторов. Кокс стал первым «спуком» в ВМС, который дал себе труд сдать все квалификационные экзамены, наравне с остальными профессиональными подводниками, и заслужил эмблему «Дельфин». Теперь, как полноправный член экипажа, он развлекал своих товарищей, исполняя их любимую песню «Торпеда в воде», новую песню о подлодке «Скорпион», а также мелодии Рикки Нельсона, Джерри Ли Льюиса, Элвиса Пресли и других популярных музыкантов.

Не случайно Кокс вернулся на «Лэпон». В то время как большинство «спуков» почти всегда назначались на лодки группой военно-морской контрразведки и никогда не назначались дважды на одну и ту же лодку, Маку удавалось самому подбирать «спуков», как и остальных членов экипажа. Он старался из числа тех, кого знал и любил, составить сердцевину экипажа. Вместе с Коксом, руководителем группы «спуков», на лодке был лейтенант Дональд Фоллон. Мак решил, что Фоллон станет постоянным членом экипажа, буквально через десять секунд после того, как тот впервые вступил на борт лодки. Фоллон провел свои первые девять секунд, внимательно разглядывая Мака сверху, десятая секунда может считаться началом его постоянной службы на лодке.

Маку нравились люди веселые, изобретательные, достаточно неординарные, чтобы ценить его собственную эксцентричность и способность

интерпретировать правила по своему усмотрению. Одним из любимых приобретений Мака стал помощник главного механика, имевший несчастье именоваться Дональд Дак, как герой юмористических мультфильмов. Он рос бедняком в бревенчатом доме в штате Алабама, где семейным делом была техника. Отец его работал автобусным механиком, а Дональд – механиком на подлодке. Он не окончил даже начальной школы, а завербовался в ВМС по программе борьбы с неграмотностью. Но зато мог отремонтировать почти любой механизм на «Лэпон», а по части чего-нибудь выклянчить или стибрить превосходил самого Мака. После войны во Вьетнаме ощущался дефицит в материально-техническом снабжении, а Дональд умудрялся немислимыми путями не только добывать необходимые запасные части, но и накапливать их впрок.

Недостаток у Дака формального образования не имел особого значения, так как большинство рядовых членов экипажа имело только среднее образование. Это были ребята из рабочей среды, сообразительные, находчивые, способные терпеливо сносить многомесячное пребывание в закрытом помещении. Своими моральными качествами они подчас превосходили офицеров, выпускников военно-морской академии. В конечном счете различия сглаживались. Звания, боевые посты, родословная – все это на подлодках не имело большого значения. Жизнь в ограниченном пространстве сближает людей, в конце концов все здесь зависит друг от друга. Первые уроки, которые получал любой лейтенант с высшим образованием, заключались в том, что он далеко не уйдет без помощи своих старшин и рядовых парней, готовых с энергией и самоотдачей решать все возникающие проблемы. А их не перечесть в ходе многомесячных походов.

И вот сплоченному Маком экипажу предстояло испытание. Неделю спустя после начала похода «Лэпон» получила сообщение, которое так ожидал Мак. 16 сентября система подводных гидрофонов засекала проход подлодки типа «Янки» к северу от Норвегии. Она шла из Баренцева моря к проходу между Гренландией, Исландией и Великобританией. Вторая система подводных гидрофонов обнаружила ее проход около острова Ян Майен, у входа в Датский пролив, отделяющий Гренландию от Исландии. Если бы Мак смог перехватить «Янки» до того, как она пройдет пролив и выйдет в открытый океан, где ее найти значительно труднее, то «Лэпон» могла бы попытаться преследовать ее.

Пока Мак полным ходом шел к Датскому проливу, противолодочный самолет союзников «Орион» подтвердил направление движения «Янки». «Лэпон» прибыла к проливу на следующий день и начала патрулировать, медленно передвигаясь вперед и назад у его южной оконечности, неподалеку от берегов Исландии.

Донни Беллинг, старший рулевой на лодке, повесил в старшинской кают-компании карту, чтобы показывать экипажу местонахождение своей лодки. Если удастся настичь «Янки», ее позиция также будет указываться на карте. Посвящение экипажа в такие подробности не предусматривалось правилами. Но Мак хотел пробудить в экипаже энтузиазм. Если люди знают, какая ответственная задача им поставлена, они охотнее будут мириться с нехваткой

сна, с другими невзгодами.

Мак призвал личный состав усовершенствовать свои боевые посты. В центральном посту вокруг него сгрудились штурманские столики, компьютерное оборудование, пост управления оружием со всеми осциллографами, циферблатами, приборными щитами и автопрокладчиком. Трубопроводы над головой и на переборках создавали впечатление еще большей скученности. В центре всего этого находился перископный стенд. Два перископа возвышались на пьедестале высотой 30 см. Перед ним сидели офицер, ответственный за глубину погружения, и два рулевых горизонтальных рулей, внимательно следящих за глубиномерами. У вахтенных гидроакустиков, штурманов и рулевых были две основные задачи: обнаружить «Янки» и не дать ей обнаружить себя.

Прошли всего сутки с момента, как «Янки» прошла к востоку от «Лэпон». Шумы «Янки» были настолько слабыми, что гидроакустики почти не слышали их на фоне шумов находившихся неподалеку рыболовецких траулеров и кишачей морской живности. Но вот появилось слабое мерцание на осциллоскопе, появилось электронное изображение советской субмарины. Предстояла нелегкая работа. В шумных водах около Гренландии «Янки» была слышна достаточно отчетливо, лишь когда она оказывалась на расстоянии около 1200 метров от «Лэпона».

Мак повел «Лэпон» на юго-восток. Он намеревался сделать рывок и затем «дрейфовать». Идея заключалась в том, чтобы на скорости 20 узлов приблизительно за полчаса дойти до точки, которую пройдет «Янки», если будет идти с постоянной скоростью. Затем «Лэпон» уменьшит ход до 3–5 узлов и станет в основном слушать.

«Янки» показалась, но вскоре снова исчезла. Мак забеспокоился. Советская лодка не придерживалась первоначального курса. Каждый раз, когда шумы «Янки» доходили, она почти сразу же терялась в фоновом шуме Атлантики. Шум становился еще громче из-за сильных течений, вызванных бушующим на поверхности штормом. Мак нервно ходил по центральному посту, расстроенный тем, что приходится ползти практически вслепую в океане, зная, что «Янки» находится так близко.

В последующие несколько дней «Лэпон» находила и теряла «Янки» неоднократно. На четвертый день «Янки» показалась опять. Сначала в течение одного часа, затем двух и трех часов. Гребные винты «Янки» вращались с постоянной скоростью, что было хорошо слышно в наушниках вахтенных гидроакустиков. 6 часов, 12 часов «Янки» шла постоянным курсом по носу у «Лэпон». Но на восемнадцатом часе «Янки» исчезла с экранов гидролокатора. Разыгранная Маком подводная драма провалилась.

К этому времени большинство офицеров и часть рядовых в течение нескольких суток недосыпали. Сам Мак лишь изредка дремал в кресле, не выходя из центрального поста. И вот горькое разочарование сменило у подводников то возбуждение, которое поддерживало их так долго.

Никто не говорил об очевидном. Но все понимали, что практически невозможно уследить за курсом этой почти бесшумной советской лодки нового

поколения, когда она проходит через какофонию шумов океана.

Разочарование Мака разделяли в Норфолке и в Вашингтоне капитан первого ранга Бредли, вице-адмирал Арнольд Шейд, все еще командующий подводными силами на Атлантике, и адмирал Мурер, командующий ВМС в Северной Атлантике. Они были в курсе событий, так как Мак посылал в диапазоне УКВ через самолеты, летавшие над ним, короткие сообщения о ходе операции. В свою очередь ВМС своевременно информировали помощников президента, причем Никсона информировали о ходе операции в реальном масштабе времени.

Адмиралы дали приказ всем системам подводных гидрофонов в том районе заниматься прослушиванием шумов «Янки». Противолодочные самолеты «Орион» также были нацелены на выполнение этой задачи. Но усилия гидрофонных систем и самолетов оказались безуспешными.

Мак решил на весьма рискованный маневр. Пригласив штурманов и других офицеров в кают-компанию, он объявил, что отказывается от перехвата «Янки» в Датском проливе. Вместо этого надо попытаться угадать, куда она направилась дальше, чтобы перехватить ее у места назначения. Теперь Мак, его старший помощник Чарлз Брикель, инженер Ралф Тиндал и другие офицеры склонились над картами и начали интенсивную игру типа «угадайки», воображая себя на месте командира советской лодки. После долгих логических рассуждений они пришли к выводу, что «Янки» следует перехватывать на несколько сотен миль южнее, около Азорских островов. «Лэпон» погрузилась и в течение трех суток шла к намеченному месту. Мак волновался. Почти сразу же как «Лэпон» стала патрулировать в новом направлении, ее корпус заскрежетал по чему-то металлическому. Мак бросился в центральный пост. Вахтенный офицер горизонтальных рулей доложил, что лодка теряет глубину.

4800–тонная «Лэпон» оказалась захваченной глубоководными сетями рыболовного траулера, запутавшись в металлических грузилах сетей и в толстом металлическом тросе. «Янки» могла проскочить в любой момент, а «Лэпон» болталась на привязи.

Вскоре рыбаки отказались от затеи вытащить крупную рыбу, а, возможно, просто обрубил трос сети. Во всяком случае, они убрались из этого района, чтобы потом рассказывать легенду – какой сказочный улов сорвался. Но кусок троса обвился вокруг гидролокатора на носу. Как теперь бесшумно следить за «Янки», если трос будет стучать по корпусу?

У Мака не было выбора. Дождавшись темного времени суток, он дал команду на всплытие. Оставалось только молиться, чтобы «Янки» не проскочила, по крайней мере, не сейчас. Он отправил матроса на рубочные рули с парой специальных резаков. Трос удалось отрезать и сбросить в воду. «Лэпон» была в полном порядке, когда через 12 часов появилась «Янки».

На сей раз Мак был полон решимости не упустить советскую лодку. Воды южной части Атлантики не были столь шумными, как, например, в районе Гренландии. Но «Янки» оказалась более бесшумной, чем все другие лодки, которые американская лодка преследовала в прошлом. На этот раз Мак решил придерживаться новой тактики, которую он тут же назвал: «непосредственно в

кильватерной струе». «Лэпон» будет идти впрыток к «Янки», не дальше 2700 метров. Если дистанция окажется больше 3600 или 4500 метров, то «Янки» потеряется.

Задумка Мака казалась рискованной. 4800-тонной «Лэпон» скользить в океане близко к огромной «Янки» было опасно. Обычно даже надводные корабли предпочитают расходиться на расстоянии около двух миль из-за боязни столкновения. А «Лэпон», кроме того, еще надлежало опасаться обнаружения. Мак надеялся, что гидролокаторы новой советской подлодки вряд ли превосходят те, что были у ее предшественниц. «Лэпон» шла так близко, что достаточно было кому-нибудь уронить что-либо или громко захлопнуть дверь водонепроницаемой переборки, как даже советское устаревшее гидролокационное оборудование сможет зарегистрировать американскую слежку.

Почти все на борту лодки понимали, как они рискуют, но никто не осмелился задать какой-либо вопрос Маку. Да ни у кого и не было времени заниматься этим. Главное было рассчитать, как будет «звучать» в эфире советская лодка, когда сбросит скорость или повернет. Пока группа гидроакустиков не сможет рассчитать, какое сочетание звуков и тонов соответствует каждому маневру «Янки», обе подлодки будут находиться в смертельной опасности столкновения.

Мак отводил «Лэпон» в разные стороны от кильватерной струи «Янки», чтобы гидроакустики нашли ответы на эти вопросы. Он снова затеял игру в «угадайку», пытаясь поставить себя на место советского командира. Что бы он сделал и когда? Это было равносильно решению очень большого и трудного кроссворда, где один ответ связан с другим. Один пропуск создавал сразу же несколько вариантов путаницы. Все, что мог делать экипаж «Лэпон», – это продолжать собирать информацию. Группа акустиков начала улавливать кое-какие дефекты в конструкции советской лодки, кое-какие признаки, по которым в будущем можно будет «видеть», как она будет маневрировать.

Стандартный гидролокатор не совсем подходил для решения этих вопросов. «Янки» была слишком малозумная. «Лэпон» же имела на вооружении именно стандартный гидролокатор. Однако в свое время Маку удалось притащить на борт лодки дополнительное гидролокационное оборудование, созданное на основе тех открытий, которые сделала подлодка «Рей» под командованием Келлна в 1967 и 1968 годах, когда она преследовала в Средиземном море многоцелевые советские подлодки типа «Новембер» и типа «Чарли» в Северной Атлантике. Это приспособление повышало качество работы стандартной системы по регистрации уровня шумов в океане. Его устанавливали на определенную тональность, соответствующую тональности шумов, производимых «Янки», когда она шла под водой. Это напоминало музыкальные звуки, которые издает бутылка, когда дуют в ее горлышко. После многочисленных проб и ошибок группа акустиков «Лэпон» поняла, что одна из частот меняется, когда «Янки» делает поворот. Поворот влево – и тон становится немного выше. Когда «Янки» уходила, тон становился ниже. Если тон изменился быстро, это означало, что «Янки» делает крутой поворот.

Одно место, с которого «Лэпон» не могла прослушивать, – это непосредственно за кормой. В отличие от других советских подводных лодок, которые создавали шум от винтов, следить за которыми было просто, «Янки» была бесшумна и с кормы, что придавало ей способность «исчезать». «Янки» могла бы улизнуть, даже при том, что на «Лэпон» был усовершенствованный гидролокатор, если бы не один дефект в ее конструкции. Находящиеся слева механизмы «Янки» производили больше шума, чем любая другая часть лодки.

С этого времени «Лэпон» намеревалась руководствоваться именно этим шумом механизмов. Если шум усиливался, Мак знал, что «Янки» сделала поворот влево. Если показалось, что «Янки» пропадает, она, вероятно, повернула направо.

В конечном счете выяснилось, что наиболее выгодно находиться чуть в стороне от кильватерной струи за кормой, чуть левее или чуть правее, причем слева шум был немного больше. С этой позиции новое приспособление на гидролокаторе уловило сильные звуки, а стационарный гидролокатор зарегистрировал шум пара, исходящий от турбин «Янки», и щелчки гребного винта, каждый раз, когда он завершал один оборот. Считая эти щелчки и записывая число оборотов, Мак и его экипаж определяли скорость советской лодки.

Для того, чтобы все это рассчитать, потребовалось четверо или пятеро суток, больше, чем суммарное время всех попыток преследования более шумных советских подлодок типов «Хотель», «Эхо» и «Новембер». Но Мак не собирался делать перерыв. Он намеревался продолжить преследование и выработать его механизм. Процесс проб и ошибок растянулся на несколько вахт, во время которых Мак и его инженеры-механики обучали каждую последующую вахту тому, что было обнаружено за предыдущие 12 часов.

Мак был убежден, что не потеряет «Янки» снова, особенно когда понял, что она идет к Атлантическому побережью США.

Несколькими днями позднее «Лэпон» все еще шла по следу «Янки». Мак начал наносить на карту район операции советской лодки, пожалуй, одно из самых важных разведсведений, которые он мог принести домой. Советская лодка обосновалась в районе, охватывающем около 200 тысяч квадратных миль. Она патрулировала, находясь на расстоянии 1500 и 2000 миль от побережья США.

До этого времени ВМС США считали, что Советский Союз будет посылать «Янки» на расстояние до 700 миль от американского побережья. Но открытие Мака позволило военно-морской разведке определить, что ракеты SS-N-6 на «Янки» имеют дальность стрельбы до 1200–1300 миль.

Если бы «Лэпон» не прошла по следу «Янки» так далеко, для США было бы трудно уследить за масштабами новой советской ядерной угрозы. Эти лодки плавали в новом квадрате, в то время как США искали бы их в 800 милях от своего побережья.

Теперь Мак нанес на карту точный курс «Янки». Выбрав один район, она бесцельно ходила в нем на скорости около 6 узлов, затем на скорости 12–16 узлов бросалась в другой район, потом снова снижала скорость. Каждые 90

минут, почти с точностью до секунды, „Янки“ меняла курс, иногда на 60 градусов, иногда больше.

Несколько раз в сутки она всплывала на глубину связи, по-видимому, чтобы принять радиосообщения, и каждую ночь, строго в 12 часов, всплывала на перископную глубину для вентиляции. По десять – пятнадцать раз в сутки она совершала полную циркуляцию, чтобы устранить подозрения и послушать, не ведется ли за ней слежка. Каждый раз, когда „Янки“ разворачивалась, „Лэпон“ разворачивалась вместе с ней, стараясь оставаться за кормой, слегка в стороне, закрытой обратным потоком собственных шумов „Янки“. Подводники США столь же регулярно развеивают сомнения, когда проводят свои операции, но никогда не делают это по расписанию. Деликатный вопрос о времени этих маневров решался путем жребия. Для этого в центральном посту „Лэпон“ специально хранилось два игральных кубика.

Один раз в сутки „Янки“ совершала на большой скорости маневр, который экипаж „Лэпон“ называл „Янки дудл“: советская лодка начинала двигаться по курсу, напоминающему цифру восемь, и завершала маневр, ложась на курс на 180 градусов отличающийся от курса в момент начала маневра. Поворачивая влево, она делала разворот на 180 градусов, потом на 90 градусов, затем на 270 градусов и заканчивала еще двумя поворотами на 90 градусов.

Первый набор поворотов, казалось, был предназначен для того, чтобы изобличить преследователя, который следует вблизи. Второй набор – чтобы обнаружить другую лодку, следующую в отдалении. Все эти маневрирования проводились обычно на большой скорости, иногда два раза подряд, и по времени занимали около часа.

Если бы гидролокатор на „Янки“ был более совершенным, это маневрирование могло стать эффективным. Но советские подводники допустили один просчет. „Лэпон“ могла услышать начало поворота и уйти с курса задолго до того, как „Янки“ обнаружат ее. Фактически операторы гидролокатора на „Лэпон“ поняли, что их локатор имеет дальность обнаружения, более чем в два раза превышающую дальность советского. При хороших условиях „Лэпон“ могла обнаружить надводный корабль с расстояния в 18 тыс. метров, а „Янки“ проходила на расстоянии 9 тыс. метров от того же самого надводного корабля, прежде чем она как-либо реагировала на него.

Поскольку слежка теперь превратилась в обычную рутину, Маку удалось отказаться от своих „клеваний носом“ вместо нормального сна. Он стал уходить в свою каюту и ложился поспать, хотя и не более 90 минут. И всегда оказывался в центральном посту, когда „Янки“ изменяла курс или начинала свою проверку на слежку. Во время одного из своих „клеваний носом“ Мак допустил свою самую большую ошибку за весь поход, а, возможно, и за всю свою карьеру. Кок из кают-компания разбудил Мака по совету молодого офицера, решившего, что Мак предпочтет отказаться от сна, чем пропустить свой ежевечерний заказ черничной сдобы. Ничего не понимающий, перепуганный Мак издал такой рев, что кок побежал, роняя сдобы и кофе. В этот момент Мак уничтожил, возможно, самую большую привилегию, когда-либо предложенную командиру подлодки, – свою любимую черничную сдобу,

разрезанную пополам и намазанную внутри маслом. Никто больше не осмеливался внеурочно побеспокоить капитана ни на третью, ни на четвертую неделю похода. Наступила пятая неделя, о которой и пойдет речь.

К этому времени три вахтенных офицера „Лэпон“ поняли, что их вахты совпадали с вахтами офицеров на „Янки“. Каждый американец мог опознать теперь своего советского „партнера“ по его характерным особенностям при выполнении того или иного маневра. Они даже дали клички своим „партнерам“: между собой американские вахтенные офицеры даже стали заключать пари на то, кто лучше предскажет очередной маневр „Янки“. Чаще всего выигрывал вахтенный офицер Тиндалл. Гидроакустики также включились в игру, распознавая звуки, которые они перехватывали из внутренних помещений „Янки“. Звуки работы дрели, помпы, вплоть до туалетных звуков. Каждый раз, когда вахтенный гидроакустик слышал в наушниках звук вырывающегося воздуха, когда продувалась санитарная цистерна, он докладывал совершенно официально: „Центральный! Докладывает гидроакустик. На нас сейчас вылили дерьмо!“

Все члены экипажа на лодке вплоть до младшего кока жили азартом преследования. Мак разрешал каждому наблюдать, как наносится курс лодки на карты. Это очень стимулировало молодых подводников. Ведь они преследовали лодку, несущую на борту мощное советское вооружение. Царившее на „Лэпон“ возбуждение передалось и на берег. Мак хорошо изучил привычки командира „Янки“ и мог предугадывать, когда тот пойдет глубже. И в эти моменты всплывал на перископную глубину, давал короткое сообщение на противолодочные самолеты „Орион“, летавшие высоко над районом патрулирования „Янки“.

Все продолжалось хорошо до тех пор, пока один из самолетов „Орион“ чуть было не сорвал всю операцию. Пилот этого самолета подошел к поверхности океана ближе, чем было положено. Когда „Янки“ всплыла на перископную глубину, ее экипаж заметил этот самолет, и советская подлодка немедленно ушла на глубину. „Орион“ срочно ушел из зоны. Акустики на „Лэпон“ внимательно слушали отзвуки этой драмы, но сама американская лодка оставалась необнаруженной. Американцы понимали, что хотя „Орион“ и был замечен, тем не менее советские подводники, казалось, не знали, что их преследуют и в воде. Все это казалось правдой до тех пор, пока кто-то в Вашингтоне не совершил большую ошибку.

В подводных силах ходят слухи, что один из адмиралов военно-морской авиации, пожелавший остаться неизвестным, дал в газету утечку информации, которая могла привести к срыву всей операции. В этой информации прямо не указывалось, что „Лэпон“ преследует „Янки“, даже не говорилось, что эта подводная лодка оснащена баллистическими ракетами и бродит в 1500–2000 милях от побережья США. Но 9 октября 1969 года на первой странице газеты „Нью-Йорк таймс“ появилась статья под заголовком: „Новые советские подводные лодки более шумные, чем ожидалось“.

Тот, кто давал информацию для этой статьи, либо не знал о данных, полученных „Лэпон“, либо искажил их, потому что газета сообщала куда более

утешительные данные, чем они были на самом деле. Мак убедился, что „Янки“ – наименее шумная из всех советских подлодок, хотя американские лодки отличались еще меньшим шумом.

Содержание статьи, разумеется, дошло до советских ВМС и до командира „Янки“, и это вскоре стало заметно. Через некоторое время после публикации в газете и через несколько мгновений после полуночного подвсплытия для выхода на связь, „Янки“ резко изменила порядок маневрирования, которого до этого она придерживалась длительное время. Ее поведение стало непредсказуемым. „Янки“ неожиданно делала разворот на 180 градусов и на скорости 20 узлов устремлялась в ею же оставленную кильватерную струю, прямо на „Лэпон“. Это совсем не напоминало предыдущие маневрирования, а также не было похоже на обычные медленные повороты с целью обнаружения слежки. Со стороны советской подводной лодки наблюдалась отчаянная попытка обнаружить слежку. Американские подводники назвали это маневрирование „Безумный Иван“. „Янки“ буквально летала в воде, ее изображения заполняли экраны в центральном посту „Лэпон“, а пронзительные звуки ее полета были ясно слышны в наушниках гидроакустиков. Эти звуки походили на шум товарного поезда, мчащегося через тоннель.

Кто–то в центральном посту пробормотал: „Этот шельмец пошел в глубину“. Все замерли в напряжении, хотя знали, что „Лэпон“ была все еще на сто метров глубже, когда „Янки“ безрассудно прошла справа по борту. Советская лодка в своем шумном скоростном „полете“ упустила шанс заметить „Лэпон“. „Янки“ продолжала поиск, циркулируя часами, но Мак противопоставлял этому свои маневры с целью не допустить своего обнаружения. Он не отказался от преследования. Вместо этого он дождался, когда „Янки“ успокоилась, и продолжил слежку.

13 октября, почти через месяц после того, как началась эта слежка, адмирал Шейд послал на „Лэпон“ сообщение: „Адмирал Мурер сообщает, что министр обороны и все в Вашингтоне наблюдают за вашей операцией с особым интересом и отмечают с огромным удовольствием и гордостью превосходную работу всех участников. Я разделяю эти мысли“.

„Лэпон“ преследовала „Янки“ в течение всего периода ее патрулирования и затем еще некоторое время, когда советская лодка пошла почти прямым курсом домой. Она шла ровно, не производя больше маневров с целью выявления слежки. „Янки“ вошла в район между Гренландией, Исландией и Великобританией, где „Лэпон“ и покинула ее 9 ноября 1969 года.

„Лэпон“ преследовала „Янки“ в течение 47 суток.

По этому поводу Томми Кокс написал стихи – „Баллада о белесом Маке“. Это была действительно игра „в жмурки“, гораздо более опасная, чем любая другая шпионская операция. Успех Мака ознаменовал начало новой миссии для подводного флота США. Отныне он будет нацелен на слежку за советскими подлодками с баллистическими ракетами в океане. Многоцелевые американские подлодки стали одной из решающих сил в ядерной стратегии США.

На пути „Лэпон“ в Норфолк Мак грелся в лучах славы. По радио потоками

шли поздравления. Через несколько месяцев „Лэпон“ была объявлена благодарностью от президента США. Белесый Мак получил медаль „За выдающуюся службу“, высшую награду офицерам ВМС в мирное время.

Но больше всех похвал Мак был доволен одной из радиogramм, о которой ему сообщили на пути домой. Она была адресована всем другим подводным лодкам, находящимся в Атлантике: „Уступите дорогу. Идет Белесый“. Приказ был четкий. Все должны были освободить маршрут, по которому „Лэпон“ шла домой. Когда Маку доложили эту радиogramму, он сжал кулаки, вскинул голову и сказал: „Страдайте молча, сосунки. Белесый идет“.

Глава 7

„ВОТ ОНА ПОДХОДИТ...“

Достижения Белесого Мака стали примером для всех. Командиры других подлодок стремились повторить его достижения или даже превзойти их. Слежка за советскими ракетными подлодками вскоре стала одной из главных задач ВМС, хотя не все принимавшие участие в выполнении этих опасных операций были такими же умелыми и удачливыми, как Мак.

По крайней мере, две подлодки поставили США на грань объявления ядерной тревоги, когда сообщили по радио, что преследуемые ими подлодки типа „Янки“ открыли крышки пусковых шахт и готовы к пуску ракет. В обоих случаях американские лодки вскоре снова радировали о том, что советские лодки просто проводят боевую подготовку.

В течение нескольких месяцев после подвига Мака произошло несколько столкновений между американскими и советскими подлодками, то есть таких происшествий, которые поставили под угрозу срыва подготовку соглашения между США и Советским Союзом о разрядке напряженности. Был случай, когда американская подлодка „Гато“ (бортовой номер SSN-615) в ноябре 1969 года столкнулась со старой советской подлодкой типа „Хотель“. Сергей Георгиевич Горшков, многолетний главком ВМФ, выслал в Баренцево море корабли на поиски вторгшейся лодки. Он надеялся найти подтверждение тому, что „Гато“ затонула. Советский адмирал не был кровожадным, но столкновение произошло за два дня до начала запланированных в Хельсинки переговоров о контроле над вооружениями. Горшков был потрясен тем, что президент США Никсон и его советник по национальной безопасности Киссинджер могли предлагать переговоры о контроле за вооружениями, позволяя при этом своим подводникам вторгаться в советские территориальные воды.

Доказательство в виде стального корпуса „Гато“ дало бы Горшкову шанс нокаутировать это предложение о рукопожатиях. Но его кораблям не удалось найти „Гато“, которая на полной скорости удрала. По приказанию командующего Атлантическим флотом, командир „Гато“ составил фальшивый доклад о походе, из которого следовало, что лодка якобы вернулась из похода за два дня до столкновения.

Офицеры военно-морской разведки во время брифингов у президента

Никсона и его помощников в своих сообщениях почти всегда упускали упоминания о существенных инцидентах на море. Поэтому на подводные силы и не оказывалось давление, чтобы они приостановили свои наглые операции, даже после двух более или менее значительных столкновений в 1970 году, одного в Баренцевом море, а другого – в Средиземном.

...В тот год случился и третий инцидент, настолько тяжелый и опасный, что ВМС были вынуждены немедленно доложить руководству Пентагона и самому президенту Никсону.

Это произошло в конце июня 1970 года. Американская подлодка „Тотог“ (бортовой номер SSN-639) шла в район Петропавловска, крупной базы советских ракетных лодок на Камчатке. Командиром лодки был 39-летний капитан первого ранга Б. Балдерстон. Преодолев последствия перенесенного в детстве ревматизма, он в молодости входил в состав сборной команды США по плаванию. Обучаясь в университете штата Небраска, специализировался на изучении пустынных скорпионов, а затем, во время корейской войны, поступил на службу в ВМС. Там его назначили ответственным за уничтожение артиллерийских снарядов, оставшихся со времен Второй мировой войны. В конце концов он перешел служить на дизельные подлодки, поскольку, по его мнению и по мнению его жены, эта служба была более безопасной. Позже он подумывал отказаться от службы на тесных и грязных дизельных подлодках и пойти изучать медицину. Но до того, как он смог написать заявление в медицинскую школу, Риквер заманил его на атомные лодки. Балдерстон решил, что ему, видимо, суждено оставаться на подводных лодках. Он верил в это даже после того, как все его иллюзии о безопасности развеялись после гибели подлодки „Скорпион“. Балдерстон был инженером при строительстве этой лодки, и после ее исчезновения его довольно часто вызывали с лодки „Тотог“ для дачи показаний в комиссию по расследованию инцидента с подлодкой „Скорпион“.

На подлодке „Тотог“ он прославился весьма своеобразно. Например, во время стоянок в порту Балдерстон мог в баре перепить любого члена экипажа своей лодки. Вместе с тем он был помешан на том, что орехи оказывают благотворное влияние на состояние здоровья. Пил кофе только марки „Санка“ (без кофеина), вместо полноценного кофе, которым поддерживало бодрость большинство экипажа. Кроме того, он требовал, чтобы на лодке всегда был обильный запас колотых грецких орехов, и ел их после каждого приема пищи, потому что в них содержится много лецитина. У него была удивительная способность поднимать свои седые густые брови поочередно. И правая, и левая бровь могли по отдельности подниматься вверх. Этим он пользовался для более сильного выражения своих чувств. Когда кто-нибудь из членов экипажа на квалификационных экзаменах с трудом подыскивал ответ, одна из бровей командира начинала подниматься. А если ошибка в ответе была особенно глупой, то одна из его бровей буквально подпрыгивала вверх. Одного из молодых моряков это настолько шокировало, что при докладе, как только командир поднимал одну из своих бровей, тот начинал заикаться. Для экипажа эти брови были такими же незабываемыми, как мастерство, которое Балдерстон

продемонстрировал во время своего похода на лодке летом 1969 года, в результате которого за лодкой закрепилась кличка „Грозная Г“.

Лодку послали проследить за испытаниями новой советской крылатой ракеты от момента запуска и до падения. В отличие от баллистических ракет „Янки“, крылатые ракеты представляли меньшую угрозу территории США. Но это оружие могло уничтожить огромный американский авианосец с расстояния до 250 морских миль, а авианосцы все еще оставались одними из основных площадок для самолетов бомбардировщиков, совершавших рейды на Вьетнам. Подлодки типа „Эхо“, каждая вооруженная восемью крылатыми ракетами с обычными или ядерными боеголовками, были замечены в момент преследования американских авианосцев в Юго-Восточной Азии. Если Советский Союз будет непосредственно вовлечен в войну во Вьетнаме, то военно-морской разведке необходимо знать как можно больше об этих крылатых ракетах и подлодках, на которых они находятся. Задача Балдерстона заключалась в том, чтобы выяснить, сколько ракет подряд и за какое время может выпустить лодка, определить электронные импульсы, по которым можно установить траекторию их полета, а также перехватить переговоры, по которым можно выявить уязвимые места. Следовало также попытаться сделать фотоснимки запусков для того, чтобы аналитики в США смогли замерить пламя во время полета ракеты и рассчитать, какое ракетное топливо используется.

Балдерстон нагло провел лодку через советскую сеть гидрофонов прямо под корпусами группы советских надводных кораблей и одной подлодки, держась на глубине около 20 метров. Большую часть времени концы перехватывающих антенн и перископ касались волн. Объектив перископа был так близко к воде, что каждая третья волна накрывала его.

По-видимому, самым трудным было удерживать 4800-тонную „Тотог“ на заданной глубине, несмотря на то что она постоянно набирала воды и становилась тяжелее. Подлодки набирают воду частично для того, чтобы охлаждать свои реакторы, и помпы откачивают отработанную воду в океан. Но работающие помпы создавали бы слишком много шума, что было небезопасно вблизи советских кораблей. Поэтому один из вахтенных офицеров на горизонтальных рулях, Майкл Кой, был вынужден удерживать „Тотог“ на перископной глубине без помощи помп.

Это была нервотрепка, особенно для Коя, который служил на лодке всего три месяца. Балдерстон решил помочь Коя и прибегнул к старому приему подводников: приказал всему личному составу, свободному от вахты, собраться в носовой части, затем перейти в корму, около машинного отделения. В течение нескольких часов люди перемещались туда и обратно, создавая живой противовес, помогая удерживать нужную глубину.

„Тотог“ двое суток вела наблюдение, проследив за всем циклом испытаний от начала до конца. Балдерстон привез так много данных, что ВМС наградили его одной из высших наград – орденом „За заслуги“.

И вот летом 1970 года Балдерстон вел „Тотог“ в район Петропавловска. Он и его экипаж были уверены, что смогут выполнить любую задачу. Первой из

них была слежка за советской подлодкой типа „Эхо II“. Эта слежка могла оказаться очень важной для безопасности американских авианосцев у берегов Вьетнама.

На счастье, именно „Эхо II“ показалась на экранах гидролокатора, как только „Тотог“ вошла в советские воды. Советская подлодка шла на юг от Петропавловска, предоставлялась хорошая возможность проследить ее патрулирование с самого начала.

„Эхо“ была дизельной подлодкой, и казалось, что следить за ней не составит труда. Но ни одна слежка на деле не оказывается легкой. Полагаясь на пассивный гидролокатор, гидроакустикам „Тотога“ чаще доводилось „интерпретировать“ сигналы, чем получать изображение на дисплее.

Помогало то, что командир советской подлодки не предпринимал никаких мер предосторожности против слежки. Имея на хвосте „Тотог“, советская лодка, громыхая двигателями, совершала какой-то странный маневр, который американские подводники называли „подводным танцем казаков“. И советские, и американские подводники исполняют эти подводные танцы, состоящие из произвольных направлений движения, как бы выписывая восьмерку, совершают резкие повороты и изменения глубины с целью встряхнуть все предметы, чтобы убедиться, какой шум производит лодка и все ли правильно уложено и закреплено на своих местах. И невозможно угадать, какой приказ отдаст командир: повернуть направо, налево, вверх или вниз.

Способ слежки за подлодкой, то совершающей повороты в разные стороны, то меняющей глубину погружения, заключается в том, чтобы немного отстать от нее, чтобы легче проследить за ее движениями. Но „Тотог“ не отставала. И вот, после нескольких часов энергичного маневрирования советская подлодка начала идти обычным ходом. Балдерстон и другие старшие офицеры оставили на боевых постах своих заместителей. Командир спустился в свою каюту поспать. В прошлогоднем походе с целью наблюдения за испытаниями советских ракет он оставался в центральном посту почти 48 часов.

В этом походе на „Тотог“ находились два старшины гидроакустиков вместо одного. Но вышло так, что когда командир спал в своей каюте, в рубке гидролокатора не оказалось ни одного из старшин. Один был назначен вахтенным руководить рядовыми матросами в центральном посту, второй отдыхал после вахты. В результате в рубке гидролокатора оказался один молодой гидроакустик первого класса Линдсей.

До этого похода Линдсей стал известен тем, что оказался случайно сфотографирован с супругой президента США П. Никсон. Первая леди посещала раненых на войне во Вьетнаме в военном госпитале в Гонолулу. Линдсей находился в этом госпитале в результате аварии на своем скоростном мотоцикле, который он ласково называл „Бетси“. Когда первая леди подошла к его койке, никто не осмелился сказать ей, каким образом он получил ранение. Ее сфотографировали вместе с Линдсеем, и снимок был напечатан во многих газетах.

В результате аварии на мотоцикле одна нога Линдсея оказалась на 2,5 см короче другой. Из-за этого на подлодке „Тотог“ его прозвали „Полтора шага“.

Теперь он слушал шумы подлодки „Эхо“ и передавал информацию в центральный пост, где находился старший помощник командира, который выдерживал направление. Когда „Тотог“ проходила глубины 40–60 м на средней скорости 12–13 узлов, она почему-то опасно приближалась к „Эхо“. В конце концов старший помощник послал за командиром.

Балдерстон прибежал в центральный пост в банном халате и тапочках. Вахтенный офицер Ван Хофтен доложил обстановку. Один из старшин-гидроакустиков, Пол Уотерс, тем временем вернулся в рубку гидролокатора и, надев наушники, начал слушать шумы „Эхо“. Внезапно он пробормотал: „Сукин сын, он близко“. И помчался докладывать об опасном сближении командиру.

Балдерстон возвышался над невысоким старшиной, уставившись на него глазами из-под своих знаменитых бровей. Он сел на складной стул около перископа, давая понять, что вступил в командование.

Ван Хофтен, будучи вахтенным офицером, громким голосом отдавал приказание. При этом все понимали, что приказание идет от Балдерстона. Он больше не покинет центральный пост, не вернется на свою койку и даже не переоденет банный халат. Рядом с ним находился М. Кой, капитан сборной спортивной команды ВМС, по сути своей гражданский человек. Кой научился воздерживаться от заявлений, что не намерен оставаться в ВМС, а Балдерстон перестал расхваливать преимущества военной жизни. Кроме того, Кой исполнял на лодке обязанности по снабжению и доставлял озабоченному своим здоровьем командиру витамины, бескофеиновое кофе „Санка“ и достаточное количество грецких орехов, чтобы удовлетворить потребность его организма в лецитине.

Балдерстон начал внимательно разглядывать осциллоскоп. На его экране единственный желтый электронный изгиб представлял гидролокационное изображение советской лодки. Обычно экран высвечивает до десятка и более слабых изгибов – компьютерных изображений шумов, производимых отдаленными судами, земными массивами и даже китами. Но изображение „Эхо“ было большим, ярким и прыгало по экрану туда-сюда. Этому находилось только одно возможное объяснение: лодка очень близко, совсем рядом. „Вот она подходит... вот она уходит...“, – комментировал командир. Старший помощник стоял слева и изучал навигационную прокладку на карте. В гидролокационной рубке акустики продолжали следить за советской подлодкой. Мысленно они отсеивали мягкие ритмичные звуки ее гребного винта от завесы океанского шума в своих наушниках. Но ничто из того, что они слышали или видели на экране, не показывало глубины ее погружения. Они могли только слушать и гадать. Вот уже несколько минут расстояние между лодками находилось около отметки „ноль“. Акустик даже высказал предположение, что „Эхо“ поднялась почти на поверхность и может оказаться почти над „Тотог“. Затем ему показалось, что „Эхо“ вновь погружается.

Было бы легче, если бы „Тотог“ получила новое приспособление, предназначенное определять глубину погружения другой лодки путем измерения создаваемого ею возмущения в воде. Устройство состояло из

четырёх гидрофонов, которые предполагалось установить на рубочных рулях. Но на судовой верфи это сделать не успели, и лодка в нужный момент оказалась без ценного приспособления.

Изображение на осциллографе запрыгало снова, на сей раз лихорадочно. „Вот она, подходит...“, – начал фразу командир и не закончил. Изображение на осциллографе исчезло. В этот момент операторы гидролокатора потеряли все следы „Эха“. Никто не знал, ушла она вправо или влево. Она просто ушла.

Но вскоре советская подлодка дала о себе знать самым страшным образом. Эта 6000-тонная субмарина ударила сначала по верху рубочных рулей „Тотог“. Затем ее гребной винт проскрежетал по металлическому корпусу „Тотог“ с таким грохотом, что гидроакустики вынуждены были отключить свои наушники.

„Тотог“ резко накренилась на правый борт на 30 градусов, ее отбросило назад и вниз. Люди едва удержались на ногах. В центральном посту повсюду валялись чашки, карандаши, линейки и карты. В торпедном отсеке три человека, спавшие на торпедах, скатились с матрасов на палубу.

Один из моряков бросился к водонепроницаемой переборке и задрал дверь. Он даже не заглянул внутрь торпедного отсека, чтобы убедиться, нет ли там кого-нибудь. В соответствии с инструкциями, он обязан был, прежде всего, задрать именно эту дверь, ведущую в отсек, имеющий люки, ведущие за борт. Оказалось, что он запер там молодого торпедиста, прибывшего на лодку лишь за три месяца до ее выхода в этот поход, который перепугался не на шутку. Прошло несколько минут, прежде чем все убедились, что прочный корпус не пострадал, и перепуганного молодого моряка выпустили из торпедного отсека.

Офицеры, не занятые на вахте, бросились на свои боевые посты, предусмотренные на случай столкновения. Вахтенный офицер отдал свои последние распоряжения и передал вахту командиру. Балдерстон распорядился: „Тревожный сигнал о столкновении не давать“. Было уже слишком поздно соблюдать тишину с целью избежать обнаружения, равно как и не было необходимости объявлять по лодке о произошедшем столкновении. Тем не менее, в соответствии с распределением обязанностей, экипаж спокойно передал тревожное сообщение о столкновении друг другу, из одного отсека в другой. Таким же образом из отсека в отсек, в обратном порядке, доложили, что в отсеках разрушений не обнаружено.

Гидроакустики снова приступили к прослушиванию. То, что они слышали и что было записано на пленку, казалось, подтверждает худшее. Похоже, что один из гребных винтов советской лодки был оторван, и из-за отсутствия сопротивления воды турбина, вращающая гребной вал, пошла вразнос. Если это так и если ее прочный корпус пробит, то она затонет в океане, на глубине более 600 метров. У нее произойдет направленный внутрь взрыв, и никто не спасется.

Позже гидроакустики слышали в наушниках звуки, напоминающие запуск и шум работающего двигателя. Послышалось громкое хлопанье дверями, похожее на то, что на лодке задрывали водонепроницаемые переборки. Наконец, гидролокатор уловил какие-то хлопки, которые оператор

гидролокатора Линдсей интерпретировал, как треск разрушающейся стали.

После этого океан показался притихшим. Акустики пытались услышать что-либо, указывающее на то, что советская лодка удаляется или продувает балластные цистерны. Но всякие звуки просто прекратились.

Кто-то в гидролокационной рубке выключил магнитофон, на котором велась запись по принципу бесконечной петли. Если бы магнитофон оставался включенным, то запись столкновения через некоторое время оказалась бы стертой.

В глубоком напряжении операторы продолжали поиск, пытаясь найти хоть какой-нибудь признак того, что советская лодка спаслась. Тишина в наушниках могла означать лишь одно: 99 подводников беспомощно тонут в запредельную глубину. Теперь уже не имело особого значения, что это были советские люди.

Через несколько минут Балдерстон приказал быстро уходить. Не было даже мысли всплыть или подняться на перископную глубину. Фактически это был трусливый подводный побег с места происшествия. Экипаж „Тотог“ не собирался предпринимать поиска оставшихся в живых людей и обломков, что обычно делается в морской практике при столкновениях. Основное указание Балдерстону было избегать дальнейших встреч с советскими кораблями.

„Тотог“ шла на восток со скоростью 12 узлов, с креном в 10 градусов на правый борт. Каждый раз, когда Балдерстон прибавлял скорость, его лодка кренилась еще больше. Одна за другой стальные плиты, приваренные к рубке, отрывались водой. Каждая из них падала на корпус лодки со страшным грохотом.

Вода проникала в центральный пост через пробоину, сделанную гребным винтом советской подлодки. Но пройдет много часов, прежде чем „Тотог“ всплывет и небольшая группа офицеров под покровом темноты сможет тщательно осмотреть внешние повреждения.

Подводники в спешке пытались избавиться от свидетельств катастрофы. Командир и старшие офицеры собрались в кают-компани, чтобы обсудить, что произошло. Там их приветствовал Скот Лейдиг, один из „спуков“, прикомандированных к „Тотог“. Он был морским пехотинцем, которого командировала военно-морская контрразведка, поскольку он свободно владел русским языком. Зная, что ничем не мог помочь во время столкновения, и чтобы никому не мешать, он устроился в кают-компани и там ждал развязки этого происшествия. Лейдиг был ветераном войны во Вьетнаме, на „Тотог“ его знали как интересного рассказчика. Показалось, что командир и Лейдиг заранее сговорились отвлечь офицеров от тяжелых воспоминаний о происшествии. Балдерстон спросил Лейдига, испытывал ли он когда-нибудь настоящий страх? Лейдиг, похоже, намек понял и начал ужасный рассказ о том времени, когда он командовал взводом во Вьетнаме. Ему пришлось вести взвод, чтобы уничтожить снайпера, замаскировавшегося на рисовом поле. Внезапно взвод оказался под огнем другого снайпера. Единственным укрытием, куда бросился Лейдиг, было небольшое дерево. Как только он приземлился за деревом, автоматная очередь срезала ему рюкзак со спины.

Офицеры внимательно слушали Лейдига, а их руки все еще подрагивали.

По ходу рассказа у них стали появляться мысли о том, что, пожалуй, Лейдигу пришлось пережить больше, чем им.

Затем в течение двух часов командир и старшие офицеры пытались совместно восстановить детали инцидента и пришли к единому заключению, что „Тотог“ должна была бы идти на другой глубине. Никто не говорил о том, что могло случиться с советской подлодкой и ее экипажем.

Впервые офицеры видели Балдерстона почти застенчивым. Лишь один раз он тряхнул головой и промолвил: „Вы должны обращать внимание на то, на что нужно обращать внимание – безопасность корабля, безопасность экипажа, и, конечно, избегать опознания...“

Балдерстон не закончил фразу. Но и не было нужды заканчивать ее. Офицеры поняли, что он имел в виду. Позже он скажет то, о чем все думали в течение нескольких часов до тех пор, пока „Тотог“ не всплывет и его офицеры не оценят повреждения, а он сам не убедится, что его лодка сможет вернуться в Перл-Харбор. „Ну вот, так идет моя карьера, – наконец скажет он и добавит: – Я теперь могу забыть о звездах“. Он потерял все шансы стать адмиралом.

Когда они были в 150–200 милях от Советского Союза, Балдерстон приказал всплыть. Несколько офицеров выбрались через носовой люк в темноту ночи. Они не могли выйти обычным путем, через центральный пост и ходовую рубку. Люк, ведущий в ходовую рубку, был проломан, а ходовая рубка залита водой.

Когда офицеры вышли на палубу, то увидели, что рубочный руль выгнут назад, возможно на одну треть или больше. Как будто это массивное сооружение было сделано из картона. Кусок гребного винта советской лодки врезался в крышку верхнего люка ходовой рубки. Один из перископов оказался безнадежно погнут. Большинство антенн электронных мачт загнулись внутрь и были бесполезны. Послать сообщение домой представляло большие трудности, но было необходимо доложить командованию ВМС на Тихом океане о происшествии.

Экипаж соорудил временную антенну из провода, натянутого над верхней палубой лодки. Через некоторое время удалось передать короткое сообщение о том, что имело место серьезное столкновение с советской подлодкой и „Тотог“ прекращает операцию за два месяца до срока.

В ответ последовало указание: „Тотог“ идти вдали от ближайших портов прямо в Перл-Харбор». Чуть позже последовало уточнение: «Лодке не входить в Перл-Харбор до наступления полной темноты, заходить в порт с выключенными ходовыми огнями, при полном затемнении».

По пути домой Балдерстон собирал экипаж посменно и предупреждал всех, что ведение разговоров о столкновении запрещено где бы то ни было, кроме официальной комиссии по расследованию.

Прибытие «Тотог» в Перл-Харбор датировано в вахтенном журнале 1 июля. Ее завели в сухой док судовой верфи, и рубочные рули были задрапированы огромным покрывалом. Никто без специального разрешения не имел права осматривать повреждения, даже экипаж. Экипаж задержали на борту еще на 24 часа, до тех пор, пока повреждения не были надежно закрыты и каждый член

экипажа не подписал обещание о сохранении происшествия в тайне. Один из моряков намеревался сохранить осколок корпуса советской лодки в качестве сувенира, запрятав его в свой рундучок на борту «Тотог». Через несколько месяцев это вскрылось, и контрразведчики настояли на том, чтобы он передал им этот осколок.

Контр-адмирал В. Смолл, командующий подводными силами на Тихом океане, встретил «Тотог» на пирсе и был одним из первых, узнавших детали происшествия. Кроме него о случившемся было доложено адмиралу Муреру, бывшему командующему ВМС на северной Атлантике, впоследствии назначенному председателем объединенного комитета начальников штабов. Либо Мурер, либо кто-то другой из верхнего эшелона разведки в Пентагоне доложил эту печальную весть министру обороны М. Лэйрду. Все докладывалось только устно. Никто не хотел оставлять следов на бумаге.

Лэйрд лично доложил президенту Никсону о том, что произошло столкновение и советская подводная лодка, похоже, затонула. Лэйрд сейчас припоминает, что реакция Никсона была не совсем понятной.

Было ясно, что США не намерены сообщать Советскому Союзу о том, что, как полагали официальные лица, в 50 милях от полуострова Камчатка существует безвестная подводная могила. Учитывая особую секретность, которая окружала все операции подводных лодок, само собой разумелось, что Белый дом не собирался сообщать о столкновении двух атомных подлодок с ядерным вооружением, причем в один из самых напряженных моментов в отношениях между США и Советским Союзом. Кроме того, у Советского Союза за последнее время было так много происшествий на море, что Никсон и его советники решили, что Советский Союз, по-видимому, возложит вину за гибель очередной лодки на свою несчастную отсталую технологию.

Была создана комиссия по расследованию, хотя все, связанные с инцидентом, были уверены, что советская лодка погибла. Действительно, Смолл, Мурер и Лэйрд теперь говорят, что они точно помнят, что им докладывали о гибели советской подлодки типа «Эхо». Другие бывшие старшие офицеры ВМС, включая и того, кто слышал магнитофонную запись гидролокатора, говорят, что заключения о гибели советской лодки основывались главным образом на устрашающих звуках, записанных на пленку. Но должностные лица из ВМС заявляют, что без убедительных доказательств официальное заявление о том, что советская подлодка затонула, не может быть занесено в документы ВМС США.

Вскоре после столкновения Дж. Бредли срочно прибыл в Перл-Харбор, чтобы попытаться точно установить причину этого происшествия. В лучшем случае можно было предположить, что командир советской подлодки совершил неожиданный, неосторожный и гибельный маневр. Но такое предположение сразу же породило встречный вопрос, и Бредли стало ясно, что командирам американских подлодок необходимо видоизменять свою тактику. Из случившегося можно было сделать четкий вывод о том, что слишком велика опасность удара в борт на большой скорости. Если такое случится, то обе лодки неминуемо могут погибнуть.

Поэтому Бредли ввел новые правила ведения слежки, в которых официально закрепились приемы, разработанные и проверенные на практике «Белесым Маком». Подлодки должны вести слежку, держась либо немного правее, либо немного левее преследуемой лодки. Это даст американским лодкам более широкие возможности для маневрирования в экстренных случаях и, кроме того, позволит по-прежнему прятаться в шумах кильватерной струи преследуемой лодки. Было добавлено еще одно правило, противоречившее приемам Мака, – лодки должны вести слежку с более безопасных дистанций.

Бредли не винил Балдерстона в инциденте. И Балдерстон, которому был запланирован перевод с «Тотог», вступил в командование дивизионом из четырех подлодок, в число которых входила и «Тотог». Но он оказался прав в отношении получения им адмиральского звания. Этого так и не произошло. Он ушел в отставку через семь лет и стал баптистским священником. Его сердце, ослабленное еще в детстве ревматизмом, не выдержало, и он умер в 1984 году. Он никогда не говорил ни своей жене, ни детям о том столкновении.

Молчание Балдерстона было типичным. Связанные обязательствами соблюдения секретности, подводники не могли искать эмоционального утешения, которое получают в большинстве случаев мужчины от своих жен и детей в случаях неприятностей по работе. Его вдова Ирен Балдерстон говорит:

«Не в его натуре было что-либо рассказывать. А я даже и не мечтала спрашивать его или совать нос в его дела».

Пожалуй, единственные разговоры об инциденте велись среди членов экипажа «Тотог». Рассказывали о нем вновь прибывающим на лодку. Подводники шепотом говорили друг другу о том, почему у лодки изогнутый рубочный руль, и одна группа акустиков передавала другой припрятанную запрещенную магнитофонную ленту с записью звуков с гидролокатора во время столкновения. За пределами же лодки эта пленка прокручивалась в школе гидроакустиков, в качестве анонимного примера шумов тонущей советской подводной лодки. Затем через двадцать лет судьба советской подлодки типа «Эхо II» неожиданно стала предметом обсуждения.

Уже после распада Советского Союза Борис Багдасарян, бывший командир советской подлодки, выступил с заявлением, что именно он командовал той подлодкой, которая столкнулась с «Тотог», и что он жив и здоров. А поскольку и в Советском Союзе, и в США было очень мало людей, которые знали, что их правительства длительное время скрывали ужасный инцидент, его сообщение привлекло мало внимания. Но рассказанная Багдасаряном история подтверждается высокопоставленными представителями советских ВМС, и его повествование совпадает со многими подробностями, предоставленными членами экипажа «Тотог». Хотя имеются и несколько расхождений. Сидя в своей московской квартире с сигаретой в руке, Багдасарян, с поседевшими волосами, худощавого телосложения, производил впечатление скорее стареющего профессора, чем командира подлодки. Но он был командиром подлодки более десяти лет до того, как вывел подводную лодку (бортовой номер К-108) в трехсуточный учебный поход в июне 1970 года.

Багдасарян участвовал в экспериментах на советских дизельных

подлодках, в том числе на той, которую американцы называли типа «Виски». Он вел ее в подводном положении в течение 30 суток, несмотря на дефекты в ее конструкции, в результате чего часть выхлопных газов засасывалась обратно в лодку через шнорхель. К концу месяца экипаж был настолько отравлен, что руки и ноги у моряков распухали. В Советском Союзе, по словам Багдасаряна, после этого похода в воспитательных целях говорили о высоких моральных качествах советских моряков. Но так высказывались политработники, с которыми офицер-подводник не раз конфликтовал.

Не боялся Багдасарян и американцев. По его словам, однажды он «атаковал» американский линкор «Нью Джерси», открыто преследуя его на пути в Тонкинский залив, и если бы у него был приказ, то утопил бы линкор. Он также заходил в американские воды, чтобы попытаться проследить за американской подлодкой с баллистическими ракетами, когда она покидала Гуам, затем составил фальшивый доклад о патрулировании, как это делали некоторые американские командиры подлодок. Ему не удавалось следить за американской лодкой более 18 часов (просто мелочь по сравнению с подвигом «Белесого Мака»), но этого было достаточно, чтобы заслужить репутацию одного из самых смелых командиров на советском флоте.

При этом он всегда оставался суеверным и боялся катастрофы. Однажды он предпочел задержаться с выходом, чем выйти в море без счастливого для экипажа талисмана, крысы Машки. Чтобы выиграть необходимое время, он сказал адмиралу, что в холодильнике лодки слишком много мяса, датированного 1939 годом. «Побег крысы с корабля – хорошо известный признак беды, – говорит Багдасарян. – Вот почему нужно было задержать наш выход в море». Однако на борту «К-108» так и не оказалось счастливого талисмана в тот зловещий день. Возможно, ей нужно было бы иметь его.

Багдасарян говорит, что «К-108» совершала учебный поход, маневрировала, выполняя циркуляции с изменением глубины погружения. Очень похоже на то, что и предполагал экипаж «Тотог». Рано утром 24 июня его лодка совершала циркуляцию на глубине 40 метров с постоянной скоростью 5 узлов.

Подлодка поднялась на перископную глубину, чтобы принять сообщение с берега. Затем снова ушла на глубину 40 метров и начала поворот на 90 градусов вправо. Идея заключалась в том, чтобы провести тренировку на проверку звуков в районе, который экранировался шумами, создаваемыми собственными винтами. (Американцы так и предполагали.)

Как рассказывает Багдасарян, его акустики вскоре услышали звук, который они приняли не за американскую подлодку, а за имитатор шумов подлодки-приспособления, похожей на торпеду и создающей такие же звуки, как и подлодка, ведущая слежку. Через четыре минуты акустики потеряли контакт. А через две минуты раздался грохот...

Что происходило затем в советской лодке, было похоже на то, что, по словам американских подводников, они вообразили себе. Палуба «К-108» стала наклоняться вперед сначала на 20 градусов, затем на 30 градусов. Лодка стала выходить из-под контроля.

«Под нами была глубина 2500 метров, – уточняет Багдасарян, – я объявил аварийную тревогу, приказал продуть носовую часть главной балластной цистерны. Никаких изменений. Стали продувать всю главную балластную цистерну. Снова бесполезно, лодка продолжала тонуть. Дал команду задрать водонепроницаемые переборки. В ответ – тишина. Экипаж, по-видимому, был в шоке».

«Сказать по правде, я начал сомневаться в тот момент в возможности успешного всплытия», – говорит Багдасарян. Он закричал на своих опешивших подчиненных. Наконец, стали поступать доклады: «Я слышу, шум воздуха стихает», – доложил гидроакустик.

К тому моменту командир понял, что произошло столкновение с другой подлодкой. Уменьшение шума воздуха могло означать, что другая лодка тонула рядом с советской или, возможно, всплывает.

Старший механик Володя Дыбский приполз в центральный пост буквально на животе, подтягиваясь руками. Его ноги были парализованы. Он продолжал лежать отдавать распоряжения. Между тем «К-108» продолжала тонуть уже семь минут. Багдасарян прокричал, как ему казалось, свое последнее распоряжение: «Задний ход».

Это был шаг отчаяния. Если экипажу удастся произвести переключение двигателей на задний ход, то подлодка сможет вытащить себя на поверхность. Но при этом он знал, что при таком крутом снижении реверсивная муфта может и не сработать.

«К-108» начала вибрировать. Внутри лодки стрелка глубомера задрожала, затем остановилась на отметке 70 метров, потом стала двигаться вверх до 50 и 25 метров. С глубины 25 метров она летела к поверхности, как пробка из бутылки шампанского.

Как только «К-108» всплыла на поверхность, открыли люк и увидели сияющее солнце. Осмотрели весь горизонт, но ни одного корабля не увидели и подумали, что произошло худшее с американской лодкой. «Я на секунду задумался: утопили братьев подводников, – говорит Багдасарян, – тяжело было это осознавать».

В то время, когда советские подводники сообщали об инциденте своему командованию, удалось поймать звук уходящей подлодки. Ею и была «Тотог», уходящая с места происшествия со скоростью 15 узлов.

Багдасарян говорит, что «К-108» доковыляла до порта с одним работающим винтом. Вал ее правого винта был безнадежно погнут, в легком корпусе зияла большая дыра. Треск разрушения легкого корпуса, по-видимому, и был записан в гидролокаторной рубке «Тотог». Но у «К-108» был второй прочный корпус. Американские подводники шутили, что советские подлодки строятся с двумя прочными корпусами потому, что их металлургия была советской металлургией. Но, очевидно, второй слой стального корпуса сдержал напор океанской воды и защитил экипаж «К-108».

«Дыра в легком корпусе была настолько большой, что в нее мог въехать троллейбус со своими штангами, – припоминает Багдасарян. – По правде говоря, если бы „Тотог“ ударила нас на несколько метров ближе к середине, мы

были бы очень несчастными. Скорость американской лодки была довольно большой, и она несомненно пробила бы и легкий, и прочный корпус нашей лодки».

Багдасарян полагает, что пространство между легким и прочным корпусом было набито осколками «Тотог». Он говорит, что был уверен в том, что ударом снесло всю ходовую рубку американской лодки. Подобно моряку с «Тотог», который попытался придержать у себя осколки «К-108», члены экипажа советской лодки попытались сохранить для себя осколки американской лодки, но куски стали «марки НУ-80» были конфискованы КГБ. Только Багдасарян отказался отдать и сохранил кусок в качестве сувенира.

Рассказ Багдасаряна немного расходится с повествованием, изложенным экипажем «Тотог». Он настаивает на том, что американская лодка врезалась в «К-108», а не наоборот. Заявляет, что советская лодка следила за «Тотог», следовавшей в Японию. Он также говорит, что, по данным советских разведывательных источников, оказавшись в Японии, «Тотог» проходила там длительный капитальный ремонт. Но «Тотог» никогда не заходила в Японию, а пошла прямо в Перл-Харбор.

Когда Багдасарян вернулся на базу, его вызвали на парткомиссию. Свалили на него вину за аварию. Занесли строгий выговор в учетную карточку. Это означало, что ему не разрешат поступить на учебу в военно-морскую академию. Его лодка прошла капитальный ремонт. Затем ее экипаж отправили на два с половиной месяца вести патрулирование в районе Сан-Франциско. «Эта боевая служба означала, – говорит Багдасарян, – искупить свою вину за неудачу или смыть кровью ошибку».

После этого столкновения среди советских подводников стала ходить новая шутка: «Американская атомная подлодка столкнулась с айсбергом в океане. Экипаж айсберга не пострадал».

Через шесть месяцев начальство Багдасаряна сняло с него взыскание. Каким-то образом оно долгие годы оставалось не снятым в его партийных документах, а затем уже и сам Багдасарян пожелал сохранить это пятно. На память. Как он сам рассказал, трудно будет найти еще одного коммуниста, в учетной карточке которого записано: «Строгий выговор за столкновение с американской атомной лодкой в подводном положении».

По ходу своего рассказа Багдасарян сделал паузу и поинтересовался, нельзя ли встретиться с командиром той американской лодки, чтобы посидеть, выпить и подумать вместе, как избежать подобных столкновений в будущем. Когда ему сказали, что тот американец давно умер, боевой советский командир помрачнел. «Жаль, – сказал он. – Я полагаю, этот инцидент не прошел для него бесследно».

Глава 8

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Это было в четвертом часу ночи, когда Пентагон казался почти вымершим.

Только через несколько часов начнет он свою деятельность, когда солнце станет припекать асфальтобетонный ров, окружающий почти 14 гектаров земли, отведенной под это здание.

Джеймс Бредли сидел в своем кабинете, на четвертом этаже кольца «Е» Пентагона за тремя парами закрытых на замок дверей. Никого из его сотрудников в анфиладе соседних кабинетов не было. Вторая половина 1970 года, шел уже четвертый год его пребывания в должности начальника отдела подводной войны управления разведки ВМС США. Именно в эти часы раннего утра он мог немного вздремнуть, погрузившись в тишину своего кабинета.

Джеймса обуревали мысли, граничившие с фантастикой, – планы новых миссий для подводной лодки «Халибат». Они должны потрясти разведывательное сообщество даже больше, чем фотографии утонувшей советской подлодки, так поразившие президента Никсона и, к несчастью, воображение ЦРУ.

Бредли собирался послать «Халибат» в самую середину моря, которое Советский Союз считал своим внутренним морем, с задачей захватить самую желанную для американской разведки добычу. Закрывая на мгновение глаза, он почти представлял себе эту добычу: подводный телефонный кабель, пучок проводов общим диаметром около 5 дюймов.

Но что это за пучок проводов! Бредли представил себе кабель, который проходит от Петропавловска, базы советских атомных подлодок, по дну Охотского моря, затем соединяется с наземными кабелями, идущими в штаб Тихоокеанского флота во Владивостоке и далее в Москву.

Если бы «рыба» с подлодки «Халибат» с ее камерами смогла найти этот кабель, если бы экипажу удалось организовать подслушивание телефонных разговоров, идущих по нему, то США вторглись бы в самые сокровенные советские секреты. Тогда можно было бы слушать о планах и разочарованиях советских лидеров, то есть получать разведывательные данные, несравнимые с данными от любого шпиона или даже от новейших спутников-шпионов, летающих над Кремлем.

Бредли почти слышал слова, текущие по этой линии связи: технический анализ без пропагандистского налета; проблемы советских подлодок – информация, которая облегчит проведение слежки за ними; тактические планы патрулирования, которые приводят советские подлодки с их ракетами к берегам США. Если его задумки верны, то американцам удастся украсть даже советские оценки испытательных полетов межконтинентальных баллистических ракет и ракет морского базирования, которые падали на полуостров Камчатка и в северную часть Тихого океана. Может быть, кабель даст возможность проникнуть и в замыслы советского командования.

Конечно, советская сторона будет рассматривать вторжение «Халибат» в Охотское море как пиратский акт. Если ее обнаружат, то скорее всего возьмут на бордаж или даже уничтожат, учинив международный скандал, который может положить конец хрупкому движению к разрядке.

Существовало еще одно большое препятствие. У Бредли не было доказательств, что этот кабель вообще существует. Даже если бы он и

существовал, то где его искать на дне акватории Охотского моря общей площадью 611 тысяч квадратных миль?! Бредли и сам видел несерьезность своей затеи. Как представить эту идею руководящим кадрам Белого дома, министерства обороны, разведки, Государственного департамента, от которых зависит дать санкцию на такую опасную операцию? Как им объяснишь, что лишь на основании своей интуиции он собирался послать «Халибат» на поиски этого призрачного кабеля?

Но Бредли считал, что это была довольно основательная интуиция. После многих лет наблюдения за Советским Союзом американская разведка знала, что руководящий состав советского Министерства обороны настоятельно требовал постоянных докладов от своих подчиненных на местах. Советские военные тщательно кодировали большинство информации, посылаемой по воздуху, чтобы воспрепятствовать перехвату. Если предположения Бредли правильны, советские адмиралы и генералы должны быть слишком властными и раздражительными, чтобы терпеть множество шифровальщиков, и без того перегруженных огромным объемом работы. Они, конечно, хотели бы иметь и настаивали на том, чтобы иметь прямые и простые способы связи, а единственным простым и безопасным способом были телефонные переговоры по системам армированных кабелей.

Любая телефонная линия, установленная между материком и базой подлодок в Петропавловске, должна была проходить по дну Охотского моря. В конце концов, Петропавловск был небольшим одиноким портом на Камчатке, изолированным от Большой земли Охотским морем. Само Охотское море было почти пустынным, за исключением нескольких рыболовных траулеров и изредка появляющихся подлодок, производивших испытания ракет. Советская сторона должна была считать это море безопасным для себя, полагая его закрытым с одной стороны изгибом Камчатки, а с другой – восточным побережьем материка, подобно тому, как Чесапикский залив плотно облегается восточным побережьем США. Проход подлодок противника или его надводных кораблей возможен здесь только через узкие мелководные проливы между советскими Курильскими островами. По тревоге эти проливы могли быть легко перекрыты.

Но даже если кабель и проходил там, то где именно? Где на этом огромном морском пространстве лежит кабель, толщина которого могла быть всего около 12 см?

Бредли выбросил из ума все карты, отбросил официальные оценки, советские памятные записки и брифинги, которые в Вашингтоне так отвлекают разведку от работы. Он закрыл глаза, забыл на время о делах насущных и в его голове пронеслись воспоминания детских лет. Мама как-то брала его с собой на прогулку по Миссисипи на речном пароходе. Юный Джеймс долгие часы проводил в рулевой рубке, разглядывая разные знаки, стоявшие на берегу реки. На большинстве знаков указывались расстояния до ближайших пристаней и названия местности. Но было несколько знаков, на которых было написано: «Проходит кабель. Не бросать якорей». Мальчику объяснили, что эти знаки предназначены для того, чтобы какой-нибудь идиот не бросил в том месте

якорь и не порвал бы телефонный или другой кабель, лежащий на дне реки.

Бредли открыл глаза, и внезапно его осенила мысль: если такие знаки развешивали на берегу Миссисипи, так почему бы им не быть на побережье Охотского моря? Вот как можно спланировать одну из самых рискованных операций по телефонному пиратству в холодной войне. Именно знаки, расставленные где-то на безлюдных советских берегах, гласящие: «Внимание! Здесь проходит кабель» будут указывать «Халибат» направление на источник информации.

Это был необычный для Вашингтона способ разработки разведывательной операции. Но воображение у Бредли всегда было богатым, иногда даже слишком богатым для военных людей, большинство из которых в своих действиях привыкло лишь к беспрекословному подчинению. Он же мечтал о возможности вести подслушивание подводных линий связи почти с того момента, когда получил подлодку «Халибат» под свой контроль. Бредли со своими подчиненными провел много времени, обсуждая возможности «Халибат» в отношении мистических подводных линий связи. Они просмотрели множество карт и пришли к выводу, что наиболее перспективными в этом смысле районами являются три. Это советские военно-морские базы, отделенные от Москвы многими милями водного пространства, Балтийское, Охотское и Баренцево моря.

Из них Охотское море являло собой наиболее неприглядную картину. Покрытое слоем льда в течение девяти месяцев в году, оно было таким же мрачным и холодным, как Петропавловск, где атомные подлодки и арсеналы ракет были упрятаны среди построенных еще в прошлом веке обветшалых зданий. Советские военно-морские офицеры жили в однообразных дешевых железобетонных домах, среди убежищ гражданской обороны и приемников радиолокаторов. Чем больше Бредли размышлял об Охотском море и базе подлодок на Камчатке, тем больше убеждался, что «Халибат» предназначена идти именно туда. Но за все четыре года его руководства операциями подлодки «Халибат» еще не были разработаны безопасные способы, позволяющие ее экипажу покинуть лодку на глубине 100–130 метров и ходить по дну, чтобы добраться до кабеля и наладить подслушивание. Бредли пришлось ожидать, когда уровень развития техники будет соответствовать требованиям его воображения, и, наконец, это произошло.

Паника после гибели подлодки «Трешер» заставила ВМС вложить большие деньги в глубоководные исследования. Это привело к переоборудованию «Халибат», выработке новой программы подготовки водолазов, в том числе глубоководников. Давний друг Бредли, Джон Крейвен, длительное время руководил этими работами, вплоть до своей отставки из ВМС. Под руководством Крейвена возможности водолазов работать на больших глубинах расширились невиданными темпами.

Проблема заключалась в преодолении страха. Дело в том, что воздух, столь благодатный на поверхности, может убить водолаза на глубине. На стометровой глубине воздух сжимается настолько, что в легких человека будет содержаться в десять раз больше кислорода и азота, чем в том же объеме на

поверхности. В таких объемах кислород становится токсичным, а азот приобретает свойства наркоза. Специально тренированные водолазы ВМС и ученые экспериментировали с рецептами нового состава атмосферы для водолазов на глубине, в которой большую часть кислорода и весь азот замещали гелием, который, как известно, не токсичен. При подъеме водолаза из глубины можно изменить пропорции газов, чтобы удовлетворять увеличивающуюся потребность организма в кислороде на меньшей глубине. После проведения опытов над животными этот способ был испытан в условиях подводной лаборатории (Sea Lab). В помещенной на глубину 60 метров лаборатории жизнь оказалась неудобной и опасной. Во время одного из испытаний произошла авария на трубопроводе. Лаборатория накренилась, но находившиеся в ней водолазы выжили, пользуясь новой воздушной смесью.

Все шло хорошо, пока в одной из подводных лабораторий не произошла утечка воздуха, в результате чего погиб водолаз, производивший там ремонт. Это была не та реклама, в которой нуждались ВМС после гибели «Трешер». И программа «Sea Lab» была бесцеремонно прекращена. Со стороны казалось, будто ВМС прекратили все работы в этом направлении. На самом же деле научно-исследовательская работа потихоньку продолжалась. Бредли и Крейвен подготовили для использования водолазами «Халибат» новую воздушную смесь и новые приемы насыщения атмосферы в процессе погружения.

«Халибат» в то время находилась на судовой верфи Маре-Айленд, около Сан-Франциско. В нее монтировали передвижную модель подводной лаборатории – компрессионную камеру, в которой водолазы будут акклиматизироваться к давлению воды, если им будет предстоять прогулка по морскому дну с целью подслушивания советского подводного кабеля. Но до этого «Халибат» должна поплавать над дном Охотского моря. Бредли нужны были соответствующие средства и политическая поддержка, необходимые для такой экспедиции.

Отдел Бредли все еще был своеобразной расчетной палатой для всех шпионских подводных операций. Он и его офицеры собирали заявки от руководящего состава Агентства национальной безопасности, Пентагона и Белого дома. Бредли имел право решать, проведение каких операций будет способствовать выполнению этих заявок: слежение за советскими подлодками, наблюдение за испытаниями ракет, перехват электронных сигналов... (Некоторые из этих операций были так же далеки от обычных разведывательных операций, как и воображение Бредли о подводном кабеле, и не все они увенчались успехом. В начале 1970-х годов группа подлодок была направлена в Сицилийский пролив расследовать то, что, по мнению американской разведки, было советской попыткой установить подводную систему, подобную американской системе подводных гидрофонов. Причем советская система казалась более сложной, чем те гидролокационные буи, которые британские корабли расстреляли за несколько лет до этого. Сначала была послана подлодка «Таллиби» (бортовой номер SSN-597), которая и нашла подозрительный кабель, подвешенный высоко над дном. Затем туда послали подлодку «Лейкон» с задачей зацепить этот кабель, но попытка оказалась безуспешной. После этого послали подлодку «Си Хорс» (бортовой номер SSN-

669) и мини-подлодку РикOVERA NR-1. «Си Хорс» с помощью своего гидролокатора наблюдала кабель и направляла к нему экипаж мини-подлодки, состоявший из двух человек. Пожалуй, это была первая операция мини-подлодки. Наконец, мини-подлодка подошла достаточно близко и выяснила, что предмет, который принимали за советскую подводную систему, на самом деле оказался итальянским телефонным кабелем, затонувшим еще в годы Второй мировой войны.)

После этого Бредли предстояло «продать» эти операции командующим флотами, за которыми все еще оставалось последнее слово, посылать или не посылать подлодки. И если посылать, то куда. Бредли уже десятки раз летал то в Перл-Харбор, то в Норфолк, то в Йокосуки (Япония) для инструктажа командиров и принятия от них докладов по возвращении из операций. И он заслужил их уважение и доверие. Более того, сама смелость операции по подслушиванию кабеля окажется скорее всего привлекательной для этих людей.

А вот согласование этого вопроса в Вашингтоне требовало больше усилий. Бредли знал, как добиться уважения в этом столичном городе, где информация считается валютой и распространяется по аморфному принципу: «только та, которая необходима для исполнения прямых служебных обязанностей». В этом городе ваш вес в обществе оценивается вашей возможностью доступа к информации. И Бредли успешно пользовался этим, предлагая доступ к информации в обмен на одобрение своего проекта, подавая факты в обрамлении туманных романтических чудес подводного мира.

Идея Бредли о поисках советского кабеля выглядела привлекательно. Если этот кабель действительно существует, то обнаружение его и перехват информации дадут его отделу выход на очень высокий уровень и такое финансирование, которое не могла бы принести ни одна из задуманных ранее операций. Бредли начал уже подсчитывать свой успех в долларах.

Пока его программа имела деньги, у него и власти было больше, чем у любого другого капитана первого ранга. Он докладывал о своих делах только контр-адмиралу Харлфингеру, начальнику военно-морской разведки, и через него адмиралу Зумвольту, начальнику военно-морских операций. И тем не менее Бредли оставался капитаном первого ранга в Вашингтоне, где полно адмиралов, и простым офицером разведки в столичном городе, где старшие «спуки» докладывают лично президенту США. Немало адмиралов возмущалось тем, что Бредли не посвящает их в свои секреты. Один чин, особо влиятельный в Пентагоне, настаивал, чтобы лично он утверждал каждую операцию, связанную с отправкой в море шпионской подлодки. Бредли посчитал невозможным выполнять эту директиву. «Вы отдали мне приказ, который является незаконным, – заявил он, когда встретился с раздраженным адмиралом. И затем добавил: – Между прочим, я работаю не на вас».

Адмирал очень долго смотрел на Бредли расширенными глазами и, наконец, произнес: «Ну хорошо. На этот раз тебе это сошло. Но я скажу тебе, Бредли, одну вещь. Ты никогда не станешь адмиралом». «Ну что ж, быть по сему», – ответил на это Бредли. А потом с солдатской четкостью повернулся

кругом и ушел.

Бредли больше всего волновала борьба с ЦРУ за право контролировать «Халибат». Это ведомство уже захватило себе руководство всеми операциями, связанными с затонувшей советской подлодкой типа «Гольф», и все еще ожидало, когда Ховард Хьюз закончит строительство монолитного спасательного судна, чтобы попытаться вытащить эту подводную лодку из ее океанской могилы. Большая часть этой работы осуществлялась через отдел национальной подводной разведки, совсекретный военно-морской отдел, находящийся под руководством ЦРУ. Хуже того, ЦРУ с дьявольским упорством передавало новости о лучших операциях подводных лодок, при этом присваивая себе их заслуги.

Когда все эти операции были всецело под контролем Бредли, лишь несколько высших государственных деятелей в Вашингтоне знали, что Советский Союз потерял подводную лодку, а «Халибат» нашла ее. Теперь же он видел, как офицеры ЦРУ, прикомандированные к национальной подводной разведке, свободно раздают разрешения на публикацию. Фотографии операции «Бархатный кулак», возможности подлодки «Халибат», а также другие шпионские операции быстро становились главным аттракционом в цирке, в котором иметь билет на шоу было более важным, чем само представление, а демонстрация наклеек с различными грифами секретности делала зрелище чрезвычайно привлекательным.

В каждом брифинге Бредли усматривал потенциальную возможность утечки информации. Он хотел быть единственным, кто докладывает советнику президента США Генри Киссинджеру или его первому заместителю, генералу А. Хейгу, и то только в соответствующее время. Бредли усиленно стремился получить доступ к этим двум весьма влиятельным людям. Он исходил из своих представлений о том, что в соперничестве с коллегами Киссинджер является наиболее информированным человеком, который контролирует все, что касается внешней политики, а также секретных мероприятий, затрагивающих внешнюю политику. Бредли знал, что Киссинджер сам отбирает то, что лично будет представлять Никсону. Пока операции Бредли приносят ключевую разведывательную информацию, доступ к Киссинджеру и Хейгу ему открыт. Это стало ясно, когда в прошлый раз он ходил докладывать Киссинджеру о перспективах использования подлодки «Халибат».

Киссинджер опоздал тогда на полчаса. Он вошел в кабинет, сел в кресло, откинулся, положил одну ногу на стол перед собой, а вторую вытянул в направлении Бредли. «Ну, хорошо, – сказал он с явным немецким акцентом. – У вас 10 минут. Начинайте доклад».

Бредли знал, что лучше не съезживаться от страха. И спокойно произнес: «Доктор Киссинджер, я не могу сделать это за 10 минут. Если у вас в распоряжении всего 10 минут, то мне придется уйти и вернуться в другой раз. Потому что за 10 минут мы только потеряем ваше и мое время».

«Ну, ну. Вы начинайте, а я скажу, когда остановиться».

Они проговорили более 45 минут. Бредли показалось, что это была его важная победа. Теперь Бредли, уже капитан первого ранга, рассчитывал, что

его предложение о поисках советского кабеля подводной связи представит исключительный интерес для Хейга. Тот доложит о нем Киссинджеру, а советник президента по национальной безопасности с удовольствием расскажет обо всем Никсону. Бредли больше ни с кем не хотел делиться о своих намерениях, пока не будет разработан четкий план действий. Он известил только тех, кому было абсолютно необходимо это знать – командующего Тихоокеанским флотом и Харлфингера, начальника военно-морской разведки.

По существующим правилам Бредли должен был представлять свой план «комитету 40» под председательством Киссинджера. В составе этого комитета были высшие чиновники государственной безопасности, включая председателя объединенного комитета начальников штабов и директора ЦРУ. Задача комитета заключалась в том, чтобы оценивать все секретные зарубежные операции, начиная с проникновения ЦРУ в страны третьего мира и кончая сверхсекретными акциями по подслушиванию Кремля. Предыдущие президенты тоже имели подобные комитеты. А после инцидента с «Пуэбло» рутинные операции, такие как набеги подлодок в советские прибрежные воды или разведывательные полеты самолетов, включались в ежемесячный список для рассмотрения комитетом. Члены комитета проводили заключительный обзор, после чего ставили на бумаге свою пометку «Одобрено».

Но более опасные операции, такие как план перехвата важнейшей советской линии связи, подлежал более детальному обсуждению, в ходе которого операция должна была пройти главный из тестов: стоит ли риска потенциальная выгода? А самые рискованные операции должны представляться президенту страны для окончательного утверждения. Основная работа «Комитета 40» заключалась в том, чтобы обеспечить тест на здравый смысл, отсечь все лишнее, что зачастую диктуется лишь азартным стремлением к сбору сенсационной информации. Короче говоря, этот комитет был органом надзора, предназначенным быть выше местнических интересов, соперничества между ведомствами, диктаторских замашек и неизменного соблазна авантюры всех видов, от храбрости до глупости.

Но этот идеал зачастую оказывался не более чем благим пожеланием. Комитет почти никогда не отказывал в одобрении какой-либо операции. И разведывательные ведомства и вооруженные силы знали, что они могли обойти остальных членов комитета, если им удавалось согласовать вопрос с Киссинджером, который по своему усмотрению мог использовать комитет или игнорировать его. Иногда лично одобрив операцию, он проводил голосование комитета по телефону, закулисным путем. А то и вообще не считал нужным это делать.

Киссинджер дал всем понять, что лично займется вопросом подслушивания. Это устраивало Бредли и Харлфингера, которые тогда, весной 1971 года, были очень довольны освобождением от формальных слушаний в «Комитете 40». Им было нетрудно представить, как бы выглядели эти слушания: «Где вы видели эти знаки?», «Вы сказали на Миссисипи?», «Итак, капитан первого ранга Бредли, вы говорите, что вам пришло все это в голову, когда вы в одиночестве сидели в своем кабинете в 3 часа ночи?», «А не

злоупотребили ли вы виски накануне вечером?» Естественно, освобождение от столь тягостной процедуры было большим счастьем для Бредли.

С советской точки зрения, любое вторжение в Охотское море было совершенно незаконным. Хотя США считали значительную часть этого моря международными водами. А поиск знаков на советском побережье обязательно будет проходить в международно-признанной трехмильной зоне территориальных вод, и проникновение туда «Халибат» будет расценено как нарушение суверенитета Советского Союза.

Бредли надеялся, что Киссинджер не обратит внимания на то, что момент для проведения столь рискованной операции выбрано не самой лучшей. Ведь «Халибат» будет нарушать советский суверенитет именно в то время, когда президент Никсон напялил на себя тогу миротворца. Президент США выступил по национальному телевидению с заявлением о том, что он лично спас заходившие в тупик переговоры о контроле над вооружениями, вступив в секретную переписку с генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым. С учетом всего этого Бредли шел на доклад к Хейгу с большими опасениями. Как можно короче он обрисовал Хейгу план операции по поиску кабеля. «Если мы найдем его, мы сумеем найти и возможность прослушивать», – заверил Бредли Хейга. – Кроме того, стоит и второстепенная задача – поиск фрагментов нового типа советских крылатых ракет. Они установлены на советских подлодках, ведущих наблюдение за американскими авианосцами.

Хейг не задал ни одного вопроса, не сделал никакого предупреждения об осторожности. Он даже не удосужился представить Бредли Киссинджеру. Вместо этого коротко сказал: «Держите нас в курсе операции».

Бредли понял, что получил полное официальное одобрение, которое и требовалось. Несомненно, Хейг проинформирует Киссинджера. Получилось, что самый рискованный план ВМС оказался одобренным самым простым способом. «Халибат» направлялась в Охотское море.

К концу лета 1971 года переоборудование «Халибат» было почти завершено. В дополнение к огромному горбу («пещера летучих мышей»), который в свое время вдохновил на «превращение ее в лодку так называемого специального проекта», к ней добавили еще бугор для секретного, очень важного оборудования, остроумно скрытого на верхней палубе.

Заголовки в местной газете объявили о завершении установки дополнительного приспособления, особо выделив тот факт, что ВМС сняли завесу секретности, окружавшую «Халибат». Газеты писали, что теперь «Халибат» будет маткой для первого после гибели «Трешер» спасательного глубоководного аппарата. Фактически этот «бугор» вовсе не был глубоководным спасательным аппаратом. Он являлся декомпрессионной, шлюзовой камерой для водолазов. Ее приварили в том месте, где водолазы начнут дышать газовой смесью, разработанной в морской лаборатории («Sea Lab»). И именно в этой шлюзовой камере они будут готовиться к выходу на работу под водой.

В эти последние недели перед выходом «Халибат» офицеры отдела Бредли

начали наносить анонимные визиты на судоверфь Маре-Айленд. Большинство экипажа «Халибат» знало их просто как людей из Вашингтона. Так их представлял экипажу командир лодки Макниш.

Даже в последние дни перед выходом в направлении Охотского моря, в октябре 1971 года, экипаж не знал почти ничего о месте назначения. Было известно только, что лодка выходит в море на 3 месяца. Рядовые подводники, как всегда перед дальним походом, с особым усердием заполняли бары в окрестностях Сан-Франциско. Некоторые из них лишь несколько месяцев назад отпраздновали окончание средней школы. Другие были опытными старшинами, ветеранами зловонных дизельных подлодок или первых атомных лодок. Вместе они проводили свою последнюю ночь на берегу, в районе, где сильно пьяный моряк отнюдь не был редкостью.

В присутствии своих жен и подруг, наблюдавших за происходящим, они упивались в баре до чертиков. Пили до тех пор, пока не начинали сбрасывать с себя одежду и голыми танцевать на столах в баре «Лошадь и корова». Этот бар был излюбленным местом, которое между собой они называли «Уинни и Муу». Полутемные комнаты, стены увешаны фотоснимками подводных лодок, частенько звучал клаксон, предварявший очередную порцию спиртного. Повсюду валялись украденные с подводных лодок предметы оборудования: шкафчики подводников, значки, тарелки, официальные вымпелы, часть корпуса торпеды, якорь. Если бы все это увидели военно-морские контрразведчики, они могли прийти в ужас.

По-видимому, Шноркель Пэтти тоже находилась там: она всегда присутствовала на этих прощальных вечеринках. В течение десятка лет Пэтти побывала и матерью, и старшей сестрой, и любовницей множества подводников. Она без всяких объяснений представляла, что ожидает моряков в походе, и наставляла других молодых женщин, осмеливавшихся посещать этот вульгарный бар, не задавать подводникам вопросов куда, почему и зачем они уходят в поход. Она была той женщиной, которая успокаивала вернувшихся домой подводников. Похожая на известную кинозвезду, молодую Мэй Уэст, она была и Марией Магдалиной в среде подводников.

В ответ на это мужчины и молодые парни за эти годы подарили ей сотни эмблем серебряного дельфина, так тяжело достававшихся им. У нее скопилось огромное количество зажигалок с эмблемами подлодок. Подводники обожали свою Пэтти.

Клаксон прозвучал как сирена, напоминающая завывание волка, сливающееся с криками больного осла. Подводники выпили еще. Стали разговаривать громче, затем еще громче. А потом в бар вошел безобидный маленький дурачок, одетый только в нижнее белье. До этого все воздерживались от раздевания. Теперь же решили, что верхняя одежда ни к чему, и бесцеремонно сбросили ее.

Разгоряченные виски ветераны сбросили брюки, взобрались на стойку бара и стали поворачиваться вокруг, демонстрируя татуировки гребных винтов на каждой ягодице, словно на корме лодки. Легенда гласила, что эти татуировки гарантируют безопасный и скорый поход. Особенно вульгарным выглядело то,

что гребные винты как бы приводились в движение длинным бумажным хвостом, прикрепленным к единственному возможному месту между обнаженных ягодиц. Хвосты поджигались, подводники начинали бегать, создавая дымовые кольца вокруг бара, и это превращалось в ритуальный танец «горящей задницы».

Таким образом они отмечали предстоящий выход из судоверфи. Это были и поминки по утерянной свободе. Вот так экипаж подлодки «Халибат» начинал одну из самых важных шпионских операций периода «холодной войны».

Вечеринка закончилась за несколько часов до того, как «улыбающийся Джек» – Макниш дал заключительную команду – всем на борт корабля. «Улыбающийся Джек» было прозвище, данное экипажем своему командиру за усмешку, которая обычно сопровождала его ворчание или скрип зубами. Рот широко открывался только во время беды. И мало кто из экипажа мог припомнить, что видел 38-летнего командира по-настоящему смеющимся. Ни теперь, ни пять лет назад, когда он служил на лодке старшим помощником командира. Эта усмешка будет неизменной в течение месячного перехода подлодки «Халибат» к Охотскому морю.

Почти месяц «Халибат» добиралась до Охотского моря. Любая другая многоцелевая подлодка прошла бы этот путь за пару недель. Но реактор на «Халибат» постройки 1950-х годов не мог обеспечить скорость более 13 узлов. Кроме того, тормозил приваренный к корпусу ложный глубоководный спасательный аппарат. Большую часть пути «Халибат» шла со скоростью 10 узлов, следуя по дуге большого круга. Двигаясь на север к Алеутским островам, затем на юг через Берингов пролив, подлодка в конце концов достигла Охотского моря.

Пройти в Охотское море оказалось сложно. Потребовалось несколько часов для преодоления одного из мелководных проливов, где-то между северной частью гряды Курильских островов и южной оконечностью полуострова Камчатка. Оттуда можно было наблюдать в перископ за действующим вулканом. Однако делать это не рекомендовалось, поскольку одного-единственного зайчика от перископа было достаточно, чтобы противолодочный самолет или корабль обнаружил лодку.

Теперь экипаж знал, где находится. Командир сам сказал об этом. Он предупредил, что во время этой операции водолазы будут выходить из лодки. Однако ни словом не обмолвился о советском подводном кабеле. Вместо этого он объявил, что лодка пришла на это место для того, чтобы найти фрагменты новой советской смертоносной ракеты класса «корабль-корабль». Только Макниш, его офицеры, водолазы и еще несколько человек из так называемой «команды специального проекта» знали, зачем на самом деле они прибыли туда.

«Халибат» медленно пошла на перископной глубине вдоль советского побережья. Каждые три часа «Халибат» шла, выписывая букву «S», поворачивала то вправо, то влево. Лодка описывала полную циркуляцию, чтобы выявить возможную слежку.

Поиски продолжались более недели. Ничего не было обнаружено. Затем

они увидели на берегу, в северной части Охотского моря, один из знаков, о которых говорил Бредли. На знаке было предостережение: «Не бросать якорей. Здесь кабель», или что-то в этом роде на русском языке.

По приказу командира «рыба» была опущена из «пещеры летучих мышей». На этот раз проблем с видео не было. Изображения, которые приходили от камер «рыбы», были зернистые, с примесью серого налета, но более четкие, чем те, что поступали от гидролокатора во время поисков затонувшей советской подлодки. Теперь на мониторе можно было видеть расплывчатые изображения даже гигантского охотского краба, а на фотографиях – мелкую рыбу, облака люминесцентных планктонов и даже крошечных медуз, когда они попадали в лучи света от фонарей механической рыбы. Все, что находилось на расстоянии 1–2 метра от камеры и ламп освещения, тонуло в мутной воде и, независимо от размеров, отражалось на мониторах в темно-серых тонах.

Затем показалось, что песок на дне слегка приподнят, появился холмик длиной около метра, затем холмик исчез, появился вновь и опять исчез. Сначала операторы подумали, что это какая-то пунктирная линия на сером фоне, но снова и снова попадались серые холмики и эпизодические проблески черного цвета. На дне что-то находилось, почти полностью закрытое песчаным илом.

«Халибат» направилась вдоль этой линии. Видеоизображения высвечивались на мониторах, а фотокамера на «рыбе» снимала 24 кадра в секунду. Затем «рыбу» подняли в лодку, «выпотрошили», зарядили новую пленку и опустили снова. На фотопленке изображения должны быть более четкими, чем крупнозернистые на видеоэкране. Но корабельный фотограф не мог проявить фотопленку до тех пор, пока «Халибат» не подвсплывет, чтобы через шнорхель провентилировать токсические газы из фотолаборатории. Наконец, Макниш дал распоряжение, и «Халибат» всплыла под покровом ночи. Фотограф совместно с офицером из спецпроекта стал проявлять фотопленку. На кадрах пленки появились цветные фото советского подводного кабеля.

Теперь экипажу «Халибат» предстояло найти плоскую полосу на дне моря, чтобы опустить два грибообразных огромных якоря – один с носа, а другой с кормы. Макниш искал такое место за пределами трехмильной зоны. Судьбу лучше не искушать. Поэтому он выбрал место в северной части Охотского моря, в 40 милях от западного берега Камчатки. После длительного маневрирования лодка была мягко уложена почти на кабель.

Водолазы ждали в декомпрессионной камере, дыша кислородно-гелиевой смесью, их организмы привыкали к повышенному давлению. Затем они одели свои просторные комбинезоны, в которых было достаточно места для шлангов, проходивших к их ногам, рукам, обвивавших все тело. Помпа из подлодки начнет подавать горячую воду по этим шлангам, как только они покинут камеру. Теплая вода, проходя по шлангам, будет обогревать водолазов. В ноябре вода в Охотском море холодная.

Водолазы обернули теплоизоляцией газовые патрубки, поскольку бессмысленно согревать тело, когда дышишь холодной газовой смесью. Наряду

со шлангами, тросами и кабелями, по которым водолазы обеспечивались воздухом, теплом, связью и электроэнергией, был еще один прочный аварийный линь, с помощью которого, в случае чрезвычайных обстоятельств, водолазов можно срочно втащить в лодку. На случай обрыва подачи воздуха на поясах водолазов были прикреплены маленькие баллоны, содержащие газовую смесь для обеспечения автономного дыхания в течение трех или четырех минут.

Наконец все готово к их выходу из лодки через наружный люк. В центральном посту командир мог видеть, как они, похожие на космонавтов, шли по морскому дну. Едва освещая путь ручными фонарями, водолазы проложили прозрачную тропу через мутную воду к кабелю связи. Добравшись до него, они с помощью сжатого воздуха начали счищать с кабеля ил и песок. Как только кабель был очищен, водолазы стали прикреплять к нему подслушивающее устройство длиной около метра, в котором находился магнитофон с большим запасом пленки. Рядом с этим устройством расположился цилиндр с литиевым аккумулятором. Отдельная муфта, закрепленная вокруг кабеля, будет тщательно прослушивать идущую по кабелю информацию. Перехват будет вестись на принципе индукции. Никаких надразов кабеля, никакой опасности короткого замыкания из-за проникновения в кабель морской воды.

Внутри лодки экипаж вел наблюдение за течением воды, каждые 15 минут регистрируя показания приборов. «Халибат» качалась на якорных канатах, и рулевые пытались удерживать ее на постоянном уровне в течение нескольких часов, пока водолазы прикрепляли записывающее устройство к кабелю. После того как подключение было произведено, «спуки» собрали, казалось, достаточное количество образцов советской телефонной и телеграфной связи, идущей по кабелю.

Ничто не предвещало, что все произойдет так легко. Кабель был найден без единого зацепа троса, буксирующего «рыбу». Экспедиция прошла настолько гладко, что экипаж будет оставаться в полной уверенности в том, что их лодка совершенно случайно наткнулась на кабель. В конце концов, ведь им же говорили, что целью похода в Охотское море был поиск фрагментов советских ракет. Теперь, как бы в оправдание этих слов, Макниш повернул «Халибат» в направлении советского испытательного полигона.

Там глубина оказалась несколько больше, чем в районе кабеля. Тем не менее «рыба» с «Халибат» быстро обнаружила место, где светло-желтый песок на дне океана был усеян серыми и черными электронными деталями и небольшими черепками обшивки ракет. «Халибат» нашла то место, куда падали советские ракеты.

Эта операция была тоже важной, поскольку эти новые советские крылатые ракеты представляли огромную угрозу американским авианосцам. Ракеты имели новый вид инфракрасной системы наведения, которой американские ВМС не могли противодействовать. Бредли уже послал три стандартные многоцелевые подлодки в Охотское море с задачей попытаться подойти поближе к району проведения испытаний ракет. Задача состояла в том, чтобы

записать частоты инфракрасного устройства, а также нового вида радарного альтиметра, позволяющего ракете буквально скользить над водной поверхностью, вне зоны поражения обычным противоракетным вооружением США. Если на обычных многоцелевых подлодках прикрепить к перископам приспособления, посылающие на ракеты тепловые импульсы, можно будет определить, какие частоты будут отражаться. Задача оказалась невыполнимой. На этом этапе ВМС так отчаянно стремились узнать что-либо об этих ракетах, что даже посылали «Суордфиш» с созданным для «Халибат» гидролокатором, прикрепленным к ее корпусу, для осмотра морского дна на мелководье. Тот гидролокатор работал так устойчиво, что «Суордфиш» могла просматривать мелководье в пределах 10 метров от дна, практически не снижая скорости.

Но только «Халибат» могла посылать людей за борт для подбора чего-либо со дна. И вот теперь из нее снова вышли водолазы, на сей раз, чтобы кусок за куском собирать фрагменты ракет. Они надеялись найти одно из инфракрасных устройств или один из альтиметров. Водолазы собирали куски в огромный контейнер, прикрепленный к стальному днищу лодки. Когда контейнер был заполнен сотнями осколков ракет, водолазы поднялись в декомпрессионную камеру и ожидали там окончания длительного декомпрессионного процесса. Там они оставались значительную часть времени, которое потребовалось «Халибат», чтобы вернуться на базу Маре-Айленд. Лодка пришвартовалась у пирса через месяц после выхода из Охотского моря.

Еще до того, как экипаж «Халибат» сошел на берег, пленки с записью перехвата советского подводного кабеля были уже на пути в агентство национальной безопасности в форт Мид, куда министерство обороны посылало большинство электронной разведывательной информации, получаемой подлодками и другими шпионскими судами, для дешифрования и анализа. Для изучения советских шифров были привлечены несколько крупнейших математиков и других ученых. Там также работали тысячи специалистов русского языка и аналитиков, сосредоточенно изучавших расшифрованную информацию. Между тем фрагменты ракет были направлены в секретную лабораторию министерства энергетики. В большую пустую комнату лаборатории поставили несколько корзин с обломками ракет. В течение нескольких месяцев инженеры лаборатории подбирали из корзин осколки и укладывали их на длинную доску и, наконец, составили почти целую шестиметровую плоской формы ракету.

Но среди всей массы обломков инженерам не удалось найти необходимую ВМС инфракрасную систему наведения. Возможно, это приспособление разбивалось в мелкие кусочки при подходе ракеты к месту падения. Но радарный альтиметр и другие важные компоненты были найдены, что позволило инженерам попытаться разработать контрмеры, которые, как они надеялись, будут способны заставить советские крылатые ракеты падать в океан еще до достижения своей цели.

Агентство национальной безопасности сообщило Бредли о записанной с кабеля информации. Его предположения подтвердились. По этому кабелю шла ценнейшая информация: переговоры между базой подводных лодок и высшим

руководством советских ВМС, многие из которых шли открытым текстом или были закодированы совершенно элементарным кодом.

Добытая из кабеля информация заметно отличалась от большинства разведсведений, получавшихся США из других источников. Разрастающаяся сеть спутников-шпионов, разведывательных самолетов, подслушивающих станций и подлодок наблюдала и слушала информацию о передвижении войск, строительстве военных баз и походах советских кораблей в районах учений. Но даже самая передовая система подслушивания, наподобие спутника-шпиона «Райолайт», запущенного в 1970 году, не могла проникнуть в проводные телефонные линии. Несколько американских спутников-шпионов с задачей подслушивания были сфокусированы на Москву и советское северное побережье. Но ни один не был нацелен в направлении Тихоокеанских баз, которые были связаны подводным кабелем через Охотское море.

Конечно, американская агентура иногда поставляла кое-какие сведения для психоанализа. Шпионские страсти с тайниками, ночными встречами на темных московских улицах, поисками путей постоянного подслушивания разговоров между советскими военными лидерами – всем этим США занимались десятилетиями. Но результаты оказались весьма ограниченными. Система антенн, установленная на крыше американского посольства в Москве, перехватывала разговоры Брежнева о его здоровье, а также разговоры других членов Политбюро об автомобильном движении, о сексуальной жизни, но советские лидеры предпочитали говорить о государственных секретах по другим линиям связи, а не по мобильному телефону, который легко подслушивается.

Теперь же перехват кабеля обеспечил возможность узнавать непосредственно о том, чего опасаются советские ВМС, их планах, оценках собственных успехов, неудачах и намерениях. Потенциальные возможности подслушивания кабеля в Охотском море еще предстояло оценить. Эти первые записи были лишь отдельными фрагментами разговоров и докладов, которые велись в течение нескольких дней на нескольких из десятков линий, идущих в этом подводном кабеле.

Бредли ясно представлял себе следующий шаг. Он хотел прослушивать как можно больше линий связи, хотел прикрепить к кабелю прибор, который мог бы вести непрерывную запись в течение нескольких месяцев и даже в течение года. Этот прибор должен функционировать в Охотском море даже тогда, когда «Халибат» стоит у пирса на базе Маре-Айленд.

Сотрудники Бредли связались с лабораторией телефонной компании Белл. Ее инженеры были знакомы с коммерческими подводными телефонными кабелями и начали разработку значительно более мощного подслушивающего устройства.

Новый прибор тоже работал на принципе индукции, но только он был огромным. Его длина составляла более 6 метров, ширина около метра, весил он около 6 тонн и имел ядерный источник энергии. Прибор был способен перехватывать электронные частоты одновременно с десятков телефонных линий в течение многих месяцев. «Халибат» могла поставить этот аппарат на

кабель и через год вернуться, чтобы его забрать.

Оставлять после себя доказательство вторжения было рискованно, но группа Бредли мотивировала свое предложение тем, что даже если советская сторона и обнаружит подслушивающий прибор, то США могут утверждать, что устройство, работающее на принципе индукции, было легальным. По американским законам, поправка к Конституции США, запрещающая незаконный поиск и захват, не относится к электроток, излучаемому зданиями, жилыми домами или кабелями.

По этому вопросу юристы ВМС написали совершенно секретные документы. Это юридическое крюкотворство может показаться наивным, но оно сопровождает почти все секретные операции. В конце концов, именно США все время настаивали на том, чтобы другие страны действовали на основе морали и в рамках международного права.

Когда работа по созданию нового аппарата была завершена, он предстал в виде огромной трубы, напичканной внутри миниатюрными электронными схемами, способными работать в течение многих недель.

Настало время для Бредли пройти через процесс официального утверждения, которого он избегал, когда кабель был всего лишь плодом воображения на основе детских воспоминаний. Если «Халибат» собирается оставить доказательство вторжения в Охотском море, то проекту уже недостаточно устного одобрения со Стороны Киссинджера и Хейга. Несмотря на трения Бредли с ЦРУ, оказалось не так сложно получить согласие представителей этого ведомства, работавших совместно с ним. Они были так увлечены постройкой «Гломар Эксплорер», что не возражали оставить за Бредли операцию по перехвату кабеля. Итак, в начале 1972 года Бредли представлял «Комитету 40» подводную лодку «Халибат», в то время как американской общественности представлялись подробности инициатив Никсона и Киссинджера по мирному урегулированию во Вьетнаме и их исторической поездки в КНР.

Время было благоприятное для получения одобрения операции. Переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений были на грани либо успеха, либо провала. Киссинджер и Зумвольт, начальник военно-морских операций, открыто ссорились. Дело в том, что во время переговоров о сокращении вооружений Киссинджер совершил очевидную ошибку, позволившую Советскому Союзу иметь опасное превосходство в количестве подлодок с баллистическими ракетами. Во время секретных переговоров, в отсутствие своих военных советников, он спонтанно согласился не требовать ограничений на советское массовое строительство новых подлодок типа «Дельта», вооруженных баллистическими ракетами с дальностью стрельбы 4000 миль и превосходящих подлодки типа «Янки». Зумвольт был в ярости, он был убежден, что Никсон и Киссинджер готовы пойти на что угодно, чтобы заключить соглашение до начала выборной президентской кампании. Зумвольт добивался, чтобы Киссинджер исправил свою ошибку на переговорах своим одобрением создания в США более мощной подлодки с баллистическими ракетами типа «Трайидент».

И Зумвольт добился своего. (Зумвольт получил еще одно преимущество. Шпионские подлодки в середине 1972 года заслужили признательность в лице Никсона и Киссинджера за то, что обнаружили одно из редких советских вмешательств в войну во Вьетнаме. Вскоре после объявления Никсоном о минировании гавани Хайфон, Советский Союз послал три подлодки типа «Эхо II» к берегам Вьетнама. После того как их обнаружили американские подлодки, Вашингтон послал сообщение в Москву, чтобы советские подлодки убирались домой или они будут уничтожены. И советские подлодки ушли.)

Теперь начальник военно-морских операций был явно за то, чтобы «Халибат» вернулась в Охотское море. Представляя на заседании «Комитета 40» операцию с «Халибат», Бредли почти не говорил о риске. Он разыграл целый спектакль. Развернув карту Охотского моря, показал на ней знаки на берегу, указывающие наличие кабеля. Затем провел на карте маршрут прокладки кабеля. Потом с большой уверенностью заявил, что по кабелю проходит весьма важная информация об операциях и создании советских подлодок с баллистическими ракетами. Его рассуждения о степени риска ограничились лишь опасностью, грозящей водолазам, шагающим по дну моря.

Бредли не сказал комитету, откуда ему стало известно, что этот кабель действительно существует. Он ни словом не обмолвился о том, что с молчаливого согласия Хейга «Халибат» уже побывала у этого кабеля. Единственное, в чем он заверил комитет, так это в том, что ВМС не начнут операцию до тех пор, пока не будет полной уверенности в том, что прослушивание кабеля технически обеспечено.

Когда Бредли закончил выступление, было очевидно, что он покорила комитет. Операция по перехвату информации с кабеля была одобрена, и «Халибат» пошла в свой второй поход в Охотское море 4 августа 1972 года. На этот раз Макниш решил проинформировать экипаж о настоящих целях операции и о риске, с которым она связана. Он рассказал о черных ящиках, размещенных на носу, в корме и в середине лодки, в которых находится взрывчатка. В случае, если «Халибат» будет задержана в Охотском море, то ни лодка, ни экипаж не будут захвачены, поскольку все приготовлено к самоуничтожению.

Конечно, такой подробный инструктаж противоречил общим правилам соблюдения конспирации. Большинство экипажа не должно было знать, куда идет лодка и зачем. Но Макниш решил сделать это, поскольку лодка уходила в море на 6 месяцев, и предстоял риск, бесподобный в мирное время. В разговорах между собой экипаж стал называть место своего назначения «Ошкош».

«Халибат» довольно легко нашла кабель. Командир отдал приказ, и два огромных якоря были сброшены с кормы и с носа лодки. Водолазы выбрались на дно, и уже через несколько часов «спуки» стали прослушивать голоса из кабеля. Они даже давали наушники своим близким друзьям – послушать русскую речь.

Макниш держал «Халибат» в зависшем состоянии над кабелем, по крайней мере, около недели. Затем, оставив подслушивающее устройство с

записывающей аппаратурой, «Халибат» вышла из Охотского моря и взяла курс на о. Гуам, чтобы вернуться снова через месяц и забрать записи, которые накопятся за время ее отсутствия.

Отдых на Гуаме проходил без происшествий, за исключением последнего вечера. Весь экипаж, не находившийся на вахте, пошел в бар. Никто не помнит, кто первый произнес вслух то, что, по-видимому, у большинства было на уме. От страха или под влиянием выпитого, один из моряков нарушил завесу молчания и задал вопрос: «Зачем, черт возьми, мы забираемся в советский огород и подслушиваем военную линию связи в мирное время? Почему мы рискуем жизнью во имя операции, в проведении которой США никогда не признаются? Почему плаваем на лодке, командир которой заявил, что в любой момент может взорвать ее? Почему мы должны плавать на лодке, которая может исчезнуть, и семьи не узнают, как и почему мы погибли?»

Начавшийся разговор принимал оживленный характер. Страх, злость и беспокойство смешались вместе. Часть подводников, казалось, впервые осознала, что то, чем они занимаются, может привести их к гибели. Затем кто-то предложил заявить командиру, что они не хотят возвращаться в Охотское море. Другой выразил ту же мысль, но другими словами. Потом выпили еще пива и все вместе пошли на пирс. И один за другим спустились через люк в лодку, понимая, что ничего не станут говорить своему командиру о том, что не собираются возвращаться в Охотское море. Стали разбредаться по своим койкам и частью по своим боевым постам.

Вскоре все уже были на борту лодки, за исключением старшины группы вспомогательных механизмов Джона Уайта. Он стоял на пирсе, заявляя, что не собирается спускаться в лодку. Джон добровольно пошел служить на подводную лодку и так же добровольно уходит с этой службы.

Никто этого не ожидал. Уайт уже отслужил более 19 лет. Он был тем человеком, который работал усерднее своих подчиненных. Возможно, пиво ударило ему в голову, но он не выглядел настолько пьяным, чтобы разрушать свою карьеру, когда оставался всего один год до выхода на полную пенсию. Тем не менее что-то толкнуло его на принятие такого решения. Он отказывался объяснять причину и тогда на пирсе, и потом. «Халибат» ушла из порта без него. Самолетом Уайта отправили в Калифорнию, где он был уволен со службы с хорошей аттестацией.

На пути в Охотское море старшины поначалу только и говорили об Уайте. Однако вскоре они с разрешения «спуков» уже слушали советские телефонные переговоры, иногда даже понимая смысл или догадываясь, о чем могла идти речь.

Операция вступила в заключительный этап. У них был приказ – набрать как можно больше информации, затем оставить подслушивающее устройство для продолжения автоматической записи советских переговоров в течение многих месяцев, до следующего прихода «Халибат».

Сейчас же они зависли над кабелем на неделю, время достаточное, чтобы драматический уход Уайта сгладился монотонностью повседневной жизни: вахта, обед, игра в карты, сон, вахта, завтрак, игра в карты, сон и т. д. К этому

времени лодка находилась в отрыве от дома уже 5 месяцев. И многие подумывали, не пора ли домой?

Монотонная жизнь неожиданно прервалась. Шторм на поверхности моря начал достигать глубины. Водолазы оказались в ловушке за бортом. Они не могли забраться в декомпрессионную камеру, поскольку «Халибат» то держалась на туго натянутых якорных канатах, то натяжение ослабевало и лодку ударяло о морское дно. Все, что могли сделать водолазы, так это отойти на безопасное расстояние и наблюдать за лодкой со стороны.

Рули глубины для удержания лодки на одном уровне были бесполезны. Прибор натяжения якорных канатов показывал натяжение от 4500 кг до 22 тысяч, затем 0, после этого 4500 кг, затем увеличение до 22 тысяч кг и снова 0. Прошло два часа. Раздался громкий треск. Оба стальных якорных каната лопнули с такой легкостью, как будто были резиновые.

Водолазы за бортом наблюдали, как «Халибат» начала медленно всплывать. Они были связаны с лодкой воздушными шлангами. Было понятно, что они погибнут, если лодка вытащит их наверх до того, как они смогут пройти в декомпрессионную камеру. Если же отрубят шланги, то задохнутся без подачи воздуха. Внутри лодки вахтенный офицер сразу понял, какая серьезная опасность угрожает водолазам, и немедленно отдал приказание: «Срочное погружение». «Халибат» начала набирать тонны воды, заполнив балластные цистерны за считанные секунды. Лодка днищем опустилась на песок. Водолазы забрались в декомпрессионную камеру.

Ужасающее погружение было закончено. Но не было уверенности в том, что лодка сможет оторваться от илистого песка. Камни царапали корпус. «Боже, мы здесь останемся навсегда», – пробормотал один из механиков сквозь сжатые зубы.

«А какого черта мы здесь оказались?» – пробормотал другой. «Халибат» продолжала лежать на дне еще несколько дней. Шторм утих, но Макниш и не собирался пытаться подвсплывать. Он считал, что лодка должна вернуться домой с полностью записанными лентами, если она вообще вернется домой. Когда же Макниш, наконец, дал команду на всплытие, то оказалось, что достаточно было продуть цистерны срочного погружения, чтобы лодка оторвалась ото дна.

Пересечение Тихого океана прошло без происшествий. Бредли получил сообщение из агентства национальной безопасности США, из которого стало ясно, что «Халибат» открыла «золотую жилу». Были записаны разговоры по 20 линиям одновременно. В агентстве их все удалось электронно разделить. Получена информация о тактике проведения операций и планах, о проблемах снабжения, включая доклады о дефектах, которые могут усилить шумность подлодок, в том числе и ракетных лодок, подобных лодкам типа «Янки», которые начинают патрулирование в Тихом океане. Кроме того, стали известны решения, принятые на высоком уровне, какое патрулирование должно проводиться и какие подлодки будут направляться к берегам США. Записаны обсуждения проблем комплектования личным составом, проблем боевой подготовки и многих других проблем.

Вторая попытка перехвата информации через кабель подтвердила и одно опасение. Оказалось, что по кабелю шло мало информации об испытаниях ракет. Бредли возлагал большие надежды на получение информации о падении наземных и морских межконтинентальных баллистических ракет. Но в целом этот кабель оказался действительно «золотой жилой» разведывательных сведений.

Тем не менее предстояло внести несколько изменений в процесс подслушивания. Лаборатории телефонной компании Белл поставили задачу запрограммировать следующую аппаратуру для подслушивания таким образом, чтобы она была настроена на наиболее важные линии связи и чтобы записывающая аппаратура могла включаться и выключаться с целью экономии энергии. Идея программирования заключалась в том, чтобы запись шла только в то время, когда идет наиболее ценная информация.

Отдел Бредли все-таки был вынужден допустить адмирала Рикопера к своей программе, по крайней мере в ограниченных пределах, несмотря на его тайную ненависть к «Халибат» и ее прежнему командиру. Бредли нужно было получить разрешение от Рикопера на внесение значительных изменений в конструкцию лодки. Он хотел избежать повторения инцидента, в котором чуть не погибли водолазы «Халибат». Для этого на лодке должны иметься приспособления на днище в виде выносных лыж, с тем чтобы ей не приходилось удерживаться над кабелем на якорных канатах. «Халибат» тогда будет способна приземляться на дно моря, когда пойдет в Охотское море в 1974 и 1975 годах.

Детали технического устройства подлодки «Халибат» не интересовали верха разведывательного сообщества, а вот записи перехвата представляли для них большой интерес. ВМС взяли руководство операцией в свои руки, поскольку ни один агент, ни одна стандартная шпионская подлодка не могли собрать столь ценную информацию, какую привозила «Халибат».

Агентство национальной безопасности присвоило всем предстоящим операциям кодовое наименование «Вьющиеся колокольчики». Бредли будет планировать еще несколько таких операций, и другие подлодки будут переоборудованы по образу и подобию «Халибат» для походов в Охотское море.

Но Бредли не суждено будет знать из первых рук, какие плоды приносили его усилия. Агентство национальной безопасности станет предоставлять ВМС детальные обзоры полученной информации, но не даст прослушать ни одной минуты записи этой информации на пленке. Агентство решило, что Бредли, который открыл этот кабель в своем воображении, предвидел знаки, указывающие на него, с большими усилиями добыл фонды и разрешение на проведение первых операций, не заслужил хотя бы маленькой привилегии послушать пленку, чтобы получить удовольствие от результатов своих усилий. Посчитали, что ему нет необходимости слушать и нет необходимости знать.

Глава 9

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК СТОИМОСТЬЮ 500 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ

22 октября 1973 года журналист Сеймур Херш делал наброски в свой репортерский блокнот – частично полными фразами, частично условными знаками – обо всем, что услышал, обедая в загородном ресторане с человеком, имя которого, в силу журналистской этики и по договоренности, он никогда не раскроет.

В тот момент многие полагали, что 36-летний лауреат премии Пулитцера всецело увлечен уотергейтским скандалом. Ведь Сеймур Хейш был основным журналистом газеты «Нью-Йорк таймс», ведущим расследование этого скандала. В своем расследовании он несколько отставал разве что от корреспондентов «Вашингтон пост» Вудворда и Бернштейна.

Однако не поиски уотергейтских сенсационных новостей привели Херша на этот обед с человеком, не принадлежащим к группе людей, которых вскоре окрестят, как «вся президентская рать». Этот человек вращался в другой среде, известной как ЦРУ. Он лишь недавно ушел с высокого поста в системе национальной безопасности.

Херш тайно встречался с этим человеком, потому что хотел узнать подробности одной истории, которая его интересовала не в меньшей степени, чем уотергейтский скандал, приведший к падению президента Никсона. В течение ряда лет Херш получал конфиденциальные сведения о растратах огромных средств и об излишне опасных операциях, проводимых американской разведкой, включая самые секретные шпионские операции подводных лодок. Теперь он собирался пролить свет на этот мрачный мир, которому всегда позволяли функционировать под прикрытием своеобразного политического иммунитета в виде различных грифов секретности, выраженных пометками «Сов. секретно» или «Чрезвычайно секретно».

Для журналистов и законодателей эти слова всегда звучали как сигнал – отвяжитесь и перестаньте задавать вопросы. Но в те дни уотергейтский скандал придавал смелости прессе, а конгресс США поддержал ее, призывая быть более критичной. Херш встал во главе движения за то, чтобы сделать разведывательное сообщество подотчетным обществу, чтобы доверенные его представители хотя бы в общих чертах информировались о том, что же делается в стране под завесой секретности.

Большая часть того, что он слышал, касалась излишних расходов на шпионские спутники и огромного риска программ подводного шпионажа. Он также узнал о разведывательной подлодке, которая дерзко проникала в советские воды. А недавно Херш начал собирать разрозненные слухи об операции ЦРУ с целью украсть нечто, потерянное или сброшенное Советским Союзом на дно океана. Три раза ему говорили, что ЦРУ строит огромное судно, которое может достичь океанского дна, несмотря на многокилометровые глубины, бурные подводные течения, огромное давление воды и кромешную темноту. Ему было известно только кодовое наименование: «Проект Дженнифер».

Упоминания об этом проекте были интригующие, но косвенные. Ни один

из источников не мог или не хотел рассказать Хершу, что же конкретно задумало ЦРУ. Один из правительственных чиновников как-то намекнул, что агентство ищет обломки упавших в Тихий океан баллистических ракет, запускавшихся с испытательного центра в центральной части Советского Союза. Но Херш не поверил этой информации. Он опасался, что этот чиновник высказывает либо свою догадку, либо преднамеренную дезинформацию.

...Теперь он встречался с человеком, которому доверял всецело.

В ходе беседы за столом Херш назвал своему собеседнику всего два слова: «Проект Дженнифер», истинного значения которых он не знал. И с невозмутимым видом стал ожидать реакции своего собеседника. Тот был спокоен. И произнес только одно слово: «Записывайте».

«Русская подлодка утонула в Атлантическом океане, – записывал Херш. – „Проект Дженнифер“ предназначен для ее поисков. Мы знаем, где она находится». Затем последовали слова, которые, возможно, открывали причину, почему источник все это рассказывает Хершу. «Разве вы не считаете, что русские знают, почему траулер с необыкновенным оборудованием находится в середине океана?»

Записывая все это, Херш знал, что он ухватил самую суть того, что могло бы быть одним из самых странных мероприятий «холодной войны», операции, о которой знают лишь несколько десятков человек в правительстве. Источник не сказал, как ЦРУ нашло эту советскую подлодку, а Херш только спустя много времени понял, что его собеседник намеренно «поместил» подлодку не в тот океан. Но он иносказательно указал на сомнительные действия разведки США. Шпионское агентство пытается претворить в жизнь, похоже, несбыточную мечту. Оно рискует при этом вызвать недобрые чувства к Америке в Советском Союзе, и именно в тот момент, когда политика разрядки начала смягчать напряженность «холодной войны». Ведь именно в этот момент США и Советский Союз выступили с совместным призывом о прекращении огня на Ближнем Востоке.

Херш обратился и к другим источникам. Но его усилия оказались напрасными. Затем, в январе 1974 года, спустя четыре месяца после тайного обеда, кое-что прояснилось. На одном из обедов в Вашингтоне, на которых журналисты общаются с правительственными чиновниками, Херш разговорился с одним только что уволившимся в отставку сотрудником ЦРУ. В ходе беседы Херш, как бы между прочим, поинтересовался у отставного офицера, кому пришла в голову мысль о подъеме затонувшей советской подлодки, при этом он произнес слово «Дженнифер». Бывший сотрудник ЦРУ внешне никак не отреагировал на этот вопрос, умело переведя разговор на другую тему. Но, похоже, вопрос Херша крепко засел в голове этого отставного сотрудника ЦРУ, поскольку сразу же после обеда он позвонил директору ЦРУ Колби, который занял этот пост всего четыре месяца назад.

Новость о том, что Херш прослышал что-то о проекте «Дженнифер», произвела в ЦРУ эффект разорвавшейся бомбы. Колби знал, что Херш удостоился премии Пулитцера за предание гласности сведений о кровавом побоище над мирными жителями, устроенном американскими солдатами в

деревне Ми Лай. Поэтому директор ЦРУ считал его «хорошей ищейкой». Колби понимал и другое: за 6 лет планирования и подготовки секретной операции все тайное так или иначе может стать явным.

Вопреки тому, что говорил Хершу его источник, огромный корабль еще не вступил в строй, но строительство его было завершено, и он получил имя «Гломар Эксплорер». Корабль получился длиною в три футбольных поля, его палубы были загромождены управляемым с помощью компьютеров оборудованием, способным по команде опустить тросы на глубину более 5000 метров и вытащить со дна советскую подлодку. Оставалось провести лишь несколько последних испытаний до принятия его в проект «Дженнифер». Еще 5 месяцев, и ЦРУ наконец предпримет попытку поднять советскую затонувшую лодку.

Эта идея не встретила одобрения со стороны капитана первого ранга Джеймса Бредли, который уйдет в отставку через месяц, и Джона Крейвена, который уже находился в отставке. Бредли и Крейвен по-прежнему считали, что советская подлодка постройки 1950-х годов уже не представляла большой ценности для разведки и определенно не стоила тех затрат и сомнительных шансов на успешное ее вызволение со дна океана. Вместо этого они предлагали более простой и менее опасный план изъятия из затонувшей лодки наиболее ценных материалов: создать автоматический (без экипажа) подводный аппарат, пробить отверстия в корпусе этой субмарины и вытащить из нее боеголовки ракет, аппаратуру связи, шифровальные машины, то есть то, что может представить реальную ценность.

Мудрость их предупреждения об опасности и нецелесообразности дорогостоящего проекта казалась еще яснее теперь, когда Советский Союз отказался от использования подлодок типа «Гольф», завершая строительство тридцати подлодок типа «Янки», и был готов принять на вооружение более мощные ракетные подлодки типа «Дельта». Первые лодки типа «Дельта» уже проходили ходовые испытания и планировались к патрулированию в 1974 году, причем намечалось построить еще два-три десятка этих лодок. Подлодки типа «Дельта» были вооружены ракетами с дальностью стрельбы более 1300 морских миль, то есть в 6 раз дальше, чем устаревшие ракеты на утонувшей лодке.

Подводные силы США начали осваивать слежку за советскими подлодками в море. Две или три подлодки типа «Янки» теперь всегда в Атлантике, а системы подводных гидрофонов уже откалиброваны достаточно, чтобы засекать их, когда они поочередно, сменяя друг друга, проходят в свои зоны патрулирования, которые американские ВМС называли «ящики „Янки“», на юго-востоке от Бермудских островов и на запад от Азорских. Проходила установка дополнительной сети подводных гидрофонов, а боевые корабли ВМС США уже имели на вооружении буксируемые гидролокаторы для работы в тех районах, где нет подводных гидрофонов. Военно-морская разведка США также создала оперативные разведывательные центры на восточном и западном побережье США, в Европе и Японии, которые собирали все получаемые данные о советских подлодках и ежедневно рассылали соответствующую

информацию. Во время арабо-израильской войны США удавалось вести тщательный учет всех 26 советских ракетных и многоцелевых подлодок в Средиземном море, причем одна многоцелевая подлодка США передавала ответственность другой лодке, и так они вели постоянную слежку за индивидуальными советскими подлодками из этой армады. Нужно ли в этих новых условиях гоняться за старыми призраками?

Но план ЦРУ – поднять всю советскую подлодку целиком, все еще нравился Никсону и Киссинджеру, который теперь стал государственным секретарем. В свой план ЦРУ посвятили также нескольких лидеров конгресса США.

Удивительно, как удавалось многие годы сохранять в секрете строительство такого огромного корабля как «Гломар Эксплорер». Теперь же он был замаскирован идеальной, по мнению ЦРУ, легендой о том, что самый известный в стране богатый сумасброд Ховард Хьюз строит «Гломар Эксплорер» с целью монополизировать рынок марганцевой руды за счет добычи крупных окатышей этого минерала, разбросанных на дне океана. Никто не удивлялся тому, что Хьюз так крупно рискует с целью контролировать новый рынок. Ненасытность Хьюза была широко известна, а секретность являлась отличительной чертой в его империи самолетостроения, нефтеразведки и гостиничного бизнеса.

Но Херш никогда не слышал об этой легенде прикрытия и проигнорировал ее в одном очень важном интервью. Директор ЦРУ Колби, известный своим хладнокровием, занервничал. Он испугался, что рассказ о проекте, напечатанный в газете, может погубить всю операцию еще до того, как «Гломар Эксплорер» выйдет в море.

Конечно, адвокаты ЦРУ подготовили юридические обоснования, объясняющие, почему США имеют право на то, чтобы поднять советскую собственность со дна океана. Но эти словесные потуги могли оказать какое-то влияние лишь на общественность внутри США. Колби-то знал, что, с объяснениями или без оных, международное право ясно гласит, что утонувшие боевые корабли всегда принадлежат стране, под чьим флагом они плавали. Юридически Колби не мог заставить Херша молчать. Но мог попытаться уговорить его. Именно это он и собирался сделать, когда посетил Херша в его вашингтонском бюро «Нью-Йорк таймс».

И вот Колби пришел к Хершу, надеясь заключить сделку. Он согласился с журналистом, что единственный способ сохранить поддержку усилий разведки со стороны общества – это «вывести разведку из тени». Со своей стороны Херш подумал, что Колби, в сущности, честный малый. Наверное, не слишком-то приятно директору ЦРУ иметь дело с болтливými ветеранами своего агентства.

Итак, два человека сидели и беседовали. Директор ЦРУ хотел, чтобы Херш придержал свою историю, перестал вести расследование и даже упоминать о проекте «Дженнифер». Херш слушал Колби и в душе соглашался с ним, что, пожалуй, еще не готов к публикации в прессе. Он перевел разговор на уотергейтское дело, заявив, что оно не даст ему возможности заниматься проектом «Дженнифер», по крайней мере, еще несколько месяцев. Заодно

Херш поинтересовался причастностью ЦРУ к уотергейтскому скандалу. Колби с радостью ответил на вопросы Херша и покинул бюро «Нью-Йорк таймс», убежденный, что получил по крайней мере два или три месяца спокойствия. Действительно, Херш был еще полностью поглощен президентским скандалом, когда через пять месяцев «Гломар Эксплорер» покинул порт. Херш все еще писал об «уотергейте», когда в июле 1974 года «Гломар» уже находился над местом гибели советской подлодки в Тихом океане, на расстоянии 1700 миль к северо-западу от Гавайских островов.

Колби казалось, что его секрет сохраняется. В течение нескольких последующих недель ему докладывали, что из советских кораблей поблизости от «Гломар» проходили лишь торговые суда. Тем не менее в разведке опасались, что в Советском Союзе догадываются, что происходит. Большинство экипажа «Гломара» составляли рабочие-нефтяники, завербованные с американских нефтепромыслов только потому, что умели обращаться с массивными кранами и другим громоздким оборудованием корабля. Ни один из них не желал стычки с советскими моряками. Они хотели лишь одного: выполнить свою работу и уехать домой.

Новые фотоснимки, сделанные камерой, спущенной с борта «Гломар», показали, что подлодка типа «Гольф» находится в таком же состоянии, в каком ее обнаружила «Халибат» шесть лет тому назад. Она лежала с креном на правый борт. Фотоснимки, сделанные через открытые или отсутствующие крышки люков, четко показывали, что на лодке все еще оставалась одна ракета с ядерным зарядом. Две другие были повреждены, когда лодка тонула.

За исключением трехметровой дыры позади ходовой рубки, появившейся, по-видимому, в результате взрыва, который привел к гибели лодки, остальной корпус выглядел целым. Но оставалась большая вероятность того, что корпус может быть недостаточно прочным. По расчетам ВМС США, советская подлодка врезалась в океанское дно на большой скорости. Сильный удар мог привести к повреждениям под внешней стальной обшивкой. Это был один из основных доводов Бредли и Крейвена в пользу того, что вряд ли есть смысл поднимать лодку целиком.

Но как достичь корпуса лодки? Это было, по мнению одного из членов экипажа «Гломар», все равно что пытаться поднять огромную стальную трубу с грунта тросом, спущенным с крыши 110-этажного небоскреба в крошечной темноте при сильных порывах ветра.

Компьютеры в рубке управления «Гломар» начали выдавать информацию по мере того, как огромная клешня со стальными захватами, напоминающими щупальцы осьминога, медленно опускалась в глубину. Потребовалось несколько дней, чтобы опустить клешню в район ходовой рубки затонувшей лодки. Наконец пятью захватами удалось подсоединить корпус лодки.

Начался подъем со скоростью около 2 метров в минуту.

Через 9 часов советская лодка была поднята на 1000 метров от дна, затем ее подняли еще на 1500 метров. До поверхности оставалось около 2 миль. Через минуту лодка должна была подняться еще на 2 метра. Вместо этого пришло удручающее осознание того, что лодка уже никогда не поднимется.

Три захвата, державшие лодку, с треском лопнули и отвалились. Теперь оставались только два захвата, державшие ее носовую часть. Остальная часть лодки некоторое время болталась, а затем стальной корпус стал разваливаться и пошел на глубину, унося с собой на дно океана и ракету с ядерной боеголовкой, и шифры, и шифровальные машины, и специальные радиопередатчики, то есть почти все, что ЦРУ намеревалось получить.

На обратном пути домой на «Гломар» царило уныние. Ведь они везли домой лишь десятую часть советской подлодки.

«Гломар» был еще в море, когда пришло сообщение, что Никсон с позором покинул Белый дом.

Политический шторм, который так захватил Херша, с уходом Никсона со своего поста прекратился. К тому же Херш ничего не слышал ни о попытке «Гломар», ни о его неудаче. Херша даже не насторожило то, что подводные специалисты ЦРУ начали составлять планы проведения второй попытки достать затонувшую советскую лодку. Но с уходом Никсона Херш снова занялся проблемами разведки. В декабре на первой странице «Нью-Йорк таймс» он опубликовал большую статью, обвиняющую ЦРУ в том, что оно проводило массовую незаконную разведывательную операцию внутри страны, собирая досье более чем на 10 тысяч американских граждан. ЦРУ проводило слежку за противниками войны во Вьетнаме и внедряло агентов в антивоенные организации.

Колби и Херш еще были в размолвке из-за последствий статьи о слежке за гражданами внутри страны, как на поверхность всплыла история проекта «Дженнифер». 7 февраля 1975 года утренний выпуск газеты «Лос-Анджелес таймс» вышел с кричащим заголовком через всю первую страницу: «Сообщают о сделке ЦРУ с Хьюзом по поводу утонувшей русской подлодки».

Херш задержал публикацию своей статьи на эту тему почти на целый год. И вот «Лос-Анджелес таймс» его опередила. Но в статье была ошибка, в ней указывалось, что лодка затонула в Атлантическом океане, а не в Тихом, приводились лишь мелкие подробности операции. Как бы то ни было, теперь Херш не видел оснований воздерживаться от опубликования имевшегося у него куда более обстоятельного материала. Колби же был решительно настроен не допустить этого. Дело в том, что после провала первой попытки эксперты ЦРУ убедили Колби, что «Гломар» может поднять и оставшуюся часть подлодки. Корабль уже переоборудовали, и вторая попытка была намечена на лето 1975 года.

Колби полагал, что если шум, поднятый «Лос-Анджелес таймс», быстро утихнет, то в Советском Союзе и не заметят этой публикации. Но если она привлечет внимание или Херш выступит с более подробными данными, да еще укажет фактическое место нахождения утонувшей советской лодки, то ему, Колби, придется остановить операцию и его агентство потерпит очередное фиаско.

ЦРУ немедленно послало двух агентов к редактору газеты «Лос-Анджелес таймс». Они заявили редактору, что операция «Дженнифер» еще не завершена и публикация в газете помешает ЦРУ извлечь из нее очевидные выгоды для

США. Агенты не сказали, что первая попытка уже провалилась. Но редактор и не задавал много вопросов. Он согласился спрятать эту заметку на 18-й странице в следующем, дневном выпуске газеты и не печатать продолжение.

Затем уже сам Колби позвонил издателю газеты «Нью-Йорк таймс» и попросил порекомендовать Хершу не проявлять активности по поводу проекта «Дженнифер». Но это не остановило Херша. Он с новой силой стал искать дополнительные факты. Между тем другие журналисты тоже ухватились за тему о проекте «Дженнифер».

Наконец известный журналист Джек Андерсен, несмотря на предупреждение ЦРУ, заявил, что не может скрывать от общественности тот факт, что 350 миллионов долларов были буквально выброшены на дно океана. (Позже правительственные чиновники подсчитали, что стоимость проекта составила более 500 миллионов долларов.) Со своим сообщением Джек Андерсен выступил на радиостанции «Мьючуал радио нетуорк».

После этого Херш на следующий день опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» более подробные и более полные данные о проекте «Дженнифер». Огромный заголовок гласил: «Спасательный корабль ЦРУ привез части советской подлодки, затонувшей в 1968 году, но не смог поднять ракету с ядерным зарядом». В статье говорилось, что, по сведениям высокопоставленных государственных чиновников, «Центральное разведывательное управление потратило многие миллионы долларов на строительство глубоководного спасательного судна и прошлым летом безуспешно пыталось использовать его, чтобы достать ракету с ядерным зарядом и шифры с затонувшей в Тихом океане советской подлодки». Далее Херш сообщал, что ЦРУ удалось поднять лишь незначительную носовую часть подлодки, где, по словам его источников, находились лишь устаревшие кодовые книги и устаревшие ракеты, не оправдывающие «ни огромные затраты на эту операцию, ни потенциальную угрозу разрядке напряженности в отношениях между США и Советским Союзом». Херш ошибочно писал в своем сообщении, что вместе с обломками лодки были подняты тела семи человек, хотя тел было всего шесть. Кроме того, в статье указывалось, что ЦРУ устроило церемонию похорон этих тел, которую засняло на видеопленку – на случай, если Советский Союз когда-нибудь узнает о попытках подъема лодки и потребует информацию.

Директор ЦРУ перестал говорить о проекте «Дженнифер», полагая, что его молчание является единственным средством для удержания Советского Союза от обсуждения этой темы. При очередном посещении Белого дома он показал президенту Форду «Мемуары Н.С. Хрущева» и обратил внимание президента на то место, где Хрущев пишет, что он был вынужден разжечь общественное возмущение и отменить встречу в верхах с президентом США Эйзенхауэром в 1960 году после того, как тот открыто признал, что самолет У-2, летевший над Советским Союзом, был шпионским самолетом, а не метеоразведчиком, сбившимся с курса. Не желая повторять ошибку Эйзенхауэра, администрация президента США Форда на все вопросы о судне «Гломар» давала стандартный ответ – «без комментариев».

Киссинджер в беседе с советским послом А.Ф. Добрыниным заверил, что ЦРУ отменит свои планы повторной попытки поднять затонувшую советскую подлодку. Он также передал Добрынину фамилии трех советских подводников, именные медальоны которых были обнаружены среди тел шести человек, поднятых при первой попытке подъема лодки.

После этого казалось, что все проблемы исчерпаны и Советский Союз не настаивает на продолжении конфликта.

(У Советского Союза были веские причины ликвидировать скандал. Достаточно упомянуть саму потерю лодки и неспособность ее найти. Хуже того, американцы нашли и попытались вырвать ее из глубин океана. Еще хуже, что советские разведчики прочли об этом в американских газетах. Но самым унижительным для советской стороны был тот факт, что о проекте «Дженнифер» было своевременное предупреждение, которое проигнорировали. Когда спасательное судно «Гломар Эксплорер» в начале 1974 года выходило в море на ходовые испытания, советский офицер Штыров пытался предупредить своего начальника, адмирала Смирнова Н.Д., в то время командующего Тихоокеанским флотом. Штыров мог только сказать, что единственным ценным предметом в том месте, где заметили «Гломар Эксплорер», могла быть потерявшаяся советская подлодка. К тому времени в Советском Союзе уже определили в общих чертах район, где, как полагали, потерялась лодка.

Несмотря на разведсведения директора ЦРУ Колби о том, что поблизости от «Гломар» не проходило ни одно советское судно, Смирнов отреагировал на предупреждение подчиненного, незамедлительно послав быстроходное разведывательное судно в указанный район. Оно пришло туда за месяц до того, когда была предпринята реальная попытка подъема подлодки. В то время там проводилось только испытание оборудования. Советское разведывательное судно доложило, что видели американский корабль непонятной конструкции, размерами с футбольное поле и с формами наподобие нефтяных буровых вышек, которое стоит на месте в данном районе. Через три дня «Гломар» пошел на Гавайские острова. А советское судно отправилось домой.

«Гломар» вернулся в указанный район для проведения очередных испытаний в марте 1974 года. Штыров вновь убеждал своих начальников выслать туда корабль. Но на этот раз адмиралы отказались рисковать одним из наиболее хорошо оборудованных кораблей в зимних штормовых условиях северной части Тихого океана и согласились только направить судно гидрографической экспедиции, уже находившееся в море. Командир этого корабля доложил, что «Гломар» занимается разведкой нефти, и вскоре ушел из этого района. Его заменил старый буксир, который продолжил наблюдение. Но оставался там всего десять дней. Когда в июле «Гломар» начал попытку подъема подлодки, Штыров снова попросил послать разведывательное судно. Но его уже не слушали. Кроме того, его начальник просто не верил, что у американцев есть соответствующая технология для подъема затонувшей подлодки. Адмирал Смирнов не хотел рисковать и решил, что у него нет лишнего корабля. Попытка Штырова через голову своего начальника обратиться к вышестоящему получила резкий отказ: «Обращаю ваше внимание

на более качественное выполнение плановых задач».

Штыров не знал, что у его начальника имелось важное подтверждение его правоты. Записка была подброшена под двери советского посольства в Вашингтоне. В ней говорилось: «Спецслужбы принимают меры для того, чтобы поднять советскую подлодку, которая утонула в Тихом океане» Подпись: «Доброжелатель». Посольство переслало копию этой записки в Москву, откуда она была направлена адмиралу Смирнову. А тот, по-видимому, спрятал ее в свой сейф.

Эти факты не были известны до появления заметки в газете «Известия» от 6 июля 1992 года.)

Похоже, что американское правительство предоставило Советскому Союзу более подробную информацию, чем своему народу, дав повод прессе к различного рода измышлениям в отношении экспедиции судна «Гломар».

Почти все американские газеты и журналы сообщали, что США подняли одну треть носовой части стометровой советской подлодки. Но бывшие ответственные сотрудники ВМС США говорят, что на поверхность была поднята лишь часть корпуса лодки длиной менее 13 метров. В первоначальных газетных статьях была также путаница в отношении типа утонувшей советской подлодки. ЦРУ и другие правительственные ведомства не желали признать, что целью всей экспедиции на «Гломар» была устаревшая советская дизельная подлодка. Совершенно ясно, что ЦРУ дало дезинформацию, сообщив репортерам, что место проведения операции «Дженнифер» находилось в 750 милях к северо-западу от Гавайских островов, сдвинув его на 1700 миль в сторону от фактического места. По-видимому, это было сделано, чтобы ввести в заблуждение Советский Союз. В конечном счете ЦРУ, похоже, удалось убедить в этом некоторых газетчиков, если судить по содержанию более поздних статей.

Тем не менее в прессе кипели страсти. Все чаще высказывалось мнение, что под прикрытием термина «национальная безопасность» ЦРУ не столько пыталось сохранить государственные секреты, сколько спасти собственную репутацию. Большинство журналистов писало, что проект «Дженнифер» оказался безуспешным, и ЦРУ прилагало огромные усилия, чтобы скрыть это.

Если бы пресса знала всю правду, то ЦРУ досталось бы от нее еще больше. Из недавних интервью с бывшими высокопоставленными сотрудниками ВМС стало очевидно, что план ЦРУ по проведению повторной попытки подъема подлодки был порочен в самом начале.

В конце 1974 года, за несколько месяцев до того, как Колби предпринимал отчаянные попытки сохранить в тайне намерения совершить вторую попытку, ВМС еще раз направили подлодку «Сивулф» на место гибели советской лодки. «Сивулф» была только что переоборудована для того, чтобы присоединиться к «Халибат» в качестве второй лодки «специального проекта». С помощью камер электронной «рыбы» удалось сделать дополнительные фотоснимки утонувшей подлодки. Фотоснимки показали, что после того как «Гломар» уронил лодку, она лежала на дне, рассыпавшись на мелкие куски, в виде огромной мозаики, украшающей песок. Один из бывших высших военно-морских офицеров

высказал мнение, что нет никакой возможности собрать что-нибудь еще, а уж тем более боеголовки, шифровальные машины, антенны.

Офицеры ВМС удивлялись, почему ЦРУ не хочет признать этого? Среди тех, кто критически относился к плану ЦРУ, были и капитан первого ранга Бредли, и контр-адмирал Инман, который стал во главе военно-морской разведки в сентябре 1974 года.

Но ЦРУ упрямо настаивало на осуществлении своего проекта. Единственное видимое изменение в проекте касалось замены щупальцев на клешне на огромный ковш. Специалисты ЦРУ надеялись зацепить этим ковшом что-либо значительное из рассыпавшихся кусков советской подлодки.

Колби ничего не говорил об этом редакторам газет, когда уговаривал их не мешать ЦРУ заниматься своим делом.

Позже Колби заявлял, что не помнит, видел ли он фотоснимки, сделанные подлодкой «Сивулф», и что он полагался на анализ своих технических экспертов. «Мы все были убеждены, что при повторной попытке нам удастся достать что-нибудь. В противном случае к чему, черт возьми, было заниматься этим?» – утверждал он. Возможно, Колби не учитывал, что его эксперты были далеко не объективными. Ведь они потратили многие годы на проект «Дженнифер», были ответственны за огромные расходы на этот проект и, пожалуй, больше заботились о своем профессиональном престиже, чем о жизни членов экипажа судна «Гломар Эксплорер». Карл Дакетт, возглавлявший экспедицию на «Гломар», вскоре умер, и его мнение о шансах на успех второй попытки осталось загадкой. Колби же до самой своей смерти в 1996 году настаивал на том, что вторая попытка могла оказаться успешной.

Но бывшие офицеры ВМС полагают, что сотрудники ЦРУ с отчаянностью обреченных верили в ими же созданный миф, в то, что успех был все еще возможен и что они не потратили впустую такие колоссальные средства.

Мнение Крейвена было значительно более прямолинейным: «Этот проект выглядел очень заманчиво. Но люди Колби отдали его в руки группы людей, которые с точки зрения специалистов-океанологов являлись просто кучкой профанов».

В этом Херш согласен с Крейвеном. После случая с неудачным подъемом Херш начал расследование регулярных военно-морских операций подводных лодок. В мае 1975 года он напечатал обзор о проекте «Холистоун», связанном со слежкой за подлодками, а также о разведывательных операциях поблизости и в пределах советских территориальных вод.

Херш отмечал, что произошло несколько столкновений американских и советских подводных лодок, что одна из американских подводных лодок садилась на мель на подходах к Владивостокской гавани, что некоторые сотрудники Белого дома и ЦРУ сомневались в целесообразности нахождения в тех районах такого большого количества подлодок США в эпоху разрядки. После публикации этих фактов Хершу позвонил человек, служивший на подлодке «Гато», когда та столкнулась в 1969 году с советской подлодкой типа «Хотель». Херш опубликовал сведения об этом инциденте в начале июля. К тому времени в конгрессе США уже обсуждался вопрос о злоупотреблениях в

разведке. Комиссия под председательством сенатора-демократа от штата Айдахо Франка Черча проводила расследование инцидентов и злоупотреблений этого агентства, начиная от слежки за гражданами внутри страны и кончая попытками совершения убийств за рубежом. Сенатор Черч уже однажды нарушал спокойствие гордого и неприкасаемого агентства, назвав его «слоном-отшельником».

Но рыцари плаща и кинжала в то время были еще больше озабочены расследованием, проводимым комиссией под председательством сенатора-демократа О. Пайка. Это было более широкое расследование деятельности Киссинджера, агентства национальной безопасности, ЦРУ, ФБР и ВМС. Пайк собирался провести обзор и шпионских операций подводных лодок ВМС, то есть сделать то, чего не пытался сделать ни один конгрессмен за тридцать лет с момента начала «холодной войны».

Пятидесятилетний Пайк был свободомыслящим человеком и немалым шутником. Он обычно носил старые, изношенные и даже совсем обветшалые костюмы. Но именно он несколько лет тому назад уличил ВМС в огромных перерасходах государственных средств и в карикатурной форме изобразил адмиралов, получавших надбавку к жалованию за риск полетов, а фактически за ту «опасность», которой они подвергались, сидя за своими письменными столами. По результатам проведенной Пайком проверки, родилась шутка о туалетных стульчаках и гаечных ключах, за которые военные платили сотни долларов. Когда он возглавил расследование разведывательной деятельности, пресса поначалу называла его профаном, несмотря на то, что он был выпускником Принстонского университета и школы права Колумбийского университета. К тому же долгое время был членом комитета по вопросам вооруженных сил, а в свое время проявил себя отважным морским пехотинцем.

Теперь он обещал за шесть месяцев тщательно разобраться со шпионажем в период «холодной войны». Для подводных сил это означало, что Пайк грозил вникнуть в суть операций по проведению слежки, вторжений в иностранные территориальные воды и столкновений кораблей. Военно-морские силы опасались, что он раскроет широкой публике сущность секретных военно-морских операций. В конце концов именно он возглавлял расследование, проводившееся палатой представителей по поводу провала операции разведывательного судна «Пуэбло». Это расследование определило, что причиной провала являлся поверхностный анализ обстановки и недосмотр ответственных лиц, направивших судно в опасные воды у побережья Северной Кореи.

Возможно, другой конгрессмен занимался бы планированием столь амбициозного расследования в шикарных конференц-залах или, попивая виски, в одном из частных вашингтонских клубов, из числа тех, которые не утруждают себя проставлением цен в меню. Пайк же планировал свое расследование, сидя в трусах и майке, попивая дешевое пиво со своим давним менеджером по предвыборной кампании А. Доннером, в небольшой квартире недалеко от Капитолийского холма. Они снимали ее на двоих в Вашингтоне, поскольку их семьи все еще оставались на Лонг-Айленде. Эти двое

разрабатывали свою стратегию с энтузиазмом студентов, планирующих свою первую в жизни демонстрацию на территории университета. Решили, что Пайк начнет разбираться с этими самыми мощными в стране разведывательными ведомствами с проведения анализа соответствия затраченных на секретные операции средств и полученного результата.

Возглавляемый Пайком комитет конгресса был усилен группой молодых специалистов, часть из которых только что закончила расследование уотергейтского скандала. Они привнесли в работу комитета давнее недоверие к политическому истеблишменту и властям имущим, особенно ко всему тому, на чем обычно ставится гриф «совершенно секретно».

Эти члены комитета были непочтительны, держались весьма вольно, не признавая никаких авторитетов. И задавали свои вопросы, что называется, в лоб: Чем занимаются разведывательные ведомства? Во сколько они обходятся налогоплательщикам? Какую пользу извлекают из того огромного потока информации, которую собирают? И не являются ли их многочисленные и дорогие операции просто излишеством?

Одним из самых уязвимых мест для ЦРУ был, конечно, проект «Дженнифер». Он заставил Пайка задаться вопросом – было ли это, в лучшем случае, колоссальной неудачей или же абсолютной бессмыслицей в виде чека на предъявителя, выписанного на имя корпорации Ховарда Хьюза. Если бы Крейвен был посвящен в подозрения Пайка, они бы его воодушевили. Как только Пайк начал свое расследование по проекту «Дженнифер», Колби попытался применить те же приемы, которые срабатывали с редакторами газет и которые, похоже, действовали и на членов сената. Он предложил Пайку, как ему казалось, достаточно подробную информацию, чтобы удовлетворить его любопытство. На проводимых Пайком слушаниях по этому проекту Колби со своими сотрудниками попытался воспользоваться известной шпионской уловкой – настоять на проведении слушаний за закрытыми дверями, и это при том, что речь шла об одном из самых плохо скрываемых государственных секретов.

Конгрессмены уже начали заседание, когда в зал вошли представители ЦРУ. Это были суровые молодые люди, одетые в темные костюмы, с наушниками в ушах и с микрофонами. Они проверили комнату на наличие «жучков» в углах, под столами и креслами. Пайк и другие конгрессмены ошеломлено наблюдали за этим действием.

Затем вошла вторая группа агентов, меньшей численностью. Агенты несли большие черные кейсы, какие часто используют музейные работники для транспортировки особо ценных экспонатов. Пинкертон также стал обыскивать комнату, причем ни один из конгрессменов не знал, что же они ищут. Это было похоже на двухактный спектакль с целью подчеркнуть всю серьезность происходящего. И эффект таких приемов, как правило, ощущался.

Последним в комнату вошел Колби с некоторыми из своих заместителей, знаменуя тем самым начало третьего акта. Защелкали открываемые замки на кейсах, и сотрудники ЦРУ стали осторожно вытаскивать большие пластиковые мешки, аккуратно размещая их на длинном столе перед конгрессменами. Члены

комитета нагнулись вниз и попытались взглянуть через пластик на те бесценные предметы, которые были принесены под такой усиленной охраной.

Было слышно, как кто-то откашливался, но большинство членов комитета хранило гробовое молчание. Никто не знал, что сказать. Предметы, так торжественно разложенные на столе, оказались не более чем набором металлических осколков, весьма напоминавших ржавое железо.

Законодатели внимательно осмотрели осколки, притворяясь, что выражают почтение. Особенно когда Колби со всей серьезностью объявил, что это не что иное, как мелкие куски русской подлодки. Лишь позже члены комитета признавались друг другу, что то, на что они смотрели, могло быть чем угодно, даже отходами со строительной площадки, находящейся неподалеку. Демонстрация океанических карт с диаграммами означала для них почти то же самое. Что касается вопросов относительно соотношений сделанных расходов и полученной пользы, то Колби ловко избегал прямых ответов, прикрываясь туманными объяснениями, что общие расходы-де нельзя оценить, так как большинство фондов скрыто в других, более рутинных бюджетах. Выступление Колби было просто мастерским. К тому времени, когда шоу закончилось, ни один из членов комитета так и не вспомнил, что нужно задать вопрос о Ховарде Хьюзе.

Но представление, которое устроило им ЦРУ, оставило у конгрессменов ощущение, что их попросту одурачили. Это чувство не исчезло даже после того, как Колби, пытаясь произвести впечатление на членов комитета, показывал им снаряжение секретных агентов, включая особое приспособление, которое агенты называли «микробиошприц» – устройство, похожее на пистолет, стреляющий иглками, несущими в себе вещество, парализующее у жертвы центральную нервную систему. Бунтарские соратники Пайка были глубоко оскорблены этими шпионскими древностями. Если все это шоу было направлено только на то, чтобы оправдать проект «Гломар Эксплорер», то члены комитета еще больше убедились, в необходимости расследовать широкий спектр подводных операций. Люди Пайка приступили к изучению проблем, поднятых в статьях Херша об операциях «Холистоун», а также о столкновении подлодки «Гато».

Среди офицеров военно-морских сил распространилось мнение, что Пайк больше не играет по старым правилам, он вообще действует без правил, пытаясь влезть в наиболее секретные операции. Адмиралы рекомендовали, чтобы ВМС всячески препятствовали его расследованию. В то же время несколько подводников из числа ветеранов позвонили в комитет Пайка и рассказали о посадках подводных лодок на мель, о составлении фальшивых докладов о патрулировании, еще об одном столкновении, в результате которого, похоже, затонула советская подлодка.

Эти разоблачения не имели аналогов. Работая в комитете по вооруженным силам, Пайк ни с чем подобным не сталкивался. Большинство членов комитета было слабо информировано о подводных лодках и даже о рутинных разведывательных операциях. До тех пор, пока «уотергейт» не сломал старую систему старшинства, существовавшую в конгрессе, и не вывел на сцену

подобных Пайку смутьянов, сообществу подводников удавалось легко решать свои проблемы в конгрессе. Для этого всегда находились конгрессмены, на которых можно было рассчитывать, проталкивая программы ЦРУ. Например, сенатор от штата Джорджия Ричард Б. Расселл (ныне покойный), который в шестидесятые годы лично курировал большинство разведывательных операций. Либо такие, как адмирал Мурер, который в качестве начальника военно-морских операций обеспечивал поддержку проекту «Гломар». Будучи председателем объединенного комитета начальников штабов с 1967 по 1974 год, он говорил: «В шестидесятих годах нам было очень просто. Стоило сообщить сенатору Расселлу, что ты, и никто другой, занят этим, и утечки информации не происходило».

Звонок анонимного абонента, рассказавшего о подводной лодке, способной проводить глубоководный поиск и осуществлять посадку на морское дно, привнес в расследование неожиданный поворот. Это произошло незадолго до того, как команда Пайка узнала о прослушивании подводного кабеля в Охотском море. Источником этой информации стал один из немногих допущенных к секретам ВМС член экипажа подлодки «Халибат». В его словах ощущалась нервозность – все еще находясь на службе в ВМС, он не имел права разглашать военные тайны, ни с кем общаться. Тем более с конгрессменом, известным не только тем, что он постоянно пинал военных, но и тем, что занимался оценкой затрат на военные операции, выискивая прорехи в финансовых отчетах, а найдя их – с радостью придавал огласке. Разглашение подобного рода информации могло стать убийственным актом для карьеры подводника.

Понимая это, люди Пайка делали все возможное, чтобы убедить этого человека в его безопасности. Лишь попросили его указать географическую точку, где им следует искать. А поиски, они пообещали, будут вестись их собственными силами. И смогут противостоять Пентагону без него. Какой смысл приглашать на публичные слушания в комитете рядового подводника, засвечивая тем самым своего информатора?

Лишь после этого подводник стал рассказывать – о «пещере летучих мышей», об Охотском море. Затем позвонил еще один человек из службы специальных проектов. Подводники искали ответ на вопросы, так же, как в свое время это делали моряки с подводной лодки «Халибат», когда Уайт отказался вернуться на свою лодку на о. Гуам. Они хотели узнать, сочетается ли вторжение в советские территориальные воды и установка на телефонном кабеле подслушивающего устройства с межправительственными договоренностями об исключении телефонного прослушивания на время переговоров по разоружению. Зачем им уготовили роль приманки в советских водах? Почему командование подводными силами стало не в меру усердным и безрассудным и ради чего они рисковали своими жизнями во время проведения этих явно незаконных операций? Конечно, они знали, на что идут. Но хотели знать и то, зачем было так рисковать, зачем вообще была нужна эта операция. Особенно их интересовало, почему их отправили в советские воды на двух самых старых и самых шумных на всем флоте подлодках. К тому времени, в

конце 1975 года, подлодка «Халибат» завершила свой последний поход, и ее собирались списывать. Пришедшая на смену «Халибат» подлодка «Сивулф» оказалась еще большей развалиной.

Как только команда конгрессмена Пайка начала расследование по этим фактам, одному из ее самых молодых членов – Эдварду Роедеру было поручено возглавить его. Адмирал Дж. Халлоуей, ставший к тому времени начальником военно-морских операций, работал в сотрудничестве с Инманом, директором военно-морской разведки.

На 25-летнего Роедера, бывшего журналиста, команда смотрела как на требовательного, придирчивого человека, не в меру усердного в своих попытках собрать информацию. Команду Пайка привела в ужас его попытка назначить свидание секретарю агентства национальной безопасности в надежде за чашкой кофе выудить из нее секреты – этот шаг оказался полнейшей неудачей.

Но Роедер оказался способен без особых эмоций взглянуть на всю ту «мистику», которая окружала высокотехнологичную подводную шпионскую войну. Даже его критики полагали, что он пришел к наиболее трезвому объяснению того, каким образом самые большие секреты десятилетия сумели пережить то время, когда США и СССР ловили друг друга «с поличным». Роедер это объяснял весьма образно: Соединенные Штаты и Советский Союз вели себя подобно двум игрокам, ведущим бесконечную карточную игру в накуренной комнате. Оба мухлюют, но не могут в этом уличить друг друга, потому что это приведет к концу игры.

В ходе расследования Роедеру предстояло выяснить, каким образом можно прорваться в тот мир, где ВМС США охраняли не только свои собственные приемы борьбы, но и приемы своего потенциального противника. Здесь он столкнулся с таким крепким орешком, как Бобби Инман.

Инман решил произвести сильное впечатление на Пайка и его команду имеющимися у него фактами. Опытный чиновник игнорировал указания ВМС о необходимости молчать. Всего пару лет назад он являлся старшим помощником Халлоуея, когда тот был в свою очередь первым заместителем начальника военно-морских операций. Работа Инмана тогда заключалась в контроле за информацией, исходящей из конгресса и прессы. И хотя в те времена было не так много посягательств на неприкосновенность военно-морских секретов, даже ВМС были вынуждены пройти через слушания по бюджету. Он наблюдал, как бравым адмиралам сокращали ассигнования после того, как те не могли дать четких ответов на поставленные им вопросы, несмотря на то, что их сопровождала целая свита помощников. Но он был свидетелем и того, как представленные программы оставались нетронутыми, если их представляли люди, хорошо владеющие информацией, с безукоризненными манерами.

Инман предстал перед Роедером и другими членами группы Пайка без привычного блеска галунов. Его речь и внешний вид отличались от прочих адмиралов. Он выглядел невзрачным и худощавым человеком, носящим очки в роговой оправе, одетым в униформу с настолько изношенным воротником, что адмиральские звезды на его плечах совершенно не смотрелись. Людям Пайка

он показался большим хитрецом. Но готовность главы военно-морской разведки к сотрудничеству поразила и вызвала удивление. Инман решил упредить всякую критику и лишнее внимание к своему ведомству, предоставив Пайку все, что ему требовалось. Точнее, почти все. Инман собирался сообщить Пайку только то, что подвело бы его к принятой в ВМС точке зрения: с помощью подводных операций добывалась исключительно важная информация, которая иным способом не могла быть получена. Ведь подобные операции экономят массу средств, помогают ВМС подстраивать их собственные программы под выявленную советскую угрозу.

С благословения начальника военно-морских операций Инман пообещал Роедеру расследовать все случаи столкновений подлодок и их посадки на мель. Заверил, что изучит вопрос о прослушивании кабеля. Однако Инман выдвинул одно условие: утечка информации должна быть исключена. Он настоял на том, что наиболее важные документы должны храниться в так называемом «20-минутном сейфе» – именно столько времени требуется на его вскрытие с помощью ацетиленовой горелки.

Роедер согласился пользоваться таким сейфом и пообещал, что комбинацию замка будет знать только он. Но когда он обратился с просьбой предоставить ему подобный сейф, оказалось, что таковых нет в наличии. Чувствуя, что его водят за нос, Роедер решил сделать демонстративный жест и сложить с себя полномочия.

Этот жест произвел должное впечатление на адмирала, но ему для полной победы над командой Пайка этого было мало. Инман решил прикинуться эдаким открытым и честным парнем. Они встречались несколько раз в святой святых комитета, в так называемой комнате без окон, которую члены команды Пайка прозвали «конус молчания», как в популярном комедийном сериале о шпионах «Шевели извилинами». В действительности она больше походила на тесный шкаф, в котором едва хватало места для стола шириной не более полуметра и нескольких стульев. В комнате постоянно висело облако табачного дыма. Инман, казалось, не обращал внимания на убогую обстановку. Он был вынужден признать, что упоминавшиеся подводные операции спецведомства США проводили вне контекста переговоров по разрядке. Прорекламировав это без всякой демагогии, Инман тем самым как бы отделил себя от всего разведывательного сообщества и приблизился к команде Пайка.

Со временем Инман, как и обещал, представил Пайку детальный отчет о происшествиях с подводными лодками. Из него выяснилось, что за прошедшие десять лет произошло по крайней мере девять столкновений подлодок с кораблями вероятного противника. Более 110 раз американские разведывательные подлодки могли быть обнаружены. Инман признал, что отдельные командиры подлодок фальсифицировали записи в своих отчетах с целью сокрытия случаев их обнаружения и излишне рискованных действий. Он даже отдал распоряжение офицерам военно-морской разведки изучить соответствие докладов находившихся на борту «спуков» о данных перехвата советских линий связи – официальным докладам командиров американских подводных лодок. Инман лично докладывал Пайку о деталях операций по

прослушиванию телефонного кабеля.

В конце концов этот внешне открытый и честный интеллигент с хорошими манерами сумел убедить Пайка, что целью нападок должен быть не он, а такие, как Колби и Киссинджер. Теперь люди Пайка уделяли массу времени изучению имперских методов, которыми пользовался Киссинджер, имеющий огромное влияние на внешнюю политику США. Но к началу 1976 года, когда расследование Пайка было завершено, разведывательное сообщество совместно с администрацией Форда сумело убедить конгресс голосовать против него. Копия доклада Пайка попала в журнал «Виллидж Войс», который опубликовал его полностью. Однако выяснилось, что лишь восемь абзацев там посвящены подводному шпионажу и ни слова нет о прослушивании советского телефонного кабеля. Вместо этого в общих чертах говорилось о рутинных разведывательных программах, которые не всегда эффективны. А ВМС лишь мягко пожурили, заявив, что данная ими оценка операций как «неопасных» на самом деле не соответствует действительности. В докладе указывалось, что оценка степени риска операций носила исключительно формальный характер. Отмечалось, что ни один командир подлодки, совершивший столкновение, не был подвергнут дисциплинарному наказанию.

Получалось, что гора родила мышь. Американская общественность так ничего толком и не узнала о реальной стоимости проводимых подводных операций. А военно-морская разведка, как и прежде, продолжала свое покрытое завесой тайны дело. Специальные операции продолжались. Разведывательные операции «Холистоун» теперь стали именоваться как специальные программы ВМС по контролю или кратко – «специальные военно-морские операции». Инман вместе с вице-адмиралом Робертом Л. Дж. Лонгом – высшим чином в подводных силах, решили существенно увеличить размеры финансирования операций по прослушиванию телефонных кабелей. Кроме того, они надеялись получить одобрение Риковера на окончательную модернизацию новейшей подводной лодки для своих работ. Несмотря на неудачу с проектом «Гломар», совместное управление ЦРУ-ВМС не утратило своих позиций, а ЦРУ удалось сохранить всеобъемлющий контроль над военно-морскими шпионскими операциями. Именно оно стало финансировать строительство специальных подводных лодок. Конгресс одобрил отчисление средств на их переоборудование.

А в это время убогая, полуразбитая лодка «Сивулф» продолжала выполнять нелегкую операцию по прослушиванию подводного телефонного кабеля. Но несмотря на то, что некоторые подводники рискнули-таки обратиться к Пайку, мало что изменилось. Эти операции уже ничем нельзя было остановить, даже тем, что придется их проводить на шумной лодке с весьма испорченной репутацией. («Сивулф» была настолько шумной лодкой, что ВМС вынуждены были вместе с ней направлять другую подлодку, чтобы встречать на подходах к Охотскому морю и определять, нет ли за ней «хвоста», а при случае и отвлекать на себя внимание.)

Во время спуска «Сивулф» на воду случилась незадача – жене конгрессмена не удалось разбить бутылку шампанского о ее борт. Именно эту

лодку в середине 60-х годов Крейвен забраковал для проведения специальных операций. И все же она была переоборудована, потому что Риквер не знал, куда ее пристроить. Особенно после того, как в 1968 году во время учебного похода она налетела на подводную гору. Хотя ВМС и оснастили ее самым современным глубоководным оборудованием, в лодке все же прослеживались черты технологий 50-х годов. Ее едва дышащий на ладан реактор был настолько древним, что, как шутила команда, если бы лодку захватили русские, то это отбросило бы их ядерную программу назад лет эдак на пятьдесят. Особое «восхищение» вызывала установленная на ней система тревожного оповещения, которую команда окрестила «сука в ящике». Она орала женским голосом телефонного оператора 50-х годов, которую ВМС специально отобрали, считая, что ее голос обладает «умиротворяющим» эффектом. Она объявляла о пожарах, наводнениях и других катастрофах и, по мнению экипажа, была слишком говорлива.

Один из молодых матросов описал в своем дневнике успешные операции по прослушиванию телефонного кабеля в 1976 и в 1977 годах. Этот дневник начинался как детектив: «20 июня, 1976 г. Где-то за пределами Сан-Франциско. Место назначения – Россия. Без сомнения – хотя мы этого не должны знать – происходят странные вещи. Эта странная карта на полке старшины, где помечено советское побережье, штурманские прокладки курса и обозначения русских буев...»

Чем–то подводная лодка «Сивулф» походила на любую другую. Ее экипаж играл в ту же заразную игру «свистелки», которая была распространена по всему флоту. Морьякам доставляло удовольствие подтрунивать друг над другом не совсем изящными фразами типа: «Если вдруг твои зубы загорятся, я непременно напишу тебе в рот». Часто в дневниках можно встретить высказывания о скуке и об одиночестве жизни на лодке, где внешний мир ассоциировался со стопкой зачитанных порножурналов и другой подобной «литературы», тайно хранившейся на борту.

Монотонность существования нарушалась механическими сбоями и другими опасными происшествиями. Ведь лодка находилась посреди советских территориальных вод. Случались пожары и экстренные отключения реактора. Специалисты по реакторам из последних сил выбивались, чтобы дать лодке ход. Система кондиционирования воздуха настолько изнашивалась, что пока лодка находилась на точке прослушивания, команде пришлось на себе испытать то, что произошло с лодкой «Гаджен» – они были вынуждены пользоваться кислородными шашками и вентилировать помещения с помощью шнорхеля, все еще находясь в Охотском море.

Вскоре после этого случая «летописец» отметил в своем дневнике, что он бросил читать свои грязные книжки и переключился на роман «Выжившие». В нем описывались действительные события, происшедшие с командой спортсменов, потерпевших авиакатастрофу в Андах и вынужденных питаться телами своих умерших товарищей для спасения собственных жизней. Морьяка увлекали мечты о роме и свежих фруктах, когда он сидел в уединении на своей узенькой койке. Несмотря на огласку происшествия с проектом «Гломар» на

слушаниях в конгрессе, на лодке «Сивулф» по-прежнему царил режим строгой секретности.

«Летописец» вынужден был прятать свой дневник от командиров и даже от большинства своих сослуживцев. В конце концов, несмотря на всевозможные пожары и проблемы с реактором, он, как и Пайк, испытывал гордость за проделанную работу: «Понял, что мы сотворили – задача выполнена – невероятно – мы у пирса – наконец – дотянули до США – не рассыпались – есть еще порох в пороховнице!»

Глава 10

ТРИУМФ И КРИЗИС

Ричард Хейвер лучше всех в Вашингтоне умел сочинить что-нибудь неправдоподобное. Это умение особенно помогало ему, когда он проводил брифинги. В возрасте 35 лет он был начальником одного из многих департаментов военно-морской разведки, причем гражданским человеком, любимым протеже Б. Инмана. Того самого, который по сути в одиночку защитил подводные силы от критики со стороны конгресса США. Ричард Хейвер имел такие же способности очаровывать оппонентов и с обаятельной улыбкой вешать им лапшу на уши.

Адмирал Стенфилд Тернер, директор ЦРУ, знал это. Об этом также было известно министру обороны Харольду Брауну. Вот почему они взяли Хейвера с собой в тот весенний день 1978 года на брифинг в Белом доме у президента США Дж. Картера.

Тернер произносил вступительное слово, а Хейвер с любопытством поглядывал на собравшихся. Среди них кроме президента были госсекретарь Сайрус Вэнс и начальник штаба Белого дома Г. Джордан. Также присутствовал только что вернувшийся из 12-дневной поездки по Юго-Восточной Азии вице-президент Уолтер Мондейл, который, похоже, клевал носом. Но это не волновало Хейвера.

Он знал, что ему нужно завладеть вниманием Дж. Картера, который был инженером-атомщиком и последователем РикOVERA. Картера привлекли к работе по программе создания атомных подводных лодок в начале 1950-х годов. Но еще до того, как первая атомная подлодка вышла в море, Картер вынужден был уйти отсюда в связи со смертью отца и заняться делами семейной фермы по производству земляных орехов (арахиса). Но Картер так и не переставал считать РикOVERA своим наставником. Что касается Хейвера, то он был офицером разведки, «спуком», который летал на разведывательных самолетах ВМС США во время войны во Вьетнаме. Там он и познакомился с Инманом, руководившим боевой деятельностью разведки ВМС во Вьетнаме. Когда Хейвер задумал уйти с военной службы, то именно Инман уговорил его остаться в разведке гражданским аналитиком, вместо того чтобы поступать в юридическую школу.

В данный момент задача аналитика Хейвера заключалась в том, чтобы

напомнить Картеру про ядерную угрозу со стороны Советского Союза, а также подготовить президента к тому, чтобы он одобрил начало планирования операции более смелой, чем все предыдущие. Военно-морской разведке стало известно, что Советский Союз своими новыми подлодками типа «Дельта», имеющими на вооружении баллистические ракеты с дальностью стрельбы 4200 миль, завоевывает преимущество. Он располагает эти лодки вне сферы действия американских систем подводных гидрофонов, находящихся в районах южнее Азорских островов в южной Атлантике, сосредоточивая их в Баренцевом море. Эти подлодки в Баренцевом море находятся под прикрытием советских надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок. Они способны действовать на небольшом расстоянии от Вашингтона или других целей внутри дуги, проведенной от штата Южная Каролина, через штат Оклахома до штата Орегон. Хейвер доложил Картеру, что агентурная сеть разведки и шпионские подводные лодки с большими усилиями собирают и анализируют новую информацию. Однако внутри военно-морской разведки идут горячие споры о том, является ли решение Советского Союза убрать свои подводные лодки обратно в Баренцево море изменением стратегии или это кратковременная мера? Хейвер является сторонником тех, кто полагает, что Советский Союз маневрирует, чтобы получить важное ядерное преимущество над США.

Когда подлодки типа «Янки» были лучшими в советских ВМС, то почти за каждой – при приближении на расстояние дальности стрельбы их ракет до США – американскими подлодками велась слежка. Таким образом, у американских подлодок была возможность, в случае возникновения войны, потопить эти лодки еще до того, как они запустят свои ракеты. А затем, если обе стороны запустят межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, то в этом случае только у США останется возможность нанесения второго ядерного удара за счет сохранившихся в океане ракетных подлодок, прячущихся в океане. В этом заключалось преимущество США, которое американские ВМС готовили с того момента, когда «Белесый Мак» впервые провел слежку на своей подлодке «Лэпон». Но эта стратегия опиралась на три положения: советские подлодки оставались относительно шумными; они почти не имели представления, насколько часто за ними велась слежка; они продолжали патрулирование в открытом море, где за ними прежде всего и могла вестись слежка.

Но когда подлодки типа «Дельта» были отозваны в Баренцево море, то Хейвер и другие стали серьезно ставить под сомнение основные положения американской стратегии. С началом «холодной войны» американцы полагали, что советские ВМС направляли всю свою энергию на противостояние с США в открытом море, что в случае войны советские многоцелевые подлодки будут, главным образом, стремиться топить американские корабли, снабжающие Европу, как это делали немцы во время Второй мировой войны. Теперь же Советский Союз, похоже, совершает стратегический поворот и выбивает основу ядерной стратегии США. Хейвер напомнил президенту, что у ВМС США имеется один экстраординарный способ вести наблюдение за Советским

Союзом – крайне необходимая и важная операция по прослушиванию советского подводного кабеля связи в Охотском море, утвержденная лично Картером год тому назад. Затем Хейвер изложил план, который, по мнению военно-морской разведки, мог бы явиться следующим шагом в этом направлении: надо наладить прослушивание советских кабелей связи в Атлантическом регионе. А для этого послать подлодку, которая бы установила прослушивание кабеля непосредственно в Баренцевом море, где размещаются базы советских ракетных подлодок.

Ни «Халибат», ни «Сивулф» уже не могли это сделать: они считались устаревшими и слишком шумными для того, чтобы незаметно проникнуть в эти воды с интенсивным движением судов. (Когда происходил этот брифинг, «Сивулф» находилась в Тихом океане в поисках фрагментов советских ракет, пытаясь найти возможности использовать новое приспособление по захвату предметов, добавленное к одной из ее буксируемых камер.) Но у ВМС, наконец, появилась подлодка, которая могла бы выполнить эту сложную задачу, только что переоборудованная для обеспечения работы глубоководных водолазов и позволяющая «спускам» вести подслушивание кабелей. Это была «Парч» (бортовой номер SSN-683) – почти новая многоцелевая подлодка типа «Стерджен», менее шумная, более быстрая, чем все остальные подлодки, ранее передававшиеся специальной программе. (На подлодке «Парч» смонтировали новое оборудование для подслушивания, обеспечивающее более длительную запись. Кроме того, она была достаточно бесшумной, чтобы прошмыгнуть буквально перед носом у сильного советского Северного флота и установить подслушивающее устройство на кабеле в Баренцевом море.)

Пока Хейвер говорил, брифинг превратился в диалог ветеранов ВМС между собой. Картер начал склоняться в своем кресле так сильно, что некоторые стали подумывать, что президент подпал под влияние Хейвера. Было очевидно, что Картер заинтригован. Этого на первый раз вполне достаточно, так как и Хейвер и его начальники пока и не надеялись получить официальное одобрение операции. Им нужно было только убедиться, что президент заинтересован и что они могут продолжать планирование.

Получение предварительного согласия президента – это весьма умная тактика. А в случае с Картером даже лучше было двигаться к цели медленно, предварительно прощупывая его мнение. Несмотря на то, что Картер в прошлом сам служил на флоте, став президентом, он искал пути к сокращению оборонных программ: открыто выступал против новых систем оружия, усиленно предлагаемых Пентагоном, доказывал необходимость примирения с Советским Союзом. Некоторые военные даже считали, что он питает слабость к коммунизму.

Все присутствующие на брифинге понимали, что направление подлодки «Парч» с такой задачей в оживленное Баренцево море связано с куда большим риском ее обнаружения и, как следствие, усилением конфронтации с Советским Союзом, по сравнению с любыми подобными операциями в почти безлюдном Охотском море. «Парч» предстоит избегать встреч с десятками советских надводных кораблей и подводных лодок, постоянно курсирующими по

Баренцеву морю. К тому же кабель в этом районе проходит скорее всего вдоль побережья, и поэтому лодке почти наверняка придется ставить подслушивающие устройства в 12-мильной зоне советских территориальных вод, а возможно и внутри международно-признанной 3-мильной зоны.

Но Хейвер вызвал у Картера больше восхищения, чем осторожности. Директор ЦРУ адмирал Тернер был в восторге, когда президент в заключение поблагодарил за брифинг и попросил продолжать информировать его. Казалось, что Хейвер не только заинтересовал Картера новой операцией, но, по-видимому, обеспечил успех программы подслушивания кабелей связи на все следующее десятилетие.

Хотя Хейвер радовался, как и все, но его одолевало одно сомнение, о котором он не говорил никому. Он никак не мог отделаться от чувства страха, которое ему внушало изменение в советской стратегии в последнее время. Как будто Советский Союз нашел способ читать американские замыслы. Не было достаточных оснований, чтобы быть уверенным в этом, так, одни намеки. Но стратегия советских ВМС менялась на глазах.

Во-первых, постоянно увеличивалось количество многоцелевых подлодок, направляемых для эскортирования подлодок типа «Янки» и «Дельта», выходящих в Атлантику. На всем пути многоцелевые подлодки теперь циркулировали вокруг подлодок «Янки» и «Дельта», как будто внимательно выискивали натовские подлодки, которые могли вести слежку. Во-вторых, возникало впечатление, что советские подлодки выжидали, чтобы приступить к наблюдению за военно-морскими учениями еще до того, как американские надводные корабли и подлодки прибывали в район учений. Несколько раз советские подлодки показывались в тех районах, где ранее были запланированы американские учения, но были отменены. В других случаях по несколько советских подлодок одновременно вторгались в середину района проведения учений, как бы пытаясь определить, как будут действовать в этих случаях американские корабли. Наконец, самые новейшие советские многоцелевые подлодки типа «Виктор III», проходившие ходовые испытания в море, оказались значительно менее шумными, чем их предшественницы, они почти уже не уступали в этом американским лодкам. Похоже, что советские ВМС ухватили идею, что бесшумность может оказаться решающим фактором. До этого они, казалось, больше внимания уделяли только качеству лодок.

Может, все это было случайным совпадением? Или сбой произошел в механизме обеспечения безопасности американской системы связи? Может быть, там появился шпион? Инман послал Хейвера и еще одного офицера разведки, Уильяма Студемана, к руководству ВМС с просьбой оказать помощь в поисках возможной утечки информации. Но командование ВМС отказалось. Как можно подвергать сомнению их шифросвязь, самую сложную в мире?

Хейверу оставалось только продолжать поиски. Возможно, ответы на некоторые вопросы могут быть получены подлодкой «Парч», если ей удастся найти и начать прослушивание подводного кабеля связи в Баренцевом море. Но для этого придется ждать. ВМС при большой финансовой поддержке агентства национальной безопасности послали «Парч» в Охотское море, чтобы

установить на кабель второй подслушивающий аппарат рядом с первым и повысить возможности перехвата в этом месте. Отчасти «Парч» посылали туда, чтобы убедиться в ее возможностях, прежде чем кто-либо осмелится послать ее в другое, более опасное море.

«Парч» подтвердила свои возможности, и после почти безупречной операции ее люди вернулись на базу с настроением, что теперь им сам черт не брат. Экипаж из 140 человек откровенно посмеивался над экипажем подлодки «Сивулф», находившейся в сухом доке, в разобранном виде. Они называли лодку не «Сивулф», а «Щенок на пирсе», а ее экипаж приписанным к зданию «575» – по ее бортовому номеру. («Сивулф» в переводе означает «Зубатка полосатая».) Правда, экипаж «Сивулфа» в какой-то мере отомстил за эти шутки. В 1977 году водолазы с «Сивулф» поместили на кабель рядом с подслушивающим аппаратом череп коровы, чтобы хорошенько напугать водолазов с «Парч». Обе подлодки базировались на Маре-Айленд, и их экипажи проживали по соседству в деревянных бараках, вдали от других лодок. Но эта близость не предотвращала соперничества между ними, особенно теперь, когда «Парч» выходила в море, а экипажу «Сивулф» приходилось заниматься тяжелой работой, связанной с капитальным ремонтом лодки.

Экипаж «Сивулф» с завистью смотрел в 1979 году, как «Парч» готовилась во второй раз пойти на операцию, окруженную завесой таинственности, замысел которой так понравился президенту страны Картеру. На этот раз она шла в Баренцево море. Шла по маршруту, позволявшему обойти все точки скопления советских кораблей, но при этом труднейшему и опаснейшему из всех возможных. «Парч» направлялась к северу от Сан-Франциско, вдоль Аляски, через узкий, мелководный Берингов пролив, где почти сходятся границы США и Советского Союза и где лед мог потопить лодку скорее, чем противник. Оттуда, через Северный полюс, – снова на юг, в Баренцево море. Весь путь составлял 5500 морских миль. Расчет был на неожиданность: советские ВМС никак не могли ожидать, что «Парч» вознамерится проникать таким путем в Баренцево море.

Была еще одна тонкость. «Парч» отправилась в поход к Баренцеву морю во второй половине лета, после встречи в верхах Картера с Брежневым. Два лидера встретились 18 июля и подписали договор СНВ II, по которому обе стороны согласились ограничить количество носителей ракет.

Через две недели после встречи глав двух великих держав командир «Парч» Джон Маурер провел свою собственную «встречу в верхах» – с женской частью экипажа лодки, пока она еще находилась в порту. Он обеспечил уход за детьми на время встречи, прохладительные напитки и легкую закуску. Его описание предстоящего длительного отсутствия мужей ограничилось лишь сообщением даты убытия и даты возвращения. Джон раздал женщинам специальные бланки, на которых они могли посылать по радио краткие сообщения своим мужьям – несколько раз за три месяца, что «Парч» будет в походе. Кроме того, были розданы списки необходимых номеров телефонов, начиная с номера телефона его жены Карел, всех врачей на базе Маре-Айленд, полиции и заканчивая телефоном пожарной команды. Также

был вручен перечень обязанностей, которые, по мнению командования, временно перейдут от мужей к ним: когда доставлять автомашину на профилактику, телефоны водопроводчиков и электриков. Женщин попросили позаботиться и о том, чтобы мужья оставили им свои завещания. В заключение командир «попросил» жен отпустить мужей на все три месяца.

Были обычные слезы на пирсе, когда в августе провожали «Парч» в море. Белые на магнитах цифры «683», означавшие бортовой номер, были сняты с корпуса, лодка анонимно прошла под мостом Золотые Ворота и погрузилась в глубину. Этот поход «Парч» был окружен плотной завесой секретности. Экипаж не имел почти никакого представления, куда они идут. Им сказали только, что лодку посылают проверить, сможет ли «Парч» пройти подо льдом и вернуться назад.

Когда лодка приближалась к Аляске, Маурер начал подготовку к тому, чтобы пройти через узкий Берингов пролив в подводном положении. В проливе глубина была лишь пятьдесят метров. Прокладывали курс с расчетом идти со скоростью 2–3 узла.

Пройдя Берингов пролив, «Парч» должна была идти дальше на север через Чукотское море, которое было таким же мелководным, как и пролив, а лед на нем не таял даже летом. Из космоса это и другие окружающие Северный полюс моря выглядели, как в калейдоскопе, по мере того как температура и соленость изменяют цвет воды.

Почти через каждую милю импульсы гидролокатора «Парч» отражались от слоев воды с такой же интенсивностью, как и от твердых объектов, заставляя Маурера и его экипаж действовать почти вслепую, подобно самолету, летящему через плотную облачность.

Экипаж медленно вел «Парч» вперед, часто меняя курс, пытаясь разобраться в эхо-сигналах гидролокатора: что за препятствие находится прямо по курсу лодки? Точно разобраться можно было, только подойдя ближе, рискуя столкнуться. Но «Парч» не была полностью беспомощной. Начиная с 1950-х годов ВМС направляли под лед, по крайней мере, по одной подлодке в год. Была создана специальная лаборатория для изучения морского льда с целью облегчить плавание в этих незнакомых и трудных условиях. Вошли в строй специальные «ледовые» лодки типа «Стерджен», снабженные гидролокаторами, позволяющими «видеть» вверх и вперед, – это было необходимо для предотвращения столкновения со льдинами. Лодки оборудовали специальным манипулятором с изменяемой конфигурацией, который позволял им пробиваться через тонкий лед в случае аварийного всплытия.

Во время первых арктических операций ВМС обнаружили, что импульсы гидролокатора очень похожи на крики тюленей во время брачного сезона. Когда тюлени слышали искусственный сигнал с лодки, происходило следующее: один тюлень отвечал лодке, другой отвечал ему, а третий отвечал предыдущему, оглашая море своими звуками. Тюлени «стимулировали» моржей, которые присоединялись к общему шуму со своим рывканьем. В первых походах такой шум мог продолжаться часами. Теперь же «Парч»

пользовалась гидролокатором, сконструированным так, чтобы избежать заигрывания с местными млекопитающими.

Тем не менее поход получился шумным. Вокруг лодки сновали глыбы льда, оторвавшегося от больших айсбергов, находившихся к северу. Эти глыбы имели страшную тенденцию скрепляться и утрамбовываться друг с другом, образуя плотные ледовые слои, уходящие глубоко под воду. Подлодка «Парч» часто встречала участки, свободные ото льда, но площадью не более двух квадратных метров. Было почти невозможно пройти, не задев при этом за лед. Его скрежет о борт лодки слышался постоянно. Ледяные глыбы были большими и запросто могли поломать гребные винты, оставив лодку в беспомощном состоянии.

Экипаж, помимо прочего, должен был внимательно следить за передвижениями айсбергов, которые часто дрейфуют к югу, создавая серьезные препятствия между Гренландией и Канадой, а также и на другой стороне от полюса, в районе Исландии. Именно айсберг не позволил подлодке «Наутилус» пройти под водой через полюс в июне 1958 года (через несколько месяцев «Наутилус» все-таки совершила первый в истории поход через Северный полюс).

Наконец «Парч» достигла глубокой воды и уже беспрепятственно пошла вперед. Эти 1500 миль плавания под Северным полюсом сами по себе были несложными, так как глубины от 300 до 4000 метров предоставляли большие возможности для маневрирования. После их прохождения «Парч» снова пришлось маневрировать в ледовых условиях, пока она не вошла в Баренцево море.

Настало время для экипажа готовить «рыбу», чтобы тащить ее на буксире в поисках кабеля. С учетом особенностей местности и расположения советских баз можно было предположить, что подводный телефонный кабель проходит из Мурманска вдоль побережья Кольского полуострова, который напоминает по форме большой палец руки. Кабель, по-видимому, будет тянуться примерно 250 миль на восток к оконечности полуострова, прежде чем он проскочит 40-мильный отрезок через горло Белого моря и завернет на Северодвинскую судоверфь.

Не было большого смысла устанавливать подслушивающее устройство на этом участке Белого моря, где корабли непрерывно ходят от судоверфи в Баренцево море. Вместо этого «Парч» решила искать кабель в районе, где легче оставаться незамеченной, например, у гранитных скал северного побережья Кольского полуострова, в 250 милях от Мурманска. Поиск неизбежно приведет «Парч» в 12-мильную зону советских территориальных вод, а возможно, даже и в 3-мильную зону, признаваемую США.

«Парч» с помощью камеры на «рыбе» обнаружила подводный кабель связи недалеко от того места, где и предполагалось при планировании операции. В одних местах – за 12-мильной зоной, в других – значительно ближе к берегу. Было ясно, что кабель идет от Северодвинска к основным базам Северного флота и в штаб флота недалеко от Мурманска.

Наконец, Маурер выбрал подходящее место для подслушивания. В

Охотском море кабель проходил через все море, и у «Халибат» была возможность установить подслушивающее устройство в 40 милях от берега. Устройство, установленное «Парч», располагалось значительно ближе к берегу, чем то, что было установлено в Охотском море.

Никому не нужно говорить, что чем ближе к берегу продвигалась «Парч», тем выше был риск ее обнаружения. Гидроакустики наблюдали постоянное движение судов на поверхности, когда водолазы приступили к работе. Только счастливый случай оберегал американский экипаж от обнаружения советскими гидролокаторами. Если бы это случилось, то на ее борту, как и на подлодках «Халибат» и «Сивулф», имелось порядка 70 кг взрывчатого вещества НВХ для самоликвидации.

«Спуки» столпились в закрытом торпедном отсеке, а их подслушивающие аппараты располагались на стеллажах, предназначенных для хранения торпед. Если на «Халибат» для «спуков» имелась «пещера летучих мышей», то на «Парч» не было подобного помещения. Поэтому часть торпед была предусмотрительно оставлена на берегу, а на борту оставались только 4 боевые торпеды – тот минимум, без которого не разрешалось выходить на операцию.

«Спукам» потребуется, по крайней мере, две недели, чтобы с помощью электроники просеять сотни линий связи, идущих по кабелю, и отобрать на весь следующий год, какие линии записывать и в какое время. Отбор проводился на основе имеющегося опыта. Некоторые каналы скорее всего будут более активны в летние месяцы, когда Баренцево море освободится ото льда и советские ВМС начнут проводить учения. Испытания ракет также связаны со временем года. А линии непосредственной связи штабов могут быть активными и полезными для прослушивания круглый год.

По некоторым линиям информация шла открытым текстом, но по многим линиям – в закодированном виде. «Спуки» надеялись выбрать те линии, которые агентство национальной безопасности позднее могло бы дешифровать. Подслушивающая аппаратура совершенствовалась. Она становилась менее громоздкой, более компактной. Успехи в микроэлектронике и развитии технологий записи позволили увеличить ее объемы и повысить надежность оборудования. (ЦРУ в свою очередь позаимствовало миниатюрную технологию записи в подслушивающих устройствах на земле и с помощью подкупленного российского строительного рабочего установило такое устройство на подземном телефонном кабеле весьма важной линии связи в пределах Москвы. Сотрудники разведки говорят, что в конце 1980-х гг. этот очень ценный источник сведений был выдан А. Эймсом, наиболее удачливым русским шпионом за всю историю ЦРУ.)

Пока «спуки» разбирались с линиями связи, постоянный поток советских кораблей и подводных лодок продолжал заполнять экраны гидролокатора лодки «Парч». Об этом велись разговоры среди членов экипажа. Кто-то заметил, что «Парч» находится «очень, очень близко от Мурманска», «совсем около советского побережья». Один из старшин более красочно объяснил молодому моряку, где они сейчас находятся: «Так близко, что ты можешь взглянуть через перископ и увидеть лица людей на пляже, если поднимешься на

поверхность».

Кое– кто начал понимать, что никто не удосужился пояснить им, насколько опасной была эта операция. Как выразился один из моряков: «Здесь более сотни парней, готовых умереть, но они даже не знают в действительности, что может произойти».

Наконец, работа была завершена. Все, что теперь предстояло сделать Мауреру, – это поскорее убраться и вернуться домой. План заключался в том, чтобы как можно скорее покинуть место постановки подслушивающего устройства и дать другой подлодке, которая в течение всего времени проведения операции скрывалась неподалеку, сигнал «задача выполнена». В случае появления признаков, указывающих на обнаружение лодки «Парч», эта вторая подлодка должна была устроить шум и отвлечь внимание на себя.

Конечно, «Парч» соблюдала полное радиомолчание, но она была оборудована специальным «рупором» для подачи сигнала. На американских подводных лодках электропитание обычно имеет частоту 60 герц, а сигнал «Парч» шел на стандартной советской частоте 50 герц. Экипаж лодки надеялся, что для советских моряков этот сигнал будет звучать как их собственный. Для американцев же на борту лодки он прозвучал, как удары по маленькому барабану. Один быстрый такт ударов по барабану, и сигнал ушел. «Парч» дождалась ответа и затем отправилась домой.

За этот поход подводная лодка «Парч» получила высшую награду – почетную грамоту президента США. Каждому члену экипажа был выдан сертификат с печатью президента США наверху и подписью Дж. Картера внизу. Это была награда, которой «Халибат» удостоивалась дважды, а «Сивулф» никогда.

«В силу данных мне полномочий как президенту США и как верховному главнокомандующему вооруженных сил США я сего дня награждаю почетной грамотой президента подводную лодку „Парч“ (бортовой номер SSN-683) за исключительный героизм и выдающиеся действия по выполнению задачи, жизненно важной для национальной безопасности США, как подразделение Тихоокеанского флота США в 1979 году», – говорилось в тексте грамоты.

В последовавшей затем бюрократии затерялась одна существенная строчка из текста грамоты. В ней говорилось, что «Парч» награждается за действия «во враждебной среде в плохо изученных океанских районах».

В 1980 году был запланирован второй поход лодки «Парч» в акваторию Баренцева моря, а «Сивулф» должна была вернуться в Охотское море. Но в феврале 1980 года во время ходовых испытаний в море на «Сивулф» вспыхнул пожар. Турбогенератор взорвался, и языки пламени охватили машинное отделение, когда лодка была в подводном положении. К тому времени, когда экипажу «Сивулф» удалось произвести экстренное продувание балластных цистерн и всплыть, 16 человек уже надышались густым черным дымом. Их вынесли на верхнюю палубу на свежий воздух и сфотографировали с проходившего мимо судна. В результате вместо того, чтобы быть награжденными почетной грамотой президента США и показывать ее парням с подлодки «Парч», эти члены экипажа «Сивулф» были награждены тем, что их

фото появилось на первой странице местной газеты под заголовком: «Сыны подлодки „Сивулф“ загорают на солнышке после утомительных ходовых испытаний».

«Сивулф» вернулась в сухой док еще на год. «Парч» снова заняла ее место и летом пошла в Охотское море. Осенью она перебазировалась в Баренцево море для постановки нового подслушивающего устройства и изъятия записей со старого.

В это время Рональд Рейган в президентской гонке стремительно набирал очки. Картер отставал от него, по большей части из-за кризиса в Иране и советского вторжения в Афганистан, которое убило все шансы на ратификацию договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти события привели также к усилению наблюдения подводными силами США за советскими ВМС в Индийском океане. Рейган в своей программе обещал быть тверже в отношениях с Советским Союзом. Он сулил миллиарды долларов на перевооружение, обещал увеличить численность ВМС с 450 кораблей до 600.

Но и советский флот увеличивался. В ноябре американский спутник обнаружил колоссальный штабель листов стали и огромных размеров сухой док на советской судовой верфи. Этот и другие признаки указывали на то, что Советский Союз, возможно, строит свой первый полномасштабный авианосец. Для многих высокопоставленных чинов в ВМС снимки со спутника казались доказательством того, что Р. Хейвер и другие молодые аналитики ошибались в отношении того, что Советский Союз возвращает домой свои ВМС. Выходило совсем наоборот: он продолжает свое стремление к битве в открытом океане. В конце концов, авианосцы всегда использовались для наступления, для плавания в отдаленных районах и применения там самолетов.

После вступления на пост президента США Рейган назначил Джона Лемана министром ВМС. 38-летний Леман был самым молодым министром ВМС за всю историю Соединенных Штатов. В планы Лемана входила радикально новая, более агрессивная военно-морская стратегия. Уже на следующий день после своего вступления в должность, 6 февраля 1981 года, Леман предупредил конгресс, что ВМС США потеряли имевшееся ранее преимущество над советскими военно-морскими силами. Вскоре он заработал репутацию «сорванца», поскольку руководил ВМС так, как в течение десятилетий до него не осмеливался ни один другой министр ВМС. В планы Лемана входила радикально новая и агрессивная военно-морская стратегия. Он не распространялся о том, чего ожидает от Советского Союза в случае войны. Он хотел, чтобы подводные лодки, линкоры, крейсера и авианосцы США вошли в Баренцево море и следили за советскими надводными кораблями и подлодками в их собственных водах. Он заявлял, что дает «твердое обещание войти в районы, откуда исходит наибольшая угроза, и разгромить советскую военно-морскую угрозу». Леману нравилось называть Мурманск и остальной Кольский полуостров «самой ценной недвижимостью на земле».

Вскоре среди руководства ВМС Лемана стали называть «торпедой без системы управления». Большинству же адмиралов нравился агрессивный подход нового министра. Однако среди них были и трезвомыслящие,

предупреждавшие, что было бы самоубийством послать авианосцы в акваторию Баренцева моря, где советские корабли могут без труда уничтожить их своими крылатыми ракетами. Леман не принимал во внимание и критику со стороны ученых и членов конгресса, которые предупреждали, что слишком ранняя угроза советским военно-морским ракетносцам в войне может спровоцировать Советский Союз «пойти ва банк».

Это был фон, на котором сотрудники Пентагона готовились провести первый брифинг для Рейгана по вопросу шпионских операций подводных лодок. Он был запланирован на 6 марта на 9.15 и продолжался 20 минут. Среди светил, собравшихся в ситуационной комнате западного крыла Белого дома, находились вице-президент Буш, начальник штаба Дж. Бейкер, советник Э. Миис и новый советник по национальной безопасности Р. Аллен. Со стороны Пентагона был министр обороны Уайнбергер, начальник военно-морских операций адмирал Уоткинс, министр ВМС Леман, а также Хейвер и контр-адмирал Дж. Баттс, возглавивший военно-морскую разведку.

Уайнбергер и Уоткинс начали брифинг с краткого изложения основ разведывательных операций, проводимых обычными многоцелевыми подлодками. Затем Баттс представил Рейгану описание подлодок спецпроекта «Сивулф» и «Парч», а также процесса подслушивания советских подводных кабелей. Это сопровождалось демонстрацией видеозаписей и слайдов, которые, по мнению Лемана, должны были понравиться Рейгану.

По мнению всех, президент был очарован представлением. В конце он наклонился и спросил своего вице-президента, бывшего директора ЦРУ: «Ты имел какое-либо отношение к этому, Джордж?» Буш ответил, что некоторые из этих программ проводились в его бытность в ЦРУ.

Затем выступил Хейвер. Как в свое время у Картера, он напомнил, что военно-морская разведка широко использует информацию, добываемую шпионскими подлодками. Хейвер также демонстрировал слайды, но Рейгану не терпелось задавать вопросы. Он поинтересовался, считает ли Хейвер, что теперь Советский Союз менее склонен вести ядерную войну, когда Рейган проводит твердую линию в Белом доме? Он задавал вопросы, над которыми годами бились аналитики: «Как Советский Союз планирует ядерную войну? Как ведется подготовка к ней? Как они собираются вести эту войну? Будет ли война на море ядерной с первого дня, с применением крылатых ракет против американских авианосцев? И если это будет так, то ограничится ли она морем – до того, как кто-либо выпустит стратегические баллистические ракеты по Соединенным Штатам?»

Снова Хейверу удалось вовлечь президента в диалог. В течение 15 минут вопросов и ответов, в которых принимали участие Буш и Уоткинс, Хейвер объяснил обычный взгляд на войну в открытом море и устоявшееся предположение о том, что Советский Союз, по-видимому, прибегнет к применению тактического ядерного оружия в начальный период. Он добавил, что это приведет к более широкому применению ядерного оружия в войне.

Затем он изложил некоторые заключения, которые сделала его группа аналитиков, – о том, что Советский Союз, похоже, отходит от обычной

стратегии и направляет основную массу своих кораблей, многоцелевых подлодок и самолетов на защиту своих ракетных подлодок в надежных бастионах, поближе к дому.

После этого он перешел к агрессивному плану Лемана устроить конфронтацию этим силам в советских водах. Когда показалось, что Рейган удовлетворился, Хейвер начал убирать проектор, а в это время Уайнбергер тщательно объяснял президенту его роль в этом процессе: ему придется ставить подпись на планах всех засекреченных шпионских операций. Уайнбергер не торопился, говорил медленно. Он хотел убедиться, что Рейган хорошо понимает, что от него требуется.

Уайнбергеру не было нужды беспокоиться. Рейган уже был заинтригован. Никто не рассказывал ему ничего подобного, когда он был просто губернатором штата Калифорния, не говорил, где базируются самые важные американские шпионские подлодки. Он пришел в Белый дом, имея представление о ВМС, составленное наполовину из фактов о Второй мировой войне, наполовину из мифов о ней. Включая образ героических моряков, противостоящих японским кораблям, пускающих на дно противника своими торпедами и уклоняющихся от глубинных бомб. Этот образ был дорог Рейгану, и он любил рассказывать, как играл роль командира подводной лодки в 1958 году в кинофильме «Ведьмы ВМС».

У Рейгана с этим фильмом было связано много воспоминаний, он любил рассказывать о съемках фильма со всеми подробностями. По его версии, во время съемок он повторял команды, которые шепотом подсказывал офицер ВМС. В свое время тот вывел одну из американских подлодок из Сан-Диего в Тихий океан во время захода солнца.

Хотя Буш и Бейкер пытались поторопить Рейгана, президент продолжал восторженно вспоминать съемки фильма «Ведьмы», говорил о своем восхищении подводниками, с которыми встречался там. Брифинг уже продолжался 45 минут, почти в два раза дольше, чем было запланировано. Однако Рейган не торопился. Повернувшись к Хейверу, он спросил: «Где вы берете таких парней?»

«Сэр, они просто американцы», – ответил Хейвер в своем стиле.

На этой торжественной ноте, казалось, Рейган готов уйти. Но президент не торопился. Ему хотелось, чтобы Хейвер продолжал разгадывать советскую стратегию. Некоторое время он продолжал выслушивать его рассуждения и в конце концов дал свое молчаливое согласие на следующий этап шпионских походов подводных лодок.

Все это происходило, когда подводная лодка «Сивулф» была готова выйти в море. Впервые ВМС США имели возможность послать обе специальные лодки одновременно в разные стороны, на разные моря.

Однако перед походом «Парч» в 1981 году ее новый командир Питер Гриер приказал провести на первый взгляд рутинную проверку личного состава на предмет употребления наркотиков. К его великому удивлению, проверка показала, что около 15 процентов экипажа (т. е. 22 человека) курят марихуану, включая трех офицеров. Безо всяких разговоров они были списаны с лодки. В

срочном порядке прибыла замена.

Это было, конечно, не то, что Рейган имел в виду, когда спрашивал Хейвера, где ВМС находят «этих парней», этих супергероев «холодной войны». Хотя ответ Хейвера и не грешил против истины. Они действительно были, в конце концов, «просто американцами».

Комплектование лодок никогда не было легким делом. Вербовщикам ВМС приходилось всю изворачиваться, чтобы, не раскрывая секретов, находить людей, которые согласятся проникать в советские моря с целью подслушивания кабелей. Один из молодых подводников рассказывал, что процесс вербовки был больше похож на допрос. Мужчины в повседневных костюмах приводили потенциальных кандидатов для службы в спецпроектах в накуренные комнаты и начинали допытываться: употреблял ли кандидат наркотики когда-либо? Нарушал ли когда-либо закон? Вопросы перемежались с утверждениями о том, что у правительства есть возможности узнать любую негативную подробность. «Если вы когда-либо оказывались за решеткой, мы узнаем об этом», – заявили одному из парней.

Подлодка «Парч» тоже столкнулась с проблемами личного состава. Разгул наркомании среди моряков беспокоил сотрудников разведки. Экипаж подлодки «Сивулф» разлагался под влиянием разочарования от службы на разбитой и несчастливой подлодке. Это приводило к тому, что часть экипажа одурманивала себя марихуаной. Некоторые открыто заявляли об употреблении наркотиков, чтобы их списали с лодки. На «Сивулф» появились даже так называемые «изоляциялисты», которые в домиках на горах, превращенных в форты, готовились к тому дню, когда они в одиночку будут противостоять коммунизму. Они уходили в пустующие квартиры вокруг базы для тренировочной стрельбы из штурмовых винтовок, разбивая вдребезги консервные банки, и даже разбили один грузовик. Какой-то моряк выпустил очередь в свой телевизор. Другие просто наблюдали за наркоманами и фанатиками-стрелками.

Эти трения оставались и тогда, когда «Сивулф» уже направлялась в Охотское море. Командовал лодкой М. Тьернер, который был старшим помощником командира в течение всех трех лет капитального ремонта и испытаний. На этот раз он впервые командовал лодкой в настоящем походе. Экипаж «Сивулф» дал Тьернеру кличку «Застенчивый». Моряки пытались приглашать его в бар «Лошадь и Корова», чтобы как-нибудь рассеять эту застенчивость, но это не помогло.

Фактически Тьернер был ненамного популярнее, чем его новый старший помощник Аштон Дар, которого моряки прозвали «Джаштон». Если экипаж считал Тьернера застенчивым, то «Джаштона» считали просто вызывающим раздражение. Его отец был адмиралом, и экипажу казалось, что он никому не позволит забывать об этом. Он сменил любимца экипажа Р. Холбрука, который мог утром наказать моряка, а вечером приглашал его в бар. Холбрук был для экипажа также счастливым талисманом. Ему уже приходилось пережить аварийное погружение под углом 85 градусов на дизельной подлодке «Чоппер» (бортовой номер SS-342), которую спас рядовой матрос, сообразивший дать

задний ход, что и вытащило лодку на поверхность. После этого Холбрук всегда носил пояс с медной пряжкой, украшенной изображением подлодки «Чоппер», уверенный в том, что это делало его непотопляемым. Он убедил в этом и свой экипаж.

Что касается Аштона Дара, то у него не было ни мифологии, ни обаяния. Он оказался любимой мишенью для экипажа с целью развеять скуку. Однажды несколько моряков украли у него матрац и через мусоропровод выбросили за борт. Старший помощник даже не понял шутки. Юмор и впрямь выглядел довольно плоским на этой лодке, матросы которой считали, что их направляют в советские воды на посудине, равноценной антикварному автомобилю марки «Т». К тому времени, когда на палубе лодки стал образовываться лед, моральный дух упал до самого низкого уровня.

По прибытии к месту нахождения подслушивающего устройства на кабеле настроение личного состава не улучшилось. Командир намеревался лечь на грунт около кабеля. Идея заключалась в том, чтобы зафиксироваться на дне, балансируя на двух, похожих на лыжи опорах, которые экипаж почему-то прозвал «пятками». Это приспособление было изобретено после сильного шторма, который в свое время сорвал подлодку «Халибат» с якорей. Теперь же «Сивулф», имея лыжи-опоры, довольно жестко плюхнулась прямо на советский кабель связи.

Подобная грубая посадка могла серьезно повлиять на передаваемый поток информации или дать заряд статического электричества в линию. В этом случае ВМС СССР незамедлительно должны были направить надводный корабль с гидролокатором или ремонтную бригаду, чтобы разобраться в происшествии. Но никаких признаков советского поиска не было замечено. По завершении операции по подслушиванию Тьернер решил идти дальше и завершить вспомогательную операцию. «Сивулф» направилась к середине Охотского моря, чтобы провести еще один поиск фрагментов советских ракет. И тут неожиданно пришла беда. Но не от советских кораблей, а из пучин самого моря.

К Охотскому морю приближались два мощных циклона. Штормовое предупреждение о том, что эти циклоны движутся в направлении Курильских островов, экипажем «Сивулф» принято не было. Личный состав не знал, что скорость ветра достигала 55 узлов и огромные волны поднимаются к самому небу. Они не знали и о том, что эти два циклона вскоре объединились в один смертоносный тайфун.

Волны набирали необыкновенную силу и в конце концов стали проникать вглубь моря. Корпус «Сивулф» стал содрогаться. В отличие от моряков надводного флота подводники обычно не придают особого значения штормам. Во время шторма отработана стандартная процедура – ныряешь на глубину. Испокон веков подводникам внушали уверенность в том, что ветры могут досаждают только надводным судам, глубина же гарантирует подлодкам тишь и благодать.

И действительно, 130 метров воды над головой – не очень большая, по меркам подводников, глубина, – однако достаточная для того, чтобы

обезопасить себя от воздействия штормов. Но необычный тайфун стал раскачивать корпус лодки и на глубине. Запаса глубины у лодки не было, и «Сивулф» была вынуждена пережить этот страшнейший шторм на морском дне.

Началась бортовая качка. Водолазы находились за бортом, и их швыряло из стороны в сторону. Остальной экипаж был в большей безопасности внутри лодки и старался вести себя спокойно. Пробираясь по тесным коридорам, подводники обменивались впечатлениями о погоде, как будто обсуждали погоду у себя дома. Однако потоки воды, которые ударялись о корпус «Сивулф», стали настолько сильными, что опоры начали отрываться от дна. Поначалу крен достигал всего несколько градусов, затем качка усилилась. Стали падать предметы внутри лодки, поскольку никто не позаботился закрепить их на случай сильного шторма. Среди упавших предметов оказалась и керамическая лягушка «Борегард», которая свалилась с верхней полки в торпедном отсеке и с треском разбилась на палубе. Это было потрясением для всех торпедистов, которые с тревогой наблюдали, как мгновенно погибла их любимица, их талисман.

Находящиеся за бортом водолазы уже с трудом боролись с потоками воды. Одного из них тащило к борту качающейся лодки, и он оказался почти под одной из опор. Через мгновение что-то удержало его. Может быть, другой водолаз? Или встречный поток? Но он избежал гибели под опорой.

Наконец с большим трудом водолазы вернулись на лодку. Этого и ожидал командир, который тут же отдал приказ о прекращении операции и о переходе в более глубоководный район с последующим выходом из Охотского моря.

Но Охотское море не хотело отпускать подводников. Первым поднял тревогу специалист по реакторам, следивший за показаниями индикатора одного из теплообменников, через которые циркулирует вода, поступающая в ядерный реактор. Его температурные показания превышали норму. Что-то забивало систему. Проверив клапаны и оборудование, специалист тревожно крикнул: «О Боже, туда попал песок!» На его крик сбегались и остальные «спецы» и увидели, что водяные помпы «Сивулф» засасывают в охлаждающую систему ил и песок со дна моря. Возникла угроза отключения реактора. «Сивулф» рисковала остаться без энергии.

Экипаж приступил к тщательной проверке системы циркуляции воды. Песок, микроорганизмы, осколки кораллов попали в двигатели, турбины и в массу других жизненно важных узлов лодки. Приемные клапаны заборной воды должны были находиться не менее чем в метре ото дна. Однако в результате качки опоры зарылись в ил, и лодка практически всем днищем легла на дно. Поэтому во время шторма помпы мало-помалу засасывали песок и ил. Экипаж начал проявлять нервозность. Машинистам было известно, что если парогенератор заглушить, то потребуется не меньше недели для его повторного запуска. Более того, специалисты высказывали опасения, что нанесенные песком повреждения не позволят запустить его вообще. Напряженность среди экипажа нарастала.

Один из электриков просто потерял контроль над собой – он выл, кричал и

плакал. Врач сделал ему успокаивающий укол и отправил на койку. У других появились смутные тревожные видения незаполненных надписями надгробных плит: где-то лежит этот моряк, посланный что-то делать в неизвестном месте и каким-то образом убитый на несуществующей войне.

Около двух суток «Сивулф» пребывала завязшей в иле, пока опытные, прослужившие на подлодках по два десятка лет старшины, совместно с молодыми офицерами, с одобрения командира, не взялись за вызволение лодки из песчаного плена всевозможными способами. Сначала они попытались дать задний ход. Не получилось. Затем было предложено осуществить регулируемое экстренное всплытие, полагая, что продувание балласта увеличит подъемную силу и лодка оторвется от песка и всплывет. Однако это было слишком рискованно, ибо лодка могла выскочить на поверхность и быть обнаруженной. На «Сивулф» было мало средств для защиты. Большинство торпедных аппаратов использовалось для хранения картофеля. На борту имелось несколько торпед, но недавние испытания показали, что использовать их невозможно. «Сивулф» была самым шумным объектом в воде, и когда из нее выстрелили во время испытаний учебную торпеду, то система самонаведения развернула торпеду и направила ее в сторону лодки.

Единственным шансом для «Сивулф» было оставаться скрытой, пока она будет освобождать себя. Осторожно экипаж начал продувать балласт: медленно, без рывков, плавно, сначала из носовых цистерн, затем из кормовых. Безуспешно. Кто-то надрывно приказал повторить попытку. На сей раз продули воды немного побольше, причем якоря не поднимали, чтобы случайно не выскочить на поверхность. И снова безрезультатно.

Еще одна попытка, и показалось, что лодка слегка пошевелилась, но только слегка. Это было похоже на попытку вытащить застрявший в колее автомобиль, попеременно толкая его вперед и назад с надеждой вытолкнуть. Но поскольку песок продолжал засасываться в механизмы, экипаж должен был торопиться выбраться до того, как все системы выйдут из строя. По всей лодке механики пытались продувать песок из трубопроводов, но в лодку засасывалось так много песка, что они не успевали справляться. Главная система реактора работала лишь на половину своей мощности, если не на 30 процентов.

У кого-то мелькнула идея отрубить якорные канаты. С одной стороны, якоря позволяли предотвратить выброс на поверхность, но сейчас они являли собой дополнительный груз. Было приказано отрубить якорные канаты. «Сивулф» начала подниматься. Главные двигатели работали с перегрузкой, увеличивая число оборотов до тех пор, пока не показалось, что дрелью сверлят корпус лодки. Затем раздался скрип, скорее скрежет, такой громкий, что кое-кому почудилось, будто у них навсегда останутся проблемы со слухом.

Опоры еще частично находились в песке, а гигантская гондола для транспортировки обломков ракет начала с треском отрываться. В конце концов «Сивулф» освободилась от объятий илистого дна Охотского моря.

Лодка медленно шла по направлению к дому, производя при этом сильный шум. Под днищем болтались части опоры и то, что осталось от гондолы. Хоть и с шумом, но лодка все же приближалась к Курильским островам, а за ними –

открытый океан.

Уже в Тихом океане, неподалеку от Охотского моря, «Сивулф» все же была обнаружена. Советский корабль, по-видимому, рыболовный траулер, начал облучать ее своим гидролокатором. Оторваться от траулера не представлялось возможным из-за того, что поврежденная песком энергетическая установка не работала на полную мощность. Траулер преследовал лодку целых 24 часа, а затем по непонятным причинам слежку прекратил.

Когда «Сивулф», наконец, вошла в закрытый сухой док, на ее надстройке были обнаружены вмятины, как будто она подверглась бомбардировке глубинными бомбами. Трюмы были переполнены песком. Рабочим, производившим ремонт «Сивулф», было непонятно, каким образом песок попал в турбины, масляную систему и повредил все подшипники.

В Вашингтоне же озабоченность носила совсем иной характер. После ЧП с «Сивулф» спутники-шпионы получили доказательства того, что советская сторона обнаружила подслушивающее устройство на кабеле в Охотском море. Каким образом его нашли, было непонятно. Возможно, это произошло из-за неудачной посадки «Сивулф» прямо на кабель. А может быть, в составе экипажа лодки был шпион или, что уж совсем маловероятно, в военно-морскую разведку был внедрен советский агент?

Представлялось очень важным установить, каким образом Советскому Союзу удалось раскрыть одну из самых секретных операций США.

Глава 11

«ДОСТОЯНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ КАЗНЫ»

Ричард Хейвер взглянул на отчет о последнем походе подводной лодки «Сивулф», затем пробежал глазами разведсводки. Ему требовалось сопоставить факты.

Проще всего было бы обвинить экипаж «Сивулф» в провале, как считалось, одной из самых важных операций за последние 10 лет. В конечном счете именно «Сивулф» плюхнулась всем своим весом на советский кабель. Такая посадка обязательно должна была вызвать обрыв связи или по крайней мере помехи. В противном случае как можно было догадаться, что кабель прослушивается?

Советские ВМС на этот раз оказались на высоте. Они не только нашли место прослушивания, но и достали из-под воды оба больших контейнера со шпионской аппаратурой. Те были практически на виду. Их принадлежность не вызывала сомнений – на одном из контейнеров была четкая надпись: «Собственность правительства США».

Хейвер тщательно проверил хронометраж. Ошибки быть не могло. В провале миссии нет вины «Сивулф». Советское гидрографическое судно уже находилось в море, когда подлодка прижала кабель. Оно шло извилистым, с целью замаскировать свое истинное направление, путем в Охотское море.

Американская разведка не могла не заметить судно, направлявшееся в район подслушивания. США вело круглосуточное наблюдение и за Баренцевым, и за Охотским морями с помощью спутников, станций наземного слежения и другими доступными средствами. Особенно легко было следить за Охотским морем. Оно было настолько пустынным, что любой корабль, заходивший туда, сразу привлекал к себе внимание. Теперь напрашивались ужасные выводы: поиск подслушивающей аппаратуры не мог быть случайностью. А это значит, считал Хейвер, существовала вероятность того, что «Сивулф» к провалу операции не имеет никакого отношения. Советскому Союзу, по всей видимости, кто-то передал сведения о месте нахождения шпионской техники. Все говорило о том, что в одном из причастных к операции ведомств действует шпион.

Доклад о провале миссии «Сивулф» был, по странному стечению обстоятельств, датирован 30 января 1982 года, – днем рождения Хейвера. Он не без оснований ожидал, что его предположение о шпионе вызовет серьезное беспокойство в ВМС и агентстве национальной безопасности. Однако ответом ему был явный скептицизм, но никак не озабоченность. Военное командование решило, что Хейверу вновь мерещатся привидения, как и несколько лет назад, когда он поднял тревогу о возможном шпионаже или утечке информации в системе связи на Атлантике. На сей раз ему виделись тайные агенты среди тех, кто так или иначе был связан с операциями на Тихом океане.

Умозаключения Хейвера казались невероятными. Если предположить, что он прав, то должно было быть два шпиона – один человек не мог проследить за операциями сразу в двух океанах. Любой, имеющий оперативные сведения о слежке за подлодками в Атлантике в начале 1970-х годов, почти гарантированно не мог иметь сведений об операциях по подслушиванию на Тихом океане в начале 1980-х годов. Кроме того, прослушивание кабелей было одним из самых больших секретов военно-морской разведки времен «холодной войны». Адмиралы были уверены в случайности этих совпадений и считали, что Хейверу мерещатся призраки. По их расчетам, подслушивающее устройство в Охотском море было обнаружено в ходе обычной профилактической проверки кабеля.

Даже тот ограниченный круг лиц в ВМС, который был ознакомлен с докладом Хейвера, не проявил к нему особого внимания. А ведь возникшая ситуация к этому располагала. Военное командование Советского Союза, по-видимому, решило сменить свою стратегию использования ракетных подводных сил. По новой доктрине советские атомные подводные лодки были передислоцированы ближе к берегам Белого и Охотского морей, а также прятались под практически недоступными льдами Арктики.

Информация, снятая с подводных кабелей связи, подтверждала мнение Хейвера и других молодых аналитиков о том, что Советский Союз уделяет особое внимание защите своих подводных сил от нападения на начальной стадии войны. Вместе с тем Советский Союз получал возможность нанести первый удар из арктических широт, что для США резко сокращало время для получения предупреждения. Для ракеты, запущенной, скажем, с подлодки

«Дельта», находящейся в районе Баренцева моря, потребуется менее 30 минут для преодоления расстояния в 3500 миль до Вашингтона. А для ракеты, выпущенной с северной окраины моря Баффина, на это потребуется менее 20 минут.

Действительно, решение военных использовать в своих интересах арктические широты представляется блестящим. В конце концов ни советское, ни американское командование никогда не забывало, что кратчайший путь между нашими странами лежит через вершину Земли. Обе державы уже нацелили свои ракеты наземного базирования на траекторию, проходящую через Северный полюс. В течение десятилетий американские и советские подводники исследовали Арктику, однако никому до сих пор не удавалось разработать технологию эффективного ведения боевых действий в этих необычных условиях.

Помимо прочего, Арктика предоставляла явное преимущество Советскому Союзу: американским ВМС было бы чрезвычайно трудно устанавливать местонахождение советских атомных подлодок и охотиться на них. Тысячи миль мелководных, забитых льдами арктических морей позволяли советским морским силам скрытно рассредоточить свои подлодки. Эти моря способны скрыть даже самые крупные подводные лодки, способные свободно дрейфовать среди льдов. Выбирая маршруты через Карское море, море Лаптевых и море Бофорта, советские подлодки могли запросто всплывать среди айсбергов моря Баффина, во фьордах вдоль западного побережья Гренландии и даже в каналах, которые достигают Гудзонова залива в Канаде.

В отличие от ведущей поиск многоцелевой подводной лодки, медленно дрейфующая лодка могла бы пройти свой маршрут почти полностью бесшумно. Многие годы американские ученые с переменным успехом пытались разработать гидролокатор, способный эффективно работать в условиях Арктики, где температура и соленость отдельных слоев воды, шумы от штормов, голоса тюленей и моржей делают практически невозможным поиск подводных лодок.

Как только советские атомные подводные лодки стали проникать в холодные арктические моря, тревога, возникшая в ВМС США, по цепной реакции передалась сначала Пентагону, а оттуда и в Белый дом. Ничего удивительного в этом не было, так как на карту было поставлено абсолютное превосходство в ядерном вооружении. Правительству США необходимо было уточнить: было ли это очередным защитным ходом или же советской уловкой в тонкой игре на устрашение? Или советские ВМС действительно выбирают удобные позиции для возможного нанесения первого удара? И такие ли безумцы и злодеи эти советские лидеры, какими их рисует администрация Рейгана? А может, Советский Союз просто опасается враждебного к нему отношения со стороны Рейгана?

Еще большие опасения у США возникли, когда Советский Союз приступил к строительству нового мощного поколения ракетных подводных лодок типа «Тайфун». Первая лодка уже проходила ходовые испытания в море, а спутники-шпионы зарегистрировали строительство еще трех на судовой верфи

№ 402 в Северодвинске. Это были настоящие атомные монстры, по своим размерам превосходившие любые подводные лодки, когда-либо построенные до них. Они были в полтора раза больше, чем американская ракетная подлодка «Трайидент», спущенная на воду в конце 1981 года. Обе эти лодки были длиной в два футбольных поля, однако «Тайфун» была в два раза шире.

Помимо строительства подлодок Советский Союз соорудил 4 огромных подводных «тоннеля» на новой базе подлодок Гремеха у северной оконечности Кольского полуострова. Пробитые в прилегающих холмах гранитные «тоннели» могли вмещать подводные лодки типа «Тайфун» и, по-видимому, были рассчитаны на защиту от ядерного удара.

Казалось очевидным, что подлодки «Тайфун» будут способны плавать во льдах. Эти лодки имели два прочных корпуса, укрытых в наружном легком корпусе, и обладали двумя плоскими убирающимися рулями глубины в носовой части, а также защищенный винт, гребной вал и усиленные рубочные рули. Прячась в арктических морях, подлодке «Тайфун» будет довольно легко своей огромной массой пробить ледяной покров толщиной в несколько метров для того, чтобы произвести залп в сторону Соединенных Штатов. Атомная подводная лодка «Тайфун» могла нести на борту 24 ракеты с дальностью стрельбы до 4500 миль.

В это время США важнее чем когда-либо было необходимо разгадать советские планы и замыслы. Это означало, что операции по прослушиванию кабелей связи надо продолжать несмотря на то, что подслушивающее устройство в Охотском море было обнаружено. Подлодка «Сивулф» оказалась слишком старой и изношенной для нового похода к советским берегам. Последующие операции поручили проводить подводной лодке «Парч».

Остальным подводным силам было предложено продолжить изучение технических характеристик лодок типа «Дельта» и «Тайфун», а также попытаться отработать приемы преследования их в арктических широтах. И, наконец, создать то, чего последние сорок лет всячески избегали ВМС США – сформировать силы, способные свободно действовать в условиях Арктики. Адмиралам пришлось снова обратиться к одному гражданскому ученому, который длительное время настаивал на необходимости изучения ледовых морей. Однако ВМС должного интереса к этому вопросу не проявили. Речь идет о Вальдо Лайоне, директоре военно-морской арктической подводной лаборатории в Сан-Диего.

Благодаря своим незаурядным волевым качествам, обширным связям среди влиятельных военных чинов, ему еще со времен окончания Второй мировой войны удавалось сохранять свою лабораторию и продолжать работу по исследованиям арктического льда. Его работы позволили понять, что Советский Союз взял на вооружение опыт нацистских командиров субмарин, которые под прикрытием льдов топили суда союзников. Работа лаборатории продолжалась, несмотря на очевидный скептицизм со стороны морского командования. В одном из справочников, изданном ВМС США в 1950-х годах, прямо говорилось: «Мысли об использовании Ледовитого океана в военных целях лежат в области фантастики».

После успешного похода лодки «Наутилус» в конце 1950-х годов у Лайона оказалось достаточно поддержки, чтобы ежегодно направлять в Ледовитый океан, по крайней мере, одну подлодку. Лайон лично совершил более 20 походов на север, а представители его лаборатории входили в экипаж каждой лодки: помогали прокладывать маршруты подо льдом, проводили эксперименты с различными гидролокаторами.

Но только теперь, в возрасте 67 лет, он был призван группой адмиралов, внезапно заинтересовавшихся Северным Ледовитым океаном. Кто-то предложил послать несколько устаревших ракетных подлодок во льды Арктики в качестве своеобразного ответного хода, по принципу «око за око». РикOVER, накануне своей отставки под давлением министра ВМС Лемана, выступил с предложением о строительстве экспериментальной арктической подводной лодки с усиленным корпусом и с более значительным выступом для рулей. Он попытался воспользоваться своей привычной тактикой продвижения проекта, минуя министерство ВМС и Пентагон, и в обход Лемана направил свой проект прямо в комитет конгресса по вооруженным силам. Но усилия РикOVERа привели лишь к появлению письма на имя Лемана от сотрудников Белого дома, в котором говорилось об их удивлении тем, что в результате арктических экспедиций подводные силы США оказались не готовы к войне подо льдами. После того как Леман в 1982 году вынудил РикOVERа уйти в отставку, он перестал прилагать какие-либо усилия в этом направлении. (Несколько предыдущих министров обороны и ВМС пытались освободить РикOVERа от военной службы, однако на их пути стояли влиятельные члены конгресса и президенты вроде Картера. Рейган же твердо поддержал своего министра ВМС даже тогда, когда РикOVER со всей страстью обратился к нему за помощью во время встречи в Овальном зале Белого дома, назвав при этом Лемана «заносчивым муравьем». Он спросил Рейгана: «Вы мужчина? Можете ли вы самостоятельно принимать решения?» РикOVER взял своего рода реванш. Он, покидая свой кабинет, рядом с портретом Лемана повесил изображение Арнольда Бенедикта (генерала в американской Гражданской войне за независимость, предателя. – Прим. переводчика.)

Позже один из адмиралов конфиденциально сказал Лайону, что ВМС не намерены строить экспериментальную арктическую подлодку, потому что ее строительство покажет Советскому Союзу, что США не в состоянии воевать подо льдом. Кроме того, план создания арктической подлодки составил бы конкуренцию другому предложению ВМС, которое находилось на рассмотрении конгресса: о выделении средств на строительство нового типа суперподлодки, которая сможет выполнять любые задачи. Кое-кто в ВМС называл эту лодку «Жирный Альберт». На самом деле это был весьма противоречивый проект многоцелевой подлодки «Сивулф» (бортовой № SSN-21). Эти лодки должны были последовать за подлодками типа «Лос-Анджелес», идущими на смену подводным лодкам типа «Стерджен».

Военно-морской разведке, которая со стороны наблюдала за всеми этими перипетиями, также понравилась идея строительства нового типа подлодок. Офицеры разведки рассчитывали, что новая технология поставит перед

Советским Союзом новые проблемы, и это отвлечет его внимание. Кроме того, по мнению офицеров разведки, объявляя планы создания новых усовершенствованных подлодок, США тем самым предупредят Советский Союз, что ему не удастся достичь превосходства, что бы он ни предпринимал.

Все эти разговоры о новых ледовых операциях и новых подлодках помогли отвлечь внимание от планов очередного похода подлодки «Парч» в Баренцево море. Планирование этой акции волновало разведку куда больше, чем возобновление секретных операций в Охотском море. По кабелю в Баренцевом море шла более секретная информация. Разумеется, русские, обнаружив утечку информации в Охотском море, усилят свое наблюдение и за Баренцевым. Определенно, у них появились подозрения, что существуют и другие подслушивающие устройства, которые пока не удалось обнаружить. Круглосуточное наблюдение за районом, где стояло подслушивающее устройство, проведенное американцами, не выявило чего-либо необычного, но уверенности в полной безопасности не было. Охотское море пустынно, и любая активность там быстро становится видимой. А вот движение кораблей по Баренцеву морю настолько интенсивное, что советские поиски второго подслушивающего устройства можно было легко замаскировать под обычное передвижение судов.

Существовала также признаваемая незначительным большинством в военно-морской разведке вероятность, что Хейвер был прав в отношении шпиона. Если это так, то Советский Союз может тщательно отслеживать маршрут «Парч». Возможно, Советскому Союзу даже известно, что «Парч» уже проникала в Баренцево море через Северный Ледовитый океан.

А что, если послать «Парч» совершенно другим путем, чтобы затруднить наблюдение за ней? Среди экипажа распространился слух, что лодка пойдет раньше, чем обычно, то есть в апреле, а не летом, и что поход будет проводиться с целью «испытания на выдержку», на юг, за экватор, подальше от Арктики, подальше от Советского Союза. «Парч» пойдет вдоль Тихоокеанского побережья США, в стороне от Центральной Америки, вдоль Латинской Америки на юг до мыса Горн. Экипажу не говорили, что она обогнет мыс Горн и затем через Атлантику направится на север к Баренцеву морю. Она будет идти подальше от Фолклендских островов, где в то время развернулись боевые действия между Великобританией и Аргентиной. Это был самый окружной маршрут, который можно было придумать, исключая, конечно, поход через Антарктику. Полагали, что таким образом можно было направить наблюдение по ложному следу и позволить лодке избежать тяжелых льдов, которые она могла встретить, если бы выходила в поход в начале года. «Парч» предстояло пройти 15 тысяч миль только в одну сторону. Весь поход туда и обратно был рассчитан почти на пять месяцев. И все это время лодка будет идти в подводном положении.

Подводники не без гордости говорили друг другу: «Мы идем на установление рекорда».

Для обеспечения питания экипажа на время всего почти 150-дневного похода на борт лодки было доставлено так много консервированного

продовольствия, что матросам пришлось накрывать в одной из уборных туалетное сидение доской: ее превратили в продовольственную кладовую. После того как и она была заполнена до потолка, загромождали банками верхний коридор, сделав его почти полностью непроходимым. Для того, чтобы добраться до кают-компания, приходилось теперь проходить через каюту командира, через его ванную, в ванную старшего помощника командира и из ее входной двери направо в первый свободный проход.

В этом походе лодкой командовал Питер Гриф, отец шестерых детей. Он внимательно присматривал за своим экипажем, и экипаж понимал это. Если он не находился в центральном посту, то его можно было видеть в кают-компания играющим в карты или занимающимся на велотренажере, который он прятал в машинном отделении, либо беседующим с кем-либо из старшин. Звание не имело для него никакого значения, а его лодка для него значила все. Когда он находился на борту лодки, то постоянно чувствовал, что находится на вершине своей карьеры. Однажды он сказал одному из своих подчиненных: жизнь после отставки, без лодки уже не будет иметь никакого значения, все пойдет под гору.

Когда он постепенно подготавливал экипаж к этой «Одиссее-82», матросы получали удовольствие от особой важности предстоящих задач. Но знали они о них лишь в самых общих чертах. Режим секретности соблюдался строго.

Так, уже во время похода экипаж впервые узнал о точном местонахождении лодки только при пересечении экватора. Была устроена шутивная церемония встречи с Нептуном для тех, кто впервые пересекал экватор.

Но никаких церемоний не было, когда наконец вошли в Баренцево море. На этот раз водолазы устанавливали на кабель новый вид контейнера с подслушивающим устройством. На этом контейнере уже не было зажимов. Вместо зажимов он крепился таким образом, что при попытке по той или иной причине поднять кабель контейнер должен остаться на дне. Поскольку контейнер в Охотском море был обнаружен советскими ВМС, то были видоизменены и другие процедуры. После того как водолазы установили контейнер, «спуки» проводили подслушивание в течение недели. После этого «Парч» ушла в относительно безопасный район и вернулась через неделю, чтобы еще раз прослушать кабель. Командир лодки хотел дать записывающему устройству возможность записать дополнительную информацию для краткосрочной проверки. Лодка вернулась и для того, чтобы добавить другой записывающий аппарат, а также чтобы установить еще один контейнер в другом месте кабеля. Именно так делалось и в Охотском море. Дополнительные возможности для записи перехвата нужны были еще и потому, что «Парч» по плану должна была проходить капитальный ремонт после этой операции и смогла бы вернуться в Баренцево море не раньше, чем через два года.

После 137 суток пребывания в море «Парч» возвратилась домой. За проведение этой операции «по определению максимальной степени выносливости» «Парч» была награждена очередной почетной грамотой президента США, продолжив свою традицию получения по одной почетной грамоте от президента за каждый поход в Баренцево море. Эта последняя

четвертая грамота была подписана президентом Рейганом, который прислал также командиру лодки Грифу коробку сигар. В свидетельстве о награждении почетной грамотой к обычным для такого документа словам: «за исключительный героизм» было добавлено, что подлодка «Парч» установила «новые стандарты выносливости и показала выдающееся мастерство при проведении подводной операции». Таким образом, президент США увековечил легенду для прикрытия операции, придуманную ВМС.

Поскольку было запланировано, что «Парч» будет находиться на капитальном ремонте весь 1983 год, не оказалось в наличии подлодки, которой можно было бы доверить работу с подслушивающей аппаратурой в Баренцевом море. «Сивулф» стояла на судовой верфи, ремонтируя повреждения, нанесенные штормом, но и ее дни подслушивания советского кабеля были сочтены. Военно-морская разведка не могла себе представить, как эта шумная подлодка стала бы работать в Баренцевом море. Ведь подслушивание в Охотском море закончилось после обнаружения Советским Союзом американского подслушивающего устройства. «Сивулф» предполагалось использовать в дальнейшем лишь для поиска и сбора фрагментов советских ракет в открытом океане. (К тому времени ВМС США переоборудовали две новейшие мини-подлодки «Тортл» и «Си Клифф» для более глубокого погружения, чем ранее установленный предел в 2000 метров. Кроме того, они были приспособлены к сбору фрагментов советских ракет, обнаруженных подлодкой «Сивулф», а также в тех местах, которые были определены радиолокационными станциями ВМС или ВВС. Переоборудование «Тортл» было завершено в 1979 году, и ей был установлен предел погружения до 3000 метров. В начале 1980-х гг. в подлодку «Сивулф» был вмонтирован титановый шар, позволявший ей погружаться на глубину 6000 метров. Мини-подлодки «Тортл» и «Си Клифф» доставлялись к местам погружения на надводных кораблях.)

Военно-морская разведка продолжала тем временем планировать переоборудование подлодки «Ричард Расселл» (бортовой номер SSN-687) в четвертую, последнюю подлодку «специального проекта».

Но в целом получилось так, что военно-морская разведка осталась без своего лучшего источника информации в наиболее напряженные годы «холодной войны». С началом разрядки напряженности американские ВМС пытались освоить искусство ведения слежки за советскими подлодками подо льдом, следуя за ними сразу же по выходе их из порта. Но по мере того как США посылали все больше и больше многоцелевых подлодок с этой задачей, количество стычек с советскими кораблями в Арктике возрастало. И это происходило не только потому, что слежка подо льдами оказалась делом сложным. Она проходила успешнее в дальних высокоширотных районах, где акустические характеристики воды такие же, как и в открытом океане. А под окраинными льдами эти характеристики оказались совсем иными.

Тем не менее у ВМС США не было иного выхода, как продолжать попытки. Советская активность настолько возросла, что занявший пост начальника военно-морских операций адмирал Джеймс Уоткинс не без юмора объявил общественности, что за последнее время фронт «холодной войны»

переместился на север. Он сказал: «Если есть вооруженные силы в этом районе, то нам следует научиться воевать с ними. – При этом добавил: – Лед прекрасное место, под которым можно прятаться».

Военно-морская разведка сообщала добываемые ею сведения о советской тактике и стратегии всем подводным силам США. Командиры и «спуки» на обычных разведывательных подлодках стали писать более полные отчеты о результатах патрулирования. Значительная часть информации, добываемой из перехвата кабельной связи, которая в прошлом тщательно охранялась, теперь стала доводиться до сведения офицеров-подводников, хотя и без упоминания источников ее получения.

Никто не поддержал идею РикOVERA о создании специального типа арктических подлодок. Вместо этого ВМС решили приспособить для плавания во льдах около двух десятков остающихся подлодок типа «Лос-Анджелес», запланированных к строительству. Задуманные для эскортирования авианосцев в открытом океане, подлодки типа «Лос-Анджелес» не имели сложного электронно-разведывательного оборудования и гидролокаторов, способных работать в ледовых условиях, которые были специально созданы для подлодок типа «Стерджен». Поэтому эти новейшие подлодки не могли проводить самые важные шпионские операции с такой же легкостью, как это делали подлодки, которые им предстояло заменить.

Лайона попросили помочь изучить, какие нужно внести изменения, чтобы подлодки типа «Лос-Анджелес» могли успешно действовать подо льдом. Но фондов для проведения этих работ выделено не было. В подледных операциях все больше внимания стало уделяться попыткам разработки торпед и гидролокаторов, которые могли бы более четко отличать ледовые хребты от ракетных подлодок в высокоширотных полярных районах. Лайон же продолжал утверждать, что флотское командование игнорирует величайшую проблему, заключающуюся в том, что у США нет подлодок, способных охотиться или маневрировать достаточно хорошо, чтобы воевать под окраинными льдами, где вероятнее всего Советский Союз спрячет свои подводные силы. Никто из высокопоставленных лиц, казалось, не хотел его слушать.

По мнению американской стороны, советская угроза на море становилась весьма ощутимой. Из-за этого взаимоотношения между двумя супердержавами ухудшались. Ю.В. Андропов, бывший председатель КГБ, сменивший Л.И. Брежнева на посту советского лидера в 1988 году, рисовал настолько ужасные картины угрозы первого удара со стороны США, что даже многие эксперты в КГБ считали его паникером.

В свою очередь Рейган начал раздувать страх перед Советским Союзом. 8 марта 1983 года он превзошел всех проповедников на съезде национальной протестантской ассоциации, проводившемся в городе Орlando (шт. Флорида). Президент изложил подробный перечень национальных и международных пороков: аборт, беременность малолетних, поликлиники, обеспечивающие малолетних контрацептивами. После страстного призыва к школьным молитвам он обратил свое внимание на Советский Союз.

«Давайте вознесем наши молитвы во спасение всех тех, кто живет в этих тоталитарных потемках, помолимся, чтобы они открыли радость знакомства с Богом, – Рейган произносил нараспев. – Но до тех пор, пока они не сделают это, давайте будем уверены, что они проповедуют превосходство государства, объявляющего о своем превосходстве над личностью и предсказывающего в конечном счете свое превосходство над всеми народами в мире, они являются средоточием зла в современном мире».

Через несколько минут он закончил свое выступление словами: «Итак, в своих обсуждениях предложений о замораживании ядерного вооружения я настоятельно прошу вас избегать соблазна гордыни, соблазна необдуманно объявить себя превыше всего и навесить ярлык виновности в равной степени на обе стороны, игнорируя исторические факты и агрессивные порывы империи зла, чтобы просто назвать гонку вооружений гигантским взаимонепониманием и тем самым устранившись от борьбы между справедливостью и несправедливостью, между добром и злом».

Рейган и прежде приравнивал борьбу с коммунизмом к борьбе между добром и злом. Но его слова «империя зла» стали тем злобным лаем, который многократно повторялся. И конечно, это было воспринято с большим возмущением в Советском Союзе. Советские опасения, что Рейган задумывает нанесение первого удара, еще больше усилились, когда 23 марта 1983 года, менее чем через две недели после речи, в которой Рейган назвал Советский Союз «империей зла», он, выступая на телевидении, представил миру свою стратегическую оборонную инициативу (СОИ).

Сначала в Советском Союзе посчитали неосуществимым запуск на орбиту лазерного оружия для уничтожения советских ракет в полете. Но риторика Рейгана в интерпретации КГБ убедила советских руководителей в том, что президент США способен принять решение о нанесении первого удара.

Советский Союз не мог оставаться спокойным, когда вскоре после речей с упоминанием «империи зла» и звездных войн американский тихоокеанский флот начал крупнейшие маневры с момента окончания Второй мировой войны. Военно-морские самолеты с авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз» летали над Курильскими островами, которые открывают вход в Охотское море. Демонстрация силы была следующим шагом Лемана, чтобы привлечь внимание Советского Союза.

Важные переговоры о контроле за вооружениями застопорились из-за того, что Советский Союз возражал против планов США разместить в Англии, Западной Германии и Италии низколетящие крылатые ракеты и баллистические ракеты средней дальности «Першинг». Затем, 31 августа 1983 года, Советский Союз сбил пассажирский авиалайнер южнокорейской авиакомпании KAL 007, который изменил курс и пролетел над советскими военными базами поблизости от Охотского моря. Все 269 пассажиров на борту самолета погибли.

Рейган обвинил Советский Союз в преднамеренном убийстве, поскольку военные знали, что сбивают гражданский самолет. Со своей стороны, Советский Союз заявил, что это был не пассажирский лайнер, а разведывательный самолет ЦРУ США. Вслед за этим инцидентом советские

студенты, обучавшиеся в университетах США, были отозваны домой под предлогом того, что антисоветские настроения в США ставят под угрозу их жизнь. К тому времени, когда Лех Валенса получил Нобелевскую премию мира – 6 октября 1983 года, – КГБ был уверен, что эта премия являлась составной частью западно-сионистского плана дестабилизации Восточной Европы.

Напряженность возросла еще больше, когда 26 октября 1983 года Рейган отдал приказ вооруженным силам США вторгнуться в Гренаду. США заявили, что они якобы спасают американских студентов-медиков. Но на самом деле в ходе этой операции США свергли законно избранное правительство Гренады, которое чем-то им не угодило.

На фоне всего происходящего КГБ предупреждал советское руководство, что вполне вероятно, НАТО и США обдумывают планы нанесения первого удара. Доказать это стало первоочередной задачей еще Ю.В. Андропова в его бытность председателем КГБ. По словам Олега Гордиевского, бывшего офицера КГБ, предателя, бежавшего в Великобританию, КГБ в 1983 году требовал от своих агентов по всему миру сообщать любуюстораживающую информацию о возможной подготовке ракетно-ядерного нападения, даже если есть сомнения в ее достоверности.

В ходе скандала, связанного с гибелью южнокорейского авиалайнера, КГБ усилили нажим на своих агентов с требованием информации о ракетно-ядерном нападении. К тому времени Андропов был смертельно болен, у него уже удалили одну почку. Но он продолжал оставаться во главе государства и верил в то, что мир по вине американцев приближается к ядерной катастрофе. (В разгар напряженности Советский Союз послал подводную лодку типа «Виктор III» в район между Каролинскими и Бермудскими островами. Американцы ответили на это направлением туда фрегата «Маклой» и подлодки «Филадельфия» (бортовой номер SSN-690) для ведения слежки за подлодкой типа «Виктор III». 31 октября 1983 года советская подлодка типа «Виктор» подошла очень близко к американскому фрегату и случайно зацепила трос, на котором буксировался гидролокатор, оторвав его от фрегата. Подлодка всплыла и попыталась освободить трос, который намотался на ее винт. Она оказалась без движения, захватив свой трофей. Так сообщали об этом в американских газетах. Но о том, что случилось затем, американская пресса не сообщала. Подлодка «Филадельфия» маневрировала около лодки типа «Виктор» и подошла вплотную снизу, чтобы лучше рассмотреть ее. И снова неожиданно для всех часть троса с гидролокатором зацепилась за что-то уже на корпусе подлодки «Филадельфия». Получилось, что американцы нечаянно вырвали свой гидролокатор обратно.)

По словам Гордиевского, во время учений под кодовым наименованием «Эйбл Арчер» со 2 по 11 ноября 1983 года вооруженные силы НАТО отрабатывали процедуры приведения ядерного оружия в различные степени боевой готовности, вплоть до общей тревоги. Поскольку советские планы на случай чрезвычайной обстановки предусматривали проведение реальной подготовки к боевым действиям под завесой проведения подобных учений, то паникеры в КГБ пришли к выводу, что вооруженные силы НАТО

действительно подняты по боевой тревоге.

Были отданы распоряжения следить за признаками завершения подготовки НАТО к ядерному нападению: переговоры между Вашингтоном и Лондоном по поводу кризиса; усиленное создание запасов продовольствия, в том числе массовый забой скота; эвакуация государственных, финансовых, политических лидеров и их семей. Повышенная боевая готовность в Советском Союзе была отменена после 11 ноября, когда завершились учения «Эйбл Арчер».

В декабре 1983 года начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза маршал Н.В. Огарков сделал ошеломляющее официальное заявление. Он сказал, что в Советском Союзе полагают, что Соединенные Штаты «по-прежнему хотели бы нанести первый ядерный удар по основным центрам Советского Союза».

Государственный секретарь в администрации Рейгана Джордж Шульц просто не поверил такому заявлению Огаркова. Шульц заявил, что как можно скорее необходимо продолжить переговоры. Но в короткий срок перейти от конфронтации к переговорам не всегда удастся: слишком велика инерция взаимного недоверия. В январе 1984 года Советский Союз счел необходимым отреагировать на размещение в Европе американских ракет «Першинг II». Советские ракетные подлодки типа «Дельта» снова направились в Атлантику для патрулирования вдоль побережья США – в дополнение к лодкам типа «Янки», уже находившимся там. Целью этой демонстрации было показать, что подводные лодки типа «Дельта» способны поразить цели на всей территории США с таким же успехом, как и «Першинги», находящиеся в Германии, могут поразить цели на территории Советского Союза. По иронии судьбы, Советский Союз послал подлодки типа «Дельта» именно туда, где ВМС США могли следить за ними с большей легкостью. Но предполагаемая угроза тем не менее была очевидной. Обе стороны усилили игру «в жмурки», проводя слежку друг за другом более агрессивно, чем когда бы то ни было.

Администрация Рейгана пришла к выводу, что в интересах США добиться снижения напряженности. Подстрекательская риторика в Вашингтоне внезапно прекратилась. Шульц стал вести приватные переговоры с советскими дипломатами, чтобы постепенно сгладить напряженность и возобновить диалог о контроле над вооружениями. В своих публичных выступлениях Рейган начал проводить новую линию. Так, в январе 1984 года он заявил: «Мы полны решимости уладить наши разногласия мирным путем, путем переговоров». Он снова коснулся той картины, которую он представлял себе, внося предложение о «звездных войнах»: «Как я уже говорил раньше, моя мечта заключалась в том, чтобы увидеть тот день, когда ядерное оружие исчезнет с лица земли».

Советский Союз охотно откликнулся на американские мирные инициативы. В феврале 1984 года умер Ю.В. Андропов. Сменивший его К.У. Черненко дал понять, что он не против продолжить переговоры о сокращении вооружений. Однако Черненко выдвинул такие условия, что Рейган не мог согласиться. Советский лидер предложил Рейгану отказаться от программы «звездных войн». Советский Союз опасался, что «звездная» технология могла позволить США нанести первый удар, не опасаясь возмездия.

Разведывательное сообщество США, как всегда, старалось быть в курсе происходящих событий. Американские спутники-шпионы получили информацию о советских ядерных испытаниях в Арктике. Военно-морская разведка и агентство национальной безопасности стали спешно планировать возвращение подлодки «Парч» в Баренцево море.

«Парч» вышла в направлении Баренцева моря вскоре после очередной дипломатической стычки: Советский Союз бойкотировал Олимпийские игры в Лос-Анджелесе в ответ на американский бойкот предыдущих игр в Москве. Когда «Парч» вернулась домой, стало ясно, что она привезла значительно больше информации, чем надеялись получить самые оптимистичные сотрудники разведки. На пленках было записано все, что происходило в Советском Союзе вследствие проведения НАТО американских учений «Эйбл Арчер». Из этих записей можно было получить подробное представление о советской морской ядерной стратегии. Ее в той или иной мере отразили и перехваченные переговоры советского военно-морского командования, которые как на ладони раскрыли структуру управления во время приведения некоторых ракетных подводных лодок в высшую степень боеготовности. Некоторые бывшие офицеры разведки говорят, что эта информация просто подтвердила представление, полученное по предыдущим подслушиваниям, о том, как Советский Союз планировал использовать свои ракетные подлодки. Но другие бывшие сотрудники ЦРУ, агентства национальной безопасности и ВМС говорят, что привезенная «Парч» информация была настолько ценной для понимания намерений Советского Союза, что они квалифицировали ее как «крупный выигрыш в казино» или как «драгоценности из королевской казны».

По их словам, на основании данных, полученных из этого перехвата, часть информации, добытой агентурным путем, оказалась совершенно ложной. Эти же материалы в хронологическом порядке показали рассредоточение основных советских кораблей и подводных лодок и представили новую картину состояния боеготовности советских ВМС. Как и предполагали более молодые аналитики ВМС США за много лет до этого, основное внимание в СССР уделялось укрытию ракетных подводных лодок. В первые дни кризиса Советский Союз планировал перевести часть подлодок типа «Тайфун» и «Дельта» в безопасные укрытия. Эти укрытия должны были охраняться основной массой многоцелевых подводных лодок и надводных кораблей. Многоцелевым подлодкам отводилась также роль охранения во время перехода ракетных лодок для укрытия подо льдами Арктики.

Такая стратегия советских ВМС беспокоила Пентагон. Советский Союз подготовил способ избежать натовских сил, ожидающих его флот в проходе между Гренландией, Исландией и Великобританией, а также натовских подлодок, которые попытались бы преследовать советские лодки в Баренцевом море. Зато «Парч» привезла домой и подтверждение одного из наиболее важных фактов, который развеял наихудшие опасения Пентагона: Советский Союз не готовился к нанесению первого удара с моря. Как говорил один из бывших сотрудников разведки, материалы подслушивания, полученные в результате этой и других операций, «подтвердили представление о том, что,

хотя упреждающий удар и не исключался полностью, однако советские вооруженные силы не предназначались для нанесения первого удара».

Итог был следующим: баланс сил изменяется. Советские технологические достижения – повышение дальности стрельбы ракет, укрепление внешних обводов и корпусов подводных лодок, позволяющее им плавать подо льдами, – поставили Советский Союз на уровень достижения ядерного паритета с США в последней основной области, где Советский Союз еще отставал. Теперь он мог лучше укрыть свои ракетные подлодки и имел в своем распоряжении важнейший стратегический резерв, почти неуязвимую возможность для ответного удара. По мнению Советского Союза, это сделает менее вероятным нанесение по нему первого удара со стороны США.

Президента Рейгана ознакомили с полученными данными, и он поручил военно-морским силам и министру обороны Уайнбергеру разобраться, какое влияние эта информация может оказать на военную стратегию США. Министр ВМС Леман и начальник военно-морских операций Уоткинс в течение ряда лет утверждали, что если начнется война, то американские ВМС вынуждены будут уходить подо льды, чтобы уничтожить там советские подлодки. Теперь они решили это сделать официальной военно-морской стратегией. Их решение частично основывалось на результатах масштабных военных игр, в ходе которых американские военачальники выступали в роли советских командующих. Игры строились главным образом на предположении о том, что кризис будет развиваться в течение многих месяцев, и поэтому у ВМС будет достаточно времени, чтобы наводнить Баренцево море многоцелевыми подлодками с целью перехвата советских лодок на выходе их из портов и следования за ними в районы их патрулирования.

Опьяненное своими успехами в слежке за советскими подводными лодками в глубоких водах Атлантики, большинство адмиралов не хотело и слушать предупреждения Лайона о том, что легче играть в сопровождение, чем в «жмурки». Лайон был уверен, что советским подлодкам будет легко уйти от сопровождения там, где американские лодки не смогут найти их – на мелководье, в окраинных зонах ледовых полей. Теперь адмиралов меньше интересовали проблемы модификации новых подлодок типа «Лос-Анджелес». Это привело к тому, что Лайон после сорока лет службы основным экспертом ВМС по Проблемам Арктики был отстранен от процесса модификации лодок типа «Лос-Анджелес».

Руководство ВМС признало, что американские подводные силы понесли бы серьезные потери, если бы попытались нанести удар по «бастионам», в которых находятся советские подлодки, или «вытаскивали» их ракетные подлодки из-подо льда. В то же время считалось, что США смогут уничтожить много советских лодок на их боевых позициях. Чтобы проверить это, однажды в воскресенье, срочно собрав из портов Атлантического побережья США более двух десятков многоцелевых подводных лодок, адмиралы направили эту армаду в сторону Советского Союза. Все силы разведки были задействованы, чтобы зафиксировать советскую реакцию. Никаких признаков обнаружения этого срочного выхода лодок зафиксировано не было. Это еще больше

воодушевило адмиралов. К тому же они уверовали, что на их стороне не только фактор внезапности, но и более высокий уровень подготовки экипажей атомных подводных лодок. Американские подводники больше времени проводят в море, поскольку советские лодки чаще выходят из строя. И если Советский Союз желает ограничиться Арктикой и своими внутренними морями, то подлодки США будут примерно знать, где искать свою добычу. У них всегда будут под рукой сведения о районах патрулирования советских подлодок, полученные с помощью разведывательных операций и гидролокационных боев, разбросанных у кромок ледовых полей, куда не достигают системы подводных гидрофонов.

Недостатки и преимущества новой стратегии США были наиболее прямо высказаны Уоткинсом, бывшим начальником военно-морских операций с середины 1982-го до середины 1986 года. Он заявил, что советская стратегия возврата своих подлодок домой, «возможно, была остроумной и затрудняла задачу уничтожения их». Но он также полагал, что если Советский Союз начнет войну ракетами наземного базирования, то США смогут уничтожить «очень большой процент» ракетных лодок, которые Советский Союз будет иметь на боевых позициях для второго удара с моря.

Тем не менее любая стратегия, допускающая даже нескольким советским ракетным лодкам выстрелить по американским целям, оценивалась в США скептически. Здесь с упоением вспоминали времена, когда большинство советских лодок типа «Янки» бороздило море, не подозревая, что за ними следуют силы, готовые нанести им смертельный удар, не дав возможности выстрелить. С большим облегчением офицеры разведки узнали, что Советский Союз не собирается использовать свое улучшившееся положение для начала войны.

Теперь военно-морская разведка подготавливала план подслушивания советского кабеля в реальном масштабе времени, без долгих ожиданий, пока накопятся записи и их можно будет забрать. Эта идея существовала в военно-морской разведке еще с середины 1970-х годов, когда подумывали соединить подслушивающее устройство в Охотском море по кабелю с Японией. Теперь же начальник управления военно-морской разведки Джон Баттс пробивал идею прокладки кабеля длиной 1200 миль между Баренцевым морем и Гренландией. Он задумал построить баржи, которые будут выглядеть настолько безобидными, что никто даже и не подумает, что они занимаются прокладкой кабеля. По его замыслу, на приемном конце кабеля будет многочисленный штат языковых специалистов и дешифровальщиков, которые будут заниматься переводом и дешифрованием получаемых материалов по мере их поступления.

План был грандиозным. Некоторые из сослуживцев Баттса даже шутили, что их коллега пытается завоевать весь мир. По подсчетам Баттса, стоимость проекта составляла один миллиард долларов. Но комитет по разведке конгресса США не стал долго разбираться с проектом, а дал ясно понять, что собирается утопить план Баттса вместе с его баржами.

На фоне происходившего две супердержавы продолжали переговоры о сокращении своих ядерных арсеналов. И когда в марте 1985 года К.У. Черненко

умер, вся старая советская гвардия фактически умерла вместе с ним. Политбюро возглавил 54-летний М.С. Горбачев, на которого Запад возлагал очень большие надежды. Еще со времен паники, вызванной натовскими учениями «Эйбл Арчер», он был убежден, что следует вернуться за стол переговоров. Когда же Горбачев занял должность Генерального секретаря ЦК КПСС, он гораздо больше своих предшественников стремился к изменению отношения с США. Горбачев прямо заявил президенту США Бушу и госсекретарю Шульцу: «Советский Союз никогда не намеревался воевать с США, и сейчас таких намерений нет».

Во время налаживания в новых условиях широких контактов между США и Советским Союзом американцы, к своему удивлению, обнаружили, что дни шпионов и сторонников холодной войны еще не окончены. Похоже, Ричард Хейвер в свое время оказался прав.

В начале 1985 года Билл Стадеман, который должен был сменить Баттса на посту начальника военно-морской разведки, вошел в кабинет Хейвера, занимавшего к тому времени должность заместителя начальника военно-морской разведки. Стадеман дал Хейверу прочитать отчет ФБР об интервью Барбары Уолкер, которая заявила, что ее муж, бывший старшина ВМС, был советским агентом. Хейвер сразу же понял, что в документе ФБР содержится ответ на тот вопрос, на который он и Стадеман еще в конце 1970-х годов пытались получить ответ, уговаривая адмиралов провести расследование о возможной утечке информации из системы связи.

Джон Уолкер был отставным подводником – специалистом по связи. В 1967 году он служил дежурным в штабе в Норфолке, занимавшимся связью с подводными лодками в Атлантике. Он имел доступ к докладам об операциях, к техническим наставлениям и ежедневным перечням ключей для декодирования сообщений, посылаемых с помощью достаточно распространенных военных шифровальных машин. Если Советский Союз получил какие-либо из этих перечней, то ему стало известно, что советские подводные лодки сопровождают менее шумными американскими лодками. Ему стало также известно, насколько бесшумны эти американские подлодки и какое большое значение имеет технология погашения шумов для уравнивания силы в океане.

Уйдя со службы, Уолкер продолжал шпионскую деятельность, привлекая к этому своих родственников, служивших в ВМС США. Это продолжалось до 1985 года, когда он был выдан своей бывшей женой. Когда он уволился со службы в ВМС в 1976 году, то продолжал шпионаж, вовлекая других в эту деятельность. Сначала он завербовал еще одного военно-морского специалиста по связи Джерри Уитворта, который обеспечивал Уолкеру доступ к весьма важным перечням кодов. В начале 1980-х годов Уолкер завербовал своего брата Артура, который работал у подрядчика, выполнявшего оборонные заказы. А вскоре после этого Уолкер начал использовать в шпионских целях и своего сына, служившего на атомном авианосце «Нимиц». Уолкера удалось схватить только тогда, когда он попытался завербовать и дочь в свою шпионскую сеть.

Эта новость была отрезвляющая. Все эти годы, пока США подслушивали

советские кабели, Советский Союз, в свою очередь, слушал систему связи США, почти ничего не затратив на исследования, разработку технологии и не рискуя жизнью людей. Фактически Уолкер и его сподручные стоили Советскому Союзу менее 1 миллиона долларов за 18-летний период. За эти деньги он почти единолично уничтожил ядерное превосходство США.

Уолкер был арестован 2 мая. На следующий день Хейверу поручили составить доклад о возможном ущербе, нанесенном деятельностью Уолкера. Выбор пал на Хейвера в основном потому, что он писал на эту тему еще десять лет тому назад, пытаясь насторожить командование. Но ущерб оказался даже больше, чем предсказывал Хейвер: Уолкер передал СССР очень важные секреты об американских способах понижения шумности подводных лодок, таких, например, как установка специальных механизмов на амортизаторы, чтобы вибрация не передавалась через корпуса лодок. Примерно в то же время, когда арестовали Уолкера, гидроакустики стали жаловаться, что им не удается идентифицировать некоторые новейшие советские многоцелевые подводные лодки до тех пор, пока американские субмарины не оказывались прямо под советскими. А порой советские подлодки появлялись рядом даже неожиданно. У некоторых советских подводных лодок типа «Сьерра» и «Акула» шумность была почти такой же, как и у американских подлодок типа «Стерджен». (Позднее выяснилось, что Советскому Союзу помогли норвежские и японские фирмы, включая филиал корпорации «Тошиба», которые тайно продали Советскому Союзу огромные фрезерные станки для обработки лопастей гребных винтов, с целью сделать их менее шумными и более обтекаемыми.)

Позднее Студеман в своих показаниях федеральному суду свидетельствовал, что шпионская группа Уолкера, «возможно, внесла решающий вклад в увеличение военной мощи Советского Союза». А когда в июле 1985 года высокопоставленный офицер КГБ Виталий Юрченко бежал в США, то он сообщил ЦРУ о том, что группа Уолкер-Уитворт была самым значительным достижением за всю историю КГБ.

В октябре 1985 года Уолкер признал себя виновным и согласился, при условии снисхождения к его сыну, помогать властям в определении нанесенного ущерба. Сам Уолкер был приговорен к пожизненному тюремному заключению с правом на помилование через 10 лет. Этот вердикт суда был одобрен министром обороны Уайнбергером, но министр ВМС Леман был страшно возмущен. По его мнению, к Уолкеру отнеслись слишком мягко. В его мыслях Уолкер заслуживал не просто сурового, а самого зверского наказания. Он, на месте судей, приговорил бы его за предательство к наказанию, которое существовало в первые дни после окончания Войны за независимость. По сути, эти рассуждения Лемана выглядели так:

«Тебя следует подвесить за шею, но не насмерть. Снять с виселицы и, пока ты еще жив, сжечь перед глазами твои внутренности, затем отрубить голову, а тело четвертовать. И пусть Всемогущий простит твою душу».

Через месяц после осуждения Уолкера, в ноябре 1985 года, у министра ВМС появилось еще одно тело для его воображаемой виселицы, а Хейвер поймал своего второго призрака. На этот раз Америке помог Юрченко, который

выдал военно-морским силам США второго шпиона.

Еще в январе 1980 года, когда Юрченко работал в советском посольстве в Вашингтоне, ему позвонил человек и сказал всего одну фразу: «Я обладаю информацией, которую мог бы передать вам».

Звонивший посетил посольство, но Юрченко так и не узнал ни его имени, ни его предложения. Этим делом занялись другие советские сотрудники. Поначалу казалось, что данных недостаточно. Но ФБР начала просматривать старые записи телефонных разговоров Юрченко. Следователи обнаружили, что звонившим был один из служащих агентства национальной безопасности. Они опознали его по голосу.

Таинственный телефонный абонент Юрченко оказался Рональдом Пелтоном, бывшим шифровальщиком агентства национальной безопасности, которого арестовали 25 ноября 1985 года. Частью «информации», которую он передавал Советскому Союзу, оказались сведения о совершенно секретной операции ВМС США по подслушиванию подводного кабеля связи в Охотском море. Пелтон продал записи перехвата в Охотском море за 35 тысяч долларов. Он выдал самые важные шпионские подводные операции и подверг угрозе жизни экипажи подводных лодок «Сивулф» и «Парч». Обе подлодки совершали походы в Охотское море в течение двух лет до того, как советские ВМС обнаружили подслушивающие устройства. Осталось неясным, почему СССР потребовалось так много времени, чтобы отреагировать на сообщение Пелтона.

После ареста Пелтона ВМС, наконец, передали в сенатский комитет по разведке доклад Хейвера, написанный им в январе 1982 года, в котором высказывались подозрения, что какой-то шпион выдал Советскому Союзу информацию об американском подслушивающем устройстве в Охотском море. Сенаторы были в ярости. На закрытом слушании они устроили настоящую выволочку представителю ВМС за то, что подозрения Хейвера три года оставались без внимания. Их особенно возмутило, что, несмотря на подозрения о шпионе, подлодка «Парч» снова направлялась в Охотское море с риском для жизни 140 членов экипажа.

Республиканец Уильям Коэн (от штата Мэн), впоследствии ставший министром обороны в администрации Клинтона, рассердился больше всех и потребовал назвать, кто писал доклад о подозрениях. Поднялся Хейвер: «Я писал этот доклад, сэр». Когда один из сенаторов поинтересовался у Хейвера, как он может это доказать, Хейвер назвал точную дату доклада, добавив, что эта дата – день его рождения, который не забывается.

Коэн поинтересовался, почему ВМС не реагировали на то, что Советскому Союзу уже известно о подслушивании кабеля. Он также поставил вопрос о том, почему никто не занялся поисками шпиона?

«Мне не поверили», – ответил Хейвер.

Коэн продолжал свои рассуждения. Благоразумно ли было продолжать программу подслушивания в том же объеме, если возникли подозрения о наличии шпиона?

Хейвер мог только повторить свой ответ о том, что никто в военно-

морской разведке не хотел ему верить.

Наконец, в порядке примирения, Хейвер предположил, что могло быть и недопонимание. Он никогда не говорил, что «совершенно уверен», а считал разумным собирать дополнительные факты. Но для ВМС и агентства национальной безопасности были и хорошие новости в факте ареста Пелтона. Теперь они уже знали, что шпион действительно существовал, и, кроме того, удалось выяснить, что подслушивающее устройство в Баренцевом море не провалено. Работа Пелтона и его допуск к секретным документам не давали ему доступа к операции в Баренцевом море. Поскольку Пелтон был в неведении об этой операции, то он и не мог сообщить информацию о ней Советскому Союзу.

Пелтон не признал себя виновным, и суд был назначен на май 1986 года. Но это создало дополнительную проблему. ВМС и агентство национальной безопасности вынуждены были скрывать от экипажа лодки «Парч» подробности суда над шпионом и стремились не допустить упоминания об операции в Баренцевом море, чтобы получить разрешение на проведение еще одного похода.

Судья без особых колебаний согласился изъять из судебных протоколов детали, действительно имевшие место. Но несколько репортеров из газеты «Вашингтон пост» уже начали свое журналистское расследование. У них была подготовлена статья о подслушивании кабеля для опубликования на первой странице газеты. Секретные службы были в отчаянии.

А в это время подводная лодка «Сивулф» находилась в Средиземном море, пытаясь наладить подслушивание кабеля, идущего из Западной Африки в Европу, чтобы помочь США раскрыть планы ливийского лидера М. Каддафи. «Сивулф» действовала в Средиземном море совместно с мини-подлодкой NR-1 (хотя их усилия еще не дали какой-либо существенной информации).

Подлодку «Парч» планировали снова направить в Баренцево море в конце 1985 года. К тому времени Советский Союз проявлял небывалую активность в Атлантике. Советские ВМС отправили группу из пяти многоцелевых подводных лодок типа «Виктор» и три недели удерживали ее так близко от восточного побережья, что за ней наблюдали практически все гидролокаторы атлантического флота США.

Появление статьи в газете «Вашингтон пост» могло иметь катастрофические последствия. Директор ЦРУ У. Кейси пригрозил газете судебным преследованием за раскрытие секретов разведки. Президент Рейган лично позвонил издателю газеты, Катрин Грэм, и слезно умолял ее не выпускать статью, поскольку речь идет о высших секретах государства.

В конечном счете, за день до суда над Пелтоном, газета «Вашингтон пост» опубликовала лишь небольшую заметку. В этой заметке говорилось только о том, что Пелтон выдал сведения о высокотехнологичной, долгосрочной подводной операции по перехвату советской связи в Охотском море. В ней не было упоминания о подлодках «Халибат», «Сивулф» или «Парч». Ни слова не было сказано о Баренцевом море или Ливии. На судебном процессе не было раскрыто никаких дополнительных подробностей, и в начале июня Пелтон был осужден – он получил ни много ни мало три пожизненных срока (!) и плюс к

этому еще десять лет заключения.

Секреты ВМС сохранились в неприкосновенности, и в начале сентября экипаж подводной лодки «Парч» проводили в поход под командованием Баканана. Для лодки это был седьмой поход в Баренцево море и шестой поход арктическим маршрутом. Для самого Баканана это был второй поход на «Парч». Но этот поход оказался из ряда вон выходящим.

Судебный процесс над Пелтоном вызвал определенную нервозность у экипажа. Необходимо было внушить экипажу, что они вовсе не собираются повторять операцию, подобную той, которую выдал Пелтон Советскому Союзу. Кодового наименования «Вьющиеся колокольчики» больше не существовало. Его заменила целая серия новых наименований, включая «Манта», означавшая всю операцию в целом, а само подслушивание – «Ацетон». И даже эти кодовые наименования постоянно менялись. Тем не менее экипаж знал, что какое бы название ни придумывали для операции, Советскому Союзу кое-что о ней известно.

Среди членов экипажа шли разговоры о Пелтоне и о человеке, которого называли «Дж. Уолкер Ред», потому что он зачастую поздно ложился спать. Размышляли о том, к какому количеству секретной информации допущен каждый человек на «Парч». И сколько пачек шифроматериалов легко могут оказаться на фотокопировальном аппарате, если хотя бы у одного из них появится желание заняться шпионажем. Задумывались и над тем, как усиленно ВМС пытались держать в секрете от моряков детали их собственных походов. Это оставляло неприятный осадок. Секреты нельзя сохранить драконовскими мерами безопасности. Нельзя предохранить утечку, пытаясь держать людей в неведении. Секрет можно сохранить только тогда, когда человек сам считает невыносимой саму идею продажи секретов противоположной стороне. И секретность легко может быть утрачена, если хотя бы один из них посчитает возможным передачу секретов врагу, продаст душу дьяволу.

Все же по мере приближения к Баренцеву морю члены экипажа пришли в себя, почувствовали себя патриотами. У Советского Союза были Пелтон и Уолкер, но у США была подлодка «Парч». А ради интересов Америки можно пережить и холод, и неудобства.

Переход подо льдами Арктики проходил успешно. «Парч» находилась в 20 или 30 милях от местонахождения подслушивающего устройства, которое ей предстояло забрать и установить новое. Уже была сделана прокладка курса на карте, выбран маршрут ближе к советскому побережью. Многие годы различные американские подлодки создавали ложные шумы, и на них реагировали установленные советские гидроакустические буи. Под воздействием этих шумов советские буи всплывали, чтобы передать информацию, если подлодка попытается пройти мимо них. До подхода «Парч» все эти буи были нанесены на карту, с пометками «действующий» или «недействующий». Подлодке «Парч» оставалось только проложить курс рядом с бездействующими буями.

Но внезапно пришло сообщение: «Ждать. Не двигаться». Лодка тем временем уже находилась в 12-мильной зоне. Ее остановил сам президент

США. 19 сентября 1986 года, пока «Парч» была еще на переходе, советский министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе вручил президенту США Рейгану письмо от Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о том, что советский лидер хотел бы ускорить переговоры по вооружениям путем личной встречи с Рейганом. Он предлагал на выбор два места встречи. США выбрали Рейкьявик, спокойное место на полпути между Вашингтоном и Москвой. Эта встреча была назначена на 11 апреля 1986 года.

Но в той, прошлогодней встрече наиболее остро стоял вопрос о «звездных войнах». Горбачев все еще настаивал на ликвидации СОИ, а Рейган энергично доказывал, что СОИ – единственный выход из рискованного неустойчивого баланса, основанного на «обеспеченном взаимоуничтожении». Он полагал, что лазерное оружие в космосе навсегда покончит с мнением, что мир зависит только от того, пожелают ли Советский Союз и США уничтожить друг друга.

Во время последней встречи дискуссия иногда доходила до перебранки, но все-таки чувствовалось, что Рейган и Горбачев уважают друг друга. В заключение встречи они выступили с совместным заявлением о намерении достичь 50-процентного сокращения ядерного и других видов вооружения.

Второй акт переговоров, проводимый в Рейкьявике, обещал стать самым непредсказуемым и выдающимся из всех когда-либо проводимых встреч на высшем уровне. Обе стороны согласились, что вместо предварительного сценария будет предоставлена возможность двум лидерам поговорить в узком кругу. Неудивительно, что на эту встречу возлагались такие большие надежды. Получилось даже так, что своим письмом Горбачев непреднамеренно приостановил движение подлодки «Парч».

Для экипажа подлодки эта встреча в верхах означала, однако, не очень удобное, а возможно, и опасное ожидание. Оно раздражало людей. Слишком много времени на размышления, на то, чтобы слушать, как один за другим, совсем неподалеку, проходят боевые корабли. А что, если «Парч» будет схвачена, застигнута на месте преступления? Ведь то, чем они занимаются, незаконно.

Прошла неделя, две... «Парч» находилась в ожидании, весь мир – тоже. Наступило 11 октября 1986 года. В радиорубке лодки все время толпился народ, ожидая сообщений о ходе встречи в верхах. Но никаких сообщений не поступило. Такова была взаимная договоренность: никакой прессы, никаких сообщений до завершения встречи.

Встреча проходила в доме, уединенно расположенном на берегу Атлантического океана. В небольшой комнате сидели Шульц, Шеварднадзе, Рейган и Горбачев, два переводчика и две стенографистки. Предлагались компромиссы и делались уступки. Согласились сократить количество боеголовок примерно до 6000 и ракет до 1600 для каждой стороны, о сокращении количества ракет меньшей дальности. Рейган и Горбачев договорились произвести эти сокращения за последующие пять лет, а затем еще через пять лет уничтожить весь остальной ядерный арсенал.

Горбачев продолжал настаивать на том, чтобы Рейган отказался от СОИ или, по крайней мере, согласился воздержаться от проведения испытаний в

космосе в течение 10 лет, ограничившись лабораторными исследованиями. Рейган же намеревался проводить испытания в космосе, по крайней мере достаточные для того, чтобы СОИ была развернута через 10 лет. Он обещал в порыве великодушия передать Советскому Союзу всю систему и всю технологию СОИ. Горбачев на это не польстился, и Рейган начал уговаривать его более изощренно. Он даже позволил себе быть сентиментальным: «Я представляю, как через 10 лет мы оба прибываем в Исландию и привозим две последние в мире ракеты. Устроим по этому поводу потрясающее празднование. Я буду такой старый, что ты меня не узнаешь. Я спрошу: Михаил? Ты спросишь: Рон? И мы уничтожим эти две последние ракеты».

Началась словесная пикировка. Горбачев сказал, что он может и не прожить 10 лет, поскольку вступил в весьма «опасный период», а Рейган уже прошел этот период и теперь может спокойно доживать до ста лет.

«Я не могу дожить до ста лет в беспокойстве, что ты выстрелишь одну из этих ракет в меня», – ответил на это Рейган.

Спор продолжался. Рейган сказал в свое оправдание, что уже дал слово американскому народу, что не откажется от СОИ. Горбачев уверял, что президент Рейган будет иметь СОИ, даже если ограничится лабораторными испытаниями. Наконец, Рейган произнес слова, которые могли звучать возвышенной риторикой в любом другом контексте: «Меня устроит, если мы устраним все ядерное оружие».

«Мы можем сделать это. Давайте устраним его», – ответил Горбачев.

Это могло оказаться решающим моментом. Но этого не произошло. Оставалась проблема «одного слова».

«Вопрос всего одного слова», – сказал Рейган, умоляя Горбачева отказаться от требования проводить только лабораторные испытания СОИ.

«Только лабораторные испытания или до свидания», – настаивал Горбачев.

На этой ноте встреча и закончилась. «Парч» получила радиограмму: «Вам разрешается проникнуть в 12-мильную зону». Лодка теперь находилась в 6–7 часах хода до места проведения операции. Все шло без происшествий. Водолазы вышли из лодки, «спуки» занялись прослушиванием. Сняли контейнер с подслушивающей аппаратурой и поставили несколько новых для записи информации.

Спокойно, бесшумно «Парч» начала движение от кабеля в точку, где она могла дать сигнал обеспечивающей лодке о том, что все завершилось благополучно. Но внезапно на «Парч» услышали характерный звук, свидетельствующий о том, что лодку облучают гидролокатором. К счастью, обеспечивающая лодка «Финбэк» (бортовой номер SSN-670) быстро сблизилась с «Парч» и отвлекла советское внимание на себя. Этот прием сработал, и «Парч» удалось ускользнуть.

Пройдя несколько сотен миль, «Парч» выставила антенну. Убедившись с помощью гидролокатора в отсутствии кого бы то ни было поблизости, лодка послала короткое сообщение в Вашингтон: «Операция завершена».

Через месяц «Парч» достигла Сан-Диего, где сделала краткую остановку на пути домой.

В Вашингтоне президент Рейган захотел лично поприветствовать командира подводной лодки «Парч» и поздравить с награждением лодки почетной грамотой президента США. На этой встрече кроме президента присутствовал вице-президент Буш, начальник военно-морских операций, начальник объединенного комитета начальников штабов и члены объединенного комитета начальников штабов.

Поблагодарив и поздравив командира лодки, Рейган назвал его современным Джоном Уэйном, известным киноактером, ставшим в США символом бесстрашного американского ковбоя.

Глава 12

«ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ»

Если «холодная война» с приходом к власти доверчивого Горбачева и не закончилась совсем, то было очевидно, что она начинает подходить к концу. Рейкьявик в этом смысле стал хорошим стартом. Американцам новые реалии были в диковинку, они долго еще находились в плену старых стереотипов. Уже вскоре после Рейкьявика ВМС США устроили погоню за группой советских многоцелевых подлодок типа «Виктор III» у восточного побережья США. В 1987 году американские подлодки продолжали совершать свои шпионские операции. Но что-то в отношениях двух великих держав стало неосознано меняться.

Конечно, Горбачев продолжал сердиться на «звездные войны», но было уже ясно, что он не склонен сильно упираться на переговорах. Он даже принес извинения за сбитый в свое время шпионский самолет У-2 и судебный процесс над его пилотом Гарри Пауэрсом. Американцы все шире раскрывали глаза от удивления.

В декабре 1987 года Горбачев и Рейган встретились в Вашингтоне, впервые после Рейкьявика. Они подписали договор об уничтожении целого класса ядерного оружия – ракет средней дальности. В 1983 году такие переговоры зашли в тупик, поскольку советские руководители опасались, что США задумывают нанесение первого удара. Теперь обе стороны согласились подписать договор, и казалось, от прошлой враждебности остались только воспоминания.

Подписывая договор, Рейган произнес по-русски старый афоризм: «Доверяй, но проверяй».

«Ты повторяешь это на каждой встрече», – сказал Горбачев, посмеиваясь.

«Мне нравится этот афоризм», – примирительно ответил Рейган.

Кто мог предположить еще несколько лет назад, что Рональд Рейган в качестве президента США будет шутить с советским лидером! Оба были настолько полны энтузиазма, что по пути в Белый дом Горбачев остановил свой кортеж автомобилей, чтобы пожать руки стоявшим в толпе людям. На следующей встрече в Москве Рейган ответил тем, что попросил представить его москвичам, гулявшим по Красной площади. Георгий Арбатов, директор

института США и Канады, тоже в шутку сказал американскому президенту: «Мы собираемся сделать нечто страшное для вас. Мы собираемся лишить вас врага».

Несмотря на обмен любезностями Горбачева и Рейгана, было ясно, что должно пройти время, чтобы все убедились: «холодная война» подходит к концу. Это становилось тем более очевидным, что даже высокопоставленные военные стали проводить свои встречи на высшем уровне.

Адмирал Уильям Кроу, председатель объединенного комитета начальников штабов, встретился с маршалом С.Ф. Ахромеевым, начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза. Маршал Ахромеев и адмирал Кроу провели неофициальные встречи. Кроу устроил маршалу экскурсию на американский авианосец. Они даже встречались в специальной комнате в Пентагоне, которую называли «танк». В этой защищенной комнате высшее военное руководство США планировало свои действия против Советского Союза. Тем не менее, когда Ахромеев сидел и вел беседу с американцами о возобновляющейся дружбе, он не мог скрыть свое разочарование тем, что слежка и шпионские операции американских подводных лодок, казалось, не претерпели изменений после окончания «холодной войны».

«Вы создаете проблему», – выпалил он адмиралу Тресту, ставшему начальником военно-морских операций. Не только американские подлодки все еще прячутся в советских водах, им активно помогают американские самолеты-охотники за подводными лодками типа «Орион». Начальник советского Генштаба как бы признавал этим эффективность американской противолодочной разведки.

Адмирал Трост попытался успокоить гостя, заявив, что американская стратегия не нацелена на угрозу кому бы то ни было. Находясь лицом к лицу с Ахромеевым, Трост почувствовал, что ему удалось заглянуть в советскую душу, и то, что он увидел, значительно отличалось от того, во что он верил долгие годы. Ему всегда казалось, что советские вооруженные силы предназначались для агрессии. Но теперь Трост мог видеть, как сильно Ахромеев верит в то, что он был только частью усилий по защите своей страны, окруженной врагами, кораблями НАТО, подводными лодками и самолетами-охотниками за подводными лодками.

Постепенно эти два человека из таких разных миров продвигались друг к другу. Они сопоставляли и осознали тот опыт, который оба приобрели в годы «холодной войны». Очень показательный случай произошел, когда адмирал Киннэйрд Макки, один из наиболее успешных командиров подлодок, на ланче в Пентагоне обменивался морскими байками с советским адмиралом. Рядом находился Ричард Хейвер. Когда Хейвера представили как аналитика в военно-морской разведке, он услышал, как советский переводчик шептал адмиралу К.А. Макарову что-то о «ЦРУ».

Напряженность в отношениях исчезала по мере того, как Макки сидел со своим почетным гостем и продолжал рассказывать старые морские истории. Он вспомнил те дни, когда командовал подлодкой «Дэйс». В то время Макаров

возглавлял экипаж одной из подлодок 671 проекта, которых американцы, по его словам, называли «Виктор». Затем Макаров упомянул, что во время патрулирования на этой лодке он находился поблизости от «Дэйс» и знал, что это была именно «Дэйс».

«Интересно, кто же за кем следил?» – поинтересовался Хейвер, хорошо зная, что Макки впервые обнаружил в океане подлодку типа «Виктор» и следил за ней во время ее ходовых испытаний в море в 1968 году, что и помогло ему стать адмиралом. Макаров бросил на Хейвена холодный взгляд и пристально смотрел на него, пока переводчик переводил его ответ. «Сейчас не время обсуждать это».

Этот взгляд говорил больше. Казалось, он готов был признать: «Я знаю, кто за кем следил, но это был не я». Это были старые раны, а Хейвер посыпал соль на них. Он напомнил советскому представителю о тех годах, когда Советский Союз отставал в соперничестве на море. Конечно, в последние годы «холодной войны» это отставание заметно сократилось, но чувство унижения у русских осталось. Хейвер нарушил правило особой гласности и непростой открытости среди военных, а когда ланч закончился, Макаров через переводчика сказал ему: «Передайте этому молодому человеку, что когда собираются ветераны, не имеет значения, кто из них когда-то выиграл, а кто проиграл. Достаточно того, что оба остались живы».

Макаров, возможно, преждевременно употребил прошедшее время в своей фразе, но это соответствовало советской перспективе. После вспышки активности у американского побережья в 1980–1987 годах советские подлодки были возвращены домой. Однако со стороны США активность подводных сил оставалась прежней. Горбачева, похоже, обвели вокруг пальца.

Пока лидеры двух держав провозглашали тосты за окончание «холодной войны», американские подводные силы развивали свою стратегию. Усовершенствование гидролокаторов и электронных устройств для подслушивания означало, что у многоцелевых атомных подводных лодок уже отпала необходимость подходить очень близко к советским берегам для получения информации. (Во всяком случае, подлодки типа «Лос-Анджелес» не были достаточно маневренными для плавания в узких проливах.) Но интенсивность операций не снижалась. Например, эскадра подлодок из Сан-Диего отправляла 8 из своих 10 атомных многоцелевых подлодок в разведывательные операции в 1986 году, то есть столько же, сколько и в самый разгар «холодной войны». Подлодка «Солт-Лэйк-Сити» (бортовой номер SSN-716) почти семь месяцев находилась в северной части Тихого океана. За ней последовали «Портсмут» (бортовой номер SSN-706), «Пинтадо» (бортовой номер SSN-672), «Ла Джолла» (бортовой номер SSN-701) и другие.

Интенсивность этих операций подогревалась получением сведений о том, что Советский Союз, наконец, научился создавать такие же мощные и, что более важно, такие же бесшумные, как и американские, подводные лодки. Ирония заключалась в том, что к тому времени, когда русские научились создавать первоклассные лодки, у них не стало хватать средств на их строительство и содержание.

Но вернемся на Маре-Айленд, где интенсивность операций подлодок спецпроекта почти не снизилась. Подлодка «Сивулф» была выведена из строя в 1987 году, а «Парч» начала капитальный ремонт, с тем чтобы ее можно было переоборудовать для выполнения более широкого спектра потенциальных проектов. Ее корпус был разрезан на две половины и добавлена 30-метровая секция, предназначенная для нового, более сложного оборудования подслушивания кабелей, а также приспособления для поднятия объектов со дна моря по образцу подлодки «Сивулф». Капитальный ремонт должен был продолжаться несколько лет, но США подслушивали советские кабели без перерывов, имея на замену «Парч» уже подготовленную лодку «Ричард Расселл».

С 1987–го и до конца 1990 года подлодка «Расселл» получила за каждый выход в Баренцево море по одной почетной грамоте от президента США и три благодарности от командования ВМС. Ее операции продолжались и после ухода Рейгана в начале 1989 года, когда президентом стал Буш. Новый американский президент продолжал обхаживать Горбачева и даже написал ему письмо с предложением помочь поднять одну из советских подлодок, утонувшую в Норвежском море. (Утонувшая лодка «Комсомолец» была головной в новой серии советских атомных подводных лодок типа «Майк», рассчитанная на более глубокое погружение, чем другие советские многоцелевые подлодки. Это была четвертая советская атомная лодка, утонувшая за время «холодной войны». Немало советских атомных и дизельных лодок получили повреждения в результате аварий на ядерных реакторах, из-за пожаров и других происшествий. По крайней мере, семь или восемь из них затонули.)

В конце 1989 года начальник военно-морских операций адмирал Трост был приглашен в Ленинград в качестве почетного гостя советских ВМС. В этой поездке, за месяц до крушения Берлинской стены, ему позволили лично убедиться в том, как быстро сокращаются возможности советских подводных сил. Советскому Союзу было все труднее держать подлодки в море, оплачивать их материально-техническое обеспечение и проводить профессиональную подготовку экипажей.

Трост был потрясен теми изменениями, которые произошли после его последнего визита в СССР в 1971 году. В то время он знал, что его комната прослушивалась, а за ним и сопровождавшими его офицерами ВМС США шла непрерывная, почти открытая слежка. Теперь ничего подобного не было. Зато шли откровенные дискуссии, беседы адмирала с адмиралом о трудностях содержания ВМС и беспечности ядерной войны. Но, пожалуй, самым впечатляющим был момент, когда Трост и советский адмирал Чернавин начали шутить по поводу того, что их судьбы взаимосвязаны. Если одной из сторон не удастся поддерживать свои ВМС в соответствующих размерах, то в результате этого у другой стороны будут большие трудности в обосновании своих расходов на оборону.

К этому времени даже представители государственного департамента стали беспокоиться о том, чтобы не подорвать позиции Горбачева, который все

активнее выступал за установление самых тесных отношений с США. У них вызывала озабоченность операция подлодки «Расселл» по подслушиванию советского кабеля, запланированная как раз на то время, когда Буш и Горбачев должны были снова встретиться. В конечном счете время похода подлодки «Расселл» было изменено.

Но простого изменения времени одной операции было совершенно недостаточно. В официальных дипломатических кругах вызвал тревогу тот факт, что разведывательное сообщество слишком медленно изменяло свои устоявшиеся взгляды на Советский Союз. Не было сомнения в том, что после 40 лет «холодной войны» американские шпионские организации не очень охотно воспринимали то, что их лишают образа врага. Что же станет с разведывательными организациями, если никого не будут интересовать сведения о размерах вооружений или вооруженных сил вероятного противника? Когда наиболее важная информация пойдет не из закрытых источников, а из мировой системы теле – и радионовостей, из круглосуточных сообщений о событиях в мире.

Эти вопросы вызывали у подводных сил чувство озабоченности и даже некоторой обиды, что стало очевидно, когда бывшие и действующие офицеры собрались на ежегодный съезд лиги подводников ВМС США, в июне 1990 года. По всему миру обломки Берлинской стены продавались в качестве сувениров, а в залах Редиссон-отеля, где проводился этот съезд, никто не приветствовал «новое мышление». Этим людям вовсе не улыбалось, что какой-то штатский экономист начнет теперь с калькулятором в руках подсчитывать несметное количество социальных программ, которые могли бы быть профинансированы вместо одной подводной лодки.

Министр ВМС Л. Гаррет, выступая перед собравшимися, предупреждал: «Жаждающие урезать флоту бюджет уже точат свои ножи, когда мы здесь ведем разговоры». Он отметил, что самый острый нож у генерала Колина Пауэла, который сменил адмирала Кроу на посту председателя объединенного комитета начальников штабов и уже объявил о том, что военный бюджет, вероятно, будет урезан на четверть в течение следующих нескольких лет. Гаррет жестко заявил, что «перестройка и гласность» не будут иметь никакого влияния на шпионскую игру подводных лодок. «Логика ядерного сдерживания не изменилась только из-за того, что новый советский лидер собственной персоной регулярно появляется на Пенсильвания-авеню», – рычал он.

Другие выступавшие были более сдержанными, но столь же скептически рассуждали о перспективах мира и добрососедства с Советским Союзом. Заместитель начальника управления военно-морской разведки У. Манторп поставил ряд вопросов, которые быстро объединили в единое целое бывших и действующих подводников США: «Каковы намерения советского руководства в будущем? Можем ли мы полагаться на эти намерения и другие мирные инициативы? Конечно, ответ должен быть отрицательным. Я не буду ставить безопасность моей страны в зависимость от этих намерений».

Вскоре произошло то, что убедило даже самых упрямых скептиков, что Советский Союз больше не является самым вероятным кандидатом на

вовлечение США в войну. На мировой сцене появилось свободное место для нового злодея. Саддам Хуссейн из Ирака неожиданно дал команду своей армии аннексировать Кувейт. У США появилась новая причина для боевых действий, и на этот раз они стояли плечом к плечу с Советским Союзом. Они приняли беспрецедентное совместное заявление, осуждающее «вопиющее нарушение основных норм цивилизованного поведения» и призывающее установить эмбарго на поставку оружия Ираку. Госсекретарь США Бейкер позже заявит, что этот факт стал окончанием «холодной войны».

Когда разразилась война в Персидском заливе в январе 1991 года, подводные лодки играли в ней незначительную роль. Тем не менее, этот конфликт показал необходимость переориентирования оборонных усилий с глобальных на региональные конфликты. Поэтому подводные силы США придали большое значение той роли, которую они сыграли в войне с Ираком. Подводная лодка «Луисвиль» (бортовой номер SSN-724) и подводная лодка «Питсбург» (бортовой номер SSN-720) совместно произвели около десятка запусков крылатых ракет «Томагавк» по целям внутри Ирака. Другие многоцелевые подлодки охраняли транспортные суда в Средиземном море, перевозившие огромное количество материально-технического снабжения. Вереницы подлодок США и их союзников – Турции, Греции, Испании, Великобритании, Франции и Италии находились на позициях от Гибралтарского пролива до Суэцкого канала.

Эта небольшая война предоставила подводным силам удобный случай продемонстрировать свою универсальность и показать, что они способны на большее, чем только преследовать советские подлодки и вести наблюдение за советскими портами. Подводники почувствовали, что они могут решать и другие задачи. Буш и Горбачев объявили о новой договоренности – сократить на 1/3 стратегические запасы. Борис Ельцин спас Горбачева от реакционного переворота, организованного последними сторонниками жесткой коммунистической линии. В СССР победила демократия. И Буш распорядился прекратить полеты бомбардировщиков стратегического авиационного командования, которые находились в постоянной боевой готовности в течение 32 лет.

Пентагон начал перестраивать национальную военную стратегию. Подводные силы знали, что им предстоит преобразовать себя – подобно тому, как они были вынуждены сделать это после Второй мировой войны. Нужно было найти новую работу и новых врагов. Не было сомнений, что в течение почти всей «холодной войны» ракетные и многоцелевые подлодки совместно могли претендовать на то, чтобы быть наиболее важным видом вооруженных сил. Это было понятно, когда главный противник имел почти такой же мощный флот. Но 1990-е годы принесли с собой фундаментальную переменную. И она не могла не отразиться на стратегии подводных сил.

В середине 1991 года ВМС США ввели новые правила, обязывая американские подлодки при слежке за русскими подлодками соблюдать больше осторожности и большую дистанцию. Управление военно-морской разведки рекомендовало резко сократить количество операций около советского

побережья. ВМС больше не пытались поддерживать постоянное наблюдение за крупнейшими советскими военно-морскими базами, проникать в советские воды.

Даже хваленые подлодки спецпроекта уже не оставались в разряде неприкасаемых. Остро нуждаясь в модернизации своих спутников-шпионов, ЦРУ и ВВС стали присматриваться к сотням миллионов долларов, все еще выделяемым на эти спецлодки. Поскольку подлодка «Расселл» и подлодка «Парч» весь 1991 год простояли на судовой верфи и не выходили на операции, конкурирующие ведомства – ЦРУ и ВВС – заявили, что содержание этих двух лодок специального проекта является излишней роскошью.

Эти трения были приостановлены неожиданным распадом Советского Союза. В день Рождества 1991 года Содружество независимых государств, слабое подобие федерации, официально заменило Советский Союз. Стали поступать сообщения о том, что среди русских офицеров царит растерянность, чувство гнева и униженности. На кораблях спускали старые флаги с серпом и молотом и поднимали Андреевский флаг, который развевался на российских боевых кораблях до революции 1917 года. Военно-морской разведке США было очень важно узнать, кому достанутся ракетные подлодки и где они будут развернуты.

Возобновление разведки имело и свои отрицательные последствия, 11 февраля 1992 года американская подлодка «Батон-Руж» (бортовой номер SSN-689) столкнулась с русской подлодкой типа «Сиерра», самой новой и самой бесшумной лодкой из построенных на советских судовой верфях. «Батон-Руж» следила за лодкой типа «Сиерра» около 12-мильной зоны, в районе Мурманска, когда американский командир потерял из виду преследуемую лодку, и она неожиданно ударила «Батон-Руж» снизу. Ни та, ни другая лодка значительно не пострадали, и никто не был ранен. Но инцидент создал неловкую ситуацию.

Ельцин незамедлительно пожаловался американскому руководству. Госсекретарь США Бейкер сразу же вылетел в Москву и встретился с Ельциным с целью урегулировать конфликт. На следующий день произошло беспрецедентное событие: Пентагон публично объявил о том, что произошло столкновение, а русские ВМС стали публично жаловаться, что США продолжают проводить свои операции в их территориальных водах.

В конце концов именно этот всплеск былой конфронтации вынудил США отказаться от разведывательной деятельности вблизи России. Консультативный совет по внешней разведке при президенте США, возглавляемый контр-адмиралом в отставке Инманом, изучил программу специальных проектов. Военно-морской разведке было заявлено, что больше нет необходимости иметь более одной подлодки специального проекта, а если ВМС намерены продолжать подслушивание кабелей подводной связи, то, возможно, настало время подыскать такие кабели в других частях земного шара.

Американские многоцелевые подлодки уже проводили разведывательные операции у берегов таких стран, как Ливан и Ливия, а в середине 1980-х годов две старые подлодки были переоборудованы для высадки боевых пловцов, легководолазных диверсионных групп. Подлодка «Джон Маршалл» (бортовой

номер SSN-611) с 50 боевыми пловцами на борту в течение двух месяцев находилась в Средиземном море во время кризиса в Ливане в 1989 году, на случай необходимости спасения заложников или нанесения ответного удара.

Теперь в качестве составной части новой военно-морской стратегии, озаглавленной «Из глубин моря», подлодки стали сопровождать авианосцы и крейсера и подчиняться командиру оперативного соединения, находящемуся на одном из этих кораблей. Но субмарины по-прежнему скрытно находились в районах потенциальных конфликтов и проводили разведывательное обеспечение «поля боя» для оперативного соединения. Этот термин – «поле боя» был заимствован у сухопутных войск и означал направление подлодок в течение 2,3,4 и более лет в районы предполагаемых будущих конфликтов – с целью более глубокого изучения стран, которые представляются потенциальными противниками для того, чтобы определить их слабые стороны и обеспечить США победу в конфликтах с наименьшими потерями, благодаря помощи «из-под воды».

Например, Иран уже получил закупленные у России три усовершенствованные и бесшумные дизельные подлодки типа «Кило». Высокопоставленный иранский адмирал уже хвастался, что намерен использовать эти лодки в Ормузском проливе, у входа в Персидский залив, из которого перевозится 1/6 часть мировой нефти. Этого было достаточно для того, чтобы послать подлодку «Топека» (бортовой номер SSN-754) в Персидский залив, чтобы пронаблюдать прибытие подлодки типа «Кило» в ноябре 1992 года. Это была типичная разведывательная операция в новой эре.

Новые шпионские операции теперь уже не вызывали ожесточенных дебатов в национальном совете безопасности или в Белом доме, которые по-прежнему утверждали разведывательные операции подводных лодок. Тем не менее из Белого дома нередко поступали обвинения, что подводные силы США просто выдумывают врагов, чтобы чем-нибудь заниматься. Им теперь стало намного проще: распад Советского Союза высвободил время и ресурсы, позволил подлодкам заняться тем, что они должны были делать всегда. К примеру, следить за иранскими дизельными подлодками типа «Кило». Конечно, их нельзя сравнивать с высокоскоростными советскими подлодками типа «Акула», появившимися в последние годы «холодной войны», но все равно, ВМС США должны знать, как иранцы собираются их использовать, и, кроме того, выявить их слабые места. «Можете себе представить смятение наших ВМС, если подлодка типа „Кило“ потопит авианосец „Америка“?! – воскликнул высокопоставленный офицер ВМС. После некоторой паузы он добавил: – Только не на моей вахте!»

Переход к этим новым операциям шел полным ходом, когда Билл Клинтон в начале 1993 года вступил в должность президента США. Но в то время, когда администрация составляла планы его первой встречи с Ельциным, намеченной на первую неделю апреля, они получили, казалось, анахронический неприятный удар из прошлого.

20 марта 1993 года американская подлодка «Грейлинг» (бортовой номер SSN-646) столкнулась с российской ракетной подлодкой в Баренцевом море.

«Грейлинг» преследовала эту лодку в 105 милях к северу от Мурманска, прямо в середине учебного полигона Северного флота. Русские заявили, что их лодка в течение часа шла прямым курсом с постоянной скоростью, на постоянной глубине, когда «Грейлинг» оставила глубокую вмятину на правой скуле русской лодки. Никто, к счастью, не пострадал.

Этот инцидент был тем, чего боялся госдепартамент после ухода Рейгана с поста президента. Ельцин оказался в середине политического кризиса в Москве. Новость о том, что его друзья из США продолжают посылать свои подлодки болтаться около самых засекреченных русских портов и баз, конечно, не прибавляла ему популярности в стране.

Сначала Пентагон заявил, что «Грейлинг» следила за новейшей русской подлодкой типа «Дельта IV», но русские настаивали, что это была подлодка типа «Дельта III», которые производились еще в конце 1970-х годов. Это спровоцировало довольно много колких комментариев от других подводников, которые единодушно указывали на то, что ВМС США уже имели так много информации о подлодке типа «Дельта III», что «сами могли бы построить такую лодку».

Клинтон и его помощники пришли в ярость. В раздражении один из старших сотрудников администрации Клинтона выразил недовольство руководством ВМС следующими словами: «Интересно, неужели они даже газет не читают?»

Российское Министерство обороны выступило с раздраженным заявлением, выразив «большую озабоченность». Одно дело было рисковать во время «холодной войны», а сейчас-то зачем?

Как сказал главный штурман ВМФ СССР контр-адмирал Валерий Алексин: «Мы ходим по острию бритвы. Когда-нибудь эта охота окончится катастрофой. Я уверен, что если подобная практика не прекратится, катастрофа будет неизбежна».

Президент Клинтон принес Ельцину свои официальные извинения и сгладил имевшуюся напряженность в самом начале встречи в Ванкувере (шт. Британская Колумбия), пообещав предоставить России 1,6 млрд. долларов для поддержания реформ. Назвав столкновение «прискорбным», Клинтон сказал: «Я не хочу, чтобы это повторилось». Он распорядился расследовать как сам инцидент, так и политику, в которой «случившийся инцидент является непреднамеренной составной частью».

Эта вторая часть обещания президента взволновала ВМС. Руководство ВМС срочно устроило брифинг для советника президента по национальной безопасности А. Лейка, его заместителя С. Бергера и заместителя госсекретаря С. Талбота. На брифинге представители ВМС подчеркивали, что шпионские операции подлодок с течением времени фактически изменились. Теперь только 25 процентов этих операций проводятся в отношении России. Остальные 75 направлены в районы Ближнего Востока, чтобы вести разведку Ирана, претворять в жизнь эмбарго на поставки оружия Ираку, а в районе Адриатики содействовать прекращению поставок западного оружия в Боснию, а также для поддержания эмбарго на поставку оружия в район Гаити, кроме того, для

слежения за обстановкой на Дальнем Востоке. В заключение подводники провозгласили свой новый клич о «подготовке поля боя» по всему земному шару.

Этот брифинг показал, как быстро подводные силы приспособились к новой обстановке. Если в начале брифинга новый начальник военно-морской разведки контр-адмирал Э. Шифер думал, что это столкновение лодок приведет к тому, что шпионские операции будут запрещены, то в заключительной части он понял, что программы останутся. Высокопоставленные правительственные чиновники были поражены тем, что ВМС удалось произвести такие большие изменения, причем не забывая своего старого противника. Некоторые чиновники администрации Клинтона даже подбадривали ВМС, заявляя: «Черт возьми, ведь это же свободный океан, и нет никаких запретов на то, чтобы находиться у чьих-то территориальных вод». ВМС США получили благословение и на ведение наблюдения за русскими, хотя и в значительно сокращенных масштабах и при условии, что разведка будет вестись более осторожно, «без грубых нарушений законов».

С этого момента подводные силы почувствовали себя вполне вольготно и при администрации Клинтона. Пожалуй, самой большой их привилегией было разрешение оставить в силе программу «Сивулф». Клинтон согласился также со строительством трех огромных многоцелевых подлодок стоимостью 2,5 млрд. долларов, вместо того, чтобы остановить программу после строительства одной лодки, как это пытался сделать Буш. Клинтон заявил, что он делает это, чтобы спасти промышленную базу по строительству подлодок от сокращения и полного умирания. Естественно, была и оппозиция от обычно агрессивных республиканцев, которые называли «Сивулф» пережитком «холодной войны».

Клинтон одобрил план строительства нового типа многоцелевых подлодок меньшего размера, более дешевых, чем подлодки типа «Сивулф», менее шумных и более универсальных, чем подлодки типа «Лос-Анджелес». Этот новый тип подлодок был назван просто «новая многоцелевая атомная подлодка» (NSSN), предназначенная для операций в мелководных и прибрежных районах. Поддержка администрации Клинтона этого типа новых многоцелевых подлодок основывалась на предположении о том, что в конце XX века ВМС будут нуждаться в таких подлодках для замены устаревших лодок типа «Лос-Анджелес».

Запрашивая у конгресса средства на строительство новых подлодок, ВМС без всякого стеснения утверждали, что эти лодки будут способны действовать не только около стран третьего мира, но и у берегов России. Особая роль отводилась подлодке «Сивулф», в тридцать раз менее шумной, чем ранние подлодки типа «Лос-Анджелес» постройки 1970-х годов, и в 10 раз менее шумной, чем даже новейшие подлодки типа «Лос-Анджелес». Считается, что как и подлодка «Сивулф», новые многоцелевые подлодки будут особенно полезны для действий в мелководных районах, ближе к побережью, и при оказании помощи в конфликтах на суше. Они будут иметь на вооружении ракеты «Томагавк», особо эффективные на мелководье гидролокаторы, а также

будут оборудованы всем необходимым для размещения на борту отрядов подводных диверсантов («Морские котики») и других специальных сил. ВМС тратили большие средства на создание автоматизированных подводных средств и даже миниатюрных подводных беспилотных самолетов, которыми можно управлять с подлодки и которые могут плыть даже впереди лодки, выискивая мины, или взлетать для проведения наблюдения за поверхностью моря и воздухом.

На нынешние американские подлодки внедряется новая микропроцессорная технология, позволяющая им передавать разнообразную разведывательную информацию командованию оперативных соединений, включая электронную почту и фотографии, а также видеозаписи, сделанные через перископы. Эта технология призвана помочь подлодкам в выполнении новых задач, поставленных ВМС после окончания «холодной войны». Подлодки изредка давали сообщения береговой охране о подозрительных торговых судах в Карибском море, которые оказывались перевозчиками наркотики. Подлодки также обращали внимание надводных кораблей на подозрительные грузовые суда, пытающиеся нелегально доставлять оружие и другие грузы в нарушение американского эмбарго.

Тем не менее для подводных сил США основной заботой оставалось противодействие угрозе со стороны других подлодок, включая новые модели как дизельных, так и атомных субмарин. Россия поставляет современные подлодки типа «Кило» Китаю и Ирану. Даже некоторые западные страны экспортировали современные дизельные подлодки в страны третьего мира. В дополнение, русские продолжают рассматривать подлодки как самые важные корабли в своих ВМС и продолжают совершенствовать подлодки типа «Акула», самые сложные многоцелевые атомные лодки.

В российской технологии все еще есть недостатки. Так, по мнению сотрудников военно-морской разведки США, новейшие подлодки типа «Акула» почти бесшумны на скорости до 10 узлов, но при превышении этой скорости их шумность увеличивается, и их легко обнаружить. Русские приступили к строительству более совершенных подлодок типа «Северодвинск», которые, по мнению американских официальных лиц, могут быть менее шумными, чем усовершенствованные подлодки типа «Лос-Анджелес». Со временем основные ядерные силы России могут перебазироваться в море. Пока Россия все еще имеет вторые в мире атомные подводные силы, или, как любят говорить на брифингах представители ВМС, «медведь все еще плавает». А значит, за ним необходимо наблюдать.

Клинтон согласился с предложением о проведении ограниченных разведывательных операций у берегов России. И его одобрение привело к походам нескольких «подводных часовых» в районы Владивостока и Мурманска, по крайней мере тогда, когда у ВМС США были причины подозревать, что русские занимаются испытаниями нового оборудования. Также с молчаливого согласия Клинтона была продолжена программа специальных проектов, хотя ее основные направления были сдвинуты в сторону от России. Правительственные чиновники говорят, что одна из

подлодок спецпроекта, по-видимому «Расселл», в 1992 году ходила в Баренцево море, чтобы снять с кабеля контейнеры с подслушивающей аппаратурой, уже после распада Советского Союза. Подлодка «Расселл» также ходила с задачей подслушивания кабелей связи в других частях земного шара и до своего вывода из строя в середине 1993 года, то есть тогда, когда из капитального ремонта вернулась подлодка «Парч», заслужила еще две почетные грамоты президента в 1993 и 1994 годах и ряд благодарностей от командования ВМС. Всего «Парч» заслужила 7 почетных грамот президента, значительно больше, чем какой-либо другой корабль за всю историю США. Точные детали о том, куда ходит «Парч», теперь сохраняются в тайне еще строже, чем в годы «холодной войны», но эти награды не были бы заслужены, если бы «Парч» не продолжала прокладывать пути к новым и опасным операциям. Она может осуществлять подслушивание кабелей, а теперь, после переоборудования, даже собирать военную технику с океанского дна.

Ясно, что ВМС твердо намерены удерживать «Парч» в строю. Когда начавшаяся после окончания «холодной войны» волна закрытия военных баз достигла и судоверфи Маре-Айленд в 1994 году, подлодку «Парч» перевели в Бангор (шт. Вашингтон), где она стала единственной многоцелевой подлодкой на главной базе ракетных подлодок типа «Трайидент». Официальная информация показывает, что в 1995, 1996 и 1997 годах «Парч» продолжала получать благодарности от командования ВМС. А военно-морские силы так усовершенствовали свою специальную технологию, что могут уже использовать автоматические аппараты, которые выплывают из лодки и выполняют большинство задач по налаживанию процесса подслушивания кабелей, без риска для жизни людей.

Цели операций подлодки «Парч» легко угадать, и нет сомнения в том, что они отражают более широкую заинтересованность ВМС США в разведсведениях. Так, в январе 1997 года Иран получил свою третью подлодку типа «Кило». В 1997 году на обложке ежегодника военно-морской разведки «Мировые претенденты в подводных силах» помещена фотография китайской подлодки и ее экипажа. Внутри этого выпуска ежегодника помещен подробный перечень стран, которые представляют потенциальную угрозу, включая две азиатские страны – Китай и Северную Корею. Китай не только использовал подлодку типа «Кило» на весьма опасных участках около берегов Тайваня в 1996 году, но и произвел несколько предупредительных запусков ракет с наземной установки, вынудив Клинтона послать авианосцы США для предотвращения нападения на Тайвань. Китайцы также пользуются российской технологией для разработки своих атомных ракетных подводных лодок и проводят испытания баллистических ракет наземного базирования с дальностью стрельбы, достаточной, чтобы достичь побережья США. Китайские ракеты, падающие в океан во время испытаний, в случае их поднятия со дна окажутся бесценными для США. Наконец, резко возросла озабоченность в отношении Северной Кореи. Эта страна неоднократно использовала дизельные подлодки для проникновения диверсантов в Южную Корею.

«Парч», как и другие многоцелевые подлодки, продолжают проведение

шпионских операций. Программа, начавшаяся с первыми признаками «холодной войны», продолжается.

Эпилог

Командир-подводник однажды договорился со своей женой, что когда он будет находиться в море, в определенное время ночи каждый из них будет смотреть на одну и ту же звезду. Но она точно не знала, когда ее муж сможет поднять свою подводную лодку на перископную глубину, когда ему удастся взглянуть на небо. Каждую ночь в обусловленный час она смотрела на их звезду, прекрасно понимая, что в это время он, по всей видимости, бесшумно продвигается в глубинах океана. Ею двигала надежда, что, по крайней мере, хотя бы однажды их взгляды сойдутся на их звезде. Это продолжалось каждую ночь до тех пор, пока муж не вернулся домой.

Этим двоим повезло. Нервное напряжение, вызванное длинными месяцами в море, и плотная завеса секретности приводили к тому, что многие пары распадались. Ни один анализ итогов подводной войны не может обойтись без учета человеческого фактора. Подводники отдавали месяцы, годы, а то и десятилетия тому, чтобы построить наилучшую систему обороны против ядерной угрозы с моря.

Подводники изо всех сил старались отслеживать передвижения советских ракетных подлодок. Только с помощью подлодки можно идти за советским подводным крейсером, следить за работой его экипажа и стараться выяснить, куда он направится в случае получения приказа на проведение залпов. Постепенно, по крупицам, накапливался опыт. Но как только появлялся новый тип советских подлодок или изменялась тактика слежения за ними, почти все приходилось начинать заново.

Подводники, помимо прочего, заглядывали в умы советского военного руководства. Опытный командир американской подлодки мог мысленно представить себя на месте командира советской лодки и понять его психологию.

Особый флот подлодок, оборудованных устройствами для прослушивания телефонных кабелей, позволял узнавать, как советские морские военачальники описывали свои неудачи, подвергали критике отдельные операции и реагировали на угрозу американского ядерного удара. Это была редкая и очень важная возможность понять своего противника именно в тот момент, когда обе сверхдержавы могли начать войну одним нажатием кнопки.

Агенты, спутники, самолеты-шпионы вкупе с подводными силами – все работало на сбор информации о советской военной технике: что именно строится и каковы тактико-технические параметры новинок. Однако понять психологию русских было гораздо труднее. В конце концов, даже прослушивание телефонных разговоров не могло полностью раскрыть мысли советского руководства или отразить масштабы политического и экономического кризиса, разгорающегося в этой всегда загадочной для западного человека стране. Но записи перехвата представляли собой

наилучший из имеющихся разведывательных инструментов, даже несмотря на то, что собранная и доставленная на базу информация зачастую была месячной давности.

Люди, «обслуживавшие» эти кабели под водами Баренцева и Охотского морей, знали, что они серьезно рискуют. Система самоуничтожения лодки постоянно напоминала им об этом. Даже конкуренты военно-морской разведки – высшие офицеры ЦРУ – признавали, что прослушивание телефонных кабелей было самой опасной из всех долгосрочных разведопераций эпохи «холодной войны». Эксклюзивность и окружающая их аура опасности вызывали особое уважение.

В то время когда спутники заменили собой большинство самолетов-шпионов и сделали процесс сбора разведанных более безопасным и деликатным, подводные лодки продолжали напрямую противостоять Советскому Союзу. И это выделяло подлодки в отдельную категорию как среди средств сбора разведывательной информации, так и среди всех вооруженных сил. Подводники прекрасно знали, что они являются частью особенного рода войск, который не просто действует против условного противника в каких-то военных играх, а реально сталкивается с врагом практически ежедневно.

Всегда присутствовал огромный риск, что какой-то несчастный случай с подлодкой может дестабилизировать обстановку и разжечь настоящий военный конфликт. Время от времени публично высказывалось мнение, что такое может произойти всякий раз, когда подлодку засекали в советских территориальных водах, и что за любым подводным столкновением обязательно последует акт возмездия. Вне всякого сомнения, командиры некоторых подлодок, в погоне за высокой оценкой, брали на себя слишком много. Однако когда ВМС США и разведуправления взвешивали возможность жесткого противодействия со стороны СССР, то исходили из следующего: русские ведь тоже засылают к нам своих шпионов. Адмирал Джеймс Д. Уоткинс, бывший глава военно-морских операций и министр энергетики, однажды заметил: «Шпионов время от времени обнаруживают. Ну и что? В этом нет ничего удивительного – в эту игру вовлечены все». Он продолжил: «До тех пор, пока мы, проводя разведоперации, явно не нарушаем принятых нами соглашений или международных договоров, которые мы подписали, игра будет считаться справедливой. За это нам не надо извиняться. Мы должны делать это – ведь это наша работа».

Однако следует признать, что в словах адмирала «явно не нарушаем» и «подписанных нами договоров» присутствует двойной стандарт.

Когда оглядываешься назад, становится ясно, что даже самые жесткие подводные контакты ни разу не разожгли серьезного кризиса и что Советский Союз в своей игре пользуется теми же правилами. В то время когда Соединенные Штаты проникали в советские секреты, подключаясь к телефонным кабелям, Советский Союз также занимался сбором разведывательной информации. Он завербовал Джона Уолкера и создал шпионскую сеть, занимавшуюся кражей кодов, позволивших СССР заглядывать в самое сердце американских ВМС.

Попытки Советского Союза совладать с милитаристской машиной США, в особенности – создать флот ракетных подлодок, способных ускользнуть от американских многоцелевых лодок во время первых залпов предполагаемой ядерной войны, нанесли серьезный урон бюджету страны. Однако гонка вооружений стоила очень дорого и США, поскольку сотни миллионов долларов были затрачены на строительство и оснащение порядка двух сотен ядерных подводных лодок и на расширение сети подводных гидрофонов (SOSUS). Тем не менее собранная разведывательная информация позволила сэкономить большие суммы, определив точнее, что именно необходимо для американской оборонной системы. А теперь, когда «русский медведь» оказался выпотрошенным, когда «холодная война» закончилась, оказалось, что планы американских ВМС по строительству новых подлодок нарушились, и бюджет подводных сил был сильно урезан.

Но моряки будут продолжать выходить в море, будут шпионить за своим мнимым противником, хотя такого противника можно найти разве что в горячих точках стран третьего мира. На сегодняшний день ни одна страна не представляет для США такой опасности на море, какую представлял в свое время Советский Союз. Когда конгресс США подходит к вопросу сокращения бюджета спецслужб, лишь слегка уменьшенного по сравнению с уровнем времен «холодной войны», становится ясно, что подводные силы ожидает дальнейшее сокращение.

Тем временем и Россия и США столкнулись с новыми затратами – на списание части ядерных подлодок и поиск способов утилизации реакторов, приводивших их в движение. У России есть еще большее ярмо – практически невыполнимая задача очистки Баренцева моря от отживших свой век реакторов, корпусов и радиоактивных деталей со старых подлодок, затопленных в водах, омывающих северный остров Новая Земля.

Есть кое-что еще, что объединяет Россию и США. Режим секретности подводных операций, поддерживавшийся обеими сторонами на протяжении всей «холодной войны», оставил незаживающие раны, особенно у тех семей, которые потеряли своих людей в ходе этих операций. Так, например, военно-морские силы не смогли ответить на вопрос о судьбе своих подлодок, потерянных в 1968 году, – ни американские о подлодке «Скорпион», ни русские – о подлодке типа «Гольф». (Советское обозначение К-129.)

Советские официальные лица были настолько настойчивы в своем желании похоронить секрет лодки «Гольф», что просто посчитали ее экипаж пропавшим без вести и отказывались отметить его заслуги и хотя бы назначить пенсию семьям «погибших при исполнении боевого задания». Вдовы получили лишь по 1500 рублей единовременного пособия и по 58 рублей на каждого ребенка или недееспособного члена семьи погибшего.

Ирина Журавина, потерявшая своего мужа на лодке «Гольф», отказывалась принимать эти деньги, поскольку была не согласна с условиями, которые ей предлагало советское правительство.

К моменту исчезновения лодки «Гольф» Ирина работала на таможне в аэропорту. Ее работа заключалась в досмотре иностранной прессы с целью

цензуры и конфискации. Невольно она начала читать запрещенные издания, рискуя тем самым угодить в тюрьму. Из года в год она продолжала читать западные газеты, надеясь однажды узнать о судьбе лодки и о том, как погиб ее муж.

За семь лет до того, как «Халибат» обнаружила утонувшую советскую подлодку «Гольф», Журавина наткнулась в одном западном журнале на отчет экипажа судна «Гломар» о попытках поднять останки «Гольф». Так она узнала, что подлодка, на которой служил ее муж, утонула и что американцы ее обнаружили, пытались поднять и вытащили на поверхность тела, по крайней мере, шести человек, шести моряков, которым грязная политика не позволила вернуться домой. Когда она обратилась к советскому правительству за подтверждением этого факта, она получила отказ.

Андрей Кобзарь, сын командира лодки, получал такие же уклончивые ответы на свои запросы о судьбе отца – Владимира Ивановича Кобзаря. В конце концов он обратился в американское посольство в Москве, надеясь хоть что-то узнать. Однако американские дипломаты, твердо придерживаясь договора с Кремлем о неразглашении, хранили обет молчания. Через два года после распада СССР Роберт М. Гейтс, готовясь к первому официальному визиту в Москву в качестве директора ЦРУ, решил сделать «широкий жест». В ЦРУ распространилась информация о том, что команда «Гломар» сняла на видео похороны шестерых членов экипажа лодки «Гольф». Гейтс добился разрешения привезти эту пленку в Москву и передать ее Борису Ельцину. Спустя две недели эти кадры были показаны по российскому государственному телевидению. Семьи погибшего экипажа лодки «Гольф» увидели, как американские матросы стоят в почетном карауле под звуки государственных гимнов обеих стран, и что американцы включили в эту траурную церемонию русскую поминальную молитву. Кобзарь, Журавина и остальные были потрясены и тронуты тем, что американцы – их давние враги – хоронили их близких с такими почестями. Но пленки было недостаточно, как недостаточно было и рассекреченных фотографий подлодки «Скорпион», чтобы утешить семьи, потерявшие своих близких.

И в России, и в США семьи погибших, да и оставшихся в живых, требовали большего. Они настаивали на снятии грифа секретности с материалов об этих лодках. Одним хотелось лишь упокоить души своих близких, другие же хотели получить ответы на вопросы, которые длительное время были под запретом. Им важно было понять: неужели действительно нужно было заплатить такую высокую цену?

Похоже, что вся гонка ядерных вооружений была чистым безумием, и подводные лодки, занимавшиеся разведоперациями, играли в ней наиважнейшую роль. Ужасно то, что эти лодки пропали лишь из-за технических неполадок и спешки. Но как только ядерные ракеты были размещены на подлодках, возникла необходимость отслеживать и контролировать их передвижения. Иначе ни одна из сторон не чувствовала себя в полной безопасности. Советский Союз считал своей задачей всячески скрывать перед США количество аварий, произошедших с его атомными

подводными лодками. А Соединенные Штаты, в свою очередь, утаивали информацию о том, насколько уязвимы были их подводные силы.

Когда на кон ставится так много, режим повышенной секретности начинает оправдывать себя. Однако практика показывает, что секретность, становясь навязчивой идеей, может превратиться в самоцель, а сам процесс ее соблюдения может оказаться настолько увлекательным, что будут забыты важнейшие уроки прошлого, особенно по мере ухода в мир иной поколения, пережившего «холодную войну». Теперь, с окончанием «холодной войны» и началом нового этапа подводного шпионажа, стоило бы оглянуться назад и переоценить то, что длительное время скрывалось под грифом секретности.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Перечень столкновений подводных лодок

За годы «холодной войны» имели место десятки происшествий в результате того, что некоторые командиры подводных лодок, полагаясь лишь на показания гидроакустических приборов, осмеливались очень близко подходить к противнику, а порой чересчур близко. Ни одно из этих происшествий не было таким тяжелым, как столкновение американской подлодки «Тотог» с советской подлодкой К-108. Даже незначительного толчка 4000-тонной машины было достаточно, чтобы корабль покачнулся, а экипаж потерял равновесие. Вот лишь несколько происшествий с американскими и британскими подлодками, выполнявшими специальные задания, которые либо сами врезались, либо в них ударяли советские подлодки и надводные корабли или другие суда. В этот перечень включены как подтвержденные столкновения, так и те, которые могли иметь место. Сведения о некоторых из них до сих пор хранились в тайне.

1960–1961 гг.: американская подлодка «Сордфиш»

Во время разведывательного похода лодки «Сордфиш» (бортовой номер SSN-579) около тихоокеанского побережья Советского Союза советская подлодка, очевидно, попыталась всплыть, находясь под днищем американской лодки. «Сордфиш» была на перископной глубине, когда ее неожиданно потрянуло от соприкосновения с чем-то извне. Один из членов экипажа вспоминает, что офицер в центральном посту, смотревший в перископ, увидел бортовые ходовые огни, которые включила всплывшая на поверхность подлодка. Когда «Сордфиш» сама всплыла, то на поверхности ничего не обнаружили. По предположению экипажа, советская подлодка снова погрузилась.

В начале 1960-х гг.: неопознанная подлодка, возможно американская подлодка «Скипджек»

Один из бывших сотрудников военно-морской разведки хорошо помнит происшествие американской подлодки с советским эсминцем в Баренцевом море. Он не уверен, но полагает, что это была «Скипджек» (бортовой номер SSN-585). Вместе с тем он уверен, что американская подлодка вернулась домой, «имея лопасть винта в своем рубочном руле». Возможно, это было одним из происшествий, упомянутых Хершем в газете «Нью-Йорк таймс» в мае 1975 года. В публикации Херша говорилось, что одна из лодок спецпроекта «Холистоун» получила повреждение, когда стала всплывать под днищем советского эсминца, находившегося в районе учений советских ВМС.

Июль 1965 г.: американская подлодка «Медрегал»

Подлодка «Медрегал» ударила и повредила греческое грузовое судно, за которым она наблюдала в связи с подозрениями в том, что оно перевозило груз противнику во Вьетнаме. Столкновение произошло в Тонкинском заливе, когда лодкой командовал временный командир. Постоянный же командир отсутствовал, поскольку сломал шею, ныряя в плавательном бассейне во время стоянки на Филиппинах.

Март 1966 г.: американская подлодка «Барбел»

Подлодка «Барбел» (бортовой номер SS-580) – одна из последних дизельных подлодок, построенных ВМС США, столкнулась с грузовым судном, которое подозревали в перевозке оружия, около порта на китайском острове Хайнань, находящемся в Тонкинском заливе, напротив Северного Вьетнама. В результате столкновения был оторван руль подлодки и часть его врезалась в корпус грузового судна. Столкновение было такой силы, что подлодку «Барбел» отбросило вниз, и она ударилась о дно на глубине около 30 метров. Позже вьетнамцы сообщили, что их судно затонуло, ударившись о какой-то подводный объект.

Столкновение подлодки «Барбел» было особенно неприятно для министра обороны США Р. Макнамары, который накануне дал указание руководству ВМС держать американские подлодки за пределами этого района, чтобы избежать усиления напряженности. Подлодка «Барбел» в подводном положении отошла от затонувшего грузового судна, не удосужившись проверить, жив ли кто-либо из членов его экипажа.

Декабрь 1967 г.: американская подлодка «Джордж Маршалл»

Вооруженная ракетами «Поларис» подлодка «Джордж Маршалл» (бортовой номер SSBN-654) в Средиземном море получила скользящий удар от советской подлодки. Американцы знали о местонахождении советской подлодки, но не смогли на своей массивной лодке достаточно быстро уклониться. Экипаж подтверждает, что столкновение было «скользящим

ударом», но все же оставило глубокий шрам на балластной цистерне правого борта лодки «Маршалл».

9 октября 1968 г.: неопознанная американская или британская многоцелевая подлодка

По словам сотрудников российских ВМС, это было первое столкновение натовской разведывательной подлодки с советской атомной лодкой в Баренцевом море. Они рассказали русскому исследователю А. Мозговому, что советская подлодка шла нормально, но неожиданно стала крениться на правый борт, причем ее корпус задрожал. Подлодка подвсплыла, и через перископ члены ее экипажа наблюдали силуэт другой подлодки. Крышка люка, ведущего в боевую рубку, оказалась заклиненной, и ее удалось открыть только с помощью кувалды. Через несколько минут командиру удалось выбраться на ходовой мостик. К тому времени на поверхности моря никого не оказалось. По возвращении на базу обнаружили в легком корпусе такую большую дыру, что, по словам одного из офицеров, «трехтонка могла бы свободно въехать через нее». Судя по небольшим кусочкам стекол красного и зеленого цвета, а также по металлическим обломкам в дыре, советские моряки пришли к выводу, что их ударила иностранная лодка. Советская разведка обнаружила позже, что примерно в то же время одна из британских дизельных подлодок прибыла в Норвегию с поврежденным рулем. Советские моряки полагают, что их могла ударить и американская подлодка.

Ноябрь 1969 г.: американская подлодка «Гато»

Рубочный руль подлодки «Гато» (бортовой номер SSN-615) был задет корпусом советской подлодки типа «Хотель», которую называли «Хиросима», когда она проходила мимо американской лодки. Экипаж «Гато» слышал глухой скрип, когда обе лодки коснулись друг друга. Советский адмирал Горшков очень хотел, чтобы нашли останки американской лодки, но «Гато» ускользнула, и никто из ее экипажа не пострадал (см. главу 7).

14 марта 1970 г.: американская подлодка «Стерджен»

Когда советская подлодка обгоняла подлодку «Стерджен» (бортовой номер SSN-637) в Баренцевом море, американские моряки могли слышать громкий скрип. Советская подлодка задела слева верхнюю часть ходовой рубки, оторвав от нее металлические плиты.

Июнь 1970 г.: американская подлодка «Тотог»

В одном из самых тяжелых столкновений в «холодной войне» подлодка «Тотог» (бортовой номер SSN-639) была таранена советской подлодкой типа «Эхо I» (К-108) недалеко от Петропавловска. Президенту США Никсону

сообщили, что звуки, записанные с гидролокатора, указывают на то, что советская лодка утонула, но теперь командир этой лодки утверждает, что она спаслась (см. главу 7).

1970 г.: американская подлодка «Дейс»

После того как подлодка «Дейс» (бортовой номер SSN-607) в Средиземном море ударила о какое-то препятствие, она накренилась на борт, и ее экипаж был почти уверен, что их ударила советская подлодка. Позже американской военно-морской разведке стало известно, что вскоре после этого происшествия одна из советских подлодок зашла в порт, имея повреждения, указывающие на возможность ее столкновения с другой лодкой.

Март 1971 г.: неопознанная подлодка

Из материалов Херша, опубликованных 31 марта 1971 года в газете «Нью-Йорк таймс», стало известно, что еще одна подлодка спецпроекта «Холистоун» столкнулась с советской подлодкой. Херш привел выдержку из докладной директору ЦРУ Р. Хелмсу о том, что это произошло в 17 морских милях от советского побережья.

Конец 1971-го или начало 1972 года: американская подлодка «Паффер»

Подлодка «Паффер» (бортовой номер SSN-652) столкнулась с советской дизельной подлодкой поблизости от Петропавловска, когда советская подлодка неожиданно погрузилась во время завершения лодкой «Паффер» своего разведывательного галса. Обе лодки двигались очень медленно, и, как говорят члены экипажа «Паффер», им показалось, что советская лодка просто «приземлилась» на американскую лодку, слегка коснувшись ее.

Май 1974 г.: американская подлодка «Пинтадо»

По сообщению, опубликованному в газете «Сан-Диего ивнинг трибюн» в июле 1971 года, подлодка «Пинтадо» (бортовой номер SSN-672) столкнулась с советской подлодкой в советских территориальных водах на подходах к Петропавловску. В момент столкновения обе лодки находились на глубине около 60 метров. По словам экипажа, на подлодке «Пинтадо» в результате столкновения была почти полностью разбита антенна гидролокатора. Заклинилась крышка торпедного аппарата, и были повреждены горизонтальные рули. Вскоре после столкновения советская подлодка типа «Янки», вооруженная баллистическими ракетами, всплыла. По мнению экипажа, подлодка «Пинтадо» подошла близко к советской гавани, чтобы проверить систему подводной обороны. После столкновения «Пинтадо» срочно покинула место происшествия.

3 ноября 1974 года: американская подлодка «Джеймс Мадисон»

По сообщению известного журналиста Д. Андерсона и газеты «Норвич Булетин» (шт. Коннектикут), опубликованному в 1975 году, подлодка «Мадисон» (бортовой номер SSBN-627), выходя из базы Холи Лох (Шотландия), столкнулась в Северном море с советской многоцелевой подлодкой. Во время погружения подлодка «Мадисон» почти села на советскую лодку, которая была скрыта своими шумовыми помехами. По мнению бывшего члена экипажа подлодки «Мадисон», советская подлодка была, по-видимому, типа «Виктор».

Конец 1981 г.: британская подлодка «Скептр»

Британская многоцелевая атомная подлодка столкнулась с советской атомной подлодкой, за которой она следила в арктических водах, о чем через десять лет сообщили британские средства массовой информации. По словам британского офицера, подлодка «Скептр» во время слежки на 30 минут потеряла из виду преследуемую лодку, затем последовал толчок. Он сказал: «Возник страшный шум, и все побледнели».

Октябрь 1986 г.: американская подлодка «Аугуста»

Особо неловкая ситуация создалась, когда подлодка «Аугуста» (бортовой номер SSN-710) ударила о советскую подлодку в Атлантике во время испытаний новой высококомпьютеризированной гидролокационной системы, которая, как полагали, должна была облегчить обнаружение других судов. Это произошло через несколько дней после того, как на советской ракетной лодке типа «Янки» вспыхнул пожар, и она утонула в районе Бермуд из-за неисправностей в одной из ракетных шахт. Вопреки версии, показанной в вышедшем в 1997 году фильме «Враждебные воды», члены экипажа и сотрудники военно-морской разведки говорят, что «Аугуста» не ударила подлодку типа «Янки». Она столкнулась с подлодкой типа «Дельта I». Затянувшаяся путаница является пределом иронии в отношении командира подлодки «Аугуста», который был настолько самоуверенным, что однажды прикрепил на дверь своей каюты табличку с надписью «Augusta Caesar», присвоив себе высокий титул римского императора Цезаря.

24 декабря 1986 г.: британская подлодка «Спленидид»

По данным представителей российских ВМС, подлодка «Спленидид» наблюдала за советской подлодкой Северного флота на учебном полигоне в Баренцевом море. Когда советская подлодка заметила слежку, то попыталась скрыться. Русские говорят, что в этот момент командиры обеих лодок допустили ошибки при маневрировании, в результате чего советская лодка коснулась британской лодки, оборвав при этом ее буксируемую антенну

гидролокатора. По-видимому, это была одна из огромных советских подлодок типа «Тайфун», возвратившаяся на свою базу с обвитым буксиром от британского гидролокатора.

11 февраля 1992 г.: американская подлодка «Батон-Руж»

Подлодка «Батон-Руж» (бортовой номер SSN-689) столкнулась с советской подлодкой типа «Сьерра» около Мурманска. В ответ на жалобу Ельцина Пентагон в нарушение своих традиций публично объявил о происшедшем столкновении (см. главу 12).

20 марта 1993 г.: американская подлодка «Грейлинг»

Подлодка «Грейлинг» (бортовой номер SSN-646) столкнулась с русской ракетной подводной лодкой типа «Дельта III» в Баренцевом море. Никто не пострадал. Но президент США Клинтон был в ярости от того, что американские ВМС продолжают так рисковать (см. главу 12).

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Сведения с советской стороны

ВМС США в течение десятилетий шпионили за советскими подлодками, но они так и не могли узнать, что же делалось внутри этих лодок, что собой представляли их экипажи и какие испытания выпадали на их долю. Периодически поступали сообщения об ужасных радиационных происшествиях. Пентагон охотно делился с американской общественностью сведениями об этих происшествиях наряду с противоречивыми предупреждениями о том, насколько огромным и опасным становится советский подводный флот. Теперь, с окончанием «холодной войны», русские ВМС стали более открытыми и с готовностью предоставляют некоторые подробности о том напряженном времени, когда советские ВМС прилагали огромные усилия, чтобы догнать американцев. Бывшие советские подводники теперь считают возможным высказываться о том, чего не могли говорить раньше, – что их командование было больше озабочено количественными показателями и сроками, чем вопросами безопасности подлодок. В результате этого советские ВМС имели самые ужасные происшествия в период «холодной войны».

Трагическое начало

На первом этапе гонки вооружений в середине 1950-х годов Хрущев призвал Советский Союз «догнать и перегнать Америку». И, соответственно,

был сконструирован и построен флот атомных подводных лодок, причем все делалось в спешке и непродуманно. Строительство велось настолько некачественно, что в 1959 году командир лодки В.Н. Чернавин (впоследствии заменивший адмирала С.Г. Горшкова на посту Главкома ВМФ) отказался вывести из судовой верфи одну из первых советских многоцелевых подлодок на ходовые испытания в море. Он твердо стоял на своем, даже перед угрозой снятия с должности. И добился того, что его лодку привели в должное состояние.

Пока Чернавин твердо отстаивал свою позицию, другая подлодка «К-19» была выслана в море, причем при ее спуске на воду традиционная попытка разбить о ее борт бутылку шампанского оказалась неудачной – бутылка не разбилась. Это было одним из тех зловещих предзнаменований, о которых знает любой подводник, независимо от чинов, рангов и национальности. Таким было несчастливое начало для этой атомной подлодки, вооруженной баллистическими ракетами.

Летом 1961 года подлодка «К-19» отправилась в Северную Атлантику для участия в учениях под кодовым наименованием «Северный полярный круг». Она должна была играть роль американской подлодки, которая, прячась под водой, проходит под советскими противолодочными силами, уходит от остальных сил флота, находит полынью во льдах, всплывает и производит учебный пуск баллистической ракеты.

Остальные корабли флота остались для продолжения учений, а «К-19» в подводном положении пересекла Норвежское море. Был штиль. Экипаж лодки уже предвкушал окончание похода и возвращение домой.

4 июля в 4.15 утра, когда лодка достигла точки около 100 миль от небольшого норвежского острова Ян Майен, севернее Исландии, дозиметры внутри лодки стали показывать повышение уровня радиации. Реактор вышел из строя. Его топливные стержни в активной зоне продолжали нагреваться. Первый контур охлаждения вышел из строя. Трубопровод лопнул, вышли из строя циркуляционные насосы, и уже ничто не могло остановить цепную реакцию и предотвратить дальнейшее разогревание топливных стержней. Когда температура топливных стержней достигла 1000 градусов, на внешней стенке реактора начала обгорать краска.

Необходимо было иметь запасную охлаждающую систему, чтобы предотвратить катастрофу. Но «К-19» была одной из первых лодок в процессе создания атомного подводного флота, и этого не было предусмотрено.

Командир лодки Ю. Позетиев приказал всплыть. Он попытался по радио вызвать помощь, но радиосвязь вышла из строя. Между тем механики на лодке приступили к сооружению временной охлаждающей системы, используя систему питьевой воды. У них возник отчаянный план. Несколько человек собирались пройти в теперь уже сильно зараженный радиацией реакторный отсек и пробраться внутрь так называемой «пасти удава».

Лейтенант Б. Корчилов вызвался идти первым. За ним последовали другие из реакторной команды. Эти парни, по сути еще мальчишки, пошли в реакторный отсек. Эти восемь человек сваривали трубопроводы, соединяя их с

помпами и клапанами. Они находились в отсеке 2 часа, перенося жару и невидимую радиацию, пронизывавшую их тела. Каждый получил более 100 смертельных доз радиации.

Иван Кулаков, 22-летний старшина, наблюдал, как они выходили из отсека, с трудом двигаясь и не в состоянии говорить, их лица были изменены до неузнаваемости. Он с ужасом заметил, что их старания оказались безуспешными, поскольку помпы охлаждающей системы все равно разрушились. Стала очевидной необходимость соорудить временное устройство взамен разрушившихся помп. Кулаков добровольно пошел с уверенностью, что сможет сделать это в самый кратчайший срок. Он был почти уверен, что погибнет, делая это. У него в голове постоянно мелькали лица тех первых восьми ребят, и эти видения не прекращались, пока он пробирался по колено в радиоактивной воде. По мере того как радиоактивная вода проникала через его кожаные сапоги и радиация начинала обжигать ноги, ему начинало казаться, что переборки и вода светятся, возможно от жары.

Его руки были обожжены, когда он открывал клапаны, чтобы выпустить пар из реактора. Моряк практически ничего не видел и едва-едва дышал. Оставалось только молиться, чтобы завершить работу и перебраться обратно, не упав при этом в ужасное, причиняющее боль радиоактивное озеро, которое уже разъедало его ноги.

Наконец, он выбрался, но, к несчастью, сразу же понял, что еще один клапан вышел из строя, и придется возвращаться. Он уже получил пять смертельных доз радиации. Вне реакторного отсека уже находились мертвецы. Если он снова попадет внутрь отсека, то несомненно окажется одним из них.

Затем, когда температура топливных стержней достигла 1470 градусов, трубопроводы и клапаны выдержали. Временная охлаждающая система начала функционировать. Кулаков с трудом выбрался из «пасти удава», и командир Позетиев повернул «К-19» в направлении кораблей флота, которые продолжали проводить учения, длившиеся, казалось, целую вечность (по крайней мере для восьми человек это точно). Он понимал, что весь экипаж получит смертельную дозу радиации, если не удастся как можно быстрее снять людей с борта лодки.

Восемь человек, которые работали в аварийном реакторном отсеке, умерли в течение недели. Их похоронили в свинцовых гробах. Командир лодки Позетиев протянул три недели. Другие члены экипажа, которые находились слишком близко от внешней переборки реакторного отсека, прожили около месяца или несколько больше. Кулаков, у которого оказались неизлечимо обожжены руки и ноги, выжил с помощью переливания крови и пересадки костного мозга, но остался навсегда инвалидом.

Даже при этом Москва не собиралась отказываться от одной из своих немногих атомных лодок. Хрущев все еще пытался догнать американцев. На «К-19» прибыл новый экипаж, и люди снова вошли в ее реакторный отсек. Только теперь лодке дали новое неофициальное имя – «Хиросима».

Ракета, которую никогда не запускали

В 1962 году советские ВМС очень хотели порадовать Хрущева, у которого было большое желание посмотреть, как атомная подлодка из подводного положения запускает баллистическую ракету. Руководители ВМС предложили ему посмотреть на подлодку, которая, по их словам, может удовлетворить его желания, и это будет новым успехом, о котором можно будет объявить в газете «Красная звезда».

Хрущев наблюдал за этим испытанием и был настолько удовлетворен увиденным, что распорядился – за превосходный запуск ракеты наградить экипаж показанной ему подлодки «К-3», которая недавно успешно прошла подо льдами Северного полюса. Никто не осмеливался сказать ему, что он принес эту награду в жертву чистой иллюзии.

Советские ВМС все еще имели слишком много проблем с запуском ракет с атомных лодок, чтобы рисковать неудачей на глазах у Хрущева. Поэтому, вместо того чтобы позволить «К-3» совершить попытку запуска ракеты, командование ВМС поставило поблизости от нее дизельную подводную лодку типа «Гольф». Спрятанная и неопознанная, эта дизельная лодка и произвела успешный запуск ракеты.

История советских ВМС продолжала развиваться, и в ней постоянно переплеталось героическое, трагическое и даже комическое.

Гонка в Средиземном море

В июне 1967 года накануне арабо-израильской войны подлодка «К-131» была послана в Адриатическое море для того, чтобы ждать там дальнейших указаний. Как только началась арабо-израильская война, командиру лодки Кулинченко было приказано в течение 15 часов подготовить лодку к нанесению ракетно-ядерного удара по Тель-Авиву.

Командир был ошеломлен. Он вовсе не хотел стрелять по Тель-Авиву, но знал, что не может не выполнить приказ. Для того, чтобы добраться из Адриатики до Средиземного моря, пройти мимо Греции, острова Крит и подойти на дальность стрельбы до побережья Израиля, «К-131» должна была идти со скоростью 57 узлов. А ее обычная крейсерская скорость составляла всего 20 узлов. К тому времени, когда через 6 дней война уже закончилась, «К-131» и ее ядерное оружие были еще на переходе.

В конце концов она встретила в Средиземном море советскую боевую группу, состоявшую из 40 надводных кораблей и 10 дизельных подлодок Черноморского флота. «К-131» не принадлежала к этой группе. Она была не с Черноморского флота. Но в Советском Союзе хотели, чтобы в этом шоу в Средиземном море участвовала бы и одна из новых атомных лодок Северного флота. И это было только начало. Вскоре Средиземное море станет новым полем боя в подводных противоборствах.

По тому времени в советских ВМС имели слабое представление о том, что могут, а что не могут делать атомные лодки. Перед войной, когда «К-131» была на переходе в Адриатическом море, транспорт снабжения любезно предложил ей топливо и воду, оговаривая при этом, что эти предметы могут быть у него на

исходе. «У нас есть пресной воды столько, сколько нужно, – пришел ответ от подлодки, – мы только что изготовили ее и готовы передать вам». На Черноморском флоте не было атомных лодок, и удивленный экипаж транспорта снабжения не знал, что вода и топливо – это две вещи, которые любая атомная лодка производит сама.

Несчастье приходит снова

Одной из следующих советских подлодок, шедших в Средиземное море, была «К-3», та самая, которую Хрущев наградил за мнимый запуск баллистической ракеты. На этот раз у одного из ее офицеров Л. Каморкина было плохое предчувствие. За два дня до выхода из порта на Баренцевом море он прогуливался со своей пятилетней дочерью, и встретившийся с ним друг припоминал, как он поделился с ним следующим предчувствием: «Не знаю почему, но мне не хочется идти в этот поход».

Это чувство было таким сильным, что Каморкин поклялся, что это будет его последний выход в море на этой лодке. На беду маленькой девочке, которая слушала, как ее отец говорил о своих печальных предчувствиях, Каморкин оказался прав.

8 сентября 1967 года в 1.52 на подлодке «К-3» вспыхнул пожар в одном из генераторов кислорода. Она возвращалась из похода в Средиземное море и была уже недалеко от дома, около Нордкапа (Норвегия), примерно в том же месте, где в свое время на американской подлодке «Кочино» произошел первый взрыв.

Проявляя такое же благородство, как и командир «Кочино» Р. Бенитес, Каморкин бросился, чтобы предотвратить распространение огня на торпеды, которые от огня могли взорваться и погубить лодку. Он приказал всем покинуть торпедный отсек, а сам остался там и открыл доступ забортной воды в отсек. Наблюдая, как вода поднимается и закрывает торпеды, он понимал, что подготовил собственную смерть. Офицер утонул около своих торпед и никогда не узнал, что 40 человек, которых он так доблестно пытался спасти, потеряют сознание, отравившись угарным газом, и умрут вскоре после него.

Финальное появление «Хиросимы»

Подлодка, уже прозванная «Хиросимой», продолжала создавать проблемы для командования советских подводных сил. В ноябре 1969 года она врезалась в американскую подлодку «Гато» с такой силой, что вошла в крутое пикирование. В результате столкновения была выбита антенна носового гидролокатора и разбиты крышки торпедных аппаратов.

Тем не менее «Хиросима» продолжала плавать вплоть до своей последней катастрофы. В 1972 году на лодке возник пожар, когда она находилась в 600 милях от Ньюфаундленда. На этот раз 26 офицеров и матросов погибли. Предполагалось, что 12 других должны были умереть, задраенные в кормовом отсеке, не имеющие возможности выбраться через загазованные отсеки лодки.

Они оставались в отсеке 23 суток, пока «Хиросима» не доковыляла домой.

То, что эти 12 человек остались живы, является единственным счастливым исходом, когда-либо зарегистрированным на «Хиросиме». Она запомнилась и вошла в историю за пожары, радиацию и смерти членов экипажа.

«Посмотрите, что я вытащил»

Советский Союз внес кое-какие изменения в разведывательные операции на море, добавив к своему подводному флоту и надводные траулеры (специально оборудованные для подслушивания), по натовской терминологии «AGI». Это был самый простой и дешевый способ для Советского Союза иметь «часовых» у всех основных американских баз, находящихся как на территории США, так и за рубежом. Американские подлодки старались как можно дальше обходить эти траулеры. Одна лодка даже села на мель в конце 1960-х годов, пытаясь избежать обнаружения таким траулером, шнырявшим около Холи Лох (Шотландия).

В основном траулеры просто стояли на месте, но иногда вели себя весьма активно. Так, в 1980 году экипаж одного из траулеров, находившийся около острова Гуам, подошел и захватил торпеду, выпущенную в учебных целях американской подлодкой. С этой торпедой траулер медленно пошел обратно в Советский Союз. Американское командование было ошеломлено. Не знали, что делать в этом случае. После некоторого раздумья было принято решение показать военную силу, дабы другие советские суда не пытались в будущем повторить подобную дерзость.

В течение 12 часов две боевые группы авианосцев были высланы из Йокосуки и с Филиппинских островов с задачей перехватить траулер. Через один или два дня траулер был окружен около острова Окинава. К тому времени ВМС США уже подключили к этому делу госдепартамент, и началась интенсивная дипломатическая переписка. В конечном счете капитан траулера, которого привели в смущение американские корабли, сбросил торпеду за борт. К торпедке была прикреплена записка на английском языке, краткая и по существу. Капитан сообщал, что торпеду просто прибило к борту его судна. Наблюдавшим за этим офицерам разведки казалось, что советский капитан как будто говорил: посмотрите, что я вытащил из морской пучины. Во всем мире это считается естественным и невинным занятием.

Погиб человек

В конце лета 1985 года американская подлодка «Балтимор» (бортовой номер SSN-704) была направлена в район севернее Норвегии для наблюдения за советской подлодкой типа «Зулу IV». ВМС США стало известно, что эта подлодка постройки 1950-х годов была одной из научно-исследовательских подлодок, которые и ранее замечали в этом районе. «Балтимор» уже готовилась пройти под советской лодкой, как американские подводники заметили трос, свисавший с нее. Через подводный перископ с трудом различили, что советские

моряки опускают на тросе открытые сани, имеющие балластные цистерны по бокам. На санях находился водолаз в скафандре, похожем на скафандр космонавта, с воздушными шлангами, идущими к лодке. На борту «Балтимор» было отдано распоряжение соблюдать тишину, ходить только в резиновой обуви и не хлопать дверями. Был отключен холодильник и даже аппарат по производству сока. В кают-компании работала только кофеварка.

Вскоре гидроакустики уловили звуки копки песка на глубине 100 метров. Перехватывая разговоры по внутреннему телефону в советской подлодке, экипаж «Балтимор» понял, что советские моряки ищут подводный кабель связи.

Американской военно-морской разведке было известно, что такой кабель, идущий из Мурманска в Англию, был проложен еще в царские времена. Им больше не пользовались, и в Советском Союзе должны были знать об этом. Возможно, проводилось обучение водолазов. По-видимому, Советский Союз готовился догнать США в деле подслушивания подводных кабелей связи, о чем ему стало известно за несколько лет до этого, или к обрыву кабелей, связывающих американскую систему подводных гидрофонов.

Море было бурным, высота волн доходила до 10 метров. Тем не менее, советская лодка продолжала задерживаться. Американская лодка вела наблюдение уже двое суток. На третьи сутки все звуки копания песка и вообще все звуки прекратились. «Балтимор» немного приблизилась, и ее экипаж понял, что от подлодки типа «Зулу» болтается пустой трос, без саней. По-видимому, сани потерялись вместе с водолазом.

Напряженная тишина воцарилась на «Балтимор». «Я помню, что все в боевой рубке повернулись и посмотрели друг на друга, – сказал один из членов экипажа американской подлодки. – Мы поняли, что, скорее всего, подводник погиб. И для нас не имело значения, гражданином какой страны он являлся».